

ПРАВООРЯДОК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

2024 | № 2 (41)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ Андрей Владимирович, доктор юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИОГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)
АГАПОВ П. В. доктор юридических наук, профессор
БИРЮКОВ П. Н. доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юрид. наук, профессор кафедры
ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры
ГУСАК В. А. доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В. доктор юрид. наук, профессор
КОБЕЦ П. Н. доктор юридических наук, профессор
КИРЕЕВ В. В. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры
КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук
ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор
ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор
СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юрид. наук, профессор кафедры
СКАРИДОВ А. С. доктор юридических наук, профессор
ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист Российской Федерации

ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры
ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент
ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук
БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор
КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор
ТАНАЕВА З. Р. доктор пед. наук, доцент, проф. кафедры
МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук
ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент
ДОЛГОПОЛОВ К. А. кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент
МАГДЕНКО А. Д. кандидат юридических наук, доцент
МАЙОРОВ А. В. доктор юридических наук, доцент
МИХАЙЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент
ОВЧИННИКОВА О. В. кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент
МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент
СЕМЕНОВ А. И. кандидат ист. наук, доцент, доцент кафедры
ДЕККЕРТ Д. В. кандидат пед. наук, доцент кафедры
СУХОРУКОВА А. Х. начальник ГУ ФССП России по Свердловской обл., генерал-майор внутренней службы

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № **ФС77-54870** от 26 июля 2013 г.
Подписной индекс **94267 «Урал-Пресс»**

В журнале отражаются результаты
фундаментальных и прикладных научных
исследований, экспериментальных разработок
ведущих ученых и исследователей, аспирантов
и докторантов, а также практический опыт
сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность
цитат, имен, названий и иных сведений, а также
за соблюдение законов об интеллектуальной
и иной собственности несут
авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <http://правопорядок74.рф>

Корректурa, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 25.06.2024.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 24,18.
Тираж 150 экз. Заказ № 143.
Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.
Дата выхода в свет: 28.06.2024.
Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история,
теория, практика», 2024.

В НОМЕРЕ**История и общая теория обеспечения правопорядка***(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4 Уголовно-правовые науки)**Бутов С. В.*

О сущности юридических категорий «правовой статус» и «правовое положение» 5

Конституционное право*(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)**Богданова Е. Н.*

Концепция правового регулирования охраны здоровья детей 9

Сагандыков М. С.

Защита конституционной свободы труда нормами уголовного права 16

*Степанова М. Н.*Адаптация конституционной идентичности государства
к вызовам современности: анализ и перспективы 23**Административное право и процесс***(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)**Летаева Е. А., Майорова Е. Н.*

Административно-правовой статус центра по вопросам миграции 29

*Упоров А. Г., Упоров К. А.*Юридический статус и правовое положение
частных военных компаний (на примере ЧВК «Вагнер») 36**Административная деятельность***(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)**Кудряшов А. В.*

Некоторые проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции 40

Уголовное право и процесс*(5.1.4 Уголовно-правовые науки)**Арсентьева С. С.*

Законна ли провокация? 44

Зуев С. В., Зазулин А. И.

IT-следователь в цифровой среде уголовного судопроизводства 48

Жукова Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы 55

Дробот С. А., Малеев И. Н.

Характеристика объективных признаков основного состава незаконного получения кредита 61

*Киселев А. С., Горбунова К. А.*Особенности тактики допроса обвиняемых при расследовании преступлений
в сфере компьютерной информации 67

Машовец А. О., Никифорова Е. Ю.

Позиция защитника и доверителя — допустимо ли расхождение? 75

Моргунов С. В., Шатилович С. Н.

Обоснованный профессиональный риск сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции при выполнении служебных обязанностей 81

Панаева Л. Е.

Институт уголовной ответственности юридических лиц: целесообразность введения на уровне российского уголовного закона 86

Попова Е. И.

Использование технических средств в уголовном судопроизводстве (практика Европейского суда по правам человека) 91

Рябчиков С. А.

Актуальные вопросы внедрения электронных документов в досудебное производство и формирования электронного уголовного дела 96

Теория и практика противодействия преступности

(5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Кутузов А. В.

Внедрение возможностей искусственного интеллекта и нейросетевых технологий в криминалистическую науку 103

Латыпова Э. Ю., Гильманов Р. Э., Бадрутдинов Р. Р.

Роль правоохранительных органов и специальных служб в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерных игр, и технические решения для их предотвращения 109

Моисеев А. М., Кондратюк С. В., Побережная И. А., Соколов М. С., Ермолова Е. В.

Борьба с коррупцией в вузе как направление антикриминальной политики: опыт социологического исследования 115

Сосновская Л. Р.

Типологизация законодательства субъектов Российской Федерации в области антикоррупционного мониторинга 125

Шевко Н. Р., Лукина М. А.

Киберпреступность: современное состояние и меры противодействия 130

Щурпаев Ш. М., Латышева Е. В.

Направления совершенствования законодательного регулирования побоев в свете противодействия семейно-бытовому насилию 134

Международное право

(5.1.4 Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки)

Гончарова Н. Н.

Международное воздушное преступление: актуализация понятия 141

Саприн И. Г.

Деятельность Управления ООН по наркотикам и преступности в борьбе с незаконным оборотом оружия 148

Проблемы правопорядка: взгляд молодых исследователей*(Шифры научных специальностей: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)*

<i>Бакасов Р. Р.</i>	
Обеспечение криминологической безопасности финансового рынка России	153
<i>Балугян А. С.</i>	
Ответственность за использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ): проблемы теории и практики применения	159
<i>Жучаев А. А.</i>	
Цифровизация как основной аттрактор эскалации публичной власти	164
<i>Иванов Д. С.</i>	
Обусловленность предмета доказывания в суде с участием присяжных заседателей индивидуальными свойствами суда присяжных	170
<i>Кур И. Н.</i>	
Необходимость уголовно-правовой охраны информации	174
<i>Макаров А. Н.</i>	
Криминологический портрет лица, совершающего противоправные деяния в местах принудительного содержания органов внутренних дел	179
<i>Медведева Д. Д.</i>	
Вовлечение несовершеннолетних в преступную среду как уголовно-правовая категория: вопросы теории и практики	186
<i>Федорова Е. Л.</i>	
К вопросу уголовно-правового регулирования частной охранной и детективной деятельности	194
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	198

О СУЩНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ «ПРАВОВОЙ СТАТУС» И «ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»

Сергей Валерьевич Бутов

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия*
scorpioerg@list.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

Аннотация. В статье рассматривается сущность юридических категорий «правовой статус» и «правовое положение», значение которых по настоящее время не получило точную нормативную регламентацию, в связи с чем между учеными возникают разногласия о применении таких понятий в научном обороте. Для определения значения и соотношения указанных категорий предлагается прибегнуть к философии права и в частности к компрехендной теории права, позволяющей на основе всеобщего метода получить объективные и полные знания, не идеализируя правовые явления и не допуская превосходства какой-либо правовой теории. В ее контексте раскрывается сущность правового статуса и правового положения, согласно которой правовое положение отражает установленную нормами права совокупность реальных прав, обязанностей и ответственности субъекта, связанную с конкретными юридическими фактами, возникающими в процессе правоотношений в повседневной жизнедеятельности, правовой статус же носит устойчивый, законодательно закрепленный характер, представляя собой стабильное, статичное правовое состояние и при этом являясь начальным уровнем развития правового положения.

В заключении автор приходит к выводу о том, что познание сущности ряда правовых явлений выходит за рамки узко юридического ее понимания, поэтому для получения полных и объективных знаний необходимо использовать философско-правовой подход.

Ключевые слова: философия права, компрехендная теория права, законы диалектики, правовой статус, правовое положение, правовой эпифеномен, право


Для цитирования: Бутов С. В. О сущности юридических категорий «правовой статус» и «правовое положение» // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 5–8. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-5-8

Research article

ABOUT THE ESSENCE OF LEGAL CATEGORIES “LEGAL STATUS” AND “LEGAL POSITION”

Sergey V. Butov

*St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute
of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia*
scorpioerg@list.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

Abstract. The article examines the essence of the legal categories “legal status” and “legal position”, the meaning of which has not yet received precise regulatory regulation, and therefore disagreements arise between scientists about the application of such concepts in scientific circulation. To determine the meaning and correlation of these categories, it is proposed to resort to the philosophy of law and, in particular, to the comprehensive theory of law, which allows, on the basis of a universal method, to obtain objective and complete knowledge, without idealizing legal phenomena and without allowing the superiority of any legal theory. In its context, the essence of the legal status and legal position is revealed, according to which the legal position reflects the set of real rights, duties and responsibilities of the subject established by the rules of law, associated with specific legal facts that arise in the process of legal relations in everyday life, while the legal status is stable, legally enshrined character, representing a stable, static legal state and at the same time being the initial level of development of the legal position.

In conclusion, the author comes to the conclusion that knowledge of the essence of a number of legal phenomena goes beyond the narrow legal understanding of it, therefore, to obtain complete and objective knowledge it is necessary to use a philosophical and legal approach.

Keywords: philosophy of law, comprehend theory of law, laws of dialectics, legal status, legal position, legal epiphenomenon, law

For citation: Butov SV. About the essence of legal categories "legal status" and "legal position". *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):5-8. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-5-8 (In Russ.)

Введение

В теории права нередко встречаются юридические категории, значение которых не получило точную нормативную регламентацию, в связи с чем между учеными возникают разногласия о применении таких понятий в научном обороте. К этим категориям относятся, например, «правовой статус» и «правовое положение». Более глубокое исследование данных понятий помогло бы привести к разрешению существующих терминологических проблем.

Основной текст

Анализируя мнения ученых относительно содержания и соотношения правового статуса и правового положения, а также нормативной базы, в той или иной степени определяющей понятие указанных категорий, автор выявил основные элементы, входящие в состав правового статуса и правового положения, определил подходы юристов к соотношению этих понятий [1; 2]. Однако, сложности разграничения правового статуса и правового положения субъектов правоотношений возможно преодолеть при использовании экзистенциального метода, позволяющего познавать сущность указанных понятий. К такому методу относится всеобщий метод познания права, в основе которого лежат законы материалистической диалектики, предоставляющие возможность познать сущность правовых явлений в их развитии и взаимосвязях.

Философия помогает объять проблему целиком, изучить ее на макроуровне, использовать все возможности исследования окружающего мира, «проанализировать феномен в максимально широкой перспективе, вскрыть онтологические основания и разработать методологические принципы познания создания и применения права» [3, с. 7]. Все это возможно благодаря тому, что философия права является не только междисциплинарной наукой, объединяющей все достижения философии и правовых дисциплин, но мировоззрением людей, ориентиром для правоведов, как теоретиков, так и практиков, она позволяет познать суть правовых явлений в их единстве, развитии и взаимосвязях. Философия способствует развитию человеческого мышления и рефлексии, выводит их на новый качественный уровень, в результате появляются новые более полные и объективные знания. Познание сущности права посредством философии помогает осознать, что право это не орудие государства для достижения политических целей, а средство реализации основных человеческих ценностей.

Ранее акцентировалось внимание на возможности познания правовых явлений с помощью аналитической философии права, которая представляет собой важный источник получения знаний, генерируемых в ходе детальной проработки философско-правовых проблем с применением эффективной техники логико-лингвистического анализа [4]. Вместе с тем, наибольший интерес в качестве методологии познания правовых феноменов у автора вызвала частная теория философии права — компрехендная (от лат. *comprehendo* — всеохватывающая), предложенная российскими учеными С. И. Захарцевым и В. П. Сальниковым [5]. В обоснование выдвинутой компрехендной теории познания права ими был опубликован большой объем научных трудов. Ученые продолжают активно и плодотворно развивать свой вклад в философию юридической науки, тем самым помогая молодым ученым с помощью методологии познать сущность правовых явлений, оценивая их всесторонне, объективно, не идеализируя их и не допуская превосходства какой-либо правовой теории.

По мнению создателей компрехендной теории, право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, а именно в правах и обязанностях их субъектов «и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения» [6, с. 16]. Эти же утверждения верны в отношении правового статуса и правового положения. Так, правовой статус соответствует законодательно закрепленному, стабильному, статичному состоянию, в то время как правовое положение отражает совокупность реальных прав, обязанностей и ответственности, связанную с конкретными юридическими фактами, динамично возникающими между субъектами правоотношений в процессе повседневной жизнедеятельности.

То, что действие «закона на бумаге» и «закона на деле» могут не всегда совпадать, представляется очевидным и не требует доказательств. Причины этого могут быть обусловлены различными факторами как объективными в виде несовершенства правовых норм, так и субъективными — невыполнением требований законодательства обязанными лицами. Следовательно, нормативно определенный правовой статус лица, предоставляющий ему определённые права, устанавливающий обязанности и юридическую ответственность в конкретных правоотношениях может не в полной мере соответствовать его реальному правовому положению.

Право — это отражение человеческого бытия, его регулятор. Оно неразрывно связано с человеком и обществом с их достоинствами и пороками, поэтому его нельзя идеализировать. Человеку до сих пор не удалось сформировать даже справедливое общество, и вряд ли когда-либо удастся создать идеальное. Право, порожденное в неидеальном обществе, по своей сути не может быть идеальным. Естественное стремление права к справедливости и доброте, иным моральным ценностям не может свидетельствовать о том, что эти ценности будут полностью воплощены в правовых нормах. Необходимо понимать, что наряду с человеческим фактором на право оказывают влияние политические, экономические, культурные, религиозные и иные условия. Поэтому реальное правовое положение субъекта в конкретных правоотношениях никогда не будет в полной мере соответствовать законодательно установленному идеализированному правовому статусу.

Согласно компрекендной теории, «право — это сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать без идеализации» [7, с. 172]. На правовые явления надо смотреть с точки зрения философии и правового реализма критично, не идеализировать право. Познание правовых явлений должно происходить не в рамках какой-нибудь одной концепции, которую исследовать считает наиболее подходящей, исходя из своей субъективной оценки, и даже не через объединение лучшего взятого из нескольких концепций. Для познания правовых явлений необходимо использовать результаты всех правовых теорий, рассматривать феномен права всесторонне и комплексно, в развитии и взаимосвязи с иными факторами. Постепенно накопленное количество объективных знаний преобразуется в новое качественное состояние, чем ознаменует новый этап в познании права.

Закон перехода количества в качество, на котором базируется компрекендная теория познания права, относится к числу основных законов диалектики. Он выражает такую взаимозависимость характеристик материальной системы, при которой «количественные изменения на определенном этапе приводят к качественным, а новое качество порождает новые возможности и интервалы количественных изменений» [8, с. 117]. Представляя право в виде многогранника, многие ученые видят ту или иную грань права, при этом упускают из виду большинство других граней. Необходимо понимать, что только исследовав все грани права возможно получить действительно объективное, всеохватывающее знание о праве, т. е. достигнуть на совершенно новом уровне необходимое качество, представляющееся ученым в виде истинного знания.

Указанный закон применим и для познания сущности таких правовых явлений, как правовой статус и правовое положение. В соответствии с ним правовой статус можно считать отправной точкой, начальным уровнем развития правового положения, которое

в ходе своего изменения под воздействием различных социально-экономических и иных факторов может преобразоваться в новый правовой статус, то есть перейти в новое качественное состояние.

Здесь логично предположить, что если правовой статус и правовое положение являются однородными, но не тождественными понятиями (феноменами), то для них должен быть характерен какой-то признак, одновременно связывающий и отделяющий их друг от друга. Для достижения компромиссного решения вопроса о тождестве или разности категорий «правовой статус» и «правовое положение», а также для познания сущности этих правовых явлений, подчиняющихся законам диалектики, целесообразно обратиться к философии и использовать ее категориальный аппарат. Наиболее подходящим понятием, отражающим разность правового положения и правового статуса с точки зрения философии права, по мнению автора, является «правовой эпифеномен» [9]. В философии эпифеномен (от греч. *epi* — при, после, возле и *phainomenon* — являющееся) — придалок к феномену, побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого существенно-го влияния [10, с. 693].

Если представить правовой статус в виде отправной точки развития правового положения, правовой эпифеномен будет являться результатом взаимодействия такого правового статуса с конкретными правоотношениями. Появлению эпифеномена всегда предшествует юридический факт, так как именно он является катализатором изменения правовых отношений. Правовой эпифеномен, складывающийся вокруг (при, возле, после) правового статуса не влечет за собой переход на новый качественный уровень (к новому правовому статусу), однако, придает определенную специфику правовому положению по сравнению с исходным для него правовым статусом.

Исследование сущности юридических категорий «правовой статус» и «правовое положение» в контексте компрекендной теории познания права приводит к следующим выводам:

— компрекендная теория, направляя исследователей к философии права, позволяет подняться над правом, изучать правовые явления объективно, всесторонне, всеохватывающе, не идеализируя их и не превозвышая какую-либо теорию познания права. Именно такой подход автор считает единственно правильным при рассмотрении проблем правового статуса и правового положения;

— в основе компрекендной теории познания права и сущности правового статуса и правового положения лежит закон материалистической диалектики, устанавливающий детерминанты количества и качества;

— в компрекендной теории право и закон не отождествляются, но и не противопоставляются друг другу. Такая же аналогия должна применяться к категориям «правовой статус» и «правовое положение», которые дополняются друг другом, что позволяет более глубоко

проанализировать сущность многих взаимосвязанных с ними правовых явлений;

— в компрекендной теории право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях субъектов. Применяв эту теорию к познанию исследуемых правовых категорий нам отрывается сущность правового положения, которая представляет собой совокупность реальных прав и обязанностей, реализующихся в конкретных правоотношениях, в то время как правовой статус соответствует законодательно закрепленному, стабильному, статичному состоянию.

Заключение

Таким образом, в связи с неопределенностью нормативно-правового закрепления юридических

категорий «правовой статус» и «правовое положение» возникает потребность в формировании новой компрекендной концепции указанных правовых явлений, выходящей за рамки узко юридического ее понимания. К определению сущности правового статуса и правового положения необходимо подходить с учетом достижений данного философско-правового подхода. В результате его применения будет достигнуто единообразие в понимании сущности правового статуса и правового положения, что приведет к эффективной реализации этих правовых явлений на практике и регламентации их определений в законе. Познание сущности правовых явлений посредством философии права оправдано и для ряда других правовых категорий, не имеющих единого научного или нормативного толкования.

Список источников

1. Бутов С. В., Лысенков С. Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 6–11.
2. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Отечественные юристы о содержании понятий «правовой статус» и «правовое положение» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 3 (20). С. 8–12.
3. Чукин С. Г. Философия права: учебник / под общ. ред. В. П. Сальникова. Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 240 с.
4. Бутов С. В., Быков О. А. Генезис и роль аналитической философии права в познании правовых явлений // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2 (23). С. 5–12.
5. Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрекендная теория права как путь познания его сущности // Научно-исследовательские публикации. 2021. № 1. С. 5–45.
6. Захарцев С. И., Сальников В. П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 14–22.
7. Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрекендная теория как инновационный подход к познанию права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 166–174.
8. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект: ТК Велби, 2008. 492 с.
9. Бутов С. В. Правовой статус и правовое положение субъектов правоотношений в российском законодательстве. Правовой эпифеномен // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 125–131.
10. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Республика, 2001. 719 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 02.05.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.05.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.05.2024.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

Елена Николаевна Богданова

Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия

lena_bogd@mail.ru

Аннотация. К концу XX века актуальность проблем в сфере детского здравоохранения была связана с низкой эффективностью реализации «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 г. № 5487-1, что повлекло принятие в 2011 г. Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ. Однако, по мнению ряда исследователей, вопросы охраны здоровья детей не в полной мере урегулированы существующим законодательством в сфере здравоохранения РФ. В статье на основании научно обоснованных положений разработана авторская концепция правового регулирования детского здравоохранения РФ (далее — Концепция), сформулированы ее основные положения (Приложение А). Доказано, что авторская Концепция должна выступить правовой основой позитивной деятельности государственной политики правового регулирования детского здравоохранения РФ, систематизировав ряд ключевых правовых институтов законодательной базы исследуемой сферы. Аргументировано, что данная Концепция призвана преодолеть фундаментальный пробел в части общего регулирования вопросов детского здравоохранения РФ — отсутствие базового закона, позволив сформировать эффективный механизм правовой регламентации отношений в сфере детского здравоохранения в РФ, направленных на реализацию права детей — охрану здоровья и медицинскую помощь.

Ключевые слова: охрана здоровья детей, концепция, правовое регулирование, законодательство

Для цитирования: Богданова Е. Н. Концепция правового регулирования охраны здоровья детей // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 9–15. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-9-15

Research article

CONCEPT OF LEGAL REGULATION OF CHILDREN'S HEALTH

Yelena N. Bogdanova

Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia

lena_bogd@mail.ru

Abstract. By the end of the 20th century, the relevance of problems in the field of children's health care was associated with the low efficiency of the implementation of the "Fundamentals of legislation of the Russian Federation on the protection of the health of citizens" dated July 22, 1993 No. 5487-1, which led to the adoption in 2011 of the Federal Law "On the Fundamentals of Protection health of citizens in the Russian Federation" No. 323-FZ. However, according to a number of comments, issues of protecting children's health do not fully comply with the current requirements in the healthcare sector of the Russian Federation. In the article, on the basis of scientifically based provisions, the author's concept of legal regulation of children's healthcare in the Russian Federation (Concept) is developed and its main provisions are formulated. It has been proven that the author's Concept should act as a result of the positive activities of the state policy of legal regulation of children's healthcare in the Russian Federation, systematizing a number of key provisions of the legal institutions of the legislative framework for restrictions on the scope of action. It is argued that the working concept faces this fundamental gap in terms of the general regulation of children's healthcare issues in the Russian Federation — the lack of a basic law, the possibility of implementing an effective mechanism for regulating relations in the field of children's healthcare in the Russian Federation, aimed at ensuring children's rights — health protection and assistance.

Keywords: children's health care, concept, legal regulation, legislation

For citation: Bogdanova YeN. Concept of legal regulation of children's health protection. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):9-15. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-9-15 (In Russ.)

Введение

Вопросы охраны здоровья детей рассматривались как приоритетные в различных основополагающих документах по здравоохранению РФ. Учитывая это, рабочей группой Министерства здравоохранения РФ при участии ведущих организаторов детского здравоохранения и других представителей профессионального медицинского сообщества была разработана Концепция федерального законопроекта «Об охране здоровья детей в Российской Федерации». Следует отметить, что ряд ее положений нашли свое отражение в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ¹. Инициативные предложения о необходимости принятия закона об охране здоровья детей выдвигаются достаточно давно, они заслуживают определенного внимания, а во избежание возможных негативных последствий целесообразна тщательная всесторонняя проработка данного вопроса с привлечением практиков и ученых.

При изучении структуры и содержания концепции правового регулирования охраны здоровья детей, следует подчеркнуть вклад Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. На протяжении долгих лет он разрабатывает концепции развития российского законодательства, являющиеся важным источником анализа доктринальных положений по вопросу развития законодательного массива в РФ [1, с. 847].

Материал и методы

В статье использовались общие и специально-научные методы. Среди использованных методов наиболее значимыми стали специально-юридические методы исследования (нормативно-аналитический, метод правового моделирования), которые способствовали формированию единой, внутренне непротиворечивой правовой теории, определению понятийно-категориального аппарата и исследованию сущности правовых явлений.

Описание исследования

Понятие «концепция» образовано от латинского слова *conceptio* — понятие, понимание, замысел².

В процессе анализа литературных источников (А. И. Абрамова, С. Е. Нарышкин, Л. А. Окуньков, Ю. П. Орловский, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева) по вопросу определения дефиниции «концепция» было установлено:

1) ее толкование зависит от той области знаний (философии, культурологии, педагогики, психологии, медицины, юриспруденции и т. д.), в которой она используется;

2) в научной литературе существует несколько подходов в ее понимании (как форма научно-теоретического знания; как проектный формат, отражающий авторский замысел; как система научных взглядов; как акт понимания смыслов в ходе интерпретаций; как документ стратегического планирования, основанного на доктрине; стратегия действия какого-либо процесса);

3) рассматривается как в широком смысле, так и в узком смысле.

В литературе концепция как форма организации научных знаний юриспруденции определяется различными терминологическими конструкциями: научно-юридическая концепция, концепция правопонимания, теоретико-правовая концепция, научно-правовая концепция, концепция правовой практики, концепция юридической деятельности. В одних литературных источниках данные понятия используются как тождественные, в других — как термины, имеющие в юридическом смысле существенную разницу, так как некоторые из них представляют собой синтез доктрины и практики.

В этой связи необходимо согласиться с точкой зрения Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, которые утверждают, что «концепции ориентируют законодателя на создание универсальных и специализированных антикризисных регулятивных шаблонов и алгоритмов оперативного перестроения правового регулирования на «чрезвычайные рельсы», на разработку макро- и микромобилизационных планов, которыми должно быть снабжено правовое регулирование как на базовом уровне, так и на уровне отраслей и институтов права, а также отдельных правовых средств» [4, с. 340].

Таким образом, на основании проведенного анализа в рамках данного диссертационного исследования необходимо:

1) в научно-теоретическом аспекте под термином «концепция» понимать конструкцию, представляющую собой форму существования научного знания, отражающую ключевую идею автора, на основании которой создается модель и методика преобразования объекта научного исследования;

2) в правовом аспекте термин «концепция» определять как особую форму научно-юридического мышления, направленную на сферу производства юридических предписаний (законопроектов) в соответствии с накопленным правовым опытом.

В научной литературе в юридическом аспекте с концепцией исследователи ассоциируют такие правовые явления, как идея и законопроект. В отечественных исследованиях они трактуются по-разному. В своём исследовании А. Ю. Царёв дефиницию «законопроект» определяет как «замысел законодателя в отношении имеющейся общественно-значимой проблемы, включающий цель закона и способы достижения этой цели» [11]. В свою очередь Т. Е. Ябллова, не соглашаясь с точкой зрения А. Ю. Царёва, утверждает, «что следует ограничивать идею законопроекта от его

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 28.03.2024).

² Абушенко В. Л. Концепция // Исследования, аналитика. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6890> (дата обращения: 02.04.2024).

концепции и, одновременно — данные явления от законопроекта». Исследователь считает, «что все три феномена относятся к законопроектному этапу и последовательно сменяют друг друга, начиная от идеи через концепцию к законопроекту» [5, с. 94]. В. М. Баранов считает, что «идея, концепция законопроекта, законопроект при значительном различии их объёма по большей мере совпадают по содержательным элементам» [3, с. 330]. В рамках данного исследования следует согласиться с Е. А. Магомедовой: «идея и концепция законопроекта — это обязательные элементы, но разных стадий законотворческого процесса. Идея — стержень концепции законопроекта, концепция — это обобщающий смысловой концентрат законопроекта, своего рода заявка на подготовку будущего закона» [2, с. 30]. Следовательно, данные термины можно определять и как самостоятельные правовые явления со своей структурой и признаками, и как тождественные друг другу. В. М. Сырых концепцию законопроекта определяет как письменный документ, в котором дается научное обоснование основных положений будущего проекта нормативно-правового акта [6]. В. М. Баранов пишет, что «концепция законопроекта — это относительно автономный приём юридической техники и самостоятельный начальный этап законотворчества, представляющий собой специально подготовленную научно-практическую прогнозную информацию, выступающую развернутым обоснованием необходимости подготовки и принятия конкретного закона» [3, с. 337]. М. А. Мушинский утверждает, «что концепция не является нормативно-правовым актом, несмотря на факт их утверждения указами Президента, и, соответственно, норм права, регулирующих общественные отношения, не содержит, следовательно, концепция — это не форма права, а источник политико-идеологического характера, формулирующий основы правовой политики в соответствующей сфере. Представляется правильным утверждать, что на основании доктрины может быть выражена концепция, которая в свою очередь должна быть реализована в стратегии» [7, с. 499]. В этой связи заслуживает внимание позиция Н. А. Власенко, который цитирует слова Д. А. Медведева о том, «что не любая социально-экономическая проблема должна быть решена изданием очередного закона» [8, с. 179]. По мнению А. А. Мохова, «концепция закона — это идеальная модель, в границах которой осуществляется целенаправленное воздействие на отдельную группу или взаимосвязанные группы общественных отношений, урегулированных правовыми нормами — правоотношениями. В ней определяются предмет, принципы, основные средства и механизмы регулирования, а также субъекты и участники правоотношений. На ее основе можно формировать отраслевое законодательство в целом или его базовую часть» [9, с. 95–96]. Т. Н. Бициева пишет, что «концепция закона — это воплощенный в нём замысел законодателя, включающий в себя 1) цель — решение определённой общественно-значимой проблемы, а также

2) способ (способы) достижения этой цели — соответствующие законодательные решения (установление прав, обязанностей, запретов, др.)» [10, с. 12].

На основании проведенного исследования литературных источников можно заключить, что в настоящее время в теории государства и права отсутствует единое понимание структуры и содержания концепции законопроекта, так как нет общепризнанного доктринального определения этого юридического явления.

Для определения структуры и содержания концепции правового регулирования охраны здоровья детей в РФ был проведён анализ законодательной базы РФ, включающей: постановление Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов»¹; Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.²; Концепция государственной семейной политики на период до 2025 г.³; Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации⁴; Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 г.⁵ Разработанные Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ «Методические правила по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» (утв. приказом Минюста РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ от 10 января 2001 г. № 3/51)⁶ являются ключевыми для определения структуры и содержания концепции правового регулирования охраны здоровья детей в РФ.

Проведенное исследование обозначенных нормативных документов позволяет сделать вывод о том, что к структурным элементам концепции законопроекта, оформленного в виде документа, следует отнести: основную идею; цель, предмет, принципы правового регулирования; круг лиц, на которых распространяется действие законопроекта; регулятивное значение законопроекта; нормативные предписания, изложенные в определённой последовательности; заключительные и переходные положения законопроекта и др.

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32815/c4ff8af2fc2b5ad62d27d6ad599949f135079754/ (дата обращения: 02.04.2024).

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/7a46cb13de731db3333fcd77a4f7887e468287e3/ (дата обращения: 02.04.2024).

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/ (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_446568/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405017/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 02.04.2024).

⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30503/281b11b2f17793c83009bdec36d006fda8e95041/ (дата обращения: 02.04.2024).

Следовательно, концепция правового регулирования охраны здоровья детей в РФ — это логические операции юридического мышления, направленные на формулирование основы политики правового регулирования сферы детского здравоохранения в РФ, включающие: основную идею; предмет, цель, задачи; принципы; круг лиц, на которых распространяется действие законопроекта основные направления; регулятивное значение и т. д.

Заключение и вывод

На основании проведённого анализа структуры и содержания концепции правового регулирования охраны здоровья детей в РФ, а также в рамках достижения цели настоящего исследования, на основе выработанных научно-обоснованных положений разработана авторская концепция правового регулирования охраны здоровья детей в Российской Федерации, сформулированы ее основные положения.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ПРОЕКТ Концепция правового регулирования охраны здоровья детей в Российской Федерации

1. Общие положения

1.1. Современное российское законодательство по вопросам охраны здоровья детей представляет собой многогранную структуру законодательных актов различных уровней, но их разрозненность по различным отраслям права, а порой двойственность и противоречивость отдельных положений законов и подзаконных актов Российской Федерации (далее — РФ), регулирующих детское здравоохранение, ставит под угрозу выполнение задачи повысить доступность медицинской помощи детям. Вышеизложенное свидетельствует о том, что практика внесения дальнейших изменений в действующие законодательные акты, затрагивающие вопросы охраны здоровья детей во многом исчерпала свой ресурс.

Актуальность вопросов охраны здоровья матери и ребенка, семьи и репродуктивного здоровья повлекла выделение правовых норм, регулирующих данные институты, в отдельную 6 главу Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, однако этого недостаточно. Большинство правовых норм в федеральном законе регулируют отношения в сфере здравоохранения в общем контексте, лишь фрагментарно затрагивая вопросы охраны здоровья детей, имеют всеобъемлющий характер в большинстве своих положений, не определяют конкретные механизмы защиты прав детей на охрану здоровья. Предметом его регламентации является организм взрослого человека, а не детский со своими существенными возрастными анатомо-физиологическими особенностями.

Поэтому в таких условиях требуется модернизация и систематизация действующего законодательства в сфере детского здравоохранения РФ с определением наиболее удобных, гибких форм и критериев систематизации для максимальной реализации правовых предписаний субъектами права — политика правового регулирования детского здравоохранения РФ.

1.2. Настоящей Концепцией правового регулирования охраны здоровья детей в РФ, разработанной на основании научно-теоретических положений, определяются основы политики правового регулирования детского здравоохранения РФ (далее Концепция).

Правовой основой формирования данной политики в Российской Федерации являются: Конституция Российской Федерации, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права в области детского здравоохранения с учетом отечественного и зарубежного опыта, определяются цели, принципы, задачи и основные направления политики правового регулирования Российской Федерации в области охраны здоровья детей.

2. Современные проблемы правового регулирования охраны здоровья детей в Российской Федерации

Недостаточная эффективность реализации норм законодательства в сфере охраны здоровья детей в РФ во многом является следствием:

- 1) обострения социально-экономических проблем;
- 2) недостатков практики применения законодательства в исследуемой сфере, в том числе в деятельности органов и организаций, уполномоченных на защиту прав детей на охрану здоровья и медицинскую помощь;
- 3) недостатков прозрачности и открытости в процессе принятия решений;
- 4) пробелов и противоречий в законодательстве;
- 5) неравномерного развития регионов (некоторые регионы имеют более высокий уровень жизни и доступ к качественным услугам);
- 6) несвоевременной реализации и недостаточного финансирования региональных и муниципальных программ (подпрограмм) в сфере детского здравоохранения;

7) ненадлежащего контроля за исполнением и целевым использованием бюджетных средств, выделенных на создание инфраструктуры оказания медицинской помощи детям и приобретение лекарственных средств;

8) факта отказа исполнительных органов власти субъектов РФ в обеспечении детей лекарственными препаратами через Фонд поддержки «Круг добра».

3. Предмет, цель, задачи, принципы политики правового регулирования детского здравоохранения Российской Федерации

3.1. Политика правового регулирования детского здравоохранения РФ является предметом деятельности органов законодательной власти на всех ее уровнях.

3.2. В основу политики правового регулирования детского здравоохранения РФ положены принципы, охватывающие не только основные положения ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» и ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», но и проблемную ситуацию детского здравоохранения в современной России:

— системность, комплексность, самостоятельность. Законопроекты и иные документы стратегического развития (концепций, программ, стратегий) в сфере детского здравоохранения РФ должны иметь одновременно и компенсационное, и самостоятельное значение как новая форма познания взаимоотношений элементов в сложной системе «общество — дети», представляя собой иерархическую систему «внутренняя политика правового регулирования государства» — «государственная политика в области здравоохранения» — «государственная политика правового регулирования в области охраны здоровья детей»;

— цельность, сбалансированность, внутренняя связь и взаимозависимость всех правовых институтов — частей проекта законодательного акта или иного документа стратегического планирования, имеющего следующее содержание:

Раздел 1. Общие положения.

Раздел 2. Охрана здоровья детей в зависимости от биологического возраста ребенка.

Глава 1. Охрана здоровья детей в малолетнем возрасте (с момента рождения и до 10 лет).

§ 1.1. Охрана здоровья детей в период новорожденности (0–10 дней).

§ 1.2. Охрана здоровья детей в период младенчества (10 дней–1 год).

§ 1.3. Охрана здоровья детей в период раннего детства (1–3 года).

§ 1.4. Охрана здоровья детей в период дошкольного возраста (3–6 лет).

§ 1.5. Охрана здоровья детей в период младшего школьного возраста (7–10 лет).

Глава 2. Охрана здоровья детей в период подросткового возраста (от 11 до 18 лет).

§ 2.1. Охрана здоровья детей в период старшего школьного возраста (11–15 лет).

§ 2.2. Охрана здоровья детей в юношеский период развития (16–18 лет).

Раздел 3. Охрана здоровья детей в зависимости от условий, объективно нарушающих жизнедеятельность ребенка.

Глава 1. Охрана здоровья детей-инвалидов.

§ 1.1. Охрана здоровья детей с ОВЗ.

Глава 2. Охрана здоровья детей с социально значимыми заболеваниями.

§ 2.1. Охрана здоровья детей, страдающих онкологическими заболеваниями.

§ 2.2. Охрана здоровья детей, страдающих ВИЧ.

Глава 3. Охрана здоровья детей, относящихся к социальным сиротам.

§ 3.1. Охрана здоровья детей-сирот.

§ 3.2. Охрана здоровья детей, оставшихся без попечения родителей:

— научная обоснованность устоявшихся терминов и выражений, имеющих широкое применение, таких как охрана здоровья детей, интересы детей, жизнь и здоровье детей, ребенок-инвалид, ребенок с ОВЗ, социальное сиротство и пр.;

— принцип персонализации — учет индивидуальных особенностей, присущих детскому организму;

— принцип наилучших интересов несовершеннолетних — обязанность должностных лиц, органов государственной власти, законных представителей несовершеннолетнего (опекунов, попечителей) только после добросовестного исследования в каждом случае всей внутренней обстановки и жизни семьи решать находящиеся в их компетенции вопросы, затрагивающие права и интересы несовершеннолетних, таким образом, чтобы в первую очередь обеспечить своевременную, полную, правильную защиту прав несовершеннолетнего, а равно и наилучшее обеспечение его интересов;

— принцип презумпции законности интереса ребенка. Интерес является законным и соответствует нормам морали, пока не доказано обратное.

3.3. На современном этапе общественного развития целью политики правового регулирования детского здравоохранения РФ является производство (создание) правовых предписаний на основе системно-методологического подхода.

3.4. Достижение цели политики правового регулирования детского здравоохранения РФ в значительной степени зависит от успешного решения следующих задач правотворческой деятельности:

3.4.1. Подготовка новых законопроектов или иных документов стратегического развития (концепций, программ, стратегий) в сфере детского здравоохранения РФ, систематизируя нормы права, регулирующие охрану здоровья детей в РФ, путем объединения их в самостоятельные правовые институты. Решение данной задачи, включает в себя:

— анализ исторически накопленного правового опыта, имеющихся современных проблем правового регулирования охраны здоровья РФ и демографических процессов страны;

— разработка концепции законопроекта «Об охране здоровья детей в Российской Федерации» — базового (системообразующего) нормативного документа в сфере регулирования детского здравоохранения.

3.4.2. Подготовка предложения о внесении изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

4. Механизмы реализации политики правового регулирования детского здравоохранения Российской Федерации

Реализация политики правового регулирования охраны здоровья детей в Российской Федерации предполагает:

4.1. Совершенствование деятельности неонатологической службы в субъектах РФ путем внесения изменений в нормативную базу, регламентирующую организацию медицинской помощи новорожденным с учетом природно-климатических и территориальных особенностей регионов России;

4.2. Совершенствование организации и проведения диспансеризации детского населения путем разработки концептуально-правовой модели, учитывающей ресурсные (кадровые и финансовые) ограничения и внесение корректировок;

4.3. Совершенствование механизма правового регулирования дошкольной и школьной медицины путем отказа от модели «медицинский работник образовательной организации» и переходом только на модель «медицинский работник в образовательной организации», независимо от количества обучающихся и типа образовательного учреждения;

4.4. Совершенствование механизма правовой регламентации хранения и передачи информации о состоянии здоровья ребенка путем официального закрепления в ч. 2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ принципа «наилучших интересов несовершеннолетних»;

4.5. Совершенствование механизма правового регулирования прохождения медицинских осмотров несовершеннолетними при оформлении на работу, включив в Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании» от 29.11.2010 г. № 326 тарифы, гарантирующие реализацию данного права подростков на бесплатной основе;

4.6. Совершенствование механизма защиты прав детей-инвалидов и детей с ОВЗ путем научно-разработанной правовой смешанной модели (сочетание государственной и частной (с участием неправительственных организаций, реализующих различные программы) форм защиты детей-инвалидов) на основе оценки опыта зарубежных стран;

4.7. Совершенствование механизма защиты прав детей-инвалидов и детей с ОВЗ путем законодательного закрепления таких терминов, как «ребенок-инвалид», «ребенок с ОВЗ», «социально значимые заболевания»;

4.8. Совершенствование механизма правового регулирования системы учета детских онкологических заболеваний путем формирования отдельной системы канцер-регистра, закрепив ее приказом Минздрава России «О совершенствовании системы Государственного ракового регистра» от 19.04.1999 г. № 135;

4.9. Совершенствование механизма правового регулирования обеспечения лекарственными препаратами детей, страдающих тяжелыми редкими (орфанными) заболеваниями путем утверждения на законодательном уровне порядка предоставления лекарственных препаратов и фармацевтических средств данной категории детей за счет средств Фонда «Круг добра»;

4.10. Совершенствование механизма правового регулирования защиты прав детей-сирот путем законодательного закрепления понятия «социальное сиротство».

5. Основные направления политики правового регулирования детского здравоохранения Российской Федерации

Реализацию политики правового регулирования охраны здоровья детей в Российской Федерации предполагается осуществлять путем:

5.1. Включения задач и мероприятий, направленных на разработку проектов законодательных актов или иных документов стратегического развития (концепций, программ, стратегий) в сфере детского здравоохранения РФ в федеральные и региональные программы социально-экономического развития;

5.2. Постоянного мониторинга и анализа демографических процессов и уровня заболеваемости, видов нозологий среди детского населения, корректировки на их основе конкретных мер политики правового регулирования охраны здоровья детей в Российской Федерации;

5.3. Развития научных исследований в сфере правового регулирования вопросов охраны здоровья детей в РФ.

Список источников

1. Концепции развития Российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. Москва : Городец, 2004. 847 с.
2. Магомедова Е. А. Законопроектный этап законотворческой деятельности как средство повышения качества принимаемых законов // Наука Красноярья. 2016. № 3 (26). С. 7–41.
3. Баранов В. М. Техничко-юридический анализ правотворческой реальности современной России // Вступительные эссе и доклады на международных форумах «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба (1999–2019). В 2 т. Том. 1. 1999–2009. Москва : Проспект, 2020. 520 с.
4. Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Научные концепции развития российского законодательства : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2024. 656 с.
5. Зяблова Т. Е. О порядке разработки законопроекта // Оригинальные исследования (ОРИС). 2019. Т. 9, № 6. С. 91–100.
6. Сырых В. М. Теория государства и права / отв. ред. д-р юрид. наук, проф., С. А. Чибиряев. Москва, 1998. 512 с.
7. Мушинский А. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.
8. Власенко Н. А. Кризисные тенденции в законотворчестве современной России // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 175–182.
9. Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Медицинское право. Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 4. С. 93–104. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.149.4.093-104
10. Бициева Т. Н. Концепция проекта федерального закона: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бициева Татьяна Николаевна. Ставроп. гос. ун-т., 2011. 31 с.
11. Царев А. Ю. Концепция закона в законотворчестве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Царев Алексей Юрьевич. Москва, 2006. 145 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 16.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.


Научная статья
УДК 342.734 + 343.46
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-16-22

С. 16–22

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННОЙ СВОБОДЫ ТРУДА НОРМАМИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Михаил Сергеевич Сагандыков

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия*
sagandykovms@susu.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5510-817X>

Аннотация. Статья посвящена обеспечению закрепленной в Конституции РФ свободы труда граждан посредством запрещения их дискриминации при приеме на работу и увольнении на примере беременных женщин, женщин, имеющих ребенка до трех лет, и лиц, достигших предпенсионного возраста. Проблема рассматривается с точки зрения эффективности применения статей 144.1 и 145 Уголовного кодекса Российской Федерации в соотношении со ст. 136 Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующей запрещение дискриминации граждан. Установлено, что статьи 144.1 и 145 Уголовного кодекса Российской Федерации имеют разные трудовые и историко-правовые основания. Если защита свободы труда беременных женщин и женщин, имеющих детей, во время их приема на работу и увольнения, подтверждена соответствующими ограничениями в трудовом законодательстве, имеет исторические предпосылки, то уголовная ответственность за дискриминацию лиц предпенсионного возраста не имеет ни историко-правовых, ни специальных трудовых оснований. Автор поддерживает мнение ряда авторов, считающих, что уголовно-правовая защита должна быть в равной степени ориентирована на все категории работников. Высказывается мнение о необходимости выстраивания целостной государственной политики противодействия дискриминации граждан независимо от критерия равноправия. Для этого необходимо отказаться от практики включения в УК РФ новых составов преступлений, направленных на защиту трудовых прав отдельных категорий работников, и придать ст. 136 большее значение в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: свобода труда, дискриминация, уголовно-правовая защита, Конституция РФ, лица предпенсионного возраста, беременные женщины, женщины, имеющие детей


Для цитирования: Сагандыков М. С. Защита конституционной свободы труда нормами уголовного права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 16–22. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-16-22

Research article

PROTECTION OF CONSTITUTIONAL FREEDOM OF LABOR BY THE NORMS OF CRIMINAL LAW

Mikhail S. Sagandykov

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
sagandykovms@susu.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5510-817X>

Abstract. The article is devoted to ensuring the freedom of labor of citizens enshrined in the Constitution of the Russian Federation by prohibiting discrimination in hiring and dismissal, using pregnant women, women with a child under three years of age, and persons who have reached the pre-retirement age as an example. The problem is examined from the point of view of the effectiveness of the application of articles 144.1 and 145 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to article 136 of the Criminal Code of the Russian Federation, which regulates the prohibition of discrimination against citizens. It is established that articles 144.1 and 145 of the Criminal Code of the Russian Federation have different labor law and historical-legal grounds. If the protection of the freedom of labor of pregnant women and women with children during their hiring and dismissal is confirmed by appropriate restrictions in labor legislation and has historical background, then criminal liability for discrimination against persons of pre-retirement age has neither historical-legal nor special labor-legal grounds. The author supports the opinion of a number of authors who believe that criminal legal protection should be equally focused on all categories of workers. The opinion is expressed that it is necessary to build a holistic state policy of countering discrimination against citizens regardless of the criterion of equality. For this purpose,

it is necessary to abandon the practice of including in the Criminal Code of the RF new corpus delicti aimed at protecting the labor rights of certain categories of workers, and to give Article 136 more importance in law enforcement activities.

Keywords: freedom of labor, discrimination, criminal legal protection, Constitution of the Russian Federation, persons of pre-retirement age, pregnant women and women with children

For citation: Sagandykov MS. Protection of constitutional freedom of labor by the norms of criminal law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):16-22. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-16-22 (In Russ.)

Введение

Широкое содержание конституционной ценности свободы труда может быть обеспечено только при активной роли государства. Государственно-правовая политика в сфере труда выражена не только в трудовом законодательстве, но и в публичных отраслях российского права, прежде всего, административном и уголовном. Научная дискуссия в области уголовно-правовой охраны трудовых прав граждан актуализировалась в 2018 году после включения в Уголовный кодекс РФ¹ (далее — УК РФ) ст. 144.1, направленной на защиту от дискриминации лиц, достигших предпенсионного возраста.

Свобода труда не сводится к одной единственной норме ч. 1 ст. 37 Конституции РФ — «труд свободен», и вряд ли состоит, лишь, в праве человека самостоятельно решать — работать или не работать, выбирать форму трудовой деятельности, профессию [1, с. 88], хотя, безусловно, это важнейшие элементы данной конституционной ценности. Конституционная свобода труда выражена и в запрете принудительного труда, и в недопущении дискриминации работников [2, с. 30], что нашло отражение и в практике Конституционного Суда РФ².

Современное представление о свободе труда как о конституционном принципе и субъективном праве человека позволяет говорить о том, что ее содержание выражено законодательно в комплексе норм, обеспечивающих критерии достойного труда [3, с. 4–5; 4, с. 73–81]. Выраженная в международно-правовых документах концепция достойного труда означает работу, при осуществлении которой уважаются права работника³. Такая работа является необходимым

компонентом стратегии по искоренению многомерной бедности, а также ключевым аспектом человеческого достоинства [5]. В этой связи, можно утверждать, что свобода труда, помимо свободного выбора формы и сферы приложения своих способностей к труду, выражена в правах работника на безопасный труд, на достойную и справедливую оплату труда, на содействие занятости и защиту от безработицы в условиях установления запрета принудительного труда и дискриминации.

Материалы и методы

При подготовке статьи была использована научная литература в области конституционного, трудового и уголовного права, нормативные правовые акты России и международно-правовые документы. Для уяснения конституционного содержания свободы труда и ее связи с запрещением дискриминации в этой сфере исследована практика Конституционного Суда РФ. Основными методами научного исследования послужили: метод системного анализа, общенаучный диалектический, формально-юридический методы и метод правового моделирования. В раках сравнительно-правового метода подверглось анализу уголовное законодательство в области защиты от дискриминации в зарубежных странах. Историко-правовой метод выражен в анализе норм советского уголовного права, направленных на защиту трудовых прав граждан.

Описание исследования

Уголовное законодательство советского периода уделяло достаточно большое внимание защите трудовых прав личности, причем круг уголовно-наказуемых деяний был шире, чем в нынешнем уголовном законодательстве. Так, три состава преступления в области трудовых отношений было предусмотрено Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., причем они относились к группе «хозяйственных преступлений». Практически любое нарушение трудовых прав граждан (в сфере оплаты труда, рабочего времени, охраны труда и другие) подлежало уголовному преследованию (ст. 132).

Кроме того, два состава преступления связаны с осуществлением советскими трудящимися своих коллективных прав и свобод. Наниматель нес ответственность за нарушение заключенных с работниками

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Келя Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем пятым части второй статьи 142 Трудового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1304-О-О // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106949/ (дата обращения: 11.04.2024) ; По жалобе гражданина Арнольда Альберта Павловича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 12 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» : определение Конституционного Суда РФ от 07.06.2011 № 767-О-О // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116839/ (дата обращения: 11.04.2024).

³ См., например: Рекомендация Международной организации труда от 16 июня 2017 г. № 205 Международной организации

труда о занятости и достойном труде в целях обеспечения мира и потенциала противодействия. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_561474.pdf (дата обращения: 11.12.2023).

коллективных договоров (ст. 133) и за воспрепятствование деятельности профсоюзов (ст. 134). Нельзя не согласиться с В. В. Лисицыным в том, что приведенные нормы демонстрируют редкий для российского уголовного законодательства случай защиты норм договорного права [6].

Уголовный кодекс РСФСР 1926, в целом, сохранил подход к защите трудовых прав граждан ранее действовавшего уголовного закона. Более того, круг уголовно-наказуемых деяний еще более расширяется, поскольку перечень трудовых прав, защищаемых уголовным законом в ст. 133 носит открытый характер.

В ст. 138 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. помимо незаконного увольнения, неисполнения решения суда о восстановлении работника на работе и нарушения правил оплаты труда, ответственность также установлена за «иное существенное нарушение законодательства о труде». Другими словами, перечень возможных уголовно-наказуемых деяний становится менее определенным, поскольку признак «существенности нарушения» в законе не раскрыт. В 1984 году был принят Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, который установил ответственность за нарушение законодательства о труде и правил по охране труда (ст. 41). Таким образом, разграничение административной и уголовной ответственности происходило посредством понятия «существенности» нарушения законодательства о труде, которое, безусловно, является оценочным со всеми вытекающими отсюда последствиями в правоприменительной практике.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. по-прежнему сохраняется ответственность за нарушения прав профсоюзов (ст. 137). Отдельными составами преступлений защищены права работников на безопасные условия труда (ст. 140), а также права беременных женщин и кормящих матерей от незаконного отказа в приеме на работу и увольнения (ст. 139).

УК РФ 1996 г. в корне изменил подход к уголовной ответственности за нарушения в сфере труда. Действующий уголовный закон защищает, лишь, право работников на безопасные условия труда и на выплату заработной платы, отказавшись от возможности уголовного преследования за иные правонарушения, пусть даже существенные, которые теперь наказываются только в административно-правовом порядке. Некоторыми авторами такая позиция законодателя признается неверной, поощряющей нарушения в сфере труда, прежде всего, незаконные увольнения [7, с. 3–4]. Также УК РФ пошел по пути защиты свободы труда и права на труд отдельных категорий работников. Уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу и необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, выглядит вполне оправданной, поскольку указанные категории работников действительно наиболее социально уязвимы, нуждаются в дополнительной защите от злоупотреблений со стороны работодателей. В то же время, появление в УК РФ ответственности

за те же деяния, но совершенные должностным лицом работодателя в отношении работника предпенсионного возраста (пять лет до выхода на пенсию) (ст. 144.1), вряд ли объяснимо его особым социальным положением. Нет смысла спорить, что пожилой возраст является дополнительным фактором, увеличивающим риск нарушения трудовых прав [8, с. 555]. Однако можно привести примеры других категорий работников, которые нуждаются в повышенной государственной защите гораздо сильнее. К ним, на наш взгляд, стоит отнести инвалидов, лиц, являющихся единственным кормильцем в семье, многодетных родителей. Причина, по которой лица предпенсионного возраста получили уголовно-правовую защиту, кроется в необходимости смягчения негативного социального эффекта, который имела пенсионная реформа — увеличение возраста выхода на пенсию на пять лет¹. В то же время, отношение к указанным нововведениям, высказанное в юридическое литературе, не однозначное.

Ю. В. Васильева и С. В. Шуралева, обращая внимание на тенденцию дискриминации лиц предпенсионного возраста, их уязвимое положение на рынке труда, отмечают, что государственная политика в области борьбы с этими явлениями должна строиться не на основе уголовного преследования работодателя, а «путем развития программ софинансирования обучения, а также путем создания быстрых и доступных внесудебных механизмов защиты от дискриминации» [8, с. 570].

В целом такой же позиции придерживаются С. В. Дубовиченко и В. П. Карлов. Поддерживая тезис о том, что изменение пенсионного возраста негативно скажется на рынке труда, авторы скептически относятся к возможности повышения привлекательности работников предпенсионного возраста за счет установление уголовной ответственности за нарушения их прав при приеме на работу и увольнении [9, с. 162]. Более того, по мнению автора, использование уголовного права для преодоления социальных проблем — практика малоэффективная, а, в определенном смысле даже вредная, поскольку создает, лишь, иллюзию государственной помощи, не решая проблему по существу [9, с. 162].

Схожий подход выражает Н. Л. Лютов. Автор считает, что норма ст. 144.1 практически не может быть применена на практике, поскольку доказать дискриминационный мотив отказа в приеме на работу или увольнения защищаемых этими составами преступлений категорий работников крайне затруднительно. В то же время, наличие этих положений в уголовном законе мотивирует работодателей любым способом избегать контактов с такими работниками [10, с. 101].

Н. Л. Лютов сравнивает перспективы применения ст. 144.1 УК РФ с практикой уголовно-правовой защиты

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий : Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 41. Ст. 6190.

беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет (ст. 145 УК РФ) и находит в них много общего [10, с. 101]. С. А. Юрков считает, что отсутствие приговоров по данной категории дел вызвано многими причинами, среди которых: недоверие к правоохранительной системе; проблема доказывания того факта, что работодатель отказал в приеме на работу или уволил именно по причине беременности женщины или наличия у нее детей; противоречия трудового законодательства, которое не дает однозначные понимание «необоснованности» отказа в трудоустройстве или увольнении; состав преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ трудно отграничить от состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях РФ [11, с. 96–100].

В то же время, в литературе высказывается и другая точка зрения. Например, Д. Ю. Вешняков отмечает, что «отсутствие в отчетах уголовной статистики сведений о привлечении лиц к уголовной ответственности за нарушение рассматриваемых трудовых прав граждан, может, напротив, свидетельствовать об эффективности правовых предписаний» [12, с. 153]. Не считает избыточным криминализацию рассматриваемых деяний И. А. Грецкий. Автор связывает редкое применение указанных статей с латентным характером соответствующих правонарушений, представляющих при этом общественную опасность и угрожающих социальной политике государства в этой сфере [13, с. 107–108].

Другими словами, нельзя однозначно утверждать, что соответствующие нормы УК РФ не выполняют свою главную функцию по предотвращению совершения указанных преступлений.

В обеих позициях, безусловно, есть здоровое зерно. Отсутствие практики привлечения к уголовной ответственности, безусловно, не означает «бесполезность» того или иного состава преступления, но в то же время, и не свидетельствует о бесспорной эффективности его применения. Все-таки, проблема трудоустройства работников, вытекающая из необходимости несения работодателем дополнительных организационных и материальных издержек, существовать не перестала. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что отсутствие возбужденных уголовных дел может быть вызвано и бездействием правоохранительных и контрольно-надзорных органов, выявляющих данные правонарушения, и нежелание самих работников «связываться» со столь сложным способом защиты своих трудовых прав.

Вместе с тем мы не можем согласиться с той точкой зрения, что статьи 144.1 и 145 УК РФ имеют одинаковые недостатки как с точки зрения своего уголовно-правового смысла, так и с позиции их применения.

Главное отличие кроется в соотношении уголовно- и трудового законодательства. Дело в том, что ст. 145 УК РФ напрямую коррелирует с ч. 3 ст. 64 и ст. 261 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ), в которых четко сформулирован запрет отказывать в приеме на работу

женщинам, по мотиву их беременности или наличия детей, не допускается увольнять по инициативе работодателя беременную женщину, а расторжение трудового договора по инициативе работодателя с женщиной, имеющей ребенка до трех лет (и других категорий женщин, имеющих детей), возможно только по дисциплинарным основаниям¹. В случае же со ст. 144.1 УК РФ ситуация другая. Никаких специальных гарантий, направленных на дополнительную защиту трудовых прав работников предпенсионного возраста, ТК РФ не содержит. Более того, ТК РФ даже «не знает» такой категории работников, она указана лишь в Законе РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»² (абз. 6 п. 2 ст. 5). В этом смысле стоит согласиться с авторами, предлагающими предусмотреть в ТК РФ отдельную главу, направленную на регулирование трудовых отношений с участием работников старших возрастных групп [8, с. 569; 14]. Трудно объяснить тот факт, что гарантии трудовых прав какой-либо категории работников содержатся в УК РФ, но совершенно отсутствуют в трудовом законодательстве. При таком положении дел норма ст. 144.1 УК РФ фактически является «мертвой» [9, с. 165]. Например, увольнение беременной женщины по инициативе работодателя само по себе уже является нарушением и создает перспективы для привлечения лица к уголовной ответственности. В отношении же лиц предпенсионного возраста таких запретов в ТК РФ нет, а потому будет трудно доказать даже сам факт необоснованности увольнения, не говоря уже о доказывании мотива, связанного с возрастом работника [13].

Главное сходство ст. 144.1 и ст. 145 УК РФ скрыто в их соотношении со ст. 136 УК РФ. По существу, и ст. 144.1 и ст. 145 УК РФ есть защита свободы труда, предполагающей по формулировке Конституционного Суда РФ «обеспечение каждому возможности на равных с другими лицами условиях и без какой-либо дискриминации вступать в трудовые отношения»³. Другими словами, оба состава преступления предназначены для защиты свободы труда граждан от дискриминации. В то же время эту же функцию выполняет и ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», с той, лишь, разницей, что данная норма не ограничивается сферой труда и может применяться для предотвращения дискриминации во всех областях общественной жизни. Другими словами, ст. 136 могла бы взять на себя функцию защиты граждан от дискриминации во всех случаях, в том числе, в трудовых

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации : от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек. (№ 256).

² Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бессоновой Тамары Петровны на нарушение ее конституционных прав пунктами 2 и 4 части первой статьи 77, статьей 81, частями первой и второй статьи 332, частью первой статьи 373 и частью первой статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1846-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 2.

отношениях с беременными женщинами, женщинами, имеющими детей и лиц, достигших предпенсионного возраста. Однако перечень дискриминационных признаков, содержащихся в действующей редакции норм, такую возможность не предоставляет.

Содержание ст. 136 УК РФ практически полностью совпадает с содержанием ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, устанавливающей принцип равноправия граждан, но с одним важным отличием. Перечень оснований дискриминации в указанном положении Конституции РФ открыт. Статья гарантирует равенство граждан независимо от указанных в ней признаков, «а также других обстоятельств». В свою очередь, ст. 136 подобных уточнений не содержит, соответственно, возможность ее применения ограничивается теми основаниями дискриминации, которые прямо в ней указаны.

В то же время и ст. 144.1 и ст. 145 УК РФ посвящены таким основаниям дискриминации, не все из которых в ст. 136 не закреплены: возраст, семейное положение и пол. Только последний признак включен в диспозицию ст. 136 УК РФ.

По мнению некоторых авторов, возраст и семейное положение подпадают под такое дискриминационное основание как «принадлежность к социальной группе» [15, с. 68; 16, с. 75]. На наш взгляд, данная позиция небесспорна. В социологической литературе теория социальных групп достаточно глубоко разработана. Главным признаком социальной группы является взаимодействие между участниками коллектива, объединения. Социальная группа — это некий коллектив единомышленников [17, с. 135–138]. Социальной группой, по нашему мнению, можно назвать работников, объединенных общими профессиональными интересами, или членов политической партии. В этой связи, назвать, например, всех беременных женщин социальной группой можно с трудом. В еще большей степени это относится к людям одной и той же возрастной категории.

Таким образом, ст. 144.1 и ст. 145 не дублируют ст. 136 УК РФ. Но вопросы все равно остаются.

Так, не поддается пониманию существенная разница в санкциях указанных статей. Преступление, предусмотренное ст. 136 УК РФ относится к категории средней тяжести с максимальным наказанием пять лет лишения свободы, тогда как ст. 144.1 и 145 — это преступления небольшой тяжести, за которые лишения свободы вообще не предусмотрено. Неужели дискриминация беременных женщин менее опасна, чем, например, дискриминация по национальному признаку? С учетом того, что демография в перспективе, возможно, главная проблема нашей страны, а ее решение — важнейшая задача государства¹, вряд ли на поставленный вопрос можно ответить положительно. По мнению К. В. Дядюн, норма ст. 145 УК РФ не способна должным

образом обеспечить защиту трудовых прав беременной женщины и женщины, имеющей ребенка [16, с. 75]. Такой же вывод можно сделать и в отношении ст. 144.1 УК РФ. Существование статей 144.1 и 145 УК РФ имело бы какой-то смысл, если бы они, как специальные составы преступлений, устанавливали бы более строгую ответственность по сравнению с общей нормой ст. 136 УК РФ [9, с. 169].

Кроме того, содержание рассматриваемых статей 144.1 и 145 УК РФ побуждает к дискуссии об их соответствии конституционным принципам равноправия и справедливости. Авторами отмечается, что ст. 145 УК РФ обделяет правом на защиту от дискриминации другие категории граждан, также обремененные семейными обязанностями, например, одиноких отцов или женщин, имеющих детей-инвалидов [18, с. 761–765; 19, с. 35], а ст. 144.1 ограничивает борьбу с дискриминацией по возрастному признаку только категорией лиц предпенсионного возраста, тогда как в защите нуждаются и пенсионеры, и молодежь [9, с. 167]. С этими доводами трудно не согласиться.

Заключение и выводы

На наш взгляд, практика включения в УК РФ новых составов преступлений, направленных на защиту отдельных категорий работников, не может способствовать выработке должного отношения работодателей к соблюдению трудовых прав граждан, в целом. Необходимо целостная государственная политика противодействия дискриминации граждан независимо от основания.

Следует поддержать мнение тех авторов, кто высказывает идею о декриминализации деяний, содержащихся в статьях 144.1 и 145 УК РФ [9, с. 169; 11, с. 100; 18, с. 754]. Еще раз подчеркнем, что сделать это нужно не потому, что эти статьи являются «мертвыми» и не способны повлиять на защиту свободы труда соответствующих категорий работников, а в силу необходимости формирования целостной уголовно-правовой политики, направленной на борьбу с дискриминацией, в том числе, и особенно, в сфере труда. Именно такой подход отмечается в уголовном законодательстве зарубежных стран². Причем, в некоторых государствах, например, в Испании закон защищает от дискриминации конкретно в сфере трудовых отношений³.

Кроме отмены названных выше статей УК РФ необходимо внести дополнения в ст. 136 УК РФ с тем, чтобы добиться ее применения к случаям дискриминации граждан по признакам возраста и семейного положения. Это можно реализовать двумя способами.

Некоторые авторы предлагают в ст. 136 УК РФ сделать открытым перечень дискриминационных

¹ См., например: Послание Президента РФ Федеральному Собранию : от 21.04.2021 // Российская газета. 2021. 22 апр. (№ 87).

² См., например: Уголовный кодекс Швеции. Гл. 16. Ст. 9 // Шведская Пальма. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 14.12.2023).

³ См. Código Penal. Art. 314 // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/506909> (дата обращения: 14.12.2023).

оснований по образцу ч. 2 ст. 19 Конституции РФ [20, с. 51; 19, с. 35]. Содержание понятия «иных обстоятельств» будет раскрываться в специальном законодательстве, например, в ТК РФ. Так, в ст. 3 ТК РФ к признакам дискриминации отнесены и возраст, и семейное положение. В то же время, проблема дискриминации настолько сложна, а правовые нормы противоречивы, что специальное законодательство, фиксирующее запрещение нарушения принципа равноправия граждан в той или иной области, также обладает массой недостатков. Это касается и ст. 3 ТК РФ [20, с. 22]. В связи с этим считаем, чтобы избежать неопределенности в вопросе применения ст. 136 УК РФ, перечень указанных в ней оснований дискриминации должен быть закрытым, но максимально наполненным с учетом всех имеющихся сегодня и возможных в перспективе социальных противоречий. Соответственно,

необходимо дополнить ст. 136 УК РФ такими дискриминационными основаниями как «возраст» и «семейное положение». Возможно, в будущем эту же норму необходимо будет дополнять и другими признаками дискриминации.

В свою очередь, для эффективной реализации ст. 136 УК РФ одного внесения в нее дополнений не достаточно. Необходима более ответственная деятельность правоохранительных и контрольно-надзорных органов, нацеленная на выявление дискриминации, ее пресечение и предотвращение совершения подобных деяний в будущем. Наконец, важным аспектом реализации рассматриваемой нормы УК РФ является активная позиция наиболее заинтересованной стороны — работников. Их стремление обеспечивать свою свободу труда, защищать себя от дискриминации — главный фактор эффективного применения ст. 136 УК РФ.

Список источников

1. Анишина В. И., Попонов Ю. Г. Свобода труда или право на труд? // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 86–96.
2. Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в Конституции Российской Федерации: содержание и соотношение конституционных категорий // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 29–33.
3. Мачульская Е. Е. Модификация принципов трудового права в свете изменений Конституции Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. 3–7.
4. Чиканова Л. А. Достойный труд: международный и национальный подходы // Журнал российского права. 2021. № 2. С. 73–81.
5. Frey D. F., MacNaughton G. A Human Rights Lens on Full Employment and Decent Work in the 2030 Sustainable Development Agenda // SAGE Open. 2016. Vol. 6, no. 2. DOI: 10.1177/2158244016649580
6. Лисицын В. В. Примирительное посредничество в сфере урегулирования хозяйственных и иных имущественных споров (первые годы советской власти) // Российский следователь. 2014. № 11. С. 52–56.
7. Стаценко А. Г. Преступные посягательства в сфере труда (криминологические и уголовно-правовые проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. 30 с.
8. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Возраст как фактор уязвимости работника в трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 550–575.
9. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста: комментарий и критический анализ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 4. С. 160–169.
10. Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 98–107.
11. Юрков С. А. Некоторые проблемы применения статьи 145 УК РФ // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 95–100.
12. Вешняков Д. Ю. Проблемы применения уголовного законодательства об обеспечении недискриминационного трудоустройства // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 150–157.
13. Грецкий И. А. Дискриминационные мотивы и их установление в субъективной стороне необоснованных отказа лицу в приеме на работу или увольнения работника (ст. 144.1 и 145 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 4. С. 105–114.
14. Зайцева Л. В., Курсова О. А., Хильчук Е. Л. Обоснованность и последствия повышения пенсионного возраста // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 144–155.
15. Серебренникова А. В. Перевод работника на худшие условия труда в зависимости от возраста и других факторов как признак дискриминации (статья 136 Уголовного кодекса Российской Федерации)? // Colloquium-journal. 2017. № 2. С. 66–69.
16. Дядюн К. В. Регламентация объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ: вопросы совершенствования законодательного подхода и правоприменения // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 69–77.
17. Галлямов Р. Р., Горемыкина Л. И. Понятие «социальная группа» в современной науке: основные теоретические подходы (зарубежные трактовки) // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2017. № 3 (21). С. 133–139.

18. Сирик М. С., Понарина Н. Н., Попова Л. Е., Сирик С. Н. Нарушение конституционного принципа равноправия граждан в ст. 145 УК РФ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т.31. С. 761–765.

19. Курманов А. С. Состояние и перспективы развития уголовного законодательства России о защите конституционных прав и свобод человека: сравнительное теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 46 с.

20. Лютов Н. Л. Дискриминация в области труда и занятий: проблемы определения // Трудовое право в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 20–24.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 19.04.2024,


Дата рецензирования статьи / Revised: 15.05.2024,

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 25.05.2024.

АДАПТАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВА К ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Марина Николаевна Степанова

Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия, Челябинск, Россия
mns017@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса адаптации конституционной идентичности государств к вызовам современности. В ней рассматривается эволюция понятия идентичности и её значение в рамках конституционной структуры государства. Основное внимание уделено механизмам и причинам изменений конституционной идентичности, которые могут быть как преднамеренными, так и непредвиденными, а также роли политической динамики и внешнего давления в этом процессе. Авторы анализируют ряд конституционных реформ в различных странах за последние пять лет, подчеркивая разнообразие целей и содержания этих реформ. Также в статье освещается двойственный характер трансформации идентичности в контексте международных отношений и важность поддержания аутентичности конституционной идентичности в процессе адаптации к новым вызовам.

Ключевые слова: конституционная идентичность, адаптация, современные вызовы, конституционные реформы, политическая динамика, международные правовые отношения, аутентичность, суверенитет, национальные ценности, международные обязательства

Для цитирования: Степанова М. Н. Адаптация конституционной идентичности государства к вызовам современности: анализ и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 23–28. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-23-28

Research article

ADAPTING THE CONSTITUTIONAL IDENTITY OF THE STATE TO MODERN CHALLENGES: ANALYSIS AND PERSPECTIVES

Marina N. Stepanova

Ural Branch, Russian State University of Justice, Chelyabinsk, Russia
mns017@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

Abstract. This article examines the process of adapting the constitutional identity of states to modern challenges. It considers the evolution of the concept of identity and its significance within the constitutional fabric of the state. The paper focuses on the mechanisms and causes of changes in constitutional identity, which can be either deliberate or unforeseen, and the role of political dynamics and external pressures in this process. The authors analyze a number of constitutional reforms in different countries over the past five years, highlighting the diversity of both the goals and the content of these reforms. The article also explores the dual nature of identity transformation in the context of international relations and the importance of preserving the authenticity of constitutional identity while adapting to new challenges.

Keywords: constitutional identity, adaptation, modern challenges, constitutional reforms, political dynamics, international legal relations, authenticity, sovereignty, national values, international commitments

For citation: Stepanova MN. Adapting the constitutional identity of the state to modern challenges: analysis and perspectives. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):23-28. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-23-28 (In Russ.)

Введение

В современном мире государства сталкиваются с беспрецедентным набором вызовов, которые требуют адаптации их конституционных устоев и идентичности. Глобализация, интеграция, антиглобализация, переход к цифровой экономике и различные глобальные кризисы оказывают существенное влияние на материальное и идентичное бытие государств. В ответ на эти вызовы, конституционная идентичность государства — его основополагающие ценности, принципы и нормы, закрепленные в Конституции, должны адаптироваться, чтобы обеспечить стабильность, развитие и интеграцию в международное сообщество, соблюдая при этом свои уникальные традиции и культурные особенности. Настоящая статья посвящена анализу процессов адаптации конституционной идентичности Российской Федерации к вызовам современности, изучению основных факторов, влияющих на этот процесс, и определению перспектив его развития.

Материал и методы

Для достижения целей исследования был применен комплексный подход, основанный на анализе нормативно-правовых документов, в том числе Конституции Российской Федерации, а также на изучении теоретических работ отечественных и зарубежных ученых, специализирующихся на проблематике конституционной идентичности, глобализации и международного права. Был проведен обзор и анализ актуальных научных статей и монографий, затрагивающих вопросы адаптации национального законодательства и конституционной практики к меняющимся условиям мирового сообщества. Особое внимание уделено изучению международного опыта и рекомендаций международных организаций, способствующих эффективной интеграции государств в условиях глобализации. Для анализа использовались методы сравнительного правоведения, исторического и логического анализа. В качестве важного инструмента исследования применялись кейс-методы, позволяющие проанализировать конкретные случаи адаптации конституционных норм и практик в ответ на современные вызовы.

Описание исследования

В самом широком смысле слова термин «идентичность» (происходящий от латинского слова *idem*, что означает «то же самое») может быть описан как полное совпадение или абсолютная одинаковость. Что-то считается идентичным самому себе, когда, независимо от разнообразия ситуаций и условий, оно неизменно сохраняет свою первоначальную сущность, допуская возможность его распознавания как нечто неизменное. Термин «идентичность» находит применение во множестве научных областей, при этом в каждой из них он обретает как универсальные, так и уникальные значения. Несмотря на огромное количество существующих работ по этой теме, понятие идентичности продолжает

оставаться чрезвычайно обширным и подверженным изменениям в своем значении [3, с. 32–33].

В своем исследовании Г. В. Вайпан и А. С. Маслов подчеркивают важность того, чтобы понятие конституционной идентичности занимало ключевое место в рамках конституционной теории. Он указывает на то, что, несмотря на скептицизм многих теоретиков относительно возможности того, что идентичность может выходить за рамки удобно используемого понятия для достижения определенных политических и конституционных целей, это понятие несет в себе значительный вес. Термин «конституционная идентичность», хоть и кажется сугубо академическим, и важным на слух, обладает такой же степенью неопределенности. В научном сообществе и судебной практике в области конституционного права оно применяется в широком спектре контекстов с разнообразными намерениями [5, с. 131–133].

Эрик Эриксон, выдающийся представитель психологической науки и один из ведущих исследователей в области идентичности, подчеркивал, что с каждой новой работой, посвященной теме идентичности, очевидность ее многоаспектности и комплексности только усиливается. Он утверждал, что адекватное определение данного понятия возможно лишь через осмысление контекстов, в которых его применение является неизбежным. В духе этого подхода предлагается осмыслить сущность и важность концепции «конституционная идентичность» в рамках конституционной теории, а также разобраться, почему данная концепция остается неотъемлемой при анализе изменений в конституции [9].

В научной дискуссии обозначается дифференциация между терминами «конституционная идентичность» и «идентичность конституции». Определение первого термина подразумевает в себе представление национальной конституционной идентичности как своего рода «культурного кода нации», который инкорпорирован в конституционные нормы, неформализованные принципы и судебные доктрины [1, с. 196–197]. В контексте второго термина обсуждаются специфические разделы и статьи конституции, отличающиеся высоким уровнем устойчивости к изменениям. В соответствии с принципом Уильяма Оккама о ненужности умножения сущностей без крайней необходимости, в рамках настоящего исследования предлагается рассматривать упомянутые понятия как идентичные, исходя из предположения, что введение такого различия не несет существенного значения для данного анализа.

Необходимо подчеркнуть, что концепция конституционной идентичности демонстрирует отличие от национальной идентичности, а также от других аналогичных предконституционных и внеконституционных идентичностей. Эта идентичность складывается как в оппозиции к национальной идентичности, так и в ее утверждении. В более широком понимании, конституционная идентичность неизбежно находится в постоянном диалоге и динамическом взаимодействии

с другими соответствующими формами идентичности. У каждой этносоциальной группы присутствует своя уникальная национальная идентичность или «дух народа», о чем упоминал Ф. К. фон Савиньи в контексте правовой сферы, оказывающий влияние как на процесс создания права, так и на его применение. В этом контексте предпочтение отдается надежде, что в конституционных принципах цивилизованных обществ первоочередно отражаются основополагающие принципы конституционализма, а культурные коды нации интегрируются в последующем порядке. Для детализации влияния национальных и культурных аспектов в области конституционного права были введены понятия «конституционная культура» и «конституционная традиция», которые более точно описывают сущность обозначенных процессов [7, с. 53].

Также привлекает внимание разнообразие определений, приписываемых понятию «идентичность» в различных научных разговорах, включая государственную, национальную и конституционную идентичности. Это разнообразие объясняется переносом фокуса внимания на различные аспекты государства и его сущности, а также переводами научных работ.

Этот вопрос становится еще более спорным из-за его изменчивости и открытости к влиянию разнообразных факторов. Государственная идентичность не является чем-то застывшим и непреложным. Наоборот, она постоянно меняется, будь то по собственной инициативе или под внешним давлением. Позитивные изменения часто являются отголоском социального прогресса, научных открытий и технологического развития. Тогда как изменения под давлением обстоятельств обычно происходят в ответ на различные кризисы, включая экономические, эпидемиологические и политические ситуации [6, с. 68].

Преобразование идентичности в контексте международных правовых отношений часто носит двойственный характер, порой происходя под внешним давлением, а иногда иницируемое самим государством. В этом аспекте особое внимание уделяется вопросам конституционных и национальных идеалов, выполнению решений межгосударственных организаций, следованию указаниям международной общественности, разночтениям в интерпретации прав человека как на глобальном, так и на национальном уровне [2, с. 112]. Это включает в себя определение границ таких разночтений государством и их признание. В частности, утверждая важные интересы государства, общества и личности, государство поддерживает общенациональные и государственные ценности, выделяя среди прочего территорию, суверенитет, народ с его историей и культурой. Под ценностями понимаются ключевые, значимые блага и характеристики, которые государства могут не всегда закреплять на уровне конституции, признавая вместо этого те, что определены международно признанными стандартами и принципами. Разнообразие конституционных и национальных ценностей подтверждает мнение о том, что до сих пор аксиология конституции

не достигла полного развития в вопросах определения, значимости и классификации ценностей.

Каждый из упомянутых вопросов, вызывающих проблемы, требует детального разбора в свете современных вызовов.

Изучение явления конституционной идентичности в российской юриспруденции началось сравнительно недавно. Подавляющее большинство исследований, касающихся конституционной идентичности, появились не ранее 2016 года. Этот период совпадает с временем, когда термин впервые был применен в деятельности Конституционного Суда РФ [11].

Первая сложность, с которой исследователи сталкиваются при попытке определить исследовательскую область, как было отмечено ранее, связана с разнообразием и нестабильностью используемой терминологии. Это может указывать, во-первых, на относительно недавнее появление проблематики государственной и конституционной идентичности, а также на её недостаточное изучение или неразработанность на практическом уровне. Во-вторых, это может быть связано с желанием быстро адаптировать и включить в оборот знания, накопленные другими научными традициями, включая иностранные [10].

Одним из основных испытаний при попытке разобраться и осмыслить значения терминов «государственная идентичность», «национальная идентичность» и «конституционная идентичность государства» является их визуальное сходство. Однако несмотря на кажущуюся схожесть, данные понятия имеют совершенно различную природу и уровень. Основное отличие между этими формами идентичности заключается в разном характере субъектов, которые эти идентичности выражают: индивид или социальная группа может быть носителем государственной или национальной идентичности, в то время как конституционная идентичность государства принадлежит самому государству.

Идентичность государства в рамках конституции не является неизменной. Её эволюция зависит от модификаций в любом из ее компонентов. Эти изменения могут происходить как под внешним давлением, так и по собственной инициативе государства, или же могут носить комбинированный характер, когда происходят сознательные и реагирующие преобразования. Например, за последние пять лет наблюдалось стремление к реформации конституций в ряде стран, включая Албанию, Австрию, Бразилию, Грузию, Грецию, Индию, Казахстан, Коста-Рику, Перу, Россию, Эквадор и другие. В начале XXI века процесс конституционных изменений отличается высокой скоростью и разнообразием целей, к которым стремятся, а также поляризацией в вопросах и содержании реформ. Инициативы, возникающие как со стороны граждан, так и со стороны государственных органов, влияют на конституционную идентичность страны, закрепляя или модифицируя ее основные политические, социальные, экономические и культурные принципы. Обычно, процесс внесения изменений в конституцию представляет собой суверенное действие

государства, что подразумевает, что любая последующая трансформация является добровольной. Однако, если такие изменения вызваны внешними обстоятельствами, например, реальной угрозой инвазии, подрывом основ государственного строя, оборонной способности страны или необходимостью выполнения международных обязательств, следует признать эти действия принудительными. В таком контексте, трансформация конституционной идентичности будет рассматриваться как вынужденная.

Трансформация идентичности в контексте конституционных изменений часто отражает сложную динамику общественных процессов, где внешне представленные как добровольные корректировки могут на самом деле быть реакцией на необходимость разрешения внутренних или внешних конфликтов. Так, примером сознательно-реагирующего вида изменений может служить корректировка конституционного устройства не с целью выполнения международных требований, а в интересах обхода таковых с прицелом на защиту национальных приоритетов и конституционно закреплённых ценностей. Аналогично пересмотр государственной политики в области национальных вопросов или миграции может быть представлен как инициатива, исходящая из волеизъявления страны (то есть, добровольная), однако на самом деле быть ответом на скрытые межэтнические напряженности или давление международного сообщества. В таких случаях, изменения выступают как принудительный, но оперативный ответ на социальные вызовы.

Также стоит подчеркнуть, что изменения в конституционной идентичности могут быть как преднамеренными, так и непредвиденными. В рамках его эволюционного развития, конституционная идентичность постоянно формируется через текущую политическую динамику, затрагивая все уровни государственного управления и общество в целом. Трансформация идентичности через продуманную политическую стратегию приводит к созданию определенного правового и политического уклада. Не всегда такая трансформированная конституционная идентичность находит однозначное восприятие среди граждан страны и её международных союзников. Главное, чтобы представляемая конституционная идентичность была аутентичной. Теория предусматривает, как уже упоминалось, возможность интерпретации конституционной идентичности как определенной модели, к достижению которой стремится государство [12].

Внезапные изменения в идентичности часто являются реакцией на различные внешние и внутренние стимулы, как явные, так и скрытые. Даже малейшее воздействие может запустить процесс, который в итоге приведет к глубокой трансформации идентичности в широком смысле, подобно тому, как малейшее движение может вызвать значительные последствия согласно теории «эффекта бабочки». Например, пандемия COVID-19 выступила как наглядный и непосредственный стимул, заставивший страны пересмотреть

свои подходы, адаптироваться и внести коррективы в привычные методы государственного управления. В то же время отдельные научные достижения, такие как изобретение колеса, автоматизация процессов, создание электронно-вычислительных устройств и распространение интернета, могут проявить свое влияние на конституционную идентичность только после того, как они в полной мере интегрируются в ткань общества и станут движущей силой технического развития.

Учитывая сложность и обширность влияющих факторов, полный список которых учесть невозможно из-за их огромного количества и разнообразия, в том числе скрытых, можно выделить некоторые ключевые вызовы современности, такие как глобализация, интеграция, антиглобализация, переход к цифровой экономике и различные глобальные кризисы, влияющие на материальное и идентичное бытие государств [8].

Конституция Российской Федерации, в качестве основополагающего документа, принимая во внимание многонациональный состав населения страны, стремится к интеграции в международное сообщество, как это отражено в ее преамбуле. Она подчеркивает свою открытость и приверженность международному праву, включая признание важности и гарантирование прав человека не только на основании внутренних, но и международных норм. Это также подтверждается предоставлением возможности обращаться в международные судебные и правозащитные институты.

Интерпретируя вторую часть 4-й статьи 15-й главы Конституции РФ («в случае, когда международный договор Российской Федерации устанавливает правила, отличающиеся от тех, что закреплены в национальном законодательстве, предпочтение отдается положениям международного договора») в контексте единства с первой частью той же статьи («Конституция Российской Федерации обладает наивысшей юридической силой, непосредственно действует и обязательна к применению на всей территории РФ. Законы и другие нормативные акты, выпущенные в РФ, должны соответствовать Конституции РФ»), то становится очевидным, что в рамках принятой Конституцией монистической концепции международное право занимает особое место в структуре внутригосударственного права, обеспечивая себе приоритет перед национальными законами и иными нормативными актами, однако уступая в иерархии Конституции РФ. Такой подход, признающий превосходство Конституции России, обычно обозначается как монизм с доминированием Конституции. В этой логике международно-правовые нормы имеют статус, находящийся непосредственно под Конституцией, и не могут ей противоречить¹.

¹ О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 № 2867-О-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372270/ (дата обращения: 12.03.2024).

Конституционный Суд Российской Федерации придерживается иерархического принципа, согласно которому Конституция РФ занимает непререкаемый приоритет и верховенство перед международным правом. В процессе реализации международных договоров необходимо обеспечить их соответствие основному закону страны. В рамках российской правовой системы, основывающейся на превосходстве Конституции, нормы международного договора, которые вступают в противоречие с ее статьями, не могут быть применены. Такой подход был бы в разрез с конституционными принципами демократии и суверенитета России, а также с требованиями ч. 1 ст. 15 Конституции, указывающей на необходимость соответствия всех принимаемых в стране правовых актов ее Конституции¹. Следовательно, международные договоры имеют более высокую юридическую силу, чем федеральные законы, но не равную или выше, чем сила Конституции РФ. Аналогичный принцип распространяется и на решения международных организаций, включая судебные и квазисудебные инстанции, которые не могут отменять верховенство Конституции РФ в российской правовой системе. Поэтому, согласно чч. 1 и 4 ст. 15 Конституции, они должны реализовываться на основе признания высшей юридической силы именно Конституции РФ внутри страны. В итоге, ни международные договоры, ни решения международных органов не могут подменить приоритет Конституции РФ и, следовательно, их реализация возможна только при учете ее доминирующего статуса.

Хотя Конституционный Суд РФ преимущественно придерживается строгой иерархии, в которой национальное законодательство занимает верхнюю ступень, он все же допускает возможность более гибкого подхода к решениям международных институтов. Суд подчеркивает, что эффективное сотрудничество между европейским и российским правовыми системами не может строиться на принципе подчинения одной системы другой, утверждая, что только через диалог между различными правовыми традициями можно достичь их гармоничного соотношения. Суд выражает стремление избегать значительных препятствий во взаимоотношениях с международными структурами и проявляет открытость к нахождению законных путей компромисса для укрепления сотрудничества, обещая прибегать к «праву на возражение» лишь в исключительных случаях, целью которого является не изоляция от международных решений, отражающих общее согласие участников, а стремление к построению продуктивного взаимодействия и уважения к диалогу. Однако Суд оставляет за собой право определять меру своей готовности к такому функциональному подходу, исходя из тех границ компромисса, которые устанавливает Конституция Российской Федерации.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.03.2024).

Обеспечение устойчивости конституционной самобытности выполняют органы, ответственные за конституционный надзор, и оно осуществляется в двух направлениях: во-первых, предотвращение нарушений конституционной самобытности, что подразумевает профилактические действия для предотвращения вступления в действие международных соглашений, конфликтующих с ключевыми аспектами конституционной самобытности; во-вторых, оборона этой самобытности, имеющая последовательный характер, ориентирована на наказание и восстановление и заключается в аннулировании действия положений международных соглашений, которые уже вступили в силу, и в признании решений международных органов, как конфликтующих с ключевыми элементами конституционной самобытности [4, с. 105].

Органы, ответственные за контроль за соблюдением Конституции, располагают рядом инструментов для обеспечения сохранности конституционной идентичности. Эти инструменты они могут применять в рамках своих обычных или особых полномочий. В их арсенале чаще всего встречаются возможности проведения как предварительной, так и последующей проверки соответствия международных договоров основным законам страны, а также оценка реализуемости решений, принятых международными учреждениями.

Заключение и вывод

Таким образом, в ходе данного исследования был проведен анализ процесса адаптации конституционной идентичности государств к современным вызовам. Было выявлено, что изменение конституционной идентичности происходит под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, включая политическую динамику и международное давление. Рассмотрение различных конституционных реформ показало многообразие подходов к адаптации, подчеркнув значимость учета национального контекста и необходимость сохранения аутентичности конституционной идентичности в условиях глобальных изменений.

Особое внимание было уделено дифференциации между терминами «конституционная идентичность» и «идентичность конституции», что позволило более четко определить предмет исследования и подходы к его анализу. Проведенное исследование подтвердило, что гибкость и открытость к диалогу в правовой системе, а также стремление к продуктивному взаимодействию с международными институтами являются ключевыми факторами успешной адаптации конституционной идентичности к новым реалиям.

В заключение, результаты данного исследования подчеркивают важность продолжения анализа эволюции конституционной идентичности на фоне постоянно меняющегося мира. Оно указывает на необходимость дальнейшего изучения механизмов и стратегий адаптации, которые могут способствовать укреплению устойчивости и гибкости национальных конституционных систем в ответ на глобальные и локальные вызовы.

Список источников

1. Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196–201.
2. Бризкун К. А. О видах рекомендательных актов международных организаций и формах их влияния на национальное законодательство // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 11–119.
3. Буденкова В. Е., Савельева Е. Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44.
4. Вайман А. Б. К вопросу о конституционном контроле в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 2. С. 103–106.
5. Вайпан Г. В., Маслов А. С. От догматики к прагматике: постановление Конституционного Суда РФ по делу Маркина в контексте современных подходов к соотношению международного и национального права // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2. С. 127–137.
6. Герасимова И. А., Ивахнов В. Ю. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Сервис plus. 2017. Т. 11, № 2. С. 66–76.
7. Грачева С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 52–64.
8. Губарьков С. В., Вишневская А. А., Емельюшкина Э. Е. Цифровая глобализация как новый этап развития мировой экономики // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. № 2. С. 132–142.
9. Закирьянова И. А. Проблема этнокультурной идентичности в теории психосоциального развития Э. Эриксона // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-1. С. 86–89.
10. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России : монография. Москва : ИНИОН РАН, 2013. 421 с.
11. Троицкая А., Храмова Т. Экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1. С. 54–79. DOI: 10.21128/18127126-2018-1-54-79
12. Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 21–49.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 23.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦЕНТРА ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ


Елена Андреевна Летаева¹, Елена Николаевна Майорова²

¹ Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия

letaeva_lena@mail.ru

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

major.a@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

Аннотация. Регулирование миграционных процессов является одной из основных задач государства. Эффективность деятельности субъектов, осуществляющих контрольно-надзорные функции в сфере миграции, зависит от возложенных на них компетенций в рассматриваемой сфере. В статье рассматривается вопрос создания Центра по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации. В частности, обращено внимание на то, что данный Центр был создан в рамках имеющихся у МВД России полномочий, что повлекло за собой перераспределение функциональных обязанностей между существующими подразделениями МВД России в сфере миграции. Кроме того, авторами исследуются полномочия, цели, задачи, а также место рассматриваемого Центра в системе подразделений МВД России по вопросам миграции. Особое внимание уделяется отличительным признакам его деятельности. Кроме того, в статье приводится анализ нормативных правовых актов, в которые были внесены изменения в связи с принятием Центра по вопросам миграции.

Ключевые слова: центр по вопросам миграции, центр, миграция, полномочия, правовое положение, иностранные граждане, лица без гражданства, федеральный государственный контроль

Для цитирования: Летаева Е. А., Майорова Е. Н. Административно-правовой статус центра по вопросам миграции // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 29–35. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-29-35

Research article

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF THE CENTER ON MIGRATION ISSUES

Yelena A. Letaeva¹, Yelena N. Mayorova²

¹ Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia, Tyumen, Russia

letaeva_lena@mail.ru

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

major.a@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

Abstract. Regulation of migration processes is one of the main tasks of the state. The effectiveness of the activities of entities exercising control and oversight functions in the field of migration depends on the competencies assigned to them in this area. The article discusses the issue of creating a Center for Migration Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. In particular, attention was drawn to the fact that this Center was created within the framework of the powers available to the Russian Ministry of Internal Affairs, which entailed a redistribution of functional responsibilities between existing units of the Russian Ministry of Internal Affairs in the field of migration. In addition, the authors examine the powers, goals, objectives, as well as the place of the Center in question in the system of units of the Russian Ministry of Internal Affairs on migration issues. Particular attention is paid to the distinctive features of its activities. In addition, the article provides an analysis of regulatory legal acts that were amended in connection with the adoption of the Center for Migration Issues.

Keywords: Center for Migration Issues, center, migration, powers, legal status, foreign citizens, stateless persons, federal state control

For citation: Letaeva YeA, Mayorova YeN. Administrative and legal status of the center on migration issues. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):29-35. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-29-35 (In Russ.)

Введение

Миграционные процессы, происходящие в современном обществе, обуславливают возникновение проблем, связанных с регулированием этих процессов и пресечением неблагоприятных последствий миграционных явлений [6, с. 51]. Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» была упразднена Федеральная миграционная служба (ФМС) как самостоятельная ведомственная структура [1, с. 49].

В научной и специальной литературе уже не раз затрагивались вопросы, касающиеся административного законодательства в сфере миграции [8], регламентации деятельности деятельности МВД по вопросам миграции [9], о полномочиях Министерства внутренних дел в сфере миграции [5], а также изучалось современное состояние, проблемы и направления реформирования контрольно-надзорная деятельность МВД России в сфере миграции [7]. Однако стоит отметить, что в свете последних мировых событий, связанных со сложной обстановкой, проводимая государствами миграционная политика, основанная на традиционных представлениях о миграционном процессе, не справляется с объемами миграции населения и новыми миграционными вызовами [4, с. 142].

Одним из знаменательных событий в организационном построении миграционных органов стало образование в 2023 г. в системе МВД России Центра по вопросам миграции. Создание Центра по вопросам миграции МВД России (далее — ЦВМ МВД России, Центр) согласно приказу МВД России от 20 февраля 2023 г. № 80 «О создании Центра по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹ обусловлено целями совершенствования деятельности МВД России по реализации государственной политики в сфере миграции.

Материалы и методы исследования

При написании настоящей научной статьи были использованы ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов государственной власти в сфере миграции, теоретические разработки и научные труды по рассматриваемой проблеме, а также данные, опубликованные в открытых источниках. При анализе ведомственных нормативных правовых актов использованы правовые базы данных — система СТРАС «Юрист», справочно-правовая система «КонсультантПлюс», а также другие правовые базы данных расположенные в открытых источниках в сети Интернет.

¹ СТРАС «Юрист». Доступ авторизованный.

Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, а также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Применение указанных методов познания позволили авторам рассмотреть и раскрыть особенности административно-правового статуса центра по вопросам миграции (ЦВМ МВД России).

Описание исследования

В целях рассмотрения административно-правового статуса ЦВМ МВД России необходимо обратиться к правовой основе, регламентирующей его деятельность. Наряду с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, межведомственными нормативными правовыми актами, правовую основу ЦВМ МВД России составляют нормативные правовые акты МВД России, в том числе следующие акты, определяющие организацию деятельности: приказ МВД России от 20 февраля 2023 г. № 80 «О создании Центра по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации»; Положение о Центре по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации, утверждённое приказом МВД России от 1 апреля 2023 г. № 203; приказ МВД России от 1 апреля 2023 г. № 174 «О некоторых вопросах Центра по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации»²; приказ МВД России от 30 октября 2023 г. № 813 «Об установлении размеров месячных окладов в соответствии с замещаемой должностью по нетиповым должностям сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»³.

Анализ правовой базы позволяет говорить о том, что создание ЦВМ МВД России в системе действующих миграционных органов МВД России определило ряд особенностей его административно-правового статуса.

Во-первых, ЦВМ МВД России создан в качестве территориального органа МВД России на межрегиональном уровне, реализующего в рамках предоставленных полномочий задачи и функции органов внутренних дел Российской Федерации в сфере миграции, в том числе территориальных органов МВД России на региональном уровне в части предоставления государственных услуг и осуществления функций в сфере

² СТРАС «Юрист». Доступ авторизованный.

³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312040003> (дата обращения: 25.01.2024).

миграции. Таким образом, ЦВМ МВД России наделен собственными полномочиями и рядом полномочий территориальных органов на региональном уровне. Задачи и функции ЦВМ МВД России определены в Положении о Центре по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации.

К задачам и функциям Центра относятся:

1. Предоставление в установленном порядке государственных услуг и осуществление функций в сфере миграции:

1.1. Осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России визовой работы, работы по приглашениям иностранным гражданам и лицам без гражданства, оформления разрешений на временное проживание, вида на жительство, регистрации и учета иностранных граждан и лиц без гражданства, регистрационного учета граждан Российской Федерации, согласования решений по вопросам гражданства Российской Федерации, принимаемых дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями Российской Федерации, выдачи и замены гражданам Российской Федерации основных документов, удостоверяющих личность на территории Российской Федерации гражданина Российской Федерации, производства по делам об административных правонарушениях, принятия и обеспечения исполнения решений о депортации иностранных граждан и лиц без гражданства и др.;

1.2. Осуществление федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением правил миграционного учета, иммиграционных правил иностранными гражданами и лицами без гражданства, правил привлечения работодателями, заказчиками работ (услуг) иностранных работников в Российскую Федерацию и использования их труда; правил трудовой деятельности иностранных работников на территории Российской Федерации, сроков пребывания (проживания), передвижения или порядка выбора места пребывания (жительства) на территории Российской Федерации, исполнением иностранными гражданами или лицами без гражданства назначенного им административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации и др.;

1.3. Обеспечение реализации прав и обязательств Российской Федерации, предусмотренных международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства;

1.4. Осуществление реализации мер по профилактике, предупреждению и пресечению административных правонарушений и преступлений в сфере миграции;

1.5. Осуществление в пределах компетенции ЦВМ МВД России федерального государственного лицензионного контроля (надзора) за оказанием услуг

по трудоустройству граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации;

1.6. Участие в пределах полномочий в разработке мер по совершенствованию нормативного правового регулирования в сфере миграции; в подготовке законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, международных документов в установленной сфере деятельности;

2. Рассмотрение в пределах своей компетенции обращений граждан и организаций по вопросам в сфере миграции;

3. Участие в формировании и ведении в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России, информационных банков (баз) данных, информационно-аналитических систем и их использование.

Созданный ЦВМ МВД России наделен достаточно обширными полномочиями в сфере миграции, в том числе конкурирующими с полномочиями территориальных органов МВД России на региональном уровне, что в отсутствие четкого разграничения может вызывать сложности с субъектами их реализации.

Наряду с полномочиями по предоставлению государственных услуг, контролю и надзору, исполнения законодательства в сфере миграции ЦВМ МВД России может осуществлять организационно-управленческие полномочия: 1) привлечение в установленном порядке для выработки решений по предмету ведения Центра соответствующих подразделений территориальных органов МВД России на региональном уровне; 2) оказание методической и практической помощи в сфере миграции территориальным органам МВД России на региональном уровне, управлениям, отделам, отделениям МВД России по федеральным территориям; 3) выполнение иных поручений в сфере миграции.

Во-вторых, создана новая модель организационно-правовой формы ЦВМ МВД России. В качестве организационной формы используется «центр», что является вполне оправданным для территориального органа межрегионального уровня и установленной для него компетенцией. Согласно толковому словарю русского языка, понятие «центр» означает «главствующее, ведущее учреждение какой-нибудь отрасли»¹. В соответствии с этим же словарем «учреждение — организация, ведающая какой-нибудь отраслью работы, деятельности (например, государственное учреждение, научное учреждение)»². Следует отметить, что в системе МВД России центр как организационно-правовая форма используется трех типов.

Первый тип предполагает центры как самостоятельные структурные подразделения территориальных органов МВД России на региональном и (или) районном уровнях, например, центры временного

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. Москва, 1999. С. 874.

² Там же. С. 876.

содержания иностранных граждан¹, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей², обеспечивающие и выполняющие функции специальных учреждений МВД России. Так, центры временного содержания иностранных граждан являются специальными учреждениями МВД России, осуществляющими правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции или его территориального органа, предназначенные для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии [2, с. 27]. В некоторых случаях такие центры могут быть самостоятельными учреждениями, находящиеся в подчинении территориального органа МВД России по субъекту Российской Федерации [3, с. 19, 56].

Второй тип центров предполагает создание организаций для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел. К их задачам могут относиться научное обеспечение, аналитическое и иное обеспечение деятельности органов внутренних дел. К данным центрам относятся Главный информационно-аналитический центр МВД России, Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, Экспертно-криминалистический центр МВД России и др. В частности, Научный центр безопасности дорожного движения МВД России является головной научной организацией МВД России по проведению и координации научных исследований и опытно-конструкторских работ в области обеспечения безопасности дорожного движения, входящей в систему Госавтоинспекции³.

Третий тип предполагает функционирование центров в качестве территориальных органов МВД России на межрегиональном уровне, подчиняющихся наряду с курирующим его подразделением центрального аппарата МВД России непосредственно МВД России. Примерами таких центров являются Центр специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России, который является территориальным органом МВД России на межрегиональном уровне, реализующим в рамках предоставленных полномочий задачи и функции органов

внутренних дел Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения, подчиняется МВД России и входит в систему ГИБДД МВД России⁴. К данному типу центров также относится ЦВМ МВД России, который подчиняется МВД России, при выполнении возложенных на него задач в установленном порядке осуществляет взаимодействие с подразделениями и организациями МВД России, территориальными органами МВД России, соответствующими подразделениями иных правоохранительных органов, государственных и муниципальных органов, организациями, общественными объединениями, гражданами, средствами массовой информации.

Кроме того ЦВМ МВД России является юридическим лицом, в гражданско-правовых отношениях участвует в порядке, установленном для казенных учреждений, наделен обособленным имуществом, имеет самостоятельный баланс, лицевые счета в валюте Российской Федерации, открытые в территориальном органе Федерального казначейства, имеет круглую печать установленного образца со своим полным и сокращенным наименованием, а также изображением Государственного герба Российской Федерации, штампы, бланки со своим наименованием, символику и другие средства индивидуальной идентификации.

В-третьих, важной особенностью ЦВМ МВД России является наделение его полномочиями в рамках имеющейся в сфере миграции компетенции МВД России. Согласно приказу МВД России от 20 февраля 2023 г. № 80, ЦВМ МВД России реализует в пределах предоставленных полномочий задачи и функции органов внутренних дел в сфере миграции. Это потребовало перераспределить полномочия в сфере миграции в системе миграционных органов МВД России, что предполагает сложный организационно-правовой процесс, который продолжается в настоящее время. На первом его этапе был определен перечень задач и функции ЦВМ МВД России, как уже было отмечено в статье, в Положении о ЦВМ МВД России. Однако такие же перечни полномочий в миграционной сфере определены для ГУВМ МВД России и территориальных органов МВД России на региональном уровне. Поэтому следующим этапом стало распределение компетенции ГУВМ МВД России и ЦВМ МВД России. Приказом МВД России от 20 февраля 2023 г. № 80 изначально было установлено, что ГУВМ МВД России осуществляет координацию, организационно-методическое обеспечение и контроль за деятельностью ЦВМ МВД России.

В результате изменений, внесенных в Положение о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации, определено взаимодействие ГУВМ МВД России и ЦВМ МВД России, а также его место в системе миграционных

¹ Типовое положение о центре временного содержания иностранных граждан территориального органа МВД России на региональном и районном уровнях : приказ МВД России от 29 ноября 2022 г. № 911 // СТРАС «Юрист». Доступ авторизованный.

² Типовое положение о центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях : приказ МВД России от 26 мая 2020 года № 372 // СТРАС «Юрист». Доступ авторизованный.

³ Устав федерального казенного учреждения «Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» : приказ МВД России от 23 марта 2018 г. № 155 // СТРАС «Юрист». Доступ авторизованный.

⁴ Положение о Центре специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России : приказ МВД России от 19 апреля 2022 г. № 274 // СТРАС «Юрист». Доступ авторизованный.

органов МВД России¹. В частности, установлено, что ГУВМ МВД России, ЦВМ МВД России наравне с территориальными органами МВД России на региональном уровне, управлениями, отделами, отделениями МВД России по федеральным территориям обеспечивает эффективность деятельности подразделений по вопросам миграции. Уточнены основные функции и полномочия ГУВМ МВД России применительно к ЦВМ МВД России.

Вместе с тем последующие изменения нормативных правовых актов свидетельствуют, что ЦВМ МВД России также были преданы следующие полномочия ГУВМ МВД России: 1) по осуществлению функций и реализации полномочий в области трудовой миграции²; 2) обеспечивающие функции, связанные с предоставлением жилищной субсидии участникам Государственной программы³.

Одновременно с этим уточнялась компетенция в сфере миграции территориальных органов МВД России на региональном уровне. Приказом МВД России от 25 мая 2023 года № 323 были внесены изменения в Типовое положение о подразделении по вопросам миграции территориального органа МВД России на региональном уровне⁴.

Однако наиболее сложным является этап приведения актов МВД России в сфере миграции в соответствие с новой системой миграционных органов.

Особенностью ведомственной системы регулирования отношений в сфере миграции стала многочисленность субъектов и подробная регламентация вопросов,

предусматривающих рассмотрение и принятие по ним решений. Создание ЦВМ МВД России в таких условиях потребовало внесения изменений практически во все нормативные правовые акты в сфере миграции, эта работа была начата в 2023 году и осуществляется в настоящее время. К числу наиболее важных нормативных правовых актов следует отнести:

1. Административный регламент МВД России по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, утвержденный приказом МВД России от 28 июня 2022 г. № 468⁵. Приказом МВД России от 21 ноября 2023 г. № 882 в указанный административный регламент были внесены изменения: дополнен перечень должностных лиц, осуществляющих государственный контроль (надзор) должностными лицами ЦВМ МВД России; дополнен перечень органов государственной власти, организации и уполномоченные на рассмотрение жалобы лица, которым может быть направлена жалоба заявителя в досудебном (внесудебном) порядке ЦВМ МВД России;

2. Административный регламент МВД России по предоставлению государственной услуги по оформлению, выдаче, продлению срока действия и восстановлению виз иностранным гражданам и лицам без гражданства, утвержденный приказом МВД России от 4 декабря 2019 г. № 907, относит ЦВМ МВД России к числу территориальных органов МВД России, уполномоченных на оформление, выдачу, продление срока действия и восстановление виз иностранным гражданам и лицам без гражданства;

3. Порядок реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии МВД России, его территориальными органами и специальными учреждениями, предназначенными для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, и Порядок прекращения процедуры реадмиссии в связи с добровольным выездом иностранного гражданина или лица без гражданства из Российской Федерации, утвержденные приказом МВД России от 24 сентября 2020 г. № 669 наделили ЦВМ МВД России отдельными полномочиями по реализации обязательств Российской Федерации, предусмотренных международными договорами Российской Федерации о реадмиссии, в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, а также совершенствования деятельности территориальных органов МВД России при реализации реадмиссионных процедур, в том числе при вынесении решения о реадмиссии и транзите, в отношении иностранного гражданина, подлежащего передаче;

¹ О внесении изменений в Положение о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России от 13 декабря 2019 г. № 940 : приказ МВД России от 1 апреля 2023 года № 202 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447381/ (дата обращения: 25.01.2024).

² О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России по вопросам привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к осуществлению трудовой деятельности на территории Российской Федерации : приказ МВД России от 3 октября 2023 г. № 745 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/407961695/> (дата обращения: 25.01.2024) ; О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России по вопросам осуществления иностранными гражданами и лицами без гражданства трудовой деятельности на территории Российской Федерации : приказ МВД России от 22 ноября 2023 г. № 887 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408152565/> (дата обращения: 25.01.2024).

³ О внесении изменений в приложения №№ 4–6, 9 к приказу МВД России от 7 декабря 2021 г. № 997 «Об организации работы по предоставлению участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей жилищной субсидии для приобретения или строительства жилых помещений» : приказ МВД России от 23 ноября 2023 г. № 893 // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312280017> (дата обращения: 25.01.2024).

⁴ См.: Об утверждении Типового положения о подразделении по вопросам миграции территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне : приказ МВД России от 27 апреля 2016 г. № 214 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71448512/> (дата обращения: 25.01.2024).

⁵ См.: Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции : приказ МВД России от 28 июня 2022 г. № 468 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428883/ (дата обращения: 25.01.2024).

4. Административный регламент МВД России по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 10 декабря 2020 года № 856¹, дополняющий положения о полномочиях ЦВМ МВД России, в части приема и рассмотрения заявлений о регистрации по месту жительства и уведомлений о постановке на учет по месту пребывания, внесения необходимых сведений в информационные учеты МВД России.

5. Административный регламент МВД России по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 8 июня 2020 г. № 407², закрепляющий за ЦВМ МВД России полномочия по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное проживание в Российской Федерации;

6. Порядок представления в системе МВД России материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (отмены) решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и их рассмотрения, утвержденный приказом МВД России от 8 августа 2022 г. № 593³ — наделяющий ЦВМ МВД России

полномочиями по подготовке материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (отмены) решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации;

7. Порядок депортации иностранных граждан и лиц без гражданства МВД России и его территориальными органами, утвержденный приказом МВД России от 24 апреля 2020 г. № 239⁴, — включивший ЦВМ МВД России в число территориальных органов МВД России, уполномоченных на принятие решений по проведению отдельных процедур в рамках исполнения решений о депортации и отмене решения о депортации;

8. Приказ МВД России от 12 октября 2022 г. № 750 «Об утверждении форм решений об аннулировании разрешения на временное проживание в Российской Федерации, разрешения на временное проживание в Российской Федерации в целях получения образования и вида на жительство в Российской Федерации и порядков их принятия»⁵ — наделяющий ЦВМ МВД России полномочиями по аннулированию соответствующих разрешительных документов, кроме того предлагается внесение в формы решений об аннулировании и порядки их принятия корреспондирующих изменений.

Заключение

Таким образом, образование ЦВМ МВД России в системе МВД России позволило перераспределить функциональные обязанности ГУВМ МВД России путем частичной передачи своих функций и полномочий новому территориальному органу межрегиональной компетенции. С учетом административно-правового статуса ЦВМ МВД России реализует в рамках своих полномочий задачи и функции органов внутренних дел Российской Федерации в сфере миграции, в том числе территориальных органов МВД России на региональном уровне

¹ См.: Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, предоставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг : приказ МВД России от 10 декабря 2020 года № 856 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376871/ (дата обращения: 25.01.2024).

² См.: Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации, а также форм отметки и бланка документа о разрешении на временное проживание в Российской Федерации : приказ МВД России от 8 июня 2020 г. № 407 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/74344238/> (дата обращения: 25.01.2024).

³ См.: О вопросах представления в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (отмены) решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, их рассмотрения и реализации решения о нежелательности пребывания

(проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации (вместе с «Порядком представления в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (отмены) решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и их рассмотрения», «Порядком информирования Федеральной службы безопасности Российской Федерации о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, а также отмене такого решения в отношении лица без гражданства, получившего временное удостоверение личности лица без гражданства в Российской Федерации») : приказ МВД России от 8 августа 2022 г. № 593 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431042/7012d774f2970a51ac938864d9dfa5548463267f/ (дата обращения: 25.01.2024).

⁴ См.: Об утверждении Порядка депортации иностранных граждан и лиц без гражданства Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами : приказ МВД России от 24 апреля 2020 г. № 239 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74200534/> (дата обращения: 25.01.2024).

⁵ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405484041/> (дата обращения: 25.01.2024).

в части предоставления государственных услуг и осуществления функций в сфере миграции. Проведенный контент-анализ нормативной базы показал, что создание ЦВМ МВД России потребовало совершенствования не только ведомственной нормативной правовой базы

МВД России в сфере миграции. Процесс реформирования контрольно-надзорная деятельность МВД России в сфере миграции продолжается и в настоящее время, в связи с чем об эффективности работы можно будет судить чуть позже.

Список источников

1. Ишмаева Т. П., Пальчикова М. А. Федеральная миграционная служба России: становление и ликвидация // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 2, № 3. С. 49–52. EDN: NQTTED.
2. Летаева Е. А. Административно-правовой статус специальных учреждений МВД России для содержания иностранных граждан // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2 (56). С. 26–34.
3. Летаева Е. А. Специальные учреждения МВД России для содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии (теоретико-прикладной аспект) : монография. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. 160 с.
4. Липунцова А. В. Правовое положение органов власти, осуществляющих государственный контроль в сфере миграции // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 140–146. EDN: XZBPHF.
5. Локтева Д. Д. К вопросу о полномочиях Министерства внутренних дел в сфере миграции // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2016. № 2 (41). С. 113–118. EDN: VKJXPV.
6. Майорова Е. Н. К вопросу об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 4 (7). С. 51–55. EDN: VPKLYN.
7. Полякова Н. В., Запорожский Н. С. Контрольно-надзорная деятельность МВД России в сфере миграции: современное состояние, проблемы и направления реформирования // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 240–246. EDN: DBNINL.
8. Столярова З. Н. Административное законодательство в сфере миграции: новые тренды // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1 (33). С. 124–129. EDN: RRERDT.
9. Усик В. А. Нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность МВД по вопросам миграции: актуальные вопросы // Научный аспект. 2020. Т. 3, № 3. С. 338–343. EDN: MNOMFI.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 30.01.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 24.03.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 28.03.2024.

Научная статья
УДК 342.97+343.3/7
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-36-39


С. 36–39

ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЧВК «ВАГНЕР»)

Александр Геннадьевич Упоров¹, Кирилл Александрович Упоров²

^{1,2} Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия

¹ uporo65@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

² kirillboss1999@gmail.com

Аннотация. В статье проведена аналитическая оценка правового регулирования деятельности частной военной компании на примере ЧВК «Вагнер». Целью статьи является изучение процесса легализации частной военной компании в России и рассмотрения ее как элемента системы обороноспособности страны. Достижение намеченной цели осуществлялось путем изучения нормативных правовых актов как Российской Федерации, так и международных. Результатом исследования является рассмотрение правовой легализации ЧВК с соблюдением международных стандартов, в частности, Женевских конвенций от 12 августа 1949 года. Также авторами предложены правовые рекомендации по юридическому регулированию юридического статуса и правового положения ЧВК «Вагнер».

Ключевые слова: частная военная компания, ЧВК Вагнер, легализация ЧВК, незаконные вооружённые формирования, боевые действия, наёмничество

Для цитирования: Упоров А. Г., Упоров К. А. Юридический статус и правовое положение частных военных компаний (на примере ЧВК «Вагнер») // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 36–39. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-36-39


Research article

LEGAL STATUS AND LEGAL POSITION OF PRIVATE MILITARY COMPANIES (ON THE EXAMPLE OF THE WAGNER PMC)

Alexandr G. Uporov¹, Kirill A. Uporov²

^{1,2} Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia

¹ uporo65@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

² kirillboss1999@gmail.com

Abstract. The article provides an analytical assessment of the legal regulation of the activities of a private military company on the example of PMC “Wagner”. The purpose of the article is to study the process of legalization of a private military company in Russia and to consider it as an element of the country’s defense capability system. Achievement of the intended goal was carried out by studying normative legal acts of both the Russian Federation and international ones. The result of the study is the consideration of legal legalization of PMCs, in compliance with international standards, in particular, the Geneva Conventions of August 12, 1949. The authors also proposed legal recommendations on legal regulation of the legal status and legal position of PMC “Wagner”.

Keywords: private military company, PMC Wagner, legalization of PMCs, illegal armed formations, fighting, mercenary activity

For citation: Uporov AG, Uporov KA. Legal status and legal position of private military companies (on the example of the Wagner PMC). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):36-39. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-36-39 (In Russ.)

Ведение

Частные военные компании (далее — ЧВК) являются сравнительно новым феноменом. Юристы-международники сходятся во мнении, что единого определения термина «ЧВК» в юридической науке не существует [1, с. 56]. В интернете, кроме специализированной литературы, можно встретить немало ресурсов, где приводится краткая информация о контрактниках и указывается, что ЧВК — это компании, предлагающие специализированные военные услуги, такие, как непосредственное участие в боевых действиях, стратегическое планирование, разведку, логистическую поддержку, обучение и обслуживание¹.

22 октября 2014 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ депутатами Г. С. Носовко и Д. Е. Горюховым был официально внесен проект федерального закона № 6303276 «О частных военно-охранных компаниях», однако он был отклонен Госдумой по формальному признаку — из-за отсутствия заключения Правительства РФ [5, с. 15, 20].

Описание исследования

Частные военные компании в России не имеют законодательного регулирования. Фактически частные военные компании запрещены на территории России, и любая деятельность в этой области рассматривается как незаконная.

Нередко бытует мнение, что деятельность частных военных компаний и так урегулирована Законом РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»², которым предусмотрено создание частных охранных организаций. Кроме того, существует Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране»³. Однако представленные в них понятия указывают на невозможность распространения закрепленных в них положений на ЧВК. Так, частная охранный организация (ЧОО) — это организация, специально учрежденная для оказания охранных услуг, зарегистрированная в установленном законом порядке и имеющая лицензию (выдается органами внутренних дел) на осуществление частной охранный деятельности. В ходе осуществления частной охранный деятельности разрешается применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие только в случаях и порядке, предусмотренных Законом «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». В свою очередь, ведомственная охрана — это совокупность создаваемых имеющими право на создание ведомственной охраны федеральными органами

исполнительной власти и организациями органов управления сил и средств, предназначенных для защиты охраняемых объектов от противоправных посягательств. Имеющие право на создание государственной ведомственной охраны федеральные органы исполнительной власти определяются Правительством РФ. Их перечень определен постановлением Правительства РФ от 12 июля 2000 г. № 514⁴. Федеральным законом могут быть установлены организации, имеющие право на создание ведомственной охраны [5, с. 17–18].

Частные военные и охранные компании используются в традиционных сферах как в мирной жизни, так и в регионах со сложной обстановкой, в частности, в зонах вооруженных конфликтов [3, с. 172].

В России имеются компании, которые могут заключать правительственные контракты в области безопасности и обороны, их деятельность регулируется соответствующим законодательством. Но, несмотря на это, деятельность ЧВК «Вагнер» и других частных военных компаний может нарушать законы РФ и международные стандарты, такие как дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, и подпадать под уголовное преследование.

ЧВК «Вагнер» — это российская частная военная компания, которая специализируется на оказании услуг по обучению и консультированию в области безопасности, а также на проведении операций вооруженного конфликта в различных частях мира⁵. ЧВК «Вагнер» была замечена во многих конфликтах в различных странах, включая Сирию, Украину, Центральноафриканскую Республику, Ливию и другие. В рамках этих конфликтов ЧВК «Вагнер» предоставляла свои услуги как российским частным компаниям, так и правительствам других стран.

Критики компании утверждают, что ее деятельность незаконна, так как частные военные компании запрещены в России. Кроме того, некоторые обвинения связывают ЧВК «Вагнер» с нарушениями прав человека и военными преступлениями. Однако представители компании отрицают все эти обвинения и утверждают, что их деятельность законна, и они действуют в соответствии с международным правом.

Деятельность ЧВК «Вагнер» в различных конфликтах за рубежом может также нарушать международное право. Однако эта компания не признана официально Россией, и ее деятельность не соответствует международным нормам и правилам. В связи с этим регулирование деятельности ЧВК «Вагнер» является юридической проблемой, требующей соответствующего законодательного регулирования и судебного преследования в соответствии с законами и международными стандартами.

¹ Куманьков А. Д. Частная военная компания // Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/chastnaia-voennaia-kompaniia-d6dc53> <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102015099> (дата обращения: 01.11.2023).

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/ (дата обращения: 01.11.2023).

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22716/ (дата обращения: 01.11.2023).

⁴ URL: <https://base.garant.ru/12120197/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁵ Опера «Вагнера». Нужны ли России легальные частные военные компании? // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2018/02/21_e_11658277.shtml (дата обращения: 01.11.2023).

Мотивация сотрудников ЧВК «Вагнер» и других ЧВК обычно связана с финансовым вознаграждением, так как они работают на контрактной основе. Однако каждый сотрудник может иметь свои собственные личные мотивы, такие как желание помочь своей стране, стремление к приключениям и опыту в области безопасности, а также улучшение своих профессиональных навыков.

Вопросы сохранения и пропаганды моральных ценностей в военной среде могут различаться в зависимости от культуры и менталитета военных специалистов из разных стран. Тем не менее существуют международные профессиональные стандарты и нормы поведения для военнослужащих, которые регулируются международными договорами, в частности, Женевскими конвенциями¹.

Частная военная компания «Вагнер» становится объектом многочисленных вопросов и осуждения со стороны мирового сообщества. Ряд правозащитных организаций обвиняют ее в причастности к конфликтам в Сирии и Ливии, где, по их данным, бойцы ЧВК нарушают права человека и международное гуманитарное право. Некоторые страны также обвиняют «Вагнер» в поддержке режимов, которые они считают не демократическими или незаконными.

В 2020 году СМИ сообщили о гибели более 100 бойцов «Вагнера» в ходе боевых действий в Ливии². Это свидетельствует о том, что деятельность ЧВК сопряжена с высокими рисками и потенциальными опасностями для ее сотрудников. Кроме того, участие в таких конфликтах может привести к серьезным последствиям для международных отношений и стабильности в регионе.

В целом, деятельность ЧВК «Вагнер» вызывает много вопросов и требует серьезного внимания со стороны международного сообщества. Чтобы обеспечить соблюдение прав человека и международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах, необходимо разработать международные нормы и правила для регулирования деятельности ЧВК и других подобных организаций.

Задачи ЧВК «Вагнер» могут различаться в зависимости от места их применения. Однако, в целом, можно выделить несколько общих задач. Во-первых, это участие в боевых действиях, в том числе выполнение задач по защите объектов и прямое участие в боевых действиях. Во-вторых, ЧВК «Вагнер» может выполнять задачи по охране объектов, таких как нефтяные скважины [4, с. 117]. В-третьих, ЧВК «Вагнер» может

выполнять задачи по поддержке местных властей, например, в Центральноафриканской Республике. И, наконец, ЧВК «Вагнер» может выполнять и другие задачи, такие как обеспечение логистики и снабжения боевиков или проведение разведки и наблюдения.

Результаты исследования и обсуждение

Согласно законодательству России, деятельность ЧВК «Вагнер» является незаконной как внутри страны, так и за ее пределами. Российское законодательство не разрешает использование частных военных компаний для выполнения задач. В России отсутствует официальное регулирование ЧВК, включая ЧВК Вагнера. Таким образом, деятельность ЧВК «Вагнер» противоречит не только российскому законодательству, но также не имеет признания со стороны международного сообщества [2, с. 39].

Вопрос правового регулирования ЧВК остается открытым: необходимо определить, нужно ли легализовать ЧВК или оставить ее вне закона. Хотя международное право является главной нормативной основой для деятельности частных военных компаний, в настоящее время его значение снижается, так как государства все чаще игнорируют его положения.

Может быть, необходимо легализовать частные военные компании? Возможно, но на данный момент государство не ощущает такой потребности. Однако признание их деятельности официально может решить некоторые общественные проблемы, такие как создание новых официальных рабочих мест и восполнение пробелов в законодательстве³.

Заключение и вывод

Частные военные компании могут подорвать принцип монопольного права государства на легитимность применения силы, расширить круг лиц, имеющих официальное право на вооружение, и вызвать другие последствия. Однако частные военные компании имеют и свои преимущества, такие как способность к быстрому реагированию, высокий профессионализм и экономическая эффективность. Таким образом, согласимся с О. Е. Козловой в том, что частные военные компании с течением времени только набирают популярность, по-прежнему действуют «вне закона» в некоторых государствах [2, с. 40].

Проблема наличия частных военных компаний на территории Российской Федерации при отсутствии правовой обусловленности настоящего наличия является немаловажной составляющей систематизированного комплекса вопросов по формированию

¹ Женевские конвенции и протоколы к ним // Организация Объединенных Наций и международное гуманитарное право : [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml> (дата обращения: 04.11.2023).

² Al-Atrush S., Kravchenko S. Putin-Linked Mercenaries Are Fighting on Libya's Front Lines // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-09-25/putin-s-chef-deploys-mercenaries-to-libya-in-latest-adventure?srnd=premium-europe> (дата обращения: 07.11.2023).

³ Об утверждении Основных методологических и организационных положений по проведению выборного обследования рабочей силы : приказ Росстата от 30 июня 2017 года № 445 (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219641/ (дата обращения: 01.11.2023).

и функционированию ЧВК современной России [6, с. 62]. Деятельность ЧВК «Вагнер», как и любая другая, связанная с наемными военными компаниями, требует юридического регулирования. Для этого можно использовать следующие рекомендации:

1. Создание законодательной базы для определения статуса частных военных компаний и установления правил их деятельности. Обязательными условиями должны быть выполнение компаниями определенных требований для получения права на осуществление деятельности.

2. Установление квалификационных требований к сотрудникам частных военных компаний, учитывая их участие в боевых действиях и возможность негативных последствий.

3. Ограничение мест осуществления деятельности и получение соответствующих разрешений на деятельность в каждой стране, чтобы предотвратить

нарушения законодательства и снизить риск для гражданских лиц.

4. Установление контроля со стороны государства над деятельностью частных военных компаний и наказание за нарушение законодательства.

5. Международное сотрудничество и создание международных стандартов для регулирования деятельности частных военных компаний.

6. Обеспечение обучения сотрудников частных военных компаний в соответствии с международными стандартами, определяющими требования к военным специалистам и их поведению в условиях военных действий.

Необходимо учитывать, что определение правового статуса сотрудников ЧВК достаточно сложно и не идентично понятию «наемник», используемого в дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года.

Список литературы

1. Абгарян Н. Г. Сравнительно-правовой анализ термина «частная военная компания» // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1 (25). С. 55–62. EDN: ZURNYZ.
2. Козлова О. Е. Проблемы правового регулирования частных военных компаний // Исследования молодых ученых : материалы XIV Междунар. науч. конф. (Казань, 20–23 ноября 2020 г.). Казань : Молодой ученый, 2020. С. 39–41.
3. Михайленко А. Н. Проблемы и перспективы развития системы регулирования частных военных и охранных компаний // Вопросы политологии. 2016. № 3 (23). С. 172–193. EDN: WMJWEF.
4. Новоселов Н. А. Проблемы законодательного регулирования деятельности частных военных компаний в России // NovaUm.Ru. 2019. № 22. С. 116–118.
5. Романовский Г. Б. Правовой статус частных военных компаний // Гражданин и право. 2015. № 12. С. 15–28. EDN: VBTSZP.
6. Сухоруков А. А. Роль правового регулирования частных военных компаний современной России в достижении эффективности укрепления обороноспособности нашей страны // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 61–64.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.11.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Научная статья

УДК 351.74+343.97

DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-40-43

С. 40–43

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Кудряшов Андрей Владимирович*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия**andrej.kudryashov.1975@mail.ru*

Аннотация. Применение огнестрельного оружия всегда являлось одним из актуальнейших и важнейших аспектов деятельности сотрудников полиции. Работа посвящена исследованию проблем, возникающих у сотрудников полиции органов внутренних дел Российской Федерации, при применении или использовании ими огнестрельного оружия. На основе анализа проблем предлагаются пути их решения, а именно некоторые организационно-структурные изменения в подготовке кадров по огневой, правовой, физической и тактической подготовке в учебных заведениях Министерства внутренних дел.

В статье рассматриваются причинно-следственные связи между текучкой кадров среди высококвалифицированных специалистов в территориальных подразделениях органов внутренних дел Челябинской области и проблемами применения огнестрельного оружия новыми низкоквалифицированными кадрами.

В статье обозначена проблема, что поступающие на службу в органы внутренних дел зачастую проходят аттестацию без первоначальной подготовки в центре профессиональной подготовки и других ведомственных учебных заведениях МВД России. Уровень профессиональной, огневой и физической подготовки некоторых сотрудников, прошедших подготовку в данных учебных заведениях, невысокий. Существует и проблема с кадровым обеспечением некоторых должностей в полиции.

Ключевые слова: проблемы применения и использования огнестрельного оружия, сотрудники полиции, ведомственные учебные заведения МВД России, огневая и профессиональная подготовка, кадровое обеспечение

Для цитирования: Кудряшов А. В. Некоторые проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 40–43. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-40-43

Research article

SOME PROBLEMS OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS

Andrey V. Kudryashov*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia**andrej.kudryashov.1975@mail.ru*

Abstract. The use of firearms has always been one of the most relevant and important aspects of the activities of police officers. The work is devoted to the study of the problems that arise among police officers of the internal affairs bodies of the Russian Federation when they use or use firearms. Based on the analysis of the problems, the ways of their solution are proposed. Namely, some organizational and structural changes in the training of personnel for fire, legal, physical and tactical training in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs.

The article discusses the cause-and-effect relationship between the turnover of personnel among highly qualified specialists in the territorial divisions of the internal affairs bodies of the Chelyabinsk region and the problems of the use of firearms by new poorly qualified personnel.

The article outlines the problem that those entering the service in the internal affairs bodies, often, undergo certification without initial training at the vocational training center and other departmental educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The level of professional, fire and physical training of some employees trained in these educational institutions is low. There is also a problem with the staffing of some positions in the police.

Keywords: problems of the use and use of firearms, police officers, departmental educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, fire and professional training, staffing

For citation: Kudryashov AV. Some problems of the use of firearms by police officers. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):40-43. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-40-43 (In Russ.)

Введение

Неотъемлемой частью профессиональной деятельности сотрудников полиции органов внутренних дел Российской Федерации является данное им право на применение огнестрельного оружия. Содержание и характер стоящих перед ними задач, а также условия, в которых эти задачи приходится решать, обуславливают необходимость наделения сотрудников полиции этим правом.

Применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции является самой жесткой мерой государственного принуждения. Реализация данной меры чаще всего приводит к наступлению серьезных последствий — причинению материального ущерба и вреда здоровью, лишению жизни и т. д., поэтому применение огнестрельного оружия всегда являлось одним из актуальнейших и важнейших аспектов деятельности сотрудников полиции.

Порядок применения огнестрельного оружия, хотя и прописан в законе, необходимо учитывать, что ситуации, в которых сотрудник полиции имеет право применять огнестрельное оружие, неограниченно разнообразны. От того, какое решение примет сотрудник полиции в определенной ситуации, зависит жизнь и здоровье не только нарушителей и законопослушных граждан, но и самого сотрудника. Кроме того, принятие решения о применении огнестрельного оружия должно быть правомерным. За неправомерное применение и использование огнестрельного оружия, в зависимости от последствий, сотрудник полиции несет ответственность от дисциплинарной до уголовной.

Правовая основа, порядок и основания применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия предусмотрены пятой главой Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»¹. Бесспорно, при выполнении обязанностей сотрудника полиции с помощью оружия возможны случаи причинения различного физического вреда, что, в свою очередь, вызывает необходимость для сотрудника полиции учитывать и знать, какая ответственность и каков её размер может последовать после данных действий.

Вместе с тем необходимо отметить, что практика применения огнестрельного оружия сотрудниками за последние годы приобрела устойчивую тенденцию к снижению [2, с. 10].

Описание исследования

В ходе повседневной служебной деятельности сотрудников полиции может возникнуть большое количество ситуаций, когда применение огнестрельного оружия является необходимостью. Как показывает практика, сопротивление, в том числе и с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия, чаще всего оказывают тем сотрудникам полиции, кто участвует в обеспечении общественного

порядка — участковым уполномоченным, сотрудникам патрульно-постовой службы, инспекторам ГИБДД. Реже подвергаются нападениям сотрудники оперативных подразделений, но в целом они подвержены опасности нападения по той причине, что контактируют непосредственно с лицами, которые уже совершили либо совершают правонарушение.

В ходе выполнения служебных обязанностей по охране общественного порядка сотруднику полиции для того, чтобы сохранить жизнь и здоровье не только граждан, но и свою, необходимо уверенно владеть огнестрельным оружием. Видится необходимым в данном вопросе сделать акцент именно на огнестрельном оружии.

Данная необходимость обусловлена несколькими проблемами. В настоящее время ухудшается криминальная обстановка в части преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, активизируются лица, совершающие преступления террористической направленности. В нынешних реалиях всё больше появляется подготовленных преступников, экстремистов, террористов, которые представляют гораздо большую угрозу, чем уличные преступники, которые в основном используют либо физическую силу и холодное оружие, либо огнестрельное оружие, но на достаточно низком уровне. Кроме того, сотрудники полиции, не успевшие своевременно и правильно оценить обстановку, к сожалению, погибают, не успев применить огнестрельное оружие. Исходя из данных, приведенных главой МВД РФ Владимиром Колокольцевым, в 2022 году при исполнении служебных обязанностей погибли 59 сотрудников МВД, а ранено 3,5 тысячи [3].

Применение полицейскими оружия является весьма стрессовым действием. Кто-то старается не применять оружие из-за бюрократических последствий в виде служебных проверок, рапортов, а также иных отчетов начальству, кто-то из сотрудников этого не делает, боясь в будущем сам стать обвиняемым в преступлении, которое связано с применением им огнестрельного оружия. Все эти проблемы являются довольно значимыми для нормального функционирования общества и государства в целом, в связи с чем необходимо найти наиболее оптимальные пути решения, позволяющие решить их в максимально короткие сроки. Прежде чем предлагать решения каждой из проблем, необходимо проанализировать ситуации, при которых могут возникнуть обстоятельства для применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции.

Типичной является ситуация, когда конфликтная ситуация складывается внезапно, например, при патрулировании полицейскими территории. В такой ситуации у сотрудника полиции нет времени и средств для тщательного изучения возникшей ситуации, в связи с чем все решения принимаются им в считанные минуты, а иногда, и секунды. Решением проблемы в данной ситуации может являться изучение положений виктимологии, которая затрагивает не только виктимность граждан и способы противодействия ей,

¹ О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

но и виктимность сотрудников правоохранительных органов. Если кратко подытожить, то согласно положениям виктимологии, сотрудник полиции в ходе общения с гражданином постоянно должен держать его в поле зрения (особенно руки и то, куда он их направляет), стараться сглаживать конфликт на начальном этапе, действовать предсказуемо в тех ситуациях, когда физический конфликт уже неизбежен. Данные способы решения проблемы являются «затяжными», то есть, каждый из предложенных выше вариантов требует тщательной разработки, подготовительных мероприятий, где-то даже будет необходима редакция действующего законодательства, а также, безусловно, именно воспитание сотрудников в правовом поле и области психологии. Это необходимо для упрощенного взаимодействия с различными категориями людей [5, с. 19]. При задержании правонарушителя с дальнейшим доставлением его в дежурную часть территориального органа внутренних дел сотрудники должны проводить тщательный досмотр задержанного с целью возможного нахождения у него оружия или других предметов, запрещенных гражданским оборотом.

Может возникнуть ситуация, когда сотрудники оперативных подразделений полиции имеют риск попасть под обстрел из оружия, о котором изначально не было известно никакой информации. Решение данной проблемы видится, как минимум, в улучшении качества работы оперативных подразделений полиции в целях получения наиболее полных и подробных данных о правонарушителе, его имуществе, образе жизни и т. д. Однако это решение целесообразно лишь в тех случаях, когда взаимодействие с правонарушителем готовится заранее (например, проведение обыска, задержания, а также иные следственные и оперативные мероприятия).

Следует согласиться с мнением К. А. Волкова, что «имеют место нерешительность, боязнь или попросту нежелание сотрудников органов внутренних дел прибегнуть в надлежащих случаях к табельному оружию, причины тому разные, в том числе, неумение отдельных сотрудников быстро ориентироваться в экстремальных ситуациях и действовать тактически правильно, недостаточная огневая и физическая подготовка» [1, с. 83].

Высокий уровень отдельных физических навыков и способностей не достаточен для успешного пресечения правонарушений и задержания преступников. Кроме физических навыков важны психологические характеристики, а также интеллектуальный уровень и профессиональная подготовка сотрудников полиции. Такие черты характера вырабатываются не сразу, поскольку необходимо пройти каждый этап формирования личности сотрудника полиции, что происходит в специальных ведомственных учебных заведениях. Помимо этого, и у самих сотрудников недостаточно знаний нормативной базы, определяющей их права и запреты и ограничения на применение огнестрельного оружия. Также следует упомянуть

не очень качественную огневую подготовку некоторых сотрудников полиции.

Кроме того, не все аттестованные сотрудники полиции при назначении на должность вовремя пройдут специальную подготовку в ведомственных учебных заведениях органов внутренних дел. Так, в ходе реформы Министерства внутренних дел в 2011 году была проведена оптимизация личного состава. Была сокращена штатная численность сотрудников полиции на 35 % [4, с. 60]. Те сотрудники полиции, которые остались работать в органах внутренних дел, стали выполнять работу сокращенных. Такое положение вещей долго продолжаться не могло, желающих работать в тяжелых условиях стало меньше, и впоследствии выявилась нехватка сотрудников, образовалось большое количество вакансий.

В результате сложилась негативная практика: лица, поступающие на службу в органы внутренних дел, зачастую проходят аттестацию без первоначальной подготовки в центре профессиональной подготовки и других ведомственных учебных заведениях МВД России. При назначении на должность данных лиц на обучение не отправляют, так как заменить их на время откомандирования из-за дефицита кадров нечем, и они продолжают работать и выполнять свои обязанности без первоначальной подготовки. В итоге, правовую, огневую, физическую и тактическую подготовку они не прошли, но службу несут, в том числе, и по охране общественного порядка, где нередко возникают обстоятельства, при которых сотрудники полиции вынуждены применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие.

Для решения этой проблемы необходимо неукоснительно соблюдать требования, предъявляемые к кандидатам и лицам, назначаемым на должность в органах внутренних дел, а это значит, что лица, не прошедшие первоначальную подготовку в учебных заведениях Министерства внутренних дел, не могут быть назначены на должность и исполнять обязанности сотрудника полиции.

Кроме того, в Челябинской области в территориальных подразделениях органов внутренних дел за последние 10 лет произошла текучка кадров среди высококвалифицированных специалистов. Отслужившие уходят на пенсию, а на их место приходят слабо подготовленные сотрудники, окончившие гражданские высшие учебные заведения по юридическим специальностям и зачастую несвоевременно прошедшие в течение нескольких месяцев первоначальную подготовку в центре первоначальной подготовки ГУ МВД по Челябинской области. Специалисты, которые окончили ведомственное высшее учебное заведение Министерства внутренних дел, на службу в органы внутренних дел в Челябинскую область практически не идут, так как ближайшее ведомственное высшее учебное заведение находится в другом регионе. Уровень профессиональной, огневой и физической подготовки сотрудников, окончивших высшее учебное заведение Министерства

внутренних дел, намного выше, чем у сотрудников, прошедших только первоначальную профессиональную подготовку. Считаем, что в Челябинской области с населением около 3,5 миллионов человек в городе Челябинске с населением около 1 миллиона 200 тысяч человек должно быть ведомственное высшее учебное заведение МВД РФ, которое будет готовить высококвалифицированные кадры для органов внутренних дел Челябинской области и других регионов.

Следующей проблемой применения огнестрельного оружия можно обозначить то, что зачастую в органах внутренних дел в подразделениях, где требуется применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, проходят службу полицейские женского пола. Так, в патрульно-постовой службе полиции нередко работают сотрудники женского пола. Причиной тому, к сожалению, является нехватка кадров. Работа в патрульно-постовой службе по охране общественного порядка связана с большими физическими нагрузками и требует хорошую физическую подготовку. Лица, нарушающие общественный порядок и совершающие правонарушения в общественных местах, практически всегда агрессивно реагируют на требование сотрудников полиции прекратить противоправные действия. Реакция правонарушителей на сотрудника патрульно-постовой службы полиции женского пола, пресекающего действия правонарушителей, непредсказуема, а чаще всего очевидна. Правонарушители не будут подчиняться требованиям сотрудника полиции женского пола, что может привести к дальнейшей конфронтации. В сложившейся обстановке сотрудник полиции женского пола будет вынужден применить физическую силу либо специальные средства. Физиологические возможности человека в зависимости от пола разные, мужчина по своему анатомическому сложению будет всегда сильнее

женщины. Применение физической силы, специальных средств, а тем более огнестрельного оружия будет представлять угрозу применения насилия в отношении сотрудника полиции женского пола. Также в ходе применения насилия в отношении представителя власти у женщины-полицейского могут похитить огнестрельное оружие и применить его в отношении полицейского и для совершения других особо тяжких преступлений. В связи с этим считаем, что назначение сотрудника полиции женского пола на должности, связанные с обеспечением и охраной общественного порядка в общественных местах, где правонарушители могут оказать активное сопротивление, является нецелесообразным и представляет опасность для сотрудников полиции женского пола.

Заключение и вывод

Таким образом, к числу основных проблем применения сотрудниками полиции огнестрельного (табельного) оружия можно отнести нерешительность, боязнь и нежелание (в силу правового негилизма) применить огнестрельное оружие в ходе выполнения служебных обязанностей. Как правило, это связано с неопытностью, неспособностью быстро ориентироваться в экстремальных ситуациях, боязнь совершить ошибку, а также недостаточная физическая и огневая подготовка. Отдельно можно отметить правовую неподготовленность в части применения огнестрельного оружия, а именно боязнь сотрудника полиции привлечения к ответственности за неверное применение огнестрельного оружия.

Обозначенные в данной статье проблемы применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия и пути их решения позволяют, по нашему мнению, совершенствовать практику применения и использования огнестрельного оружия в полиции.

Список источников

1. Волков К. А. Деятельность полиции по противодействию преступности: коллизии правового регулирования необходимой обороны и уголовно-правового задержания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 81–87.
2. Каплунов А. И. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика : монография. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 2018. 259 с.
3. Калашникова Е. Ю. Проблемы правового регулирования применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел // Актуальные исследования. 2024. № 4 (186), Ч. III. С. 16–17.
4. Кудряшов А. В. Оптимизация личного состава в Министерстве внутренних дел Российской Федерации как фактор, влияющий на рост преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 2 (5). С. 60–61.
5. Осинцева А. В. Виктимологический аспект профессиональной деятельности сотрудника полиции в контексте профессиональных рисков // Виктимология. 2015. № 4 (6). С. 19–25.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 09.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 13.05.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 25.05.2024.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Научная статья

С. 44–47

УДК 343.14

DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-44-47

ЗАКОННА ЛИ ПРОВОКАЦИЯ?

Светлана Степановна Арсентьева*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия**arss-1212@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема судебной практики — отсутствие должного понимания судьями запрета подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокации), — возлагающая обязанность на суды проверять законность проведения оперативно-розыскного мероприятия. Этот запрет внесен в закон «Об оперативно-розыскной деятельности» через 12 лет после его принятия. Можно предположить, что именно многочисленные злоупотребления правом в виде провокации под «флагом» оперативно-розыскных мероприятий вынудили законодателя внести такое дополнение.

В материальный закон внесены знаковые дополнения процессуального характера, требующие обязательной проверки со стороны дознавателя, следователя, прокурора, суда, законности проведения оперативно-розыскных мероприятий, но эти дополнения не исправили сложившейся ни следственной, ни судебной практики. Такое положение вещей, по мнению автора, вызвано недопониманием судьями назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ, в котором нет места обвинительному уклону, но именно этот «уклон», не позволяющий видеть в человеке (как в обиженном, так и творящим обиду) человеческое, является главной причиной случаев осуждения невиновного в судебной практике.

Ключевые слова: справедливое судебное разбирательство, провокация преступления, оперативно-розыскное мероприятие, проверка законности, судебная практика, неквалифицированный прокурорский надзор

Для цитирования: Арсентьева С. С. Законна ли провокация? // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 44–47. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-44-47

Research article

IS PROVOCATION LEGAL?

Svetlana S. Arsentieva*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia**arss-1212@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of judicial practice — the lack of proper understanding by judges of the prohibition: to incite, incite, incite in direct or indirect form to commit illegal actions (provocations), which imposes an obligation on the courts to verify the legality of conducting an operational search event. This ban was introduced into the law “On Operational Investigative Activities” 12 years after its adoption. It can be assumed that it was the numerous abuses of law in the form of provocation under the “flag” of the operational search activities that forced the legislator to make such an addition.

Significant additions of a procedural nature have been made to the substantive law, requiring mandatory verification by the inquirer, investigator, prosecutor, court, and the legality of the operational search activities, but these additions have not corrected the established investigative or judicial practice. This state of affairs, according to the author, is caused by a misunderstanding by judges of the purpose of criminal proceedings, enshrined in Article 6 of the Code of Criminal Procedure, in which there is no place for accusatory bias, but it is this “bias” that does not allow to see in a person (both offended and offending) human, is the main reason for cases of conviction of an innocent person in judicial practice.

Keywords: fair trial, provocation of a crime, operational investigative measure, verification of legality, judicial practice, unqualified prosecutor’s supervision

For citation: Arsentieva SS. Is provocation legal? *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):44-47. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-44-47 (In Russ.)

Введение

Справедливое судебное разбирательство в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, когда одним из доказательств причастности лица к совершению преступления являются сведения, полученные при проведении оперативно-розыскного мероприятия, возможно лишь при законности его проведения. Это и должен проверить суд в ходе судебного разбирательства.

К сожалению, это очевидное требование закона зачастую не исполняется в ходе судебного разбирательства, а также при рассмотрении жалоб на приговор в вышестоящих судах общей юрисдикции.

В соответствии с абз. 4 ч. 8 ст. 5 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — закон об ОРД), которая называется «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина», при осуществлении оперативно-розыскной деятельности запрещается: подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)¹. Этот запрет внесен в закон «Об оперативно-розыскной деятельности» через 12 лет после его принятия. Можно предположить, что именно многочисленные злоупотребления правом в виде провокации под «флагом» необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) вынудили законодателя внести такое дополнение. Но в судебной практике ничего не менялось и после введения этого требования по запрету провокации при оценке сведений, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам.

Описание исследования

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации² (далее — КС РФ), подтвержденной неоднократно в его решениях, КС РФ указал, что положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не освобождают органы и должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, от обязанности обеспечивать при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий соблюдение законов, защиту прав и свобод граждан, равно как не исключают и применение различных средств контроля, включая судебный, за законностью и обоснованностью проводимых

мероприятий и использованием их результатов в уголовном судопроизводстве³.

В данном случае создалась ситуация, когда в закон вносятся знаковые дополнения, требующие уже безусловной, обязательной проверки со стороны дознавателя, следователя, прокурора, суда законности проведения ОРМ, но эти дополнения не воспринимаются правоприменителями и судебной практикой именно как обязательные.

Такое положение вещей, как представляется, вызвано недопониманием властными участниками уголовно-процессуальной деятельности назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ, в котором нет места обвинительному уклону, но именно этот «уклон», не позволяющий видеть в человеке (как в обиженном, так и творящим обиду) человеческое, по нашему мнению, является главной причиной допущение провокации при проведении ОРМ.

Если сослаться на правовые позиции ЕСПЧ (хотя это уже не так актуально), то нужно признать, что для практики применения закона об ОРД они являлись не политизированными и до последнего времени были авторитетными в вопросах применения данного специального закона.

Так, на сайте Пермского краевого суда представлен сборник «Научно-консультативного Совета» (№ 2/2014)⁴, и в нем прямо указано на то, что для правильного понимания термина «вмешательства» или «провокации» следует руководствоваться не только Обзором судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденным постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации 27.06.2012, но и постановлениями Европейского суда по правам человека по делам «Ваньян против Российской Федерации» от 15.12.2005 г., «Худобин против Российской Федерации» от 26.10.2006 г., «Банникова против Российской Федерации» от 04.11.2010 г., «Веселов и другие против Российской Федерации» от 2 октября 2012 г., «Давитидзе против России» от 30 мая 2013 г.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12081995-n-144-fz-ob/> (дата обращения: 10.02.2024).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Устинова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение КС РФ № 1537-Ш от 18 июля 2017 г. // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072017-n-1537-o/> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Донского Александра Павловича на нарушение его конституционных прав пунктами 4 и 6 части первой и частью третьей статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статьями 13, 89 и 186 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2007 года № 178-О-О // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20032007-n-178-o-o-ob/> (дата обращения: 10.02.2024), от 21 октября 2008 года № 862-О-О // URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21102008-n-862-o-o-ob/> (дата обращения: 10.02.2024), от 17 июля 2014 года № 1752-О // URL: <https://base.garant.ru/70743128/> (дата обращения: 10.02.2024). и др.

⁴ Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: тезисы доклада. С. 3–25. URL: <http://files.sudrf.ru/1542/user/files11/doc20150222-083304.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

Представляется, что тем, кто непосредственно занимается проблемами доказывания по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, эти решения ЕСПЧ знакомы. Особо среди них выделяется, с точки зрения обстоятельности анализа, дело «Веселов и другие против Российской Федерации».

Главное условие, которое не должно быть нарушено для признания ОРМ законным, заложено в правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», изложенной в абзаце первом п. 14 Постановления¹.

В тех случаях, когда материалы уголовного дела о преступлении рассматриваемой категории содержат доказательства, полученные на основании результатов оперативно-розыскного мероприятия, судам следует иметь в виду, что для признания законности проведения такого мероприятия необходимо, чтобы оно осуществлялось для решения задач, непосредственно указанных в ст. 2 закона об ОРД. При этом должны быть указаны и соблюдаться условия, предусмотренные соответственно ст. 7 и 8 указанного закона. Исходя из этих норм, в частности, оперативно-розыскное мероприятие, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведений об участии лица, в подготовке или совершении противоправного деяния.

Казалось бы, все достаточно ясно, но, к сожалению, на практике не все так однозначно с пониманием данной позиции, в которой ключевым является право на проведение ОРМ «только при наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведений об участии лица...».

Так, например, «Б. был осужден по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. В апелляционной жалобе он просил отменить приговор, так как уголовное дело сфабриковано. Судебная коллегия отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение.

Суд первой инстанции сослался в приговоре на показания свидетеля под псевдонимом С., оперуполномоченного Ш., материалы проверочной закупки, протокол обыска. Суд признал эти доказательства допустимыми, однако если провести хотя бы формальную проверку, вырисовывается опять тот же обвинительный уклон. А именно:

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31, от 30 июня 2015 г. № 30 и от 16 мая 2017 г. № 17) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1356161/> (дата обращения: 10.02.2024).

— обыск проведен с нарушением закона — на основании судебного решения от 09.04.2015, то есть до возбуждения дела в отношении Б. В решении указано, что оно принято в рамках уголовного дела в отношении другого лица. Суд не выяснил относимость этого постановления к делу Б. и не проверил, не было ли реализовано это постановление ранее;

— в приговоре суд сослался на показания свидетеля С. о виновности Б., при этом С. ранее привлекался к проведению проверочных закупок. Суд не проверил, оказывал ли С. услуги полиции на постоянной основе, что следовало учесть при оценке его показаний»².

Необходимо заметить, что отсутствие сведений у оперативных сотрудников о совершении преступлений лицом, в отношении которого проводится ОРМ, по сути приводит к незаконности проведения этих мероприятий. А квалификация действий лица, передавшего наркотик другому лицу, которое находится под контролем полиции и добровольно участвует в ОРМ, является спорной: на что лицо спровоцировано — на сбыт или на посредничество в приобретении наркотиков? Но при этом отрицается провокация, а действия оперативных сотрудников признаются законными.

В судебной практике имеют место быть прецеденты, которые подтверждают, что сущность закона об ОРД остается непонятой правоприменителями, допускающими возможность проведения ОРМ даже осужденным.

По одному из дел в отношении осужденного лица в приговоре указано, что «с целью получения от Ч. оперативной информации о совершенных на территории пгт... преступлениях» сбыл «осужденному Ч., действовавшему в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»»³, наркотическое вещество.

Феномену такого явления в уголовном судопроизводстве необходимо уделить особое внимание, учитывая, что «законность» действия осужденного «в соответствии» с законом об ОРД, не поставлена под сомнение вышестоящими судами. Это при том, что даже в учебниках по уголовно-процессуальному праву без всяких альтернатив обращается внимание студентов на то, что «оперативно-розыскная деятельность осуществляется уполномоченными органами» [1, с. 476].

Е. А. Доля в монографии, посвященной формированию доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности, пришел к выводу, что закон об ОРД не конкретизирует порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности

² Апелляционное определение ВС РФ от 03.08.2017 по делу № 33-АПУ17-17 // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatcionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082017-n-33-apu17-17/> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 6 сентября 2018 г. Дело № 1-28/2018 (1-632/2017) Уникальный идентификатор дела 25RS0029-01-2017-000459-68 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://ussuriysky--prg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5330154&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.02.2024).

в уголовный процесс, не устанавливает он и требований, которым указанные результаты должны отвечать. Обходит молчанием данные вопросы и действующее уголовно-процессуальное законодательство» [2, с. 278].

Действительно, этого нет в указанных законах, но вызывает сомнение необходимость такой мелочной детализации, при наличии общих правил, в которых законодатель указал свою позицию.

Русский ученый-правовед криминалист и практик Л. Е. Владимиров в труде об уголовных доказательствах, поучительном и актуальном до настоящего времени, так сформулировал свое мнение об уголовно-процессуальном законе и логике уголовного процесса: «Правила о том, как должны быть собираемы доказательства и как ими следует пользоваться судьбе, для того чтобы он мог вернейшим путем достичь истины в деле исследования прошедшего факта, составляют содержание логики уголовного процесса. Эта логика, в свою очередь, определяет содержание Уголовно-процессуального кодекса» [3, с. 84].

О. Я. Баев, Д. А. Солодов в своей работе, раскрывая «генезис и сущность закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ норм доказательственного права» усмотрели логику уголовного процесса, которая до настоящего времени, к сожалению, не воспринимается судебной практикой в полной мере. По мнению О. Я. Баева и Д. А. Солодова, при рассмотрении условий законности проведения ОРМ, при оценке поступивших материалов «оперативно-розыскной деятельности с точки зрения возможности их использования в доказывании, следователь в первую очередь должен оценить, соблюдено ли при осуществлении конкретных оперативно-розыскных мероприятий это категорическое требование, не являются ли его результаты

следствием учиненной в отношении разрабатываемого лица провокации» [4, с. 166].

Заключение

Как представляется, чтобы эта логика была воспринята правоприменителями, необходимо внести в ст. 73 УПК РФ дополнения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, а именно, доказывания правомерности проведения ОРМ при расследовании уголовных дел и рассмотрении их в суде. Ведь цель ОРД — получение оперативной информации, которая должна быть проверена процессуальным путем. И только результаты следственных действий, проведенных для их проверки, по закону могут быть признаны доказательством в суде.

Следует внести дополнение в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 55 от 29 ноября 2016 г. «О судебном приговоре» и обратить внимание судов на то, что в законе об ОРД содержится императивная норма о запрете провокации, что обязывает суды при рассмотрении уголовных дел обращать внимание на соблюдение этого запрета в ходе предварительного расследования.

Однако предложенные новации не дают ответа на поставленный В. Н. Борковым категорический вопрос: «Жертва оперативной провокации или преступник?» [5, с. 111–116] в силу того, что применение любого закона не застраховано от нарушений его предписаний, так как идеального правосудия человечество еще не выдумало, но существует запрос правоприменительной практике на решение «вопросов, сложившихся в одном из важнейших направлений человеческой деятельности в рассматриваемой области — использование данных, полученных оперативно-розыскным путем, в уголовном судопроизводстве» [6, с. 121–126].

Список источников

1. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 2017. 1280 с.
2. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : монография. Москва : Проспект, 2014. 376 с.
3. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. 464 с.
4. Баев О. Я., Солодов Д. А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации : практическое пособие. Москва : Эксмо, 2009. 208 с.
5. Борков В. Н. Жертва оперативной провокации или преступник? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 111–116. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-111-116
6. Гоннов Р. В., Гончаров К. В., Затона Р. Е. Возможности использования данных, полученных оперативным путем, в уголовном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 12 (151). С. 121–126.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.02.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

Научная статья
УДК 343.101
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-48-54

С. 48–54

ИТ-СЛЕДОВАТЕЛЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сергей Васильевич Зуев¹, Анатолий Игоревич Зазулин²

¹ Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
zuevsergej@inbox.ru

² Юридическая фирма «ИНТЕЛЛЕКТ», Екатеринбург, Россия
a.zazulin@intellect.law

Аннотация. Данная работа посвящена вопросам расследования преступлений, отличающихся сложностью и широким применением цифровых технологий. Авторы утверждают, что уголовное судопроизводство в настоящее время нуждается в модернизации за счет привлечения технологий, а также в обеспечении высококвалифицированными следователями, способными использовать знания междотраслевых наук для решения техногенных задач уголовного процесса.

Многие преступления совершаются с использованием современных технологий. При этом преступления становятся все более изощренными, технологичными. Расследование их могут осуществлять ИТ-следователи. Представляется, что уровень компетенции последних может определяться категорией преступлений, определяемой по способу совершения преступлений. Высококвалифицированные следователи должны также заниматься расследованием преступлений, связанных с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой.

Авторами обосновывается, что ИТ-следователь должен уметь работать с большими данными, читать экспертные заключения по результатам проведения компьютерно-технических экспертиз любой сложности, широко применять электронные документы, в перспективе использовать электронного помощника. Цифровая видеотека, аудиозаписи и фотографии могут накапливаться в облачных пространствах, относительно которых на сегодня имеются различные предложения по применению программного обеспечения, моделированию, алгоритмизации процессов.

Ключевые слова: следователь, расследование, уголовное дело, информационные технологии, уголовное дело

Для цитирования: Зуев С. В., Зазулин А. И. ИТ-следователь в цифровой среде уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 48–54. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-48-54

Research article

IT-INVESTIGATOR IN THE DIGITAL ENVIRONMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey V. Zuev¹, Anatoly I. Zazulin²

¹ South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
zuevsergej@inbox.ru

² INTELLECT Law Firm, Yekaterinburg, Russia
a.zazulin@intellect.law

Abstract. This paper is devoted to the issues of investigation of crimes characterized by complexity and extensive use of digital technologies. The authors argue that criminal proceedings nowadays need modernization through the involvement of technology, as well as the provision of highly qualified investigators who are able to use the knowledge of interdisciplinary sciences to solve technogenic problems of criminal proceedings.

Many crimes are committed with the use of modern technologies. At the same time, crimes are becoming more and more sophisticated and technological. They can be investigated by IT-investigators. It seems that the level of competence of the latter can be determined by the category of crimes, defined by the method of committing crimes. Highly qualified investigators should also investigate crimes related to digital financial assets and digital currency.

The authors substantiate that an IT investigator should be able to work with big data, read expert opinions on the results of computer-technical examinations of any complexity, widely use electronic documents, and in the future use an electronic assistant. Digital video library, audio recordings and photos can be accumulated in cloud spaces, regarding which today there are various proposals for the application of software, modeling, algorithmization of processes.

Keywords: investigator, investigation, criminal case, information technology, criminal case

For citation: Zuev SV, Zazulin AI. IT-investigator in the digital environment of criminal proceedings. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):48-54. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-48-54 (In Russ.)

Введение

В настоящее время наблюдается все больший разрыв между знающими людьми и теми, кто существенно отстает от первых. Развитие науки и техники делает одних увлеченными в поисках новых знаний, других — довольствующимися малым, достаточным и простым. Сложные технологии пугают и отталкивают последних, однако кого-то они увлекают поисками истины в хорошо запутанных лабиринтах правды.

Описание проводимого исследования

Информационные технологии обретают цифровую среду и вместе с этим требуют правового регулирования осуществления деятельности в новых условиях. Уголовное судопроизводство нуждается в модернизации за счет привлечения технологий, а также в обеспечении высококвалифицированными следователями, способными использовать знания междотраслевых наук для решения техногенных задач уголовного процесса.

Прежде всего, это касается следователей, от которых зависит результат расследования преступлений и окончательный итог досудебного производства по уголовным делам. Существующая специализация следователей происходит с учетом подследственности без учета особенностей расследования отдельных видов преступлений, сложности в установлении некоторых обстоятельств преступлений. Известные критерии (правила) не позволяют выделить спектр преступлений, расследование по которым требует применения соответствующих информационных технологий. Последние являются неким ответом на изощренность, высокотехнологичность самих преступлений.

Результаты проводимого исследования, обсуждение

Многие преступления совершаются с использованием современных технологий. При этом преступления становятся все более изощренными, технологичными. Расследование их могут осуществлять IT-следователи. Представляется, что уровень компетенции последних будет определяться, прежде всего, категорией преступлений, по которым предстоит проводить расследование. Возможно, что речь идет о новой подследственности, определяемой по способу совершения преступлений.

Представляется, что такими способами совершения преступлений могут быть, например, использование сетевых атак, использование вредоносного ПО, использование незаконно полученных идентификаторов (логин, пароль, PIN-код, и др.) и другой конфиденциальной информации, использование уязвимостей в программном обеспечении локального или

удаленного устройства, аудиоперехват, электромагнитный перехват и т. п.

Так, преступления могут совершаться с использованием «бот-сети». Бот-сети — это сети взаимосвязанных компьютеров с удаленным управлением, как правило, зараженных вредоносными программами, которые преобразуют зараженную систему в так называемые «боты», «роботы» или «зомби». Пользователь сети Интернет не подозревает о заражении его устройства. Тем временем бот-сети устанавливают устойчивое соединение с компьютером злоумышленника («сервером управления и контроля») или другими ботами для получения инструкций, загрузки дополнительного программного обеспечения и передачи информации, собранной в зараженной системе. Бот-сети в таких деяниях будут являться орудием преступления, посредством которого осуществляются DDoS-атаки, хищение данных личного характера, незаконный доступ, перехват или получение цифровой информации, хостинг вредоносных сайтов и доставка «полезной нагрузки» других вредоносных программ, рассылка спама, что может рассматриваться как незаконный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Кроме того, бот-сети могут использоваться в целях незаконного получения прибыли, например, при мошенничестве [8, с. 55].

Схожим является способ рассылки электронных писем, иных сообщений с вредоносными вложениями от той или иной организации или лица. Порой письмо, иное сообщение содержит эксплойт¹ (подвид вредоносной программы, который содержит данные или исполняемый код, использующий уязвимости в программном обеспечении на локальном или удаленном компьютере²) или сразу вредоносную программу.

С помощью удаленного управления или автоматических переводов через системы бухгалтерского учета 1С может происходить хищения средств со счетов юридических лиц.

Распространенным способом хищений является веб-фишинг³ — атаки, основанные на массовой рассылке сообщений. Причем, для повышения таких атак могут использоваться домашние роутеры, перенаправляющие пользователей на соответствующие сайты.

¹ Эксплойт — от англ. exploit — использовать.

² Что такое эксплойты и почему их все так боятся? // Блог Касперского. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/exploits-problem-explanation/8459/> (дата обращения: 25.02.2024).

³ Веб-фишинг — вид мошенничества в сети Интернет, построенный на принципах социальной инженерии, посредством реализации которого злоумышленники получают доступ к конфиденциальным данным и личной информации пользователей.

Не стоит также недооценивать возможную пользу от IT-следователей в борьбе с организованной преступностью, которая в последнее время все больше переходит на «цифровые рельсы». Преступники организуют свою деятельность посредством использования Даркнета, специальных или обычных мессенджеров и цифровых устройств. Один из таких примеров — полукриминальная сеть Encrochat. Компания с одноименным названием гарантировала своим пользователям полную конфиденциальность, продавая модифицированные смартфоны без USB-портов и прочих модулей аппаратной связи с собственной операционной системой. Связь между телефонами осуществлялась с помощью нескольких уровней шифрования через собственные серверы компании. Таким образом, «Encrochat» обеспечивала обособленный и зашифрованный от остального интернета трафик, использовавшийся преступниками для координации своей деятельности. Хотя сеть Encrochat не была полностью изолирована от интернета, но фактически ее инфраструктура не позволяла установить точное местонахождение мобильных устройств пользователей. Взлом и последующее раскрытие криминальной сети Европолом стали возможны только после установления местонахождения выделенных серверов компании во Франции [11, с. 452].

Если в ходе расследования преступлений появляются данные, указывающие на то, что преступная группа использует для организации своей деятельности цифровые технологии, то к расследованию должен подключаться IT-следователь — например, посредством участия в составе следственной группы (ст. 163 УПК РФ).

IT-следователь должен также заниматься расследованием преступлений, связанных с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой. Сложности в расследовании таких преступлений очевидны. Следователю требуются знания в экономике и цифровых технологиях в этой сфере.

Особенности расследования такого рода преступлений раскрываются через задачи с учетом требований уголовно-процессуального закона и существующих методик расследования.

Основной задачей предварительного расследования как стадии уголовного процесса является раскрытие преступления. Законодатель не определяет понятия «раскрытие преступления». В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) такое словосочетание встречается в статье 317.1 применительно к вопросу о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. То, что раскрытие преступлений является задачей досудебного производства не вызывает никаких сомнений. В теории оперативно-розыскной деятельности отношение к данному понятию неоднозначно.

Раскрытие преступлений понимается как задержание лица, совершившего преступление, с личным; установление лица, его совершившего, избличение,

доставление к следователю; факт подтверждения виновности лица в совершении преступления, который отражается в предъявлении ему обвинения следователем; обеспечение доказательственной базой в виновности всех участников преступления, которое достигается к концу расследования, когда следователь направляет уголовное дело в суд; привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, которое выражается в обвинительном приговоре [4, с. 13].

В любом случае просматривается обеспечительная роль оперативно-розыскной деятельности по отношению предварительному расследованию. В этом видится ее главное предназначение, результативность и эффективность.

Решение рассматриваемой задачи предполагает установление наличия уголовно наказуемого деяния, обнаружение всех его проявлений (эпизодов, квалифицирующих признаков), выявление и избличение лиц его совершивших [6, с. 188]. Задача является сложной, требующей высокого профессионализма от следователя и решается прежде всего благодаря взаимодействию с сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. При этом должны соблюдаться *принципы недопустимости разглашения планов и полученных результатов совместной работы (конспирация), непрерывности и динамичности взаимодействия.*

В ходе проведения гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий могут применяться цифровые технологии. Правовой основой этого выступают статьи 38, 144, 152, 157 и 210 УПК РФ. При организации и проведении таких мероприятий следует также руководствоваться Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ и подзаконными нормативными правовыми актами.

IT-следователь должен иметь представление о цифровых следах, которые представляют собой результат действий человека или автоматизированной системы, воплощенные, как правило, в текстовой или мультимедийной форме, и пригодные к трансформации в доказательства по уголовным делам в электронном виде.

«Обычный следователь» также сталкивается с обнаружением и фиксацией цифровых следов. Так, например, при расследовании факта получения взятки следователю предстоит фиксировать цифровые следы, указывающие на подготовительные действия злоумышленника (возможно была предварительная договоренность о встречах взяткодателя с взяткополучателем, решался вопрос об участии посредника при передаче-получении взятки). Часто общение между взяткодателем и взяткополучателем происходит не при встречах, а с помощью средств компьютерной техники, мобильных устройств, когда информационный обмен осуществлялся с помощью SMS-сообщений,

¹ СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 25.02.2024).

сообщений в мессенджерах, электронных писем и фиксация факта передачи-получения взятки также была на электронных информационных носителях [8, с. 71].

Однако IT-следователь должен уметь работать с большими данными, читать экспертные заключения по результатам проведения компьютерно-технических экспертиз любой сложности, широко применять электронные документы и в перспективе использовать электронного помощника. Цифровая видеотека, аудио-записи и фотографии могут накапливаться в облачных пространствах, относительно которых на сегодня имеются различные предложения по применению программного обеспечения, моделирования, алгоритмизации процессов.

Для этого, в первую очередь, предполагается, что обучение (повышение квалификации) таких следователей будет производиться в особом порядке, посредством привлечения не только теоретиков уголовно-процессуального права, но и экспертов в области цифровых технологий и компьютерной безопасности.

Следует отметить, что эффективное применение цифровых технологий при расследовании уголовных дел возможно только в случае согласованной работы трех групп: исследователей, правоприменителей и экспертов-программистов. Исследователи готовят теоретическую основу и методики для последующего применения на практике. Однако эти конструкции нуждаются в шлифовке и реализации через участие экспертов, корректирующих полученные результаты с позиции информатики, и правоприменителей, которые знают все многообразие проблем и подводных камней, свойственных практике [7, с. 387–395].

Таким образом, подготовка IT-следователей должна осуществляться по специальным образовательным программам, сочетающим как теоретические курсы, подготовленные ведущими учеными в сфере цифровизации уголовного процесса, так и практические занятия с экспертами-программистами, объясняющими, как работают и как могут применяться те или иные цифровые технологии. Создание таких программ обучения и подготовки кадров, основанных на триединстве теории, практики и экспертизы, является важной предпосылкой не только введения института IT-следователей, но и его последующего эффективно функционирования.

В ходе производства экспертизы при исследовании цифровых следов, цифровых носителей информации эксперт применяет специальные приемы и методики, которые, в свою очередь, основаны на применении цифровых технологий. В заключении эксперт указывает содержание и результаты исследования с указанием примененных методик, с которыми должен быть хорошо знаком следователь. При необходимости следователь может назначить дополнительную и повторную экспертизу (ст. 207 УПК РФ).

Многие ученые пишут о различных вариантах применения электронного помощника следователя [1; 2; 5], который мог бы быть использован для обработки

процессуально значимой цифровой информации, включая видеоизображения, а также анализа правовой информации, выбора методических рекомендаций. Важным аспектом является реконструкция криминального события. Цифровой ассистент следователя, используя математические методы, моделирование и автоматическую проверку информации мог бы оказать в этом существенную помощь.

Изобличение виновных в совершении преступления — другая, не менее важная задача предварительного расследования, которая вытекает из задачи раскрытия преступлений. Решение данной задачи направлено на реализацию принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление. Осуществляя уголовное преследование, орган предварительного расследования доказывает виновность всех лиц, причастных к совершению преступления, для обеспечения применения к ним наказания или иных мер уголовно-правового воздействия.

Преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий, могут быть разные. На первоначальном этапе расследования следователь, как правило, действует в условиях информационной неопределенности. Информация о событии преступления может быть и в цифровом виде. Для ее получения необходимо провести следственные действия — обыск, осмотр, выемку. С целью обнаружения цифровых следов следователь обязан привлечь специалиста, который будет применять различные программы. С учетом ст. 58 УПК РФ специалистом в данном случае будет лицо, обладающее специальными познаниями в цифровых технологиях, оказывающее следователю содействие в обнаружении, фиксации и изъятии цифровых следов и вещественных доказательств, с применением специфических технических средств, приемов и методик. IT-следователь мог бы приглашать специалиста для участия в следственных действиях по своему усмотрению. При работе с цифровыми следами следователь такого уровня должен определять степень сложности изъятия или копирования данным. Такое усмотрение следовало бы закрепить в законе.

Еще более актуальной станет роль IT-следователя в случае введения в уголовный процесс дополнительных цифровых следственных действий, таких как компьютерное моделирование с помощью нейросетей или онлайн-обыск. Уже сейчас нейросети позволяют обычным пользователям не только генерировать различные изображения, но и моделировать самые разные ситуации. Поэтому в рамках множества исследований идет работа над применением алгоритмов нейросетей в моделировании и предсказании преступлений (т. н. *algorithmic crime control*) [9, с. 273–296].

В эффективном применении таких алгоритмических моделей огромную роль играет навык пользователя по правильному составлению запросов и введению исходных данных (*промттинг, промтинжиниринг*). От следователя при применении таких методов расследования требуется давать программе

четкие инструкции и вводные данные, позволяющие получить объективный результат генерации. Для этого не требуется специальных знаний, т. к. интерфейс современных нейросетевых инструментов позволяет задавать вводные данные на естественных языках (а не языках программирования). Между тем, использование нейросетей потребует от пользователя обладать соответствующим навыком промптинга, который должен быть развит у IT-следователя.

Аналогичных специальных навыков потребует и осуществление онлайн-обыска, представляющего собой удаленный взлом цифрового устройства подозреваемого с помощью специального компьютерного следственного вируса. Программа устанавливается на компьютер обвиняемого (или иных лиц в случаях, предусмотренных законом), после чего может записывать видеозвонки, сохранять введенные пароли, самостоятельно включать микрофон устройства и веб-камеру для записи переговоров [10, с. 55–75].

Переход на цифровой формат ведения уголовного судопроизводства позволит отказаться от бумажных носителей информации, широко использовать электронные документы и дистанционные формы коммуникаций, обеспечить экономию материальных средств и времени, упрощение и защиту данных (А. Ф. Абдулвалиев, М. С. Колосович, М. В. Пальчикова, Е. Г. Ларин, Л. Н. Симанович, П. В. Козловский, Ю. Н. Познанский, Н. Н. Штыкова и др.). В связи с этим возможности сторон будут значительно увеличены. Актуализируется задача по обеспечению участия обвиняемого и других лиц в производстве по делу.

Прежде всего, это касается стороны защиты и взаимодействия с ней следователя. После перехода на формат «Электронное уголовное дело» у стороны защиты появятся новые возможности, в том числе возможность в автономном режиме прикреплять полученные доказательства в электронном виде, используя единую цифровую площадку осуществления производства по уголовным делам [3, с. 132–135].

Электронная форма подачи заявления станет обычным делом. При производстве следственных действий широко будет использоваться видеозапись, стороне защиты будет предоставлено право на получение копии технической записи и доступа к ее оригиналу неограниченное время.

Применение технических средств фиксации (видеопотоколирование) позволяет сократить сроки рассмотрения путем исключения времени на ознакомление с протоколом в бумажном виде, исключить ошибки и различное толкование, дисциплинировать участников судебного процесса, автоматизировать регистрацию и дальнейшую публикацию протоколов на сайтах судов, создавать архивы, что также обеспечит быстрый поиск документов по заданным параметрам.

Электронное уголовное дело предполагает широкое использование электронных документов. Поэтому понадобится обеспечить всех участников следственных или судебных действий электронной подписью,

что придаст легитимность документам и обеспечит выполнение требований закона. Цифровая система уголовного судопроизводства позволит любому участнику уголовно-процессуальных отношений самостоятельно прикреплять документы в электронном виде. Для стороны защиты — это возможность реализовать в какой-то степени так называемое адвокатское расследование, так как откроются дополнительные возможности по сбору и прикреплению к делу доказательств. Лицо, производящее расследование, должно лишь получить уведомление об этом и контролировать ситуацию.

Для стороны защиты представляется важным обеспечить цифровую конфиденциальную видеоконференцсвязь адвоката с подзащитным. Такой канал может иметь самостоятельную функцию, но обязательно анонсироваться (фиксироваться, отражаться) в общем электронном деле. Интерфейс может предусматривать специальную вкладку для подключения данных лиц к видеосвязи¹.

Расширение возможностей сторон по использованию цифровых технологий не должно повлечь сокращения объема процессуальных гарантий и предполагает по возможности сохранение существующих стандартов и принципов уголовного судопроизводства. Производством по уголовным делам в электронном виде, как минимум на первое время после внедрения цифровой платформы, должны заниматься IT-следователи.

Принятие мер к установлению вреда, причиненного преступлением, и его возмещению является еще одной задачей предварительного расследования. В развитии положения ст. 6 УПК РФ, закон предусматривает обеспечение уполномоченными должностными лицами и государственными органами возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением (ч. 3 ст. 42 УПК РФ). Характер и размер вреда, причиненного преступлением, выступает в качестве одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

При подготовке к совершению преступления или позже субъекты преступления, используя цифровые технологии, как правило, применяют меры к его сокрытию. Их действия направлены на сокрытие как материальных, так и цифровых следов, что может также быть связано с сокрытием объема причиненного ущерба.

При этом могут быть использованы такие способы, как маскировка или сокрытие исходного IP-адреса системы, создание скрытых файлов и каналов, использование методов шифрования, использование самоуничтожающихся программ, изменение интернет-протоколов и др.

Сложности в установлении причиненного ущерба преступлением также могло бы служить одним

¹ В СИЗО внедряются онлайн-встречи с адвокатами // Адвокатское бюро «Антонов и партнеры»: [сайт]. URL: <https://pravo163.ru/v-sizo-vnedryayutsya-onlajn-vstrechi-s-advokatami/> (дата обращения: 25.02.2024).

из критериев передачи IT-следователю дела для проведения расследования.

Участие IT-следователя в досудебном производстве по уголовным делам могло бы иметь *профилактическое и воспитательного воздействия на граждан*. Как известно, правовое воспитание на стадии предварительного расследования включает в себя: ознакомление участников уголовного процесса с предписаниями закона и формирование у них уважения к праву; предоставление возможности применять нормы права в конкретных случаях; разъяснение необходимости и потребности исполнения требований закона; демонстрация отрицательного отношения к преступлениям и лицам, их совершающим; предоставление возможности отстаивать свои, а также представляемые права и законные интересы. Правовое воспитание — это эффективное средство профилактики совершения преступлений.

Уровень IT-следователя будет способствовать повышению авторитета правоохранительных органов и в какой-то мере сдерживать лиц от совершения противоправных действий, понимая, что неотвратимость наказания неизбежна. Высокая квалификация IT-следователей позволит эффективно бороться с новыми вызовами — и, что не менее важно, их работа должна будет сопровождаться постоянным повышением квалификации, позволяющим всегда опережать преступность

в гонке за сохранение правопорядка и безопасности общества. IT-следователи и программы их обучения только начинают появляться в некоторых странах (например, Германии¹), что обуславливает все большую актуальность данного вопроса.

Результат исследования и выводы

Подводя итог, следует отметить, что выделение IT-следователей в отдельную группу позволит сосредоточить внимание правоохранительных органов и высших учебных заведений на подготовку соответствующих кадров и грамотному планированию, организации работы органов предварительного расследования. При этом массовая распространенность цифровых технологий в общественной жизни дает иллюзию их постижимости специалистом в любой области знаний. Только высококвалифицированные специалисты в области уголовно-процессуального права и цифровых технологий будут решать задачи повышенной сложности, что позволит иметь равное, а то и преимущественное положение в борьбе с преступностью.

¹ Computer Hacking Forensic Investigator (CHFI) / TÜV Rheinland. URL: <https://akademie.tuv.com/weiterbildungen/computer-hacking-forensic-investigator-chfi-ilearn-14821813> (дата обращения: 25.02.2024).

Список литературы

1. Буглаева Е. А. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов по составлению процессуальных документов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22, № 1. С. 7–12;
2. Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 9–18.
3. Зуев С. В., Каменев А. С. Собираение и проверка электронной доказательственной информации стороной защиты в уголовном судопроизводстве : монография. Москва : Юрлитинформ, 2024. 160 с.
4. Зуев С. В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2020. 191 с.
5. Смушкин А. Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14, вып. 1 С. 90–106.
6. Уголовный процесс : учебник / С. В. Зуев, К. И. Сутягин. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 463 с.
7. Цветкова А. Д. Проблема рассогласованности при цифровизации правоохранительной деятельности // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (Казань, 22 сентября 2023 года) : в 6 т., Т. 3. Казань : Познание, 2023. С. 387–395.
8. Цифровая криминалистика : учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.] ; под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. Москва : Юрайт, 2023. 417 с.
9. Sommerer L., § 9 Algorithmic crime control between risk, objectivity, and power // The Law between Objectivity and Power (ed. Philip M. Bender). P. 273–296. DOI: 10.5771/9783748927211-273
10. Ramalo D. S. The use of malware as a means of obtaining evidence in Portuguese criminal proceedings // Digital Evidence and Electronic Signature Law Review. 2014. Vol. 11. P. 55–75.
11. Wahl Th. Verwertung von im Ausland überwachter Chatnachrichten im Strafverfahren Zugleich Besprechung der EncroChat-Beschlüsse des OLG Bremen v. 18.12.2020 — 1 Ws 166/20, und OLG Hamburg v. 29.1.2021 — 1 Ws 2/21 // ZIS. 2021. № 7-8. P. 452–461.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The contribution of the authors is equivalent.

Дата поступления статьи / Received: 29.02.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.03.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 25.04.2024.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Татьяна Геннадьевна Жукова¹, Кирилл Андреевич Долгополов², Алексей Петрович Жуков³

^{1,2,3} Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

¹ tany_zhukova@mail.ru

² nadal06@mail.ru

³ zhykov_alex@mail.ru

Аннотация. В статье отражается результат проведенного научного исследования положений законодательства и доктрины, определяющие содержание условий, при которых не применяются меры уголовно-правового характера к лицам, призванным на военную службу в период мобилизации или в военное время, а также заключившим в период мобилизации, военного времени и (или) военного положения контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, при условии их награждения или увольнения по определенным законом основаниям. Актуальность такого исследования предопределена в первую очередь тем, что рассматриваемые уголовно-правовые нормы были внесены в Уголовный закон совсем недавно. Положения ст. 78.1, 80.2 и ч. 3.1 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации носят бланкетный характер, условия и порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания, в них предусмотренные, во многом отличаются от условий, которые характерны для других обстоятельств освобождения от ответственности. Авторы обращают внимание, что решение федеральных органов исполнительной власти о неприменении мер уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы к лицам, совершившим преступление, не зависит от того, к какой категории, в соответствии со ст. 15 УК РФ, следует отнести это преступление. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы не происходит одновременно, а предполагает как минимум два этапа. Первый выражается в приостановлении применения уголовно-правовых мер к лицу, пока он служит, при условии осуществления контроля за ним командиром воинской части или учреждения. Второй заключается в окончательном отказе от привлечения лица к уголовной ответственности. Основанием прекращения для лица всех уголовно-правовых последствий совершения им преступления в таком случае является одно из указанных в законе. Это или награждение военнослужащего государственной наградой, или увольнение с военной службы в связи с достижением определенного возраста или признание лица военно-врачебной комиссией не годным к военной службе по состоянию здоровья, или в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, погашение судимости, поощрение участников специальных военных операций

Для цитирования: Жукова Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 55–60. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-55-60

Research article

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH MILITARY SERVICE

Tatyana G. Zhukova¹, Kirill A. Dolgoplov², Alexey P. Zhukov³

^{1,2,3} North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

¹ tany_zhukova@mail.ru

² nadal06@mail.ru

³ zhykov_alex@mail.ru

Abstract. The article reflects the result of a scientific study of the provisions of legislation and doctrine that determine the content of the conditions under which criminal law measures are not applied to persons called up for military service during the period of mobilization or in wartime, as well as those imprisoned during the period of mobilization, wartime

and (or) a martial law contract for military service in the Armed Forces of the Russian Federation, subject to their award or dismissal, on grounds specified by law. The relevance of such a study is predetermined primarily by the fact that the criminal law provisions in question were introduced into the Criminal Law quite recently. Provisions of Art. 78.1, 80.2 and part 3.1 of Art. 86 of the Criminal Code of the Russian Federation are of a blanket nature, the conditions and procedure for exemption from criminal liability and the punishments provided for in them differ in many respects from the conditions that are typical for other circumstances of exemption from liability. The authors note that the decision of the federal executive authorities on the non-application of criminal liability measures in connection with military service to persons who have committed a crime, does not depend on what category, in accordance with Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, this crime should be included. Exemption from criminal liability in connection with military service does not occur simultaneously, but involves at least two stages. The first is expressed in the suspension of the application of criminal legal measures to a person while he is serving, subject to control over him by the commander of a military unit or institution. The second is the final refusal to bring the person to criminal responsibility. The basis for the termination for a person of all criminal legal consequences of committing a crime in this case is one of the alternatives specified in the law. This is either the awarding of a state award to a serviceman or dismissal from military service due to reaching a certain age, or recognition of a person by a military medical commission as unfit for military service due to health reasons or due to the end of the mobilization period, the abolition (termination) of martial law and (or) the expiration of martial law time.

Keywords: exemption from criminal liability, exemption from punishment, expungement of criminal records, encouragement for participants in special military operations

For citation: Zhukova TG, Dolgopолов KA, Zhukov AP. Exemption from criminal liability in connection with military service. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):55-60. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-55-60 (In Russ.)

Введение

В апреле 2024 года в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) были внесены существенные изменения, касающиеся условий освобождения от уголовной ответственности и наказания¹.

Глава 11 УК РФ дополнена ст. 78.1, предусматривающей основание освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу, а глава 12 УК РФ — ст. 80.2, устанавливающей условия освобождения от наказания по тем же основаниям. Бесспорно, новый уголовно-правовой институт имеет определенные исторические предпосылки его появления, поэтому анализ содержания уголовно-правовой нормы следует начать с непосредственных причин ее генезиса.

Материал и методы

Материал исследования образует совокупность правовых норм национального и зарубежного права, включая теоретические источники (научные статьи и исследования) и комментарии специалистов из различных областей права по вопросам освобождения от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы.

В основу исследования положены общенаучные и частнонаучные методы научного познания. Среди собственно юридических методов применены формально-юридический (догматический) метод, сравнительно-правовой.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472777/ (дата обращения: 01.05.2024).

Результаты и обсуждение

В условиях сложившихся внешнеполитических обстоятельств 24 июня 2023 года был принят Федеральный закон № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»², в соответствии с которым предусматривалась возможность привлекать к участию в специальных военных операциях (далее — СВО) большее количество лиц, желающих искупить свою вину, приняв участие в военных действиях, защищая свою страну.

Указанный правовой акт предусматривал основание освобождения от уголовной ответственности, которое не было предусмотрено в Уголовном законе. Так, ст. 2 указанного федерального закона закрепила положение, что лицо, совершившее преступление, освобождалось от уголовной ответственности при условии призвания его на военную службу по мобилизации по ходатайству командира воинского учреждения или в случае заключения контракта о прохождении военной службы в период военного положения или военного времени. Следует подчеркнуть, что в качестве одного из обязательных условий в описанной статье указывалось, что освобождение от уголовной ответственности возможно только при совершении преступлений небольшой или средней тяжести. Освободиться по этому правилу не должны были виновные в совершении преступлений, которые характеризуют лиц, их совершивших, как несовместимых с военной службой. К таким общественно-опасным деяниям законодатель отнес публичные призывы к осуществлению

² СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450391/ (дата обращения: 01.05.2024).

террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма (ч. 1 ст. 205.2 УК РФ), незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными материалами (ч. 1 и 2 ст. 220 УК РФ), хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ч. 1 ст. 221 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

В рассматриваемом федеральном законе предусматривалось и новое основание освобождения от наказания условно, причем независимо от категории совершенного лицом преступления. В ст. 5 было закреплено положение о том, что, если лицо не отбыло наказание или не было ранее от него освобождено, при условии призыва его на военную службу по мобилизации или заключения им контракта о прохождении военной службы в период военного положения или военного времени, оно освобождается от наказания.

В ст. 6 рассматриваемого федерального закона указывалось особое условие погашения судимости, в качестве которого признавалось награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, либо увольнение с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Исключением из указанного правила являлась судимость за ряд преступлений террористической направленности, против мира и безопасности человечества, против половой неприкосновенности несовершеннолетних и других. Исчерпывающий перечень преступлений, судимость за которые не погашалась по вышеуказанному основанию, устанавливался в ст. 2 рассматриваемого федерального закона.

Следует согласиться с тем, что Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», по своему содержанию являлся весьма актуальным, закрепляемые в нем нормы были необходимы в условиях проведения СВО. Описанный правовой механизм освобождения от ответственности должен был способствовать достижению целей наказания, а также обеспечивать дополнительными возможностями комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации¹.

Несмотря на всю целесообразность принятия правовых норм, об освобождении от уголовной ответственности в связи с поступлением на военную службу в сегодняшних условиях проведения СВО, с принятием указанного федерального закона возникла очевидная проблема, заключающаяся в невозможности его применения как противоречащего принципу законности (ст. 3 УК РФ). К лицу могут применяться уголовно-правовые меры, только если они установлены в уголовном

законодательстве [1, с. 131]. Принципы уголовного права, установленные в УК РФ, носят императивный характер, то есть их требования «строго обязательны и не допускают отступлений» [2, с. 7].

Н. Н. Загвоздкин и Е. О. Коршикова, проведя научный анализ рассмотренного федерального закона, пришли к обоснованному выводу, что он принят «вопреки положениям ст. 1 УК РФ» [3, с. 102].

Так как уголовное законодательство состоит только из Уголовного кодекса, принятие описанного федерального закона привело к нарушению основных принципов, на которых строится уголовно-правовое регулирование. Поэтому логичным было прекращение его действия и введение положений о специальных правилах наступления (ненаступления) уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции в Уголовный кодекс. Правда был и другой путь легализации освобождения от ответственности в связи с участием в СВО, а именно издание акта об амнистии, в соответствии с которым можно и освободить от уголовной ответственности, и от наказания, и снять судимость определенной категории лиц (ст. 84 УК РФ). Тогда рассмотренные правила носили бы временный характер.

Анализ положений действующей сегодня ст. 78.1 УК РФ позволяет сформулировать следующие условия освобождения от уголовной ответственности.

Во-первых, от ответственности освобождается лицо, признающее себя виновным в совершении преступления, но до вынесения в отношении него обвинительного приговора суда. При этом не имеет значения, несудимое или ранее судимое лицо совершило преступление. Не имеет значение и к какой категории относятся совершенное преступление, и на какой объект уголовно-правовой охраны оно посягает. Исключение составляет только совершение следующих преступлений:

— против половой неприкосновенности несовершеннолетних (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, чч. 3–6 ст. 134, чч. 3–5 ст. 134 УК РФ);

— некоторых преступлений в сфере экономики (ст. 189 УК РФ, ст. 200.1 УК РФ);

— ряда преступлений, посягающих на общественную безопасность (ст. 205–205.5, ст. 206, ст. 208–211, п. «б» ч. 2 ст. 215.4, ст. 217.1, 220, 221, 226.1, 229.1, 274.1 УК РФ);

— определенных преступлений против государственной власти (ст. 275, 275.1, 276–280.2, 280.4, 281–281.3, 282.1–282.3, 283–283.2, 284, ч. 2 ст. 332.1 УК РФ);

— четырех видов преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 355, 359–361 УК РФ).

Как видно, совершение разбоев, убийств, причинение тяжкого вреда здоровью и других особо тяжких преступлений, не исключает освобождения от уголовной ответственности, в отличие от рассмотренного ранее федерального закона № 270-ФЗ, который предусматривал возможность освобождения от ответственности только при совершении преступлений небольшой или средней тяжести.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/378326-8> (дата обращения: 01.05.2024).

Во-вторых, законодательно определены категории лиц, которые могут быть освобождены от ответственности на основании, указанном в ст. 78.1 УК РФ. К ним относятся следующие лица.

1. Призванные на военную службу в период мобилизации. Призыву на военную службу по мобилизации подлежат граждане, пребывающие в запасе, не имеющие права на отсрочку от призыва на военную службу¹.

2. Призванные на военную службу в военное время, которое наступает с момента объявления федеральным законом состояния войны, в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации².

3. Заключившие в период мобилизации или военного времени контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

4. Заключившие контракт о прохождении военной службы в период военного положения, то есть во время, когда в случае агрессии против России или непосредственной угрозы такой агрессии на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ вводится особый правовой режим³.

В-третьих, не имеет значения, до поступления на военную службу или во время ее прохождения лицо совершило преступление.

В-четвертых, юридическим фактом, с которым закон связывает освобождение от уголовной ответственности указанных лиц, является альтернативно или награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, или увольнение с военной службы по указанным в законе основаниям. К таким основаниям относятся следующие:

— достижение лицом предельного возраста пребывания на военной службе (по общему правилу это 50 лет для мужчин и 45 лет для женщин);

— в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе по состоянию здоровья;

— в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени⁴.

¹ О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации : Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/cons/>. (дата обращения: 01.05.2024).

² Об обороне : Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 01.05.2024).

³ О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 01.05.2024).

⁴ О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28.03.1998 53-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 01.05.2024).

Таким образом, положение ст. 78.1 УК РФ реализуется в два этапа. Вначале в соответствии с прямым указанием закона в отношении указанных категорий лиц предварительное расследование должно быть приостановлено в порядке, определенном п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УК РФ, а уже потом прекращается уголовное дело в соответствии со ст. 28.2 УПК РФ. Лицо, освобожденное от уголовной ответственности, является несудимым и, соответственно, при привлечении к уголовной ответственности в случае совершения им нового преступления рассматривается как «совершившее преступление впервые».

Следует обратить внимание на то, что до приостановления предварительного следствия необходимо выполнение всех возможных следственных действий, позволяющих установить лицо, совершившее преступление.

Важным для уяснения сущности характеристик оснований освобождения от уголовной ответственности представляется научное исследование, проведенное профессором Ю. Е. Пудовочкиным, в котором в целях определения направления оптимизации уголовно-правовых средств освобождения от ответственности рассматриваются общие условия установления оснований для освобождения лица. Как указывает Ю. Е. Пудовочкин, общепризнанно, что освободить от ответственности можно лишь лицо, которое к этой ответственности привлекается (после возбуждения уголовного дела) [4, с. 586].

Уголовно-процессуальный кодекс, закрепляя порядок приостановления уголовного дела по описанным выше основаниям, не указывает на необходимость получения для этого ходатайства командования воинской части. В то же время ст. 28.2 УПК РФ закрепляет положение о том, что уголовное преследование прекращается «в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого предварительное расследование было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения)»⁵.

Освобождение лица от уголовной ответственности по любому из оснований, предусмотренных в главе 11 УК РФ, является реабилитирующим, соответственно не может применяться в отношении лица, которое несогласно с предъявленным ему обвинением и не признает себя виновным в совершении инкриминируемого ему преступления. «Если лицо возражает против прекращения уголовного дела, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке»⁶.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.05.2024).

⁶ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 01.05.2024).

Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу осуществляется следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора. При этом суд в качестве органа, который может принять такое решение, в ст. 28.2 УПК РФ не назван, что отличает рассматриваемое освобождение от уголовной ответственности от всех иных видов освобождения.

Суд не может и при вынесении обвинительного приговора суда освободить лицо, относящееся к указанным в ст. 78.1 УК РФ категориям лиц, от отбывания наказания, ст. 299 УПК РФ этот вопрос не относит к тем, которые разрешает суд при постановлении приговора.

В соответствии со ст. 80.2 УК РФ освободить от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время можно только лицо уже «отбывающее» наказание. Вид назначенного ему наказания и срок, который уже отбыл осужденный, в соответствии с рассмотренным положением уголовного закона, значения не имеет. При этом суд в качестве органа, который принимает решение об освобождении лица от наказания, в ст. 80.2 УК РФ не указывается.

Таким образом, принятие важного решения, непосредственно изменяющего правовой статус лица, касающегося установления основания применения к лицу мер уголовно-правового характера, описанных в ст. 78.1 и 80.2 УК РФ, отнесено не к компетенции органов правосудия, а к компетенции федеральных органов исполнительной власти. Однако по мнению большинства ученых, которые раскрывают уголовно-правовую природу освобождения от наказания, окончательно решение об этом может принимать только суд. И. А. Ефремова пишет, что «освобождение лица от наказания предусматривает наличие у суда уверенности в том, что виновный не только исправился или находится на пути к исправлению, но в последующем откажется от совершения новых преступлений» [5, с. 190].

В ч. 1 ст. 80.2 УК РФ предусматривается, что вначале от наказания лицо освобождается условно для прохождения военной службы, и его поведение контролирует военный командир. Так как это лицо уже отбывает наказание, точнее было бы говорить

об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

Осужденный освобождается от наказания окончательно только после наступления определенных юридических фактов (тех же, что были охарактеризованы ранее при рассмотрении положений ст. 78.1 УК РФ). Лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. По этим же основаниям в соответствии с ч. 3.1 ст. 86 УК РФ судимость лица, которое уже отбыло наказание, погашается.

Выводы

Итак, если кратко охарактеризовать содержание рассмотренных изменений уголовного законодательства, то они заключаются в следующем. В отношении лиц, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время, а также заключивших в период мобилизации, военного времени и (или) военного положения контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, при условии их награждения или увольнения по определенным законом основаниям, федеральными органами исполнительной власти должно быть принято решение о неприменении к ним мер уголовной ответственности. Исключения из этого правила составляют лица, совершившие преступления, указанные в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки во время проведения государством боевых действий как уголовно-правовой институт в истории отечественного права появлялся неоднократно [6, с. 69], и сегодня в условиях СВО его появления является весьма закономерным. Однако, на наш взгляд, ряд положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства требуют уточнения, так как вызовут определенные трудности в процессе правоприменения, связанные с неточностью законодательных формулировок.

Считаем важным отметить, что рассмотренные новые уголовно-правовые нормы следует считать поощрительными и освобождение на их основе лица, совершившего преступления от ответственности возможно только при его согласии.

Список источников

1. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 692 с.
2. Чердниченко Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации (комплексное теоретическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2006. 32 с.
3. Загвоздкин Н. Н., Коршикова Е. О. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»: заметки на полях // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 101–106.
4. Пудовочкин Ю. Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12, № 3. С. 584–603.
5. Ефремова И. А. Понятие, признаки, основания и виды института освобождения от наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 188–193.

6. Якоби И. В. Развитие института уголовной ответственности и институтов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания в российском государстве: теоретический и историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Краснодар, 2007. 229 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интерес отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

Дата поступления статьи / Received: 13.05.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 22.05.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 25.05.2024.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ОСНОВНОГО СОСТАВА НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА


Сергей Александрович Дробот¹, Иван Николаевич Малеев²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ Drobots@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0008-0764-1376>

² ivan_maleev@bk.ru

 <https://orcid.org/0009-0001-7400-1503>

Аннотация. Автор исследует объективные признаки состава преступления, описанного в ч. 1 ст. 176 УК РФ. Данное преступление подрывает систему взаимоотношений кредитора и заемщика в сфере кредитования, которая основывается в значительной мере на взаимном доверии. Имея сходство с посягательствами на собственность незаконное получение кредита таковым не является, что обусловило особенную характеристику признаков состава данного преступления. При осуществлении официальной квалификации правоприменителям необходимо ясно представлять о том, какого содержания признаки состава преступления, относятся к объективной стороне состава преступления. При этом представляется, что полное понимание свойств этих признаков возможно только при комплексном анализе и сопоставлении.

В настоящей статье автор обращает внимание на неоднозначность восприятия некоторых признаков преступления, обозначенных в ч. 1 ст. 176 УК РФ. Это связано с тем, что диспозиция данной нормы относится к категории бланкетных и поэтому предполагает обращение к нормам не только уголовного, но и гражданского и банковского законодательства России.

В целом, научная статья ориентирована на сотрудников следственно-судебных органов, специализирующихся на расследовании экономических преступлений. При этом представляет интерес и для лиц осуществляющих научно-исследовательскую деятельность в сфере анализа экономических преступлений.

Ключевые слова: получение кредита, льготные условия кредитования, хозяйственное положение, ущерб

Для цитирования: Дробот С. А., Малеев И. Н. Характеристика объективных признаков основного состава незаконного получения кредита // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 61–66. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-61-66


Research article

CHARACTERISTICS OF OBJECTIVE SIGNS OF THE MAIN COMPOSITION OF ILLEGAL LOAN RECEIPT


Sergey A. Drobot¹, Ivan N. Maleev²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ Drobots@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0008-0764-1376>

² ivan_maleev@bk.ru

 <https://orcid.org/0009-0001-7400-1503>

Abstract. The author examines the objective signs of the corpus delicti described in Part 1 of Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation. This crime undermines the system of relations between the lender and the borrower in the field of lending, which is based largely on mutual trust. Having similarities with encroachments on property, the illegal receipt of a loan is not such, which led to a special characteristic of the signs of the composition of this crime. When carrying out official qualification, law enforcement officers need to be clear about what the content of the sign of the composition of the specified crime is, which are classified as objective signs. At the same time, it seems that a complete understanding of the properties of these features is possible only with a comprehensive analysis and comparison.

In this article, the author draws attention to the ambiguity of perception of some signs of a crime indicated in Part 1 of Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation. This is due to the fact that the disposition of this norm

belongs to the category of blanks and therefore implies an appeal to the norms of not only criminal, but also civil and banking legislation of Russia.

In general, the scientific article is aimed at employees of investigative and judicial authorities specializing in the investigation of economic crimes. At the same time, it is of interest to persons engaged in research activities in the field of analysis of economic crimes.

Keywords: obtaining a loan, preferential credit conditions, economic situation, damage

For citation: Drobot SA, Maleev IN. Characteristics of objective signs of the main composition of illegal loan receipt. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):61-66. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-61-66 (In Russ.)

Введение

Преступление, закрепленное в ч. 1 ст. 176 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), посягает на отношения, складывающиеся в сфере осуществления кредитной деятельности. Предпринимательская деятельность в современном мире немыслима без надежной системы предоставления кредитов. Предприниматели для претворения в жизнь своих перспективных коммерческих проектов часто нуждаются в дополнительных финансовых и иных ресурсах. Предоставить данные средства могут только коммерческие кредитные организации (чаще всего это банки). Отсюда эффективная деятельность системы кредитования положительно сказывается на деятельности предпринимателей [6, с. 266]. Лица, осуществляющие коммерческую деятельность, таким образом, получают возможность проводить в жизнь многие перспективные коммерческие проекты.

Однако кредитование само по себе является одним из видов коммерческой деятельности. Поэтому при предоставлении кредита требуется выполнять определенную процедуру, чтобы кредитная организация была уверена в платежеспособности возможного должника. Некоторые предприниматели в силу разных обстоятельств (плохое хозяйственное положение предприятия, отсутствие времени ждать решения о выделении кредита) намеренно нарушают процедуру предоставления кредита. Это часто приводит к финансовому ущербу для кредитных организаций, так как кредит предоставляется без установленных гарантий [5, с. 12–14]. Именно для защиты интересов кредитных организаций от незаконных действий предпринимателей, нуждающихся в предоставлении кредита, был введен в российское уголовное законодательство состав незаконного получения кредита.

Для понимания общественной опасности этого преступления и его основных свойств важнейшее значение имеют объективные признаки основного состава указанного преступления (ч. 1 ст. 176 УК РФ). К таким признакам традиционно принято относить объект преступления (вместе с признаками предмета преступления и потерпевшего от преступления, если они имеются), а также объективную сторону преступления.

Материал и методы

В статье использованы нормы уголовного законодательства, а также нормативные акты других отраслей

права, необходимые для понимания содержания состава незаконного получения кредита. В качестве специальных правовых частнонаучных исследовательских методов использованы формально-юридический метод, метод сравнительно-правового анализа, системно-правовой метод и др.

Результат и их обсуждение

Непосредственный объект состава преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 176 УК РФ, можно разделить на основной и дополнительный. В качестве основного объекта преступления выступают отношения, урегулированные нормами гражданского права, связанные с предоставлением кредита или льготных условий кредитования. Данные отношения в свою очередь можно разделить на две части: отношения по поводу предоставления кредита или льготных условий кредитования и отношения по поводу возвращения кредита и осуществления выплат за пользование кредитными средствами [6, с. 266]. Отношения собственности для объекта рассматриваемого состава преступления являются также обязательными, так как в результате совершения этого преступления кредитная организация должна обязательно понести определенные имущественные потери [7, с. 73–78]. Здесь следует обратить особое внимание на то, что по характеру преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 176 УК РФ, действия субъекта преступления не должны быть направлены на причинение имущественного вреда кредитной организации. Поэтому отношения собственности являются только дополнительным объектом в рассматриваемом составе преступления.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, являются кредитные средства, определенные ст. 819 и 822 ГК РФ. Согласно ст. 819 ГК РФ в качестве кредитных средств могут выступать только денежные средства (деньги). Вместе с тем ст. 822 ГК РФ содержит определение такой разновидности кредитного договора, как товарный кредит, предметом которого могут быть вещи, определенные родовыми признаками. Классификация таких вещей дана в ст. 128 ГК РФ. Согласно данной норме к вещам относятся: 1) деньги; 2) ценные бумаги; 3) иное имущество; 4) имущественные права [8, с. 119].

Деньгами (валютой) согласно ст. 140 ГК РФ являются рубль как законное платежное средство, обязательное к приему по нарицательной стоимости на всей

территории Российской Федерации, а также иностранная валюта (ч. 2 ст. 140 ГК РФ).

Ценной бумагой в соответствии со ст. 142 ГК РФ является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление и передача которых возможны только при его предъявлении. Видами ценных бумаг являются: 1) государственная облигация, 2) облигация, 3) вексель, 4) чек, 5) депозитный сертификат, 6) сберегательный сертификат, 7) банковская сберегательная книжка на предъявителя, 8) коносамент, 9) акция, 10) приватизационные ценные бумаги, 11) другие документы, которые отнесены законодательством о ценных бумагах или на его основе к ценным бумагам (ст. 143 ГК РФ).

Разновидностью ценной бумаги является бездокументальная ценная бумага, имущественные права по которой удостоверяются не в виде письменного документа, а, например, с помощью электронных средств платежа (ст. 149 ГК РФ) [9, с. 50–52].

Иным имуществом (то есть имуществом, отличным от денег и ценных бумаг), полагаем, следует считать:

1) недвижимые вещи (земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты, леса, многолетние насаждения, здания, сооружения и все, что прочно связано с землей) (ч. 1 ст. 130 ГК РФ), а также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты (ч. 2 ст. 130 ГК РФ) и иное имущество, отнесенное к недвижимому согласно закону (ч. 2 ст. 130 ГК РФ);

2) предприятия — имущественные комплексы, используемые для осуществления предпринимательской деятельности (ст. 132 ГК РФ);

3) животные (ст. 137 ГК РФ);

4) валютные ценности, которые помимо иностранной валюты (денег) и ценных бумаг, выраженных в иностранной валюте, включают драгоценные металлы и драгоценные природные камни за исключением ювелирных изделий и их лома (ст. 141 ГК РФ);

5) иные материальные объекты, которые не изъяты полностью из гражданского оборота.

Анализ отечественного гражданского законодательства позволяет сделать вывод о том, что к кредиту (кредитным средствам), предоставляемому в рамках гражданско-правовых отношений, не могут быть отнесены вещи:

а) полностью изъяты из гражданского оборота (отдельные виды вооружений, ядерная энергия и иные предметы);

б) ограниченные в обороте, и в том числе в части использования в качестве кредитного средства. Такие ограничения, например, касаются земельных участков, за исключением сделок, разрешенных законодательством;

в) юридически не являются кредитными средствами деньги и иные вещи, предоставленные на основании договора займа (ст. 807 ГК РФ) [6, с. 267–269].

Некоторые ученые полагают, что в качестве предмета незаконного получения кредита, следует рассматривать льготные условия кредитования [3, с. 96–97]. Однако здесь следует учесть, что кредитная льгота сама по себе кредитом не является, и ее следует рассматривать как право на особое привилегированное положение при кредитовании. Таким образом, льготное условие кредитования есть не что иное, как имущественное право [10, с. 3]. В связи с тем, что предметом преступления может являться только предмет материального мира, кредитная льгота к предмету преступления не может быть отнесена. Поэтому следует полагать, что состав незаконного получения кредита может быть беспредметным.

С объективной стороны рассматриваемое преступление состоит в получении кредита (льготных условий кредитования) путем представления кредитору заведомо ложных сведений, повлекшее причинение крупного ущерба. Исходя из диспозиции ч. 1 ст. 176 УК РФ в качестве общественно опасного деяния выступает получение денежных средств или другого имущества в соответствии с договором кредита.

В соответствии с гражданским законодательством по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее (ст. 819 ГК РФ). Кредитный договор должен быть заключен в письменной форме.

Гражданский кодекс предусматривает и другие виды кредита: товарный кредит и коммерческий кредит. По договору товарного кредита одна сторона предоставляет другой вещи, определенные родовыми признаками (ст. 822 ГК РФ), а при коммерческом кредите в договорах, исполнение которых связано с передачей другой стороне денежных сумм или других вещей, определенных родовыми признаками, предусматривается предоставление кредита в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ или услуг (ст. 823 ГК РФ). Представляется однако, что по смыслу ст. 176 УК РФ речь идет о незаконном получении кредита по кредитному договору в соответствии со ст. 819 ГК РФ, когда кредитором выступает банк или иная кредитная организация, предоставляющая заемщику кредит в виде денежных средств.

Банки и небанковские кредитные организации, имеющие лицензию на проведение банковских операций, осуществляют кредитование на основе принципов возвратности, срочности, платности, обеспеченности и целенаправленности.

Принцип возвратности означает, что денежные средства, полученные в виде ссуды, должны быть возвращены банку или иной кредитной организации в установленные сроки (принцип срочности), нарушение которых влечет за собой применение определенных санкций. За предоставление кредита, как правило, взимается определенная плата в виде процента

от ссуды. Размер кредитной ставки определяется сторонами кредитного договора самостоятельно. Принцип обеспеченности проявляется в том, что банки и другие кредитные организации с целью обеспечения возврата кредита, как правило, выдают его под различные формы обеспечения: под залог товарно-материальных ценностей, недвижимости, под гарантию, поручительство, под обязательства в других формах, принятых в банковской практике¹. Наконец, банковский кредит обычно выдается на строго определенные цели (принцип целенаправленности).

В соответствии со смыслом нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 176 УК РФ, в качестве кредита нельзя рассматривать кредиты, которые предоставляются отдельным гражданам на цели, не относящиеся к предпринимательской деятельности (например: потребительский кредит, кредит на индивидуальное жилищное строительство, ипотечный кредит и т. д.) [6, с. 267].

Под льготными условиями кредитования следует понимать более выгодные, по сравнению с общими, условия получения кредита или его возврата. Заемщику представляются преимущества в процентной ставке за кредит или отсрочка начала погашения кредита. Льготное кредитование установлено в настоящее время, например, для субъектов малого предпринимательства [1, с. 105–107]. При льготном кредитовании кредитным организациям, как правило, за счет государства или различных фондов компенсируется соответствующая льготным условиям договора разница, то есть происходит полное или частичное возмещение недополученных кредитной организацией доходов. При этом важно учесть, что само по себе получение льготных условий кредитования не может повлечь причинение ущерба банку или иной кредитной организации. Для того чтобы воспользоваться данными льготами, необходимо фактически вступить в кредитные отношения с кредитором. Таким образом, получение льготных условий кредитования как общественно опасное деяние в рамках ч. 1 ст. 176 УК РФ является частным случаем незаконного получения кредита. При этом в качестве различия следует указать, что при использовании льготных условий кредитования деяние (и соответственно объективная сторона) начинается ранее, чем при общем незаконном получении кредита.

Нами ранее уже указывалось, что законодатель сформулировал общественно-опасное деяние как получение кредита или льготных условий кредитования. Термин «получение» означает фактическое обладание чем-либо, то есть наличие возможности распоряжаться чем-либо по своему усмотрению. Таким образом, рассматриваемое общественно опасное деяние может быть совершено только в форме действия, так как субъект преступления должен осуществить необходимые

активные телодвижения, направленные на реализацию возможности обладать предоставляемыми кредитными средствами. Таким образом, под получением кредита следует понимать его выдачу (хотя бы части) кредитором заемщику. Форма выдачи не влияет на квалификацию. Кредит может быть выдан наличными деньгами (в основном для индивидуальных предпринимателей или кредит на выплату заработной платы); кредитная сумма может быть зачислена на расчетный счет предприятия-заемщика; она может направляться банком по поручению заемщика непосредственно на оплату предъявленных к счету расчетно-денежных документов и т. п. Такое же понятие вкладывается в получение льготных условий кредитования, с той только разницей, что субъект заключает с кредитором кредитный договор о льготном кредитовании (с понижением процентной ставки).

В составе незаконного получения кредита обязательным элементом является способ совершения преступления. В качестве способа совершения преступления выступает предоставление кредитной организации ложных сведений о хозяйственном положении или финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации. Указанный способ характеризует саму суть преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, так как именно данный способ характеризует получение кредита как незаконное. Он заключается в том, что индивидуальные предприниматели, коммерческие или некоммерческие организации любой организационно-правовой формы и формы собственности «получают в банке или небанковской кредитной организации кредит либо добиваются льготных условий кредитования (по сроку, размеру процентной ставки и др.) вследствие того, что они ввели кредитора в заблуждение относительно гарантий обеспеченности своевременности и полного возврата кредита, предоставив ему заведомо ложные сведения о своем хозяйственном положении либо финансовом состоянии, обрисовывая их в более выгодном для себя свете» [2, с. 119].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что обязательным признаком объективной стороны данного преступления является обман. Содержание обмана четко определено в диспозиции — сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии заемщика. В лексикографической литературе обман определяется как ложное представление о чем-нибудь, заблуждение. Обмануть — означает ввести кого-либо в заблуждение, поступить недобросовестно, нарушить обещание. В науке уголовного права России под обманом принято понимать осознанное сокрытие или искажение истины, совершенные в устной или письменной форме либо посредством умолчания путем действия или бездействия при наличии вытекающей из закона или договора обязанности действовать [3, с. 98]. Возникает вопрос о том, следует ли к способу совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, относить злоупотребление доверием. Мы полагаем, что

¹ В ст. 329 ГК РФ указывается, что исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором.

данный способ причинения ущерба вполне соответствует признакам рассматриваемого преступления. Законодатель в самой диспозиции нормы не ограничивает способ только обманом. Поэтому использование для совершения преступления ранее сложившихся доверительных отношений вполне может выступать как способ незаконного получения кредита [10, с. 12–14].

Хозяйственное положение — это совокупность внутренних и внешних данных, характеризующих ведение экономического хозяйства предприятия, его производственную сторону дела. К заведомо ложным сведениям о хозяйственном положении относятся следующие сведения: неверные данные об учредителях, руководителях, акционерах, основных партнерах, связях, кооперации с другими фирмами; фиктивные гарантийные письма, поручительства, предоставленное в залог имущество, на которое нельзя обратить взыскание, не соответствующее объявленной стоимости, не являющееся собственностью залогодателя и т. п.; технико-экономическое обоснование, в котором неверно указаны основные направления использования заемных средств, конкретные хозяйственные операции; сфальсифицированные договоры, платежные, транспортные и иные документы о хозяйственной операции, на которую направляется кредит; поддельные договоры и другие документы, неправильно свидетельствующие о возможности реализации заемщиком своей продукции, его конкурентоспособности, положении на рынке и т. п.; данные складского и бухгалтерского учета и другие сведения.

К заведомо ложным сведениям о финансовом состоянии, то есть о наличии и характеристике денежных средств, относятся сфальсифицированные: бухгалтерские документы о регистрации в налоговой инспекции, в которых финансовое состояние показано в более лучшем положении; справка о дебиторской и кредиторской задолженности, о полученных кредитах и займах в других банках, выписки из расчетных и текущих счетов и другие сведения [1, с. 116–117].

В уголовно-правовой литературе дается различная оценка сведениям, которые должны характеризовать хозяйственное положение и финансовое состояние индивидуального предпринимателя или организации. Так высказывалось мнение о том, что необоснованно относить к заведомо ложным сведения о связях с другими фирмами; об учредителях (в диспозиции речь идет о хозяйственном положении либо финансовом состоянии не любых организаций, а именно заемщика); неправильное указание основных направлений использования заемных средств в технико-экономическом обосновании либо сфальсифицированные документы о хозяйственной операции, на которую испрашивается кредит [4, с. 48]. Однако представляется, что такое мнение является слишком широким. Законодатель не уточнил, какие именно сведения должны характеризовать хозяйственное положение и финансовое состояние заемщика. Поэтому имеются основания полагать, что к таким сведениям должны относиться

сведения не только прямо, но и косвенно характеризующие платежеспособность заемщика. Здесь уместно согласиться с мнением И. В. Шишко о необходимости Пленуму Верховного Суда РФ в своем постановлении разрешить вопросы толкования рассмотренных признаков состава ч. 1 ст. 176 УК РФ [4, с. 48].

Кроме сказанного следует учесть, что обязательной характеристикой обмана, применительно к незаконному получению кредита, должно выступать отсутствие легальных оснований для получения кредита. Это значит, что не предоставив ложных сведений, субъект не получил бы кредит, то есть кредитная организация не при каких обстоятельствах не должна была на законных основаниях предоставлять кредит данному лицу.

Обязательным конститутивным признаком материального состава преступления, как мы уже ранее указывали, является наступление общественно опасных последствий. В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 176 УК РФ под общественно опасными последствиями преступления следует понимать причинение крупного ущерба. В науке уголовного права ущерб применительно к составу незаконного получения кредита предлагалось определять по разному. Некоторые ученые под ущербом в данном составе преступления предлагали понимать все виды возможных последствий: как материальных, так и нематериальных [3, с. 101]. Другие ученые полагали, что ущерб должен выражаться только в виде реального ущерба [4, с. 51]. Существовало и третье мнение о том, что ущерб должен пониматься точно так же как и в составе преступления, закреплённом в ст. 177 УК РФ [2, с. 121].

На сегодняшний день законодатель поставил точку в этих спорах. В соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ под крупным ущербом применительно к рассматриваемому преступлению следует понимать сумму, превышающую три миллиона пятьсот тысяч рублей. Таким образом, последствия в составе незаконного получения кредита могут быть только имущественными и определяются в конкретно-определенной сумме.

Как представляется, данная сумма должна состоять из реальных имущественных потерь и (или) упущенной выгоды.

Реальные имущественные потери должны включать в себя сумму невозвращенного кредита. К упущенной выгоде следует относить сумму не уплаченных процентных платежей по кредиту. Упущенная выгода как ущерб в данном случае связана с особенностью деятельности кредитных организаций, которая заключается в том, что за пользование кредитными ресурсами взимается определенная плата.

Говоря об ущербе, не следует забывать о другом важном признаке объективной стороны рассматриваемого преступления — потерпевшем. Данный признак является обязательным для данного состава преступления. Хотя сам потерпевший четко не обозначен в исследуемой норме, его признаки выводятся из смысла самой нормы. Потерпевшим, исходя из текста ч. 1

ст. 176 УК РФ, является кредитор. Кредитная деятельность является специфичным видом предпринимательства и для осуществления данного вида деятельности требуется разрешение Центрального банка РФ. В соответствии со ст. 1 федерального закона от 2 декабря 1990 года «О банках и банковской деятельности»¹ кредитной организацией может являться банк или небанковская организация, имеющая лицензию на осуществление кредитной деятельности. Исходя из этого, кредитором может являться только организация (то есть юридическое лицо), имеющая соответствующую лицензию Центрального банка РФ.

Другим конститутивным признаком состава преступления является причинная связь между общественно опасным деянием и наступившими общественно опасными последствиями. Правоприменитель обязан установить, что в результате предоставления ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии был выдан кредит, а это в свою

очередь повлекло причинение крупного ущерба кредитору, так как заемщик оказался не в состоянии выполнить условия договора о кредите.

Все иные признаки объективной стороны преступления в составе незаконного получения кредита являются факультативными и соответственно не влияют на квалификацию данного преступления.

Заключение и выводы

Рассматривая объективные признаки преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 176 УК РФ, необходимо учитывать, что по своему объекту посягательства данное преступление не относится к преступлениям против собственности. Таким образом, вводя в уголовный закон ст. 176 УК РФ, законодатель криминализировал поведение, не направленное на прямое завладение чужим имуществом, но очевидно опасное для сложившихся отношений кредитования. Через призму непосредственного объекта необходимо понимать признаки объективной стороны незаконного получения кредита. Это связано с оценкой способа преступления (обман, но уже чем в мошенничестве), содержания ущерба и в целом момента окончания данного преступления.

¹ О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

Список источников

1. Воеводкина К. М. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: уголовно-правовая характеристика, ретроспективный и сравнительно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 236 с.
2. Волженкин Б. В. Экономические преступления. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 1999. 312 с.
3. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. Москва, 1998. 304 с.
4. Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. И. Преступление в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. 200 с.
5. Кичеев Б. Н. Преступность в сфере экономической деятельности: криминологическая и уголовно-правовая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 23 с.
6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография. В 2 ч. Ч. II. Москва : Юрлитинформ, 2015. 640 с.
7. Мазур С. Ф. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности. Москва : Академия управления МВД РФ, 1998. 111 с.
8. Никитина И. А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. 320 с.
9. Сапожков А. А. Кредитные преступления. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 120 с.
10. Степанов Ю. И. Уголовно-правовая характеристика обмана как признака преступлений в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 253 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.05.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 23.05.2024.


Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 25.05.2024.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ


Александр Сергеевич Киселев¹, Ксения Анатольевна Горбунова²

¹ Государственный университет просвещения;

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
alskiselev@fa.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
gorbunya.rambler.ru@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0007-7475-6096>

Аннотация. Предметом исследования является тактика допроса как ключевой элемент расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Цель статьи: поиск и выбор правильной тактики допроса при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, позволяющей эффективно собирать и анализировать данные, получать доказательства, необходимые для следствия, защитить права всех участников процесса и экономить время при расследовании. Методология. В процессе работы были использованы следующие методы научного исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, диалектический, сравнительный и формально-логический методы. Результаты исследования. Выявлены тактические действия, необходимые для эффективного расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Установлено, что особенно важным фактором при расследовании является наличие достаточных навыков и знаний следователя в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, что позволяет наиболее продуктивно получать необходимые сведения для следствия. В ходе допроса подозреваемого следует выяснить, каким образом он получил доступ к информационно-телекоммуникационной системе, какие конкретно действия он совершил, работал ли он самостоятельно или был членом группы. Область применения результатов: результаты настоящей работы могут быть применены в образовательном процессе, а также следственными органами при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, особенно полезными данные материалы могут стать для начинающих следователей. Новизна исследования заключается в том, что особое внимание при построении тактики допроса уделено технической составляющей. Выводы. Сделан вывод о том, что именно техническая подготовка является ключевой особенностью тактики проведения допроса при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, поскольку без этого компонента в некоторых ситуациях проведение следственных действий неэффективно.

Ключевые слова: тактика допроса, допрос потерпевшего, допрос свидетеля, допрос обвиняемого, компьютерные преступления, киберпреступления, преступления в сфере компьютерной информации, расследование преступлений, следственные действия

Для цитирования: Киселев А. С., Горбунова К. А. Особенности тактики допроса обвиняемых при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 67–74. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-67-74


Research article

FEATURES OF THE TACTICS OF INTERROGATION OF THE ACCUSED IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION


Alexander S. Kiselev¹, Kseniya A. Gorbunova²¹ State University of Education;

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

alskiselev@fa.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0007-7475-6096>

Abstract. The subject of the study is the tactics of interrogation as a key element of the investigation of crimes in the field of computer information. The purpose of the article is to find and choose the right interrogation tactics in the investigation of crimes in the field of computer information, which allows you to effectively collect and analyze data, obtain evidence necessary for the investigation, protect the rights of all participants in the process and save time during the investigation. Methodology. In the course of the work, the following methods of scientific research were used: analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical, comparative and formal logical methods. The results of the study. The tactical actions necessary for the effective investigation of crimes in the field of computer information have been identified. It has been established that a particularly important factor in the investigation is the availability of sufficient skills and knowledge of the investigator in the field of information and telecommunications technologies, which allows the most productive way to obtain the necessary information for the investigation. During the interrogation of the suspect, it should be clarified how he gained access to the information and telecommunications system, what specific actions he committed, whether he worked independently or was a member of a group. Scope of application of the results: the results of this work can be applied in the educational process, as well as by investigative authorities in the investigation of crimes in the field of computer information, these materials can be especially useful for novice investigators. The novelty of the study lies in the fact that special attention is paid to the technical component when constructing interrogation tactics. Conclusions. It is concluded that it is technical training that is the key feature of interrogation tactics in the investigation of crimes in the field of computer information, since without this component, in some situations, investigative actions are ineffective.

Keywords: interrogation tactics, interrogation of the victim, interrogation of the witness, interrogation of the accused, computer crimes, cybercrimes, crimes in the field of computer information, investigation of crimes, investigative actions

For citation: Kiselev AS, Gorbunova KA. Features of the tactics of interrogation of the accused in the investigation of crimes in the field of computer information. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):67-74. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-67-74 (In Russ.)

Введение

Допрос потерпевших, свидетелей и обвиняемых при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации требует использования определенных тактических методов и приемов при выполнении следственных действий. В отечественной криминалистической доктрине под тактическими приемами подразумевается рациональная модель поведения следователя, которая применяется при сборе, исследовании, оценке и использовании доказательственной информации в рамках расследования конкретного уголовного преступления.

Допрос потерпевших, свидетелей и обвиняемых, в том числе при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации проводится в соответствии со ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) «Общие правила производства следственных действий», а также

в соответствии со ст. 191 УПК РФ, если указанные следственные действия проводятся с участием несовершеннолетних.

Описание исследования

«Допрос — одно из ключевых следственных действий, которое дает следователю ориентирующую информацию для планирования дальнейшего расследования, а также позволяет подтвердить или опровергнуть имеющиеся данные и следственные версии» [8, с. 80].

Обвиняемый — физическое лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело и который подозревается в совершении преступления, предусмотренное статьями Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ).

Стоит отметить, что при допросе обвиняемого существуют общие элементы, помогающие получить сведения, необходимые для дальнейшего расследования. Тактика допроса строится исходя из множества

различных факторов, самыми важными из которых являются:

1) цель проведения допроса (необходимо понимать, какую информацию и какие сведения можно получить в результате успешного проведения допроса);

2) характеристика опрашиваемого лица (официальный статус: свидетель, пострадавший, подозреваемый, обвиняемый; личные особенности: пол, раса, национальность, вероисповедание, умственные способности, уровень образования, профессия, специальность, окружение и т. д.);

3) наличие информации о произошедшем событии, которая известна лицу на момент допроса (следователь изначально строит модель произошедшего события, информация, полученная в ходе допроса, должна подтвердить, опровергнуть, изменить или дополнить построенные следствием версии);

4) обстановка, в которой находится опрашиваемый. В идеальных условиях допрашиваемый сам может рассказать следователю обо всех известных ему обстоятельствах дела. Однако, как отмечают учёные, «следователям не всегда удаётся наладить взаимодействие с допрашиваемым либо в силу объективных причин» [10, с. 133].

Следует указать, что «методики планирования допроса свидетеля, подозреваемого и потерпевшего по своей структуре принципиально не отличаются, но стоит отметить, что допрос подозреваемого является неотложным следственным действием и проводится незамедлительно после его задержания, у следователя, как правило, нет времени для тщательной подготовки к допросу» [5, с. 87]. Самым важным действием является выяснение фактов по существу дела и дача по ним пояснений.

Согласно классификации видов допроса, допрос подозреваемых и обвиняемых, как правило, происходит в конфликтной ситуации. Тем не менее Э. Т. Хайруллова обращает внимание, что «ни российские, ни зарубежные исследователи-криминалисты не смогли прийти к единому мнению относительно того, какие конкретно тактико-психологические приемы необходимы для получения объективных и полных данных в рамках допроса в конфликтной ситуации, какова совокупность методов и приемов для нейтрализации противодействия расследованию со стороны участников процесса допроса в конфликтной ситуации» [13, с. 140]. Схожего мнения придерживаются зарубежные исследователи. В частности, Рене Жирар считает, что в международном сообществе существуют разногласия по поводу методов расследования киберпреступлений [15, с. 187–188].

В условиях идеальной обстановки следователь получает достоверную информацию, которая подтверждает или опровергает факты об уголовном деле. Тем не менее, это происходит далеко не всегда, зачастую следствию приходится прибегать к особым методам, которые помогают получить необходимые данные. Так, существуют базовые приемы, которые применяются следственными органами многих стран

мира, в том числе, в нашей стране, способствующие выявлению ложных показаний [3, с. 10–11]. А. В. Гладких отмечает: «Общая тактическая линия допроса может быть выражена так: добиться психологического контакта с подозреваемым (обвиняемым) и мобилизовать его память, если он дает правдивые показания, если же лжет, изобличить его в этом и добиваться правдивых показаний. При этом основой тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) является строжайшее соблюдение законности. Принуждение к даче показаний преследуется уголовным законом» [7, с. 28].

Приведем следующий пример. Зачастую следователь может специально утаить важный факт о произошедшем событии, подлинность которого не ставится под сомнение, к примеру, место нахождения лица в определенный день. Если подозреваемый воспользуется ситуацией, полагая, что может запутать следствие, и предоставит ложные сведения, то угодит в заранее подготовленную ловушку. Следователь задаст вопрос: «Почему вы нам сейчас солгали? Мы совершенно точно знаем, что в этот день вас не было дома. Это подтверждается следующими показаниями свидетелей». После чего, как правило, допрашиваемый ставится в заведомо невыгодное и психологически неудобное положение, в котором он будет чувствовать себя максимально некомфортно, в результате чего с наибольшей вероятностью он сможет дать правдивые показания. Однако создание конфликтной обстановки не всегда приносит пользу, многое зависит от обстоятельств дела, характера человека и от множества других факторов. Бывают случаи, когда человек врёт не из-за злого умысла, а руководствуется иными соображениями, которые не всегда можно логически понять и осмыслить.

Рассматривая особенности совершения преступлений в сфере компьютерной информации, стоит учитывать следующий факт: согласно статистике, в 87 % случаях подозреваемыми и обвиняемыми в совершении данного вида преступлений становятся новички или скрипт-кидди (по другому — молодые хакеры)¹. Гораздо реже в поле зрения правоохранительных органов попадают опытные хакеры, «мозговые центры» преступных организаций, разработчики вредоносных ПО и др. Именно поэтому при проведении допроса в целом не требуется каких-либо специальных следственных тактик, достаточно использовать прием классической конфликтной ситуации, в ходе которой обвиняемые чаще всего сами рассказывают все обстоятельства произошедшего.

Так, при расследовании уголовного дела по ст. 273 УК РФ в отношении г-на К. был проведен его допрос в качестве подозреваемого. «К. с образованием 8 классов, не работавший, имевший невысокий уровень навыков в сфере информационных технологий, для реализации своего преступного умысла использовал готовый программный продукт — вредоносное ПО,

¹ Хакер // Securitylab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/glossary/khaker/> (дата обращения: 20.11.2023).

предназначенное для несанкционированного копирования компьютерной информации, которое приобрел на специализированном форуме. В ходе допроса он не только полностью признал свою вину, предоставил сведения, доказывающие ее, но и согласился активно содействовать следствию в изобличении других лиц, связанных с аналогичной незаконной деятельностью. С подсудимым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве»¹.

Как правило, допрос подозреваемого происходит в конфликтной или бесконфликтной ситуации. В конфликтной ситуации, подозреваемый может быть нервным, защищаться или даже отрицать свою вину. В бесконфликтной ситуации подозреваемый может быть более склонным сотрудничать со следствием. В этом случае очень важно установить доверительные отношения и создать атмосферу, в которой подозреваемый будет чувствовать себя комфортно и быть готовым сотрудничать.

Рассмотрим следующие тактические рекомендации по проведению допроса при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации с учетом особенностей личности подозреваемого (обвиняемого).

1. Действия следователя при подготовке к допросу

На этапе *подготовки* к допросу основные задачи будут следующими:

1.1. *Анализ материалов.* Следователь должен обратить особое внимание на такие детали, как время совершения преступления, имеющиеся IP-адреса и другую информацию, которая позволяет установить хронологию происходящих событий, вероятность совершения определенных действий подозреваемым и т. д. [9, с. 144–146]. Также следователь должен определить, откуда получены имеющиеся материалы и насколько они достоверны. Необходимо проверить источники информации на возможные искажения, ошибки или ложные сведения.

Необходимо определить возможные связи между отдельными эпизодами и обстоятельства, которые могут указывать на виновность или невиновность подозреваемого. После этого следует разработать вопросы, которые помогут установить факты и получить необходимую информацию от подозреваемого или свидетеля. Вопросы должны быть ясными, логичными и недвусмысленными, не содержать логических ловушек или ответа на сам вопрос.

Важно определить, как будет проведен сам допрос, какие тактические приемы будут использованы, какие методы допроса будут применены, как будет поддерживаться контроль над процессом. В некоторых ситуациях допрос может быть строго регламентирован

по времени. На завершающем этапе следователь должен собрать все необходимые документы, фотографии, видеозаписи, файлы и другие материалы, относящиеся к конкретному делу и осуществить проверку цифровой техники, которая понадобится для их воспроизведения. Это позволит более эффективно провести допрос и в случае успеха получить дополнительную информацию.

Иногда для подготовки к допросу следует привлечь специалистов с высоким уровнем знаний в области информационно-компьютерных технологий для консультации следователя. Так как следователь не обладает профессиональным образованием в этой сфере, он не может провести допрос с глубоким пониманием сути показаний, которые дает допрашиваемый.

1.2. *Определение целей допроса;* при этом используются классические следственные приемы.

Как справедливо замечает А. М. Акоюн, «практика следственных органов показывает, что эти данные используются для диагностики состояния допрашиваемых на первоначальных этапах допроса, чтобы впоследствии выбрать грамотную тактику ведения допроса и нейтрализовать противодействие расследованию» [1, с. 54].

1.3. *Изучение личности подозреваемого (обвиняемого).* На стадии подготовки допроса следователь уточняет необходимые данные о личности киберпреступника: собирает характеризующую его информацию, в том числе и посредством допросов его окружения, запросов в органы, учреждения, организации; устанавливает уровень его знаний, специальные и профессиональные навыки в сфере информационных технологий; выявляет имеющиеся у подозреваемого средства компьютерной техники и места их хранения; определяет, действовал ли преступник в одиночку или же в составе группы, насколько он интегрирован в субкультуру хакеров.

1.4. *Выбор и подготовка места проведения допроса.* Выбор места проведения допроса должен быть основан на соблюдении нескольких критериев. Прежде всего, место должно быть подходящим для осуществления допроса, учитывая его конфиденциальный и психологический характер. Как правило, таким местом выступает кабинет следователя. Желательно выбирать специально оборудованные помещения, предназначенные для проведения допросов, где есть необходимое аудио- и видеооборудование для записи процесса. Помещение должно быть подготовлено в соответствии с требованиями конфиденциальности и безопасности, чтобы предотвратить возможное наблюдение или проникновение посторонних лиц. Следует убедиться, что все необходимые технические средства для записи допроса работают исправно и готовы к использованию. Важно проверить микрофоны, камеры и другое оборудование для записи звука и изображения. Также рекомендуется провести предварительную проверку помещения на наличие потенциально отвлекающих элементов, которые могут влиять на концентрацию и настрой допрашиваемого.

¹ Дело № 1-954/2019, первая инстанция [Заводский районный суд г. Кемерово (Кемеровская область)] // Актофакт : [сайт]. URL: <https://actofact.ru/case-42RS0005-1-954-2019-12-03-2-0/> (дата обращения: 14.10.2023).

1.5. *Определение участников допроса.* В рамках расследования преступлений в сфере компьютерной информации, одной из ключевых особенностей в противодействии следствию во время допроса является уверенность подозреваемого в своем преимуществе в знаниях, умениях и навыках в области информационных технологиях по сравнению со следствием. В таких случаях может быть приглашен специалист, который может оказать содействие не только в подготовке к допросу, но и будет консультироваться следователя, оказывая экспертную поддержку.

1.6. *Определение линии поведения в ходе допроса.* Во время допроса следует строго соблюдать процедуры и правила, установленные законом. Это включает соблюдение прав подозреваемого, предоставление ему возможности использовать адвокатскую помощь, а также соблюдение всех требований к допросу, установленных УПК РФ. Допрашиваемый обязательно предупреждается о даче заведомо ложных показаний, что предусмотрено ч. 1 ст. 307 УК РФ. Следователь обязан сообщить данную информацию максимально корректным образом, спокойным уравновешенным тоном без эмоциональной окраски, чтобы не вызвать страх или негативные эмоции у допрашиваемого лица.

Как правило, лица, обладающие высокой компетенцией в сфере информационных технологий, наиболее охотно идут на контакт при допросе, поэтому следователю следует придерживаться гибкой линии поведения и задавать уточняющие вопросы «правильно ли я вас понял в этом моменте? расскажите, пожалуйста, подробнее, что позволяет сделать эта программа?». Создание конфликтной ситуации, наоборот, может свести успех допроса к минимуму. Специалисты в сфере IT как правило не привыкли к давлению и жесткой конфронтации с собеседниками, поэтому такой метод редко работает.

В некоторых случаях, как отмечают Н. В. Рачева и К. А. Поскочинова, «из-за нехватки специальных технических знаний, следователь сталкивается с сильным интеллектуальным противодействием со стороны преступника» [11, с. 522]. Некоторые киберпреступники высокого класса понимают, что без специального технического оборудования и знаний следствие может быть неэффективным, поэтому не идут на сотрудничество со следственными органами, умышленно не представляя важные данные.

К примеру, при расследовании уголовного дела по ч. 3 ст. 272 и ч. 2 ст. 273 в отношении подозреваемых П.1 и П.2, было установлено, что оба лица обладают высокими знаниями и умениями в сфере компьютерных технологий, в частности, имеют навыки программирования. Подозреваемые по предварительному сговору, действуя из корыстных побуждений, получили доступ к охраняемым законом сведениям, затем осуществили незаконную модификацию и распространение информации. П.1 и П.2 не шли на контакт со следствием, предоставляли ложные и неполные показания, вводя

следствие в заблуждение [8, с. 85–86]. Следователю пришлось досконально изучать стенограммы с допросами подозреваемых, запрашивать материалы у интернет-провайдера, привлекать лиц в качестве свидетелей для выявления несостыковок в показаниях, в результате данных действий вина подозреваемых была доказана.

Во время проведения допроса в рамках дел о преступлениях в сфере компьютерной информации, необходимо учитывать особое влияние интернета и киберпространства на психику человека. Погружение в виртуальный мир позволяет сохранять анонимность и может сказываться на том, как преступник представляет свою личность. Кроме того, в виртуальной реальности может формироваться представление о том, что противоправные действия не являются полностью реальными и неправомерными. Причиняемый его действиями ущерб не осознается преступником до конца как реальный. «Один из возможных тактических приемов при допросе таких лиц — «развиртуализировать» действия и их последствия: показать, какой ущерб был причинен конкретным людям, и какие реальные последствия эти действия будут иметь для самого подозреваемого» [8, с. 86].

1.7. *Техническая подготовка.* В рамках допроса по преступлениям в сфере компьютерной информации важно обеспечить техническую подготовку. Для этого необходимо выполнить следующие шаги:

1.7.1. *Использование специального оборудования для записи диалога между следователем и подозреваемым,* что позволяет сохранить важную информацию и использовать ее в будущем. Это может быть цифровая аудиозапись допроса, которая позволит сохранить доказательства и применять их в последующем расследовании дела. Однако в этом компоненте сложно не согласиться с исследователем Александрой Ван Дайн, которая убеждена, что любые следственные действия должны быть добыты только законным путем [14, с. 535];

1.7.2. *Видеокамера.* Визуальный мониторинг поможет фиксировать все реакции и поведение подозреваемого во время допроса, а также может быть использован в качестве доказательства;

1.7.3. *Полиграф.* Это устройство, используемое для проверки достоверности заявлений. Такое оборудование может помочь определить, говорит ли подозреваемый правду, когда отвечает на вопросы;

1.7.4. *Диктофон.* Это устройство применяется для записи произнесенного текста в реальном времени. Оно полезно, чтобы записать данные на ходу, которые могут быть использованы для расследования дела;

1.7.5. *Компьютер и программное обеспечение.* В ряде ситуаций следователю приходится использовать соответствующее компьютерное оборудование как на стадии подготовки, так и при проведении допроса. К примеру, следователь может показать подозреваемому ноутбук потерпевшего с вредоносным программным обеспечением, которое было создано с целью

совершения незаконных действий. Данная демонстрация может «разговорить» подозреваемого и получить от него признательные показания.

Вполне очевидно, что не все технические средства могут быть использованы при допросе подозреваемого. Их применение должно быть соответствующим и законным, и в некоторых случаях разрешено с согласия прокурора или суда.

1.8. *Планирование допроса.* Вместе со специалистом в данной сфере определяется уровень технической «тяжести» содеянного преступления. На этом этапе формулируются вопросы, устанавливается их очередность; определяется последовательность демонстрации материалов, имеющихся у следствия; специалистом представляется следователю терминология, которая может понадобиться ему в процессе допроса. Некоторые ученые рекомендуют моделировать ход допроса и основательно готовиться к его проведению [12, с. 497–499].

Следователю требуется разместить закладки на нужных страницах дела, записать фактические данные, которые необходимо выяснить в ходе допроса, подготовить все нужные схемы, фотографии и материальные доказательства, расположив их в определенном порядке. В своих трудах А. Е. Викторова указывает: «при подготовке к допросу грамотный следователь должен мысленно представить наиболее возможные ситуации допроса и продумать в них варианты своего поведения и, конечно, поведения допрашиваемого. При подготовке к данному следственному действию лучше всего сочетать методы моделирования и планирования» [4, с. 96].

В рамках ситуационного подхода при проведении непосредственной стадии допроса следователь использует показания потерпевшего и свидетеля, чтобы уточнить и/или дополнить свою собственную модель происшедшего преступления.

Если свидетель, потерпевший или обвиняемый заблуждаются, их показания могут противоречить установленным обстоятельствам дела, которые были определены на основе ранее полученных доказательств. Существует два возможных объяснения этого явления: либо допрашиваемый намеренно искажает факты, либо следователь неправильно толкует полученную информацию и строит неверную картину произошедших событий. С целью уменьшения подобных рисков можно воспользоваться методом моделирования, с помощью которого создать рабочую графическую или компьютерную модель произошедшего. Разумеется, подобная модель будет несовершенна, поскольку может содержать как недостающие сведения, так и допускать наличие вероятных фактов, тем не менее, с ее помощью можно получить дополнительные сведения, которые нельзя зафиксировать классическими вербальным способом. При расследовании преступлений в сфере компьютерной информации этот способ требует значительной технической подготовки со стороны следователя и предполагает наличие

соответствующих знаний при разработке компьютерной модели преступления.

2. Действия следователя на рабочем этапе при допросе подозреваемого

На *рабочем этапе* порядок допроса следует выстраивать следующим образом:

— при *знакомстве и приветствии* следует внимательно и уважительно относиться к допрашиваемому, особенно это касается свидетелей, чья информация может быть крайне важна для следствия;

— на стадии *свободного рассказа* следователь предоставляет возможность допрашиваемому лицу изложить в свободной форме информацию о совершенном им преступлении. Однако не следует забывать, что данная стадия должна основываться, прежде всего, на активном слушании следователя, что подразумевает полное вовлечение его в рассказ допрашиваемого. В данном случае может быть полезна аудио- или видеозапись;

— на стадии *постановки вопросов* следователь задает ряд вопросов, включающих в себя: *открытые* («будьте добры сообщить, каким образом у Вас на компьютере оказалось установлено вредоносное программное обеспечение [...]?»); *дополняющие* («при посещении какого сайта Вам стало известно о возможностях данной программы [...]? какой был никнейм у человека, у которого Вы приобрели вредоносную программу [...]? были ли Вам понятны неблагоприятные последствия для пользователей?»); *уточняющие* («расскажите, пожалуйста, подробнее, что означает [жаргонизм]?»); *детализирующие* («расскажите, как именно вредоносное ПО попадает и заражает компьютер жертвы, и какие функции оно выполняет?») и др.

В случае, если допрос заходит в тупик, А. Е. Викторова рекомендует следующее: «Следователь должен донести до подозреваемого, что несогласие на дачу показаний не повлияет на дальнейшее развитие расследования. Кроме того, следователь может обратить внимание на положительные качества и характеристики допрашиваемого» [4, с. 98]. Это может способствовать тому, что подозреваемый не станет скрывать важные обстоятельства дела. Но при этом стоит помнить, что допрос не должен содержать подсказок или элементов навязывания мнений следователя, логических ловушек и неоднозначных формулировок [2, с. 227].

3. Действия следователя на завершающей стадии допроса

Завершающая стадия допроса состоит:

— из *окончания беседы*;

— *оценки результатов* следственного действия, строящейся на полноте достижений поставленных при планировании целей;

— *рефлексии* — финального этапа проведения допроса, которая относится к процессу самокритического размышления и анализа действий и решений, принимаемых следователем во время допроса. Рефлексия

позволяет следователю оценить, насколько оперативно и эффективно он осуществляет допрос и какие изменения нужно внести в свой подход для его более успешного проведения в будущем. Как мы ранее отмечали в наших предыдущих исследованиях, этот процесс является важным инструментом для повышения эффективности работы специалистов, а также позволяет изучать опыт, снижать риски в области информационной безопасности и повышать качество проведения расследований компьютерных преступлений [6]. В случае, если допрос оказывается неэффективным, конечные итоги расследования будут неудовлетворительными.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что при проведении тактики допроса обвиняемых при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации основными целями являются выяснения обстоятельств происшедшего, установление наличия возможных свидетелей и выявление подозреваемых. Для допроса подозреваемого следует установить, каким образом он получил доступ к компьютерной системе, какие действия совершал, действовал ли он самостоятельно или в группе.

На этапе подготовки к допросу основные задачи будут следующими: анализ материалов дела, определение целей допроса, при этом используются классические следственные приемы, изучение личности подозреваемого (обвиняемого), выбор и подготовка места проведения допроса, определение участников допроса, техническая подготовка (предполагает применение новейших информационных технологий). Именно техническая подготовка является ключевой особенностью тактики проведения допроса при расследовании

преступлений в сфере компьютерной информации, поскольку без этого компонента в некоторых ситуациях проведение следственных действий невозможно. Планирование допроса. Вместе со специалистом в данной сфере определяется уровень технической «тяжести» содеянного преступления. На этом этапе формулируются вопросы, устанавливается их очередность; определяется последовательность демонстрации материалов, имеющихся у следствия; специалистом представляется следователю терминология, которая может понадобиться ему в процессе допроса. В рамках ситуационного подхода при проведении непосредственной стадии допроса следователь использует показания потерпевшего и свидетеля, чтобы уточнить и/или дополнить свою собственную модель происшедшего преступления.

На рабочем этапе порядок допроса следует выстраивать следующим образом: при знакомстве и приветствии следует внимательно и уважительно относиться к допрашиваемому; на стадии свободного рассказа следователь предоставляет возможность допрашиваемому лицу изложить в свободной форме информацию о совершенном им преступлении, на стадии постановки вопросов, следователь задает ряд вопросов, включающих в себя: открытые, дополняющие, уточняющие, детализирующие и др.

Завершающая стадия допроса состоит из: окончания беседы; оценки результатов следственного действия, строящейся на полноте достижений поставленных при планировании целей; рефлексии — финального этапа проведения допроса, которая относится к процессу самокритического размышления и анализа действий и решений, принимаемых следователем во время допроса.

Список источников

1. Акопян Р. М. Проблемы тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) // Восточно-Европейский научный журнал. 2022. № 7-1 (83). С. 54–56.
2. Баянов А. И., Журавлева И. А. Приемы допроса, основанные на демонстрации материальных объектов, не являющихся вещественными доказательствами // Библиотека криминалиста. 2018. № 3 (38). С. 226–236.
3. Бойко Ю. Л. Проблемные вопросы тактики допроса подозреваемых, обвиняемых по преступлениям против личности // Сборник материалов криминалистических чтений. 2020. № 17. С. 10–11.
4. Викторова А. Е. Ситуационное моделирование в тактике допроса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого // Символ науки: международный научный журнал. 2021. № 1. С. 96–98.
5. Головин М. В. Тактические приемы допроса подозреваемого // Эпомен. 2020. № 44. С. 85–91.
6. Горбунова К. А., Киселев А. С. Тактика производства следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации : монография. Москва : Проспект, 2023. 88 с.
7. Гладких А. В. Тактика ведения допроса: проблемные аспекты в криминалистике // Современные технологии в юриспруденции: применение специальных познаний : материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции (Красноярск, 18 ноября 2021 года). Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 27–29.
8. Жижина М. В., Завьялова Д. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах : монография. Москва : Проспект, 2023. 149 с.
9. Кузьмина Л. О., Сапсай М. В., Золотарева А. Р. Особенности тактики производства вербальных следственных действий при расследовании киберпреступлений // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 10 (100). С. 144–146.
10. Морозова Т. В., Жуковский С. Ф., Зуева В. В. Психологические и рече-коммуникативные тактики ведения допроса в ходе предварительного следствия // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 131–138.

11. Рачева Н. В., Поскочинова К. А. Проблемные аспекты допроса подозреваемых при расследовании киберпреступлений // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 22 мая 2020 года) / под редакцией Д. В. Бахтеева. Екатеринбург : Уральский гос. юрид. ун-т, 2020. С. 520–529.

12. Рожкова В. А. Особенности тактики допроса подозреваемого и обвиняемого в конфликтной ситуации // Молодой ученый. 2016. № 26 (130). С. 497–499.

13. Хайруллова Э. Т. Применение психологических приемов в тактике допроса подозреваемых и обвиняемых // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4 (20). С. 138–144.

14. Alexandra Van Dine When is Cyber Defense a Crime? Evaluating Active Cyber Defense Measures Under the Budapest Convention // Chicago Journal of International Law. 2020. Vol. 20, no. 2. P. 530–563.

15. Renée N. Girard The Honeypot Stings Back: Entrapment in the Age of Cybercrime and a Proposed Pathway Forward // Chicago Journal of International Law. 2023. Vol. 24, no. 1. P. 187–220.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 24.12.2023.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.02.2024.


Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.04.2024.

ПОЗИЦИЯ ЗАЩИТНИКА И ДОВЕРИТЕЛЯ — ДОПУСТИМО ЛИ РАСХОЖДЕНИЕ?


Асия Океановна Машовец¹, Елена Юрьевна Никифорова²

^{1,2} Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

¹ okeanovna@me.com

 <https://orcid.org/0000-0002-9265-943X>

² advokatunix@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0007-5769-900X>

Аннотация. Статья посвящена теоретическим вопросам и практике выражения несоответствия позиций защиты среди участников уголовного процесса в лице адвоката и обвиняемого (подсудимого) на различных этапах уголовного судопроизводства, что влечет за собой нарушение права на защиту и пределов судебного разбирательства в целом.

Проявлением отсутствия согласия в позициях защитника и подзащитного чаще всего выступает разная трактовка фактических обстоятельств (фабулы предъявленного обвинения), которая отражается в изменении квалификации содеянного обвиняемым (подсудимым), зачастую приводящая к ухудшению положения последнего. В исследовании рассматриваются ситуации возможной несогласованности позиций защитника и его доверителя, приводящие фактически к нарушению права на защиту, представлен подход судебных инстанций к реагированию на подобные существенные нарушения уголовно-процессуального закона со стороны защиты как на стадии судебного разбирательства, так и в ходе рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования в порядке ст. 108 УПК РФ, фактически в этих случаях свидетельствующих об отказе адвоката — защитника от принятой на себя защиты и реализации им совершенно противоположной функции — функции обвинения.

Ключевые слова: право на защиту, квалифицированная юридическая помощь, обвинение, адвокат, защитник, подзащитный, доверитель, подсудимый, позиция защиты, пределы судебного разбирательства

Для цитирования: Машовец А. О., Никифорова Е. Ю. Позиция защитника и доверителя — допустимо ли расхождение? // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 75–80. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-75-80


Research article

THE POSITION OF THE DEFENSE COUNSEL AND THE CONFIDANT — IS THE DISCREPANCY ADMISSIBLE?


Asiya O. Mashovets¹, Yelena Yu. Nikiforova²

^{1,2} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

¹ okeanovna@me.com

 <https://orcid.org/0000-0002-9265-943X>

² advokatunix@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0007-5769-900X>

Abstract. The article is devoted to theoretical issues and practice of expressing the inconsistency of defense positions among the participants of criminal proceedings represented by the lawyer and the accused (defendant), at various stages of criminal proceedings, which entails the violation of the right to defense and the limits of the trial as a whole.

The manifestation of the lack of agreement in the positions of the defense counsel and the defendant is most often a different interpretation of the factual circumstances (the charge), which is reflected in a change in the qualification of the act committed by the accused (defendant), often leading to the worsening of the situation of the latter. The study considers situations of possible discordance of positions of the defender and his client, leading actually to violation of the right to defense, presented the approach of judicial instances to respond to such significant violations of criminal — procedural law on the part of the defense, both at the trial stage and during the consideration of motions of preliminary investigation

bodies in accordance with Article 108 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, actually in these cases indicating the refusal of the lawyer — defender from the assumed defense and implementation of the right to defense.

Keywords: the right to defense, qualified legal assistance, prosecution, lawyer, defense counsel, defendant, defendant, confidant, defendant, defense position, limits of the court proceedings

For citation: Mashovets AO, Nikiforova YeYu. The position of the defense counsel and the confidant — is the discrepancy admissible? *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):75-80. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-75-80 (In Russ.)

Введение

Развитие России как правового государства предопределяет значимость вопросов обеспечения защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Решение данных задач является приоритетом в деятельности органов уголовного судопроизводства.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве институт защиты прав подозреваемых и обвиняемых является одним из основных процессуальных институтов, свидетельством законности уголовного преследования и фактической реализации принципа состязательности процесса.

Адвокат-защитник, реализуя право на защиту обвиняемого (подсудимого), руководствуясь нормами уголовно-процессуального законодательства, Федеральным законом от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ (далее — закон № 63-ФЗ), положениями Кодекса профессиональной этики адвоката², обязан определять свою правовую позицию, принимать процессуально значимые решения в интересах защиты законных интересов и прав подзащитного, формировать единую с ним стратегию и тактику защиты от предъявленного обвинения.

Несогласованность позиции защитника и подзащитного, являясь одним из проявлений нарушения права на защиту, влечет безусловную отмену приговора. Коллизии согласования правовой позиции адвоката и доверителя следует рассматривать в тесной связи с пределами судебного разбирательства, допускающими изменение обвинения в судебном разбирательстве только в сторону смягчения положения подсудимого.

Материалы и методы исследования

В статье использовались материалы практики судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда, районных судов г. Екатеринбурга, а также опубликованная судебная практика кассационных судов общей юрисдикции за 2020–2024 гг.

Основу исследования составили общенаучные и частно научные методы познания, принятые в юриспруденции, такие, как метод системного анализа теоретических и нормативно правовых источников, формально-логический.

Обсуждение

В теории уголовного процесса господствует позиция о недопустимости адвокату занимать по уголовному делу позицию, противоречащую позиции своего подзащитного, а предусмотренные действующим законодательством случаи отступления от этого достаточно жесткого правила носят исключительный характер, продиктованные интересами прежде всего подзащитного и необходимостью обеспечения права на защиту.

Самооговор, как «предоставление лицом ложной информации о совершении им самим преступления» [1, с. 142], позволяет адвокату, убежденному в самооговоре, действовать вопреки воле подзащитного, отстаивая его невиновность. «Отступление от принципиального запрета расхождения позиции адвоката с позицией его доверителя происходит в исключительном случае, когда это требуется в связи с угрожающей доверителю уголовной ответственностью и, следовательно, объясняется обеспечением его права на защиту. Иные изъятия действующим регулированием не предполагаются» [2, с. 12].

Совпадение позиции адвоката и доверителя претворяется в ситуации, предусмотренной п. 3 ч. 2 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), когда о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого.

Конституционный Суд Российской Федерации в свое время высказал позицию о праве адвоката «дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Данная норма³ также не служит для адвоката препятствием в реализации права выступить свидетелем по делу при условии изменения впоследствии его правового статуса и соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших ему информацию»⁴. Очередным импульсом продолжения дискуссии о возможности допроса адвоката послужило Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2023

³ Имеется в виду п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК Российской Федерации.

⁴ По жалобе гражданина Цицишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

² Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 3.

№ 3347-О, в котором Суд подчеркнул, что «статья 56 УПК Российской Федерации не исключает право адвоката дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений»¹.

При этом обращено внимание на определенно-го рода обстоятельства и сведения, не относящиеся к адвокатской тайне, исходя из того, что они стали известны адвокату «не в силу того, что они были ему доверены или стали ему известны исходя из его профессиональной деятельности или в связи с нею, а ввиду того, что он стал очевидцем определенных событий, когда участвовал в производстве следственных действий, обеспечивая защиту прав и законных интересов от возможных нарушений уголовно-процессуального закона со стороны органов дознания и предварительного следствия»².

Допрос адвоката — очевидца событий — не только исключает адвоката из производства по уголовному делу в качестве защитника, но позволяет провести допрос при отсутствии согласия подзащитного, интересы которого не всегда заключаются в уточнении порядка производства тех или иных следственных и процессуальных действий и в отводе его защитника, приобретшего статус свидетеля.

Можно отметить еще один — криминальный случай расхождения позиции адвоката и подзащитного: соучастие адвоката в совершении преступления, что явно выходит за рамки оказания юридической помощи. Возможна пограничная ситуация, когда адвокату стало известно о предполагаемых преступных действиях подзащитного не в связи с принятой на себя защитой по уголовному делу, а «за пределами того уголовного дела, по которому доверитель в качестве подозреваемого, обвиняемого получает юридическую помощь адвоката»³. Ограничение рамок адвокатской тайны лишь теми сведениями, которые стали известны адвокату в связи с оказанием юридической помощи, ставит вопросы о рамках и пределах ее оказания и, как следствие, об относительности адвокатской тайны.

Недопустимость противоречия позиции адвоката интересам доверителя запрещает адвокату делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает (п. 4 ст. 6 Закона № 63-ФЗ).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоуса Демида Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2023 № 3347-О. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision733074.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).

² Там же.

³ По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 863-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

Теоретический анализ и вопросы практической реализации недопустимости признания адвокатом вины подзащитного при ее отрицании последним (полностью либо частично) требуют обращения к пределам судебного разбирательства и отчасти к правилу *non bis in idem*.

Обвинение как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, не является константой и предполагает возможность его изменения как в досудебном производстве, так и в стадии судебного разбирательства.

Положения ст. 252 УПК РФ, запрещающие изменение обвинения в судебном разбирательстве при ухудшении положения подсудимого и нарушении его права на защиту, конкретизированы судебной практикой. В частности, Верховный Суд Российской Федерации допускает изменение обвинения и квалификацию действия (бездействие) подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой подсудимому не было предъявлено обвинение, лишь при условии, если действия (бездействие) подсудимого, квалифицируемые по новой статье закона, вменялись ему в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от поддержанного государственным (частным) обвинителем обвинения, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту⁴.

Допустимость изменения обвинения в судебном разбирательстве в сторону смягчения, улучшения положения подсудимого теорией и практикой уголовного процесса не отрицается. Критерии «неухудшения» положения подсудимого обратны критериям поворота к худшему, однако универсального правила переквалификации деяния подсудимого при соблюдении требования о недопустимости нарушения права на защиту уголовно-процессуальная теория не выработала. Если в отношении материального критерия пределов судебного разбирательства — понятия более тяжкого обвинения и существенности отличий обвинения от первоначального по фактическим обстоятельствам, возможна ориентация на апробированную судебную практику, то применительно к процессуальному критерию пределов судебного разбирательства — недопустимости нарушения права на защиту — прослеживается тенденция на расширительное толкование судами нарушения права на защиту вследствие ненадлежащей позиции адвоката при разрешении судом уголовного дела.

Несмотря на то, что адвокат не является субъектом, формулирующим обвинение, определяющим его объем, его позиция в ходе судебного разбирательства, основанная на фактических обстоятельствах уголовного дела и исследованных судом доказательствах,

⁴ О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

находит выражение в правовой оценке обвинения, предъявленного подзащитному.

Исходя из того, что «в юридической литературе обычно выделяют три составные части обвинения: факту обвинения, его юридическую формулировку и правовую квалификацию» [4, с. 123], несогласованность позиции адвоката и подзащитного могут касаться доказанности фактических обстоятельств уголовного дела (факту обвинения), формулировки обвинения (уголовно-правовых признаков конкретного вида преступления), квалификации преступления, определяемой как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактически признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [5, с. 5].

Интерпретация адвокатом вопреки позиции подзащитного «фактических обстоятельств, выражающих признаки конкретного состава преступления» [3, с. 37], установленных судом в ходе судебного следствия, признается судебной практикой нарушением права на защиту, влекущим отмену состоявшихся судебных решений.

Так, предложенная защитником переквалификация действий подсудимого с ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) на ч. 4 ст. 111 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть) при отрицании подсудимым наличия умысла на причинение смерти потерпевшей и причин ее смерти (при признании фактов нанесения ударов, вследствие которых, по заключению экспертов, наступила смерть потерпевшей), было признано судом нарушением права подсудимого на защиту, влекущим отмену или изменение судебного решения¹.

Действиями вопреки интересам своего подзащитного признано судом мнение защитника о необходимости квалификации действий подсудимого по ч. 1 ст. 111 УК РФ. Подсудимый в ходе судебного следствия и судебных прений настаивал на необоснованном предъявлении ему обвинения по ч. 1 ст. 111 УК РФ, а в последующем по ч. 4 ст. 111 УК РФ, нанесение ударов потерпевшему не отрицал, но считал, что в результате его ударов не могли быть причинены повреждения, квалифицируемые по ч. 1 ст. 111 УК РФ².

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции: от 10.09.2020 по делу № 77-629/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: http://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=348326&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2024); Аналогичный вывод содержится апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 18.11.2020 по делу № 22-7438/2020. Документ опубликован не был.

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции: от 23.03.2021 по делу № 77-842/2021 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9676832&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2024).

Безусловным нарушением уголовно-процессуального закона, предусмотренным п. 4 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ (несовпадение позиций адвоката и интересов подзащитного), неустранимым в суде апелляционной инстанции, поскольку нарушена процедура судопроизводства в целом, ибо право на защиту не может быть реализовано в части, признана позиция адвоката. Защитник, выступая в прениях, вопреки позиции подзащитного, ссылалась на полное признание последним своей вины в совершении преступлений, отсутствие оснований для оспаривания квалификации действий подсудимого и высказалась только относительно назначения наказания. Между тем согласно протоколу судебного разбирательства, подсудимый от дачи показаний по существу предъявленного обвинения отказался, были оглашены и подтверждены подсудимым его показания, данные на предварительном следствии, в которых он выразил несогласие с предъявленным обвинением.

Суд апелляционной инстанции указал, что «адвокат фактически отказалась от принятой на себя защиты, связанной с представлением интересов подсудимого в судебном заседании, лишив его права на эффективную защиту»³.

Сложившаяся практика весьма любопытна — суды делают вывод о нарушении права на защиту, сопоставляя позицию адвоката в суде с оглашенными в силу п. 3 ч. 1 ст. 276 УПК РФ показаниями подсудимого, данными в ходе предварительного следствия.

Иная юридическая оценка действий подсудимого и изменение квалификации деяния, с которой также может быть связано рассогласованность позиций адвоката и доверителя, вытекает, как правило, из иной (подлежащей согласованию) трактовки фактических обстоятельств совершенного деяния и/или изменения формулировки обвинения. Статус адвоката как независимого профессионального советника, определенный законодательством, позволяет ему определить по итогам судебного следствия квалификацию деяния, наиболее благоприятную для подсудимого и соответствующую тактике защиты. Отмечаемая в ряде случаев, по выражению З. В. Макаровой «абсурдность» [6, с. 76] позиции доверителя применительно к правовым вопросам, неправильная оценка юридической составляющей деяния, не совпадающая с позицией защитника, приводит к коллизионным моментам позиционной защиты и ставит под вопрос обеспечение права на защиту подсудимого. Отмечено, что «в таких ситуациях адвокат лишается возможности обратить внимание суда на другие возможные варианты разрешения уголовного дела по существу, что приводит к негативным последствиям» [7, с. 106].

Суд признал несоблюдение права обвиняемого на защиту в позиции адвоката, указавшего, несмотря

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда: от 21.04.2024 по делу № 22-1490/2024. Документ опубликован не был.

на просьбу подсудимого об оправдании по предъявленному обвинению, на противоправность его действий, требующих иной, чем дана органом следствия, юридической оценки. Выступая в судебных прениях, адвокат вопреки позиции подзащитного, признал отсутствие в действиях подсудимого состава покушения на грабёж, и, приведя собственный анализ произошедших событий и судебной практики, пришёл к выводу о наличии в действиях подсудимого состава административного правонарушения либо, как максимум, преступления против личности¹.

Иные изменения обвинения. Обвинение кроме элементов, имеющих значение для юридической квалификации деяния подсудимого, включает иные обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

Как возложение на себя обвинительной функции трактуется ситуация совпадения позиций адвоката и обвиняемого, если адвокат не приводит доводы, направленные на улучшение его положения, возможности избрания иной меры пресечения, изменения вида исправительного учреждения и иных обстоятельств применительно к избираемым мерам процессуально-го принуждения и наказания.

Эти ситуации, диаметрально противоположные анализируемым случаям несогласованности позиций адвоката и доверителя, в судебной практике расцениваются как фактическое выполнение защитником функции обвинения.

Судом в ходе судебного разбирательства было указано на не приведение адвокатам доводов, направленных на улучшение положения обвиняемого (обвинение было предъявлено по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 2 ст. 228 УК РФ) при разрешении ходатайства следователя о продлении срока домашнего ареста. Обвиняемый выразил согласие с ходатайством следователя о продлении срока домашнего ареста, защитник поддержал позицию подзащитного. После замечания судьи защитнику пришлось выйти за рамки позиции обвиняемого, без согласования с последним, и выразить в прениях просьбу о замене домашнего ареста более мягкой мерой пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении или о запрете определенных действий. Суд при этом удовлетворил ходатайство следователя и продлил обвиняемому срок домашнего ареста².

Лишение права на эффективную защиту — вывод суда при согласии адвоката с позицией государственного обвинителя при назначении осужденному вида исправительного учреждения. Адвокат, поддержав апелляционное представление государственного

обвинителя о необходимости назначения осужденному для отбывания наказания вида исправительного учреждения, не приведя каких-либо доводов, направленных на улучшение положения осужденного (в приговоре не был указан вид исправительного учреждения), фактически выполнила функцию представителя стороны обвинения и заняла позицию, противоречащую интересам подзащитного³.

Заключение и выводы

Качество оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом-защитником во многом определяется согласованностью позиции защиты. Свообразным ориентиром в этом выступает положение пп. 3, 4 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о том, что адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле заявителя, делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает.

В уголовном судопроизводстве недопустимо как выражение позиции вопреки воле подзащитного, так и оставление разрешения процессуально значимого вопроса на усмотрение суда, поскольку в этом случае также прослеживается несоответствие позиций между адвокатом защитником и обвиняемым (подсудимым). В силу п. 18 постановления Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», суд, являясь гарантом обеспечения права обвиняемого на защиту, должен выяснить, была ли позиция защитника согласована с обвиняемым (подсудимым), и в случае обнаружения несоответствия возобновить судебное следствие, в том числе и на этапе прений⁴. Возможен вывод о нарушении права на защиту при сопоставлении позиции адвоката, высказанной в суде, с оглашенными в силу п. 3 ч. 1 ст. 276 УПК РФ показаниями подсудимого, полученными в ходе предварительного следствия.

В последнее время в правоприменительной практике все чаще стали встречаться ситуации, когда судьи обращают внимание на недопустимость выполнения адвокатом защитником функции представителя стороны обвинения. Позиция адвоката признается нарушением конституционного права обвиняемого на защиту и противоречащей интересам подзащитного, когда адвокат, несмотря на совпадение позиции с подзащитным, не просит суд о смягчении, не приводит каких-либо доводов об улучшении положения подзащитного.

¹ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции : от 19.11.2021 по делу № 77-5335/2021 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=11087241&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2024).

² Архив Железнодорожного суда г. Екатеринбурга, дело № 1-108/2024. Документ опубликован не был.

³ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции : от 01.07.2021 по делу № 77-2682/2021 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9642192&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 24.05.2024).

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

Список источников

1. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. В. Гриненко. Москва: Проспект, 2018. 295 с.
2. Морозов А. В. Стандарты обеспечения адвокатской тайны // Адвокатская практика. 2020. № 2. С 10–15.
3. Епихин А. Ю., Тарханов И. А. Изменение обвинения и квалификации преступления в судебном производстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 122–129.
4. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. 136 с.
5. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2007. 302 с.
6. Макарова З. В. Согласованность позиций адвоката и его подзащитного // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2008. № 1. С. 73–78.
7. Лебедев Н. Ю., Лебедева Ю. В. «За» и «против» двойственной позиции защитника в уголовном судопроизводстве: позиции, мнения, взгляды // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 105–108.

ВКЛАД АВТОРОВ

Машовец А. О. — обоснование концепции исследования, разработка методологии исследования и создание модели исследования; сбор и анализ теоретической базы исследования; обобщение результатов исследования и написание статьи и выводов.

Никифорова Е. Ю. — сбор и анализ эмпирической базы исследования; обобщение результатов исследования; редактирование и написание статьи.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Mashovets A. O. — justification of the research concept, development of the research methodology and creation of the research model; collection and analysis of the theoretical basis of the research; generalization of the research results and writing of the article and conclusions.

Nikiforova Ye. Yu. — collection and analysis of the empirical base of the research; generalization of the research results; editing and writing the article.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.05.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 07.06.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.06.2024.

ОБОСНОВАННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РИСК СОТРУДНИКОВ ОХРАННО-КОНВОЙНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Сергей Васильевич Моргунов¹, Сергей Николаевич Шатилович²

^{1,2} Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия

¹ morgunov.66@mail.ru

² shatisergei@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов обоснованного профессионального риска сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции при выполнении служебных обязанностей в ситуациях, связанных с риском (чрезвычайными происшествиями). При этом акцент сделан на ситуациях необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление и крайней необходимости. В работе проанализированы положения нормативных правовых актов Российской Федерации, правоприменительная практика и юридическая литература в данной области. Это позволило авторам сделать вывод о том, что, во-первых, сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции имеют право на рискованные деяния в своей профессиональной деятельности; во-вторых, это право обусловлено наличием общественно-полезной цели, а также обязанностью быть достаточно подготовленными к своей служебной деятельности в любых условиях; в-третьих, успешное решение других указанных проблем с помощью научных исследований позволит облегчить правовую оценку обоснованности рискованных действий сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции и более четко определить условия обоснованного профессионального риска при их наличии в ситуациях необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление и крайней необходимости.

Ключевые слова: обоснованный профессиональный риск, необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции, выполнение служебных обязанностей

Для цитирования: Моргунов С. В., Шатилович С. Н. Обоснованный профессиональный риск сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции при выполнении служебных обязанностей // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 81–85. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-81-85

Research article

REASONABLE PROFESSIONAL RISK EMPLOYEES OF SECURITY AND CONVOY UNITS OF THE POLICE IN THE PERFORMANCE OF THEIR OFFICIAL DUTIES

Sergey V. Morgunov¹, Sergey N. Shatilovich²

^{1,2} Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia

¹ morgunov.66@mail.ru

² shatisergei@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the issues of reasonable professional risk of employees of security and convoy units of the police in the performance of their official duties in situations involving risk (emergency incidents). The emphasis is made on the situations of necessary defense, infliction of harm during the detention of a person who committed a crime and extreme necessity. The paper analyzes the provisions of normative legal acts of the Russian Federation, law enforcement practice and legal literature in this area. This allowed the authors to conclude that, firstly, officers of security and guard units of the police have the right to risky acts in their professional activities, secondly, this right is conditioned by the presence of socially useful purpose, as well as the obligation to be sufficiently prepared for their official activities in any conditions, thirdly, the successful solution of other mentioned problems with the help of scientific research will facilitate the legal assessment of the validity of risky actions of officers of security and guard units.

Keywords: justified professional risk, necessary defense, infliction of harm while apprehending a person who has committed a crime, extreme necessity, officers of security and guard units of the police, performance of official duties

For citation: Morgunov SV, Shatilovich SN. Reasonable professional risk employees of security and convoy units of the police in the performance of their official duties. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):81-85. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-81-85 (In Russ.)

Введение

Противодействие преступности в современных условиях остается актуальным и важным направлением государственной политики Российской Федерации. Это нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹. Согласно ч. 1 ст. 6 ФЗ «О полиции»² полиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с законом (принцип законности), а согласно п. 2 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел (далее — ОВД) должен «заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти». Следовательно, роль ОВД в реализации государственной политики по борьбе с преступностью очень важна не только для достижения приемлемого уровня безопасности государства, но и повышения доверия общества к государственным органам.

Описание исследования

Немаловажной задачей ОВД является охрана и защита прав и свобод человека и гражданина. Речь идет о предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений, посягающих на личность, ее жизнь, здоровье, свободу, собственность и иные блага, лежащие в основе прав и свобод человека и гражданина. Применение различных мер необходимого принуждения, вплоть до заключения лиц, совершивших преступления, под стражу позволяет защитить, оградить потерпевших, свидетелей, очевидцев и иных участников уголовного процесса как на досудебной, так и на судебной стадиях от неправомерного воздействия со стороны подозреваемых и обвиняемых в преступных деяниях.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 20.01.2024).

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 20.01.2024).

При этом в структуре ОВД для решения этой важной задачи отводится главная роль охранно-конвойным подразделениям полиции (изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых ОВД; подразделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых; специальные приемники для содержания лиц, подвергнутых административному аресту).

Известно, что от эффективной работы сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции в достаточной степени зависят результаты деятельности следственных, оперативных и иных подразделений системы МВД России, так как ими обеспечивается надежная изоляция подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [1, с. 5]. В связи с этим охранно-конвойные подразделения полиции участвуют в реализации принципа неотвратимости уголовного наказания по отношению к лицам, совершившим деяния преступного характера и находящимся под предварительным следствием и дознанием, а также обвиняемым в рамках судебного разбирательства.

По мнению ряда авторов, правоохранительная деятельность сопряжена с условиями риска, в которых необходимо решать поставленные задачи и достигать намеченные цели [2, с. 436; 3, с. 226]. Ситуации риска также возникают в деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции при выполнении своих служебных обязанностей.

Понятие обоснованного риска нашло свое отражение в уголовно-правовой норме (ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации), в которой указываются критерии его обоснованности, позволяющие исключить преступность деяния. Во-первых, наличие общественно полезной цели, достижение которой причиняет вред общественным отношениям, при обоснованном риске не является преступлением; во-вторых, цель невозможно достичь иными способами, а только с помощью рискованных деяний при принятии достаточных мер для предотвращения вреда интересам, охраняемых уголовным законом и в-третьих, если заведомо риск был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественно-го бедствия, то он не признается обоснованным риском.

Применительно к действиям сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции можно выделить ряд специфических задач, решение которых позволяет успешно осуществлять свою деятельность:

- 1) содержание подозреваемых и обвиняемых в режиме изоляции и отдельного размещения, осуществление надзора за ними;
- 2) обеспечение охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых при осуществлении уголовного судопроизводства;
- 3) охрана и конвоирование подозреваемых и обвиняемых при проведении процессуальных действий;

4) обеспечение безопасности, законных прав и интересов подозреваемых и обвиняемых;

5) недопущение при конвоировании подозреваемых и обвиняемых чрезвычайных происшествий, в том числе побегов из-под стражи, суицидов, членовредительств, захватов заложников, нападений подозреваемых и обвиняемых на сотрудников ОВД и других лиц¹.

С указанными задачами тесно взаимосвязаны цели, достижение которых позволяет совершенствовать охранно-конвойную деятельность полиции. Главными целями охранно-конвойных подразделений полиции являются:

— обеспечение надежной внутренней и внешней изоляции;

— исключение возможности скрыться обвиняемым и подозреваемым от следствия и суда;

— предотвращение сокрытия вещественных доказательств и воспрепятствования установлению истины по уголовному делу;

— воспрепятствование продолжению лиц заниматься преступной деятельностью;

— своевременная и безопасная доставка подозреваемых и обвиняемых по назначению, в том числе в суды и следственные органы субъектов Российской Федерации².

Как мы видим, что указанные цели являются общественно полезными, необходимыми для поддержания должного порядка в охранно-конвойной деятельности полиции в частности, и в государстве и обществе в целом. Достижение поставленных целей основано на полном и качественном выполнении сотрудниками охраны и конвоирования требований нормативных актов, регламентирующих работу охранно-конвойных подразделений полиции. При этом на передний план выступает выполнение, решение профессиональной — задачи обеспечение безопасности, законных прав и интересов подозреваемых и обвиняемых. Как отмечается в научной литературе нарушение принципа законности в охранно-конвойной деятельности полиции может вызвать негативный общественный резонанс, привести к совершению побега подозреваемых (обвиняемых), а также причинению смерти или вреда здоровью лиц, данной категории, и как следствие этого, к дискредитации как самого сотрудника охранно-конвойных подразделений, так и системы МВД в целом [4, с. 82; 5, с. 116].

В тоже время в служебной деятельности сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции возникают ситуации, связанные с риском, которые называются чрезвычайными происшествиями. Нам представляется целесообразным представить данные ситуации по источнику их возникновения:

¹ О совершенствовании организации деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых, специальных приемников для содержания лиц, подвергнутых административному аресту: приказ МВД России от 31.12. 2015 № 1266 // <https://docs.cntd.ru/document/552216454> (дата обращения: 20.01.2024).

² Там же.

1. По причине человеческих деяний, человеческого фактора:

— противоправные действия подозреваемых и обвиняемых в рамках режима содержания под стражей (преступления, административные правонарушения, нарушения режима содержания);

— массовые беспорядки; групповое неповиновение; хулиганские действия;

— побег;

— самоубийство;

— членовредительство;

— нападение на сотрудников, осуществляющих охрану, и иных лиц;

— захват заложников;

— внешние нападения посторонних лиц на места содержания и временного пребывания подозреваемых и обвиняемых.

2. По причинам природного воздействия — стихийное бедствие, эпидемия, эпизоотия³.

3. По причинам человеческого и природного характера: авария техногенного характера; пожар, катастрофа; необходимость оказания первой медицинской помощи лицам [6, с. 35, 36].

При этом необходимо уточнить, что оказание первой медицинской помощи лицам, находящимся под охраной и конвоированием, сотрудникам, осуществляющим эту деятельность, а также иным лицам, оказавшимися сфере распространения режима содержания.

На наш взгляд, чрезвычайность состоит в том, что происходит нарушение режима содержания под стражей и установленные правила внутреннего распорядка в данный момент могут стать не эффективными для осуществления охранно-конвойной деятельности. В связи с этим возникает ситуация в которой появляется неопределенность, которая ставит вопрос будет ли своевременно восстановлен режим содержания и действия правовых норм, регулирующих охранно-конвойную деятельность полиции, станут ли они эффективными в данных условиях?

Наличие чрезвычайных ситуаций может затруднить выполнение служебных задач сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции и, следовательно, достижение общественно полезных целей. В связи с этим центральным вопросом при обоснованном риске является юридическая оценка причинения вреда, его правомерности или неправомерности. По этому поводу В. В. Бабурин отмечает, что: «рискованные действия в тех случаях, когда отсутствует наступление последствий оценивать просто. Все выглядит иначе при наступлении последствий» [7, с. 16].

Совершение побегов из-под стражи лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений,

³ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ст. 48) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7270/ (дата обращения: 20.01.2024).

является чрезвычайным происшествием и наиболее часто встречающимся (вероятным) из их числа. Побег из-под стражи признается уголовным законом как преступное деяние (ст. 313 УК РФ). По данным судебной статистики за последние пять лет (2018–2022 гг.) в нашей стране за побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из под стражи было осуждено 550 человек¹. При этом каждый одиннадцатый человек совершил побег из-под стражи, находившись в предварительном заключении. В целях предотвращения и пресечения побега из-под стражи сотрудником охранно-конвойной службы возможно причинение вреда лицу, совершившему побег, и правомерность последствий (вреда) в данном случае будет оцениваться в первую очередь в рамках уголовно-правового института — причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ).

Противоправные действия подозреваемых и обвиняемых, нарушение режима содержания, массовые беспорядки, групповое неповиновение, хулиганские действия, нападение на сотрудников, осуществляющих охранно-конвойную деятельность, может спровоцировать ответную реакцию со стороны сотрудников охранно-конвойных подразделений, выполняющих свои служебные обязанности, в отношении нападающих и нарушающих режим лиц и привести к причинению вреда. Правомерность причиненного вреда будет оцениваться в рамках уголовно-правового института — необходимая оборона (ст. 37 УК РФ).

На этапе освобождения захваченных заложников причинение правомерного вреда, в первую очередь, возможно лицам, совершившим захват заложников, но в тоже время, не исключено причинение вреда самим заложникам со стороны сотрудников, осуществляющих данную операцию. В данном случае встает вопрос о правомерности возможного причинения вреда заложникам в условиях правомерного риска (ст. 41 УК РФ). При этом отмечается, что заложники не должны пострадать даже в случаях, когда обстоятельства вынуждают ликвидировать лицо, совершившее преступление [8, с. 8]. Также необходимо принимать во внимание, что заложниками могут быть не только гражданские лица, но и сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции [9, с. 63].

Чрезвычайные происшествия, происходящие по причинам природного характера и человеческого фактора, также несут опасность в деятельности охранно-конвойных подразделений. Сотрудники должны противостоять силам стихии в случаях техногенных аварий, пожаров, катастроф, стихийных бедствий и другому природному воздействию с целью выполнения служебных задач. Правомерность возможного вреда, причиненного сотрудниками охранно-конвойных подразделений, в данных ситуациях будет оцениваться,

как правило, на основании крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

Безусловно в указанных случаях сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции совершают рискованные действия, связанные со своей профессиональной деятельностью, с последующим возможным причинением вреда общественным отношениям, интересам, ценностям, находящимся под охраной уголовного закона, с оценкой последствий с помощью уголовно-правовых норм «Необходимая оборона», «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» и «Крайняя необходимость» (ст. 37, 38, 39 УК РФ). При этом оценить эти деяния и их последствия только с позиции обоснованного риска (ст. 41 УК РФ) в данных чрезвычайных ситуациях является проблематичным.

Также является немаловажным учет третьего условия обоснованного риска — это недопущение риска, заведомо сопряженного с угрозой для многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Как мы видим, данные правовые ограничения обоснованного риска не могут охватить объем распространения условий необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление и крайней необходимости.

Заключение

В тоже время остается проблематичной оценка правомерности возможного вреда в условиях обоснованного риска [10, с. 11, 13; 11, с. 34], в частности, причиненного при чрезвычайных ситуациях сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции и в своей повседневной служебной деятельности. Кроме того, правовое регулирование обоснованного риска в профессиональной деятельности вызывает ряд других проблем:

- установление права на риск;
- определение достаточности профессиональной подготовленности рискующего;
- определение соразмерности полезности желаемого результата и величины угрожающей опасности причинения вреда;
- установление пределов усмотрения рискующего;
- определение превышения пределов обоснованного риска;
- понятие степени риска;
- проведение анализа объективности риска и субъективной оценки степени этого риска;
- определение необходимости и достаточности данных (информации) для принятия рискованного решения;
- организация и проведение правовой защищенности сотрудников правоохранительных органов при осуществлении действий по пресечению преступлений [2, с. 437; 8, с. 11].

Таким образом, во-первых, сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции имеют право на рискованные деяния в своей профессиональной деятельности, во-вторых, это право обусловлено наличием

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.12.2023).

общественно-полезной цели, а также обязанностью быть достаточно подготовленными к своей служебной деятельности в любых условиях, в-третьих, успешное решение других указанных проблем с помощью научных исследований позволит облегчить правовую оценку обоснованности рискованных действий

сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции и более четко определить условия обоснованного профессионального риска при их наличии в ситуациях необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление и крайней необходимости.

Список источников

1. Шатилов С. Н., Морозов В. И., Захарчук С. Д. Ответственность за должностные преступления, совершаемые сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции : учебно-практическое пособие. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2021. 96 с.
2. Виноградова О. П., Армянинова А. В. К вопросу о концепции «обоснованного риска» при осуществлении профессиональной деятельности сотрудниками полиции // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 436–438.
3. Ишигеев В. С., Лапша В. Л., Бондарь А. Я. Проблема обоснованного риска в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 2. С. 226–231.
4. Шатилов С. Н. Обеспечение безопасности, законных прав и интересов отдельных категорий граждан, содержащихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: вопросы правовой регламентации и правоприменительной практики // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2023. № 1 (20). С. 80–90.
5. Шатилов С. Н. Понятия, виды и социальные последствия должностных преступлений, совершаемых сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 2 (13). С. 115–122.
6. Тактика действий сотрудников изоляторов временного содержания и конвойных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации : учеб.-практ. пособие / сост. В. А. Звягин, О. А. Елисеева ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2019. 74 с.
7. Бабурин В. В. Правомерное причинение вреда при рискованном поведении, направленном на достижение общественно полезной цели: проблемы определения обоснованности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 1. С. 11–17.
8. Хоменко А. Н. Обоснованный профессиональный риск сотрудников полиции при пресечении преступлений: научно-практические рекомендации. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2011. 33 с.
9. Шатилов С. Н., Морозов В. И. Вопросы правовой регламентации применения сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны в случае причинения нападавшему вреда здоровью либо смерти // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 1. С. 60–70.
10. Гарбатович Д. А. Проблемы применения нормы об обоснованном риске // Уголовное право. 2013. № 2. С. 10–15.
11. Бабурин В. В. Проблемы правового регулирования обоснованного риска // Российская юстиция. 2007. № 7. С. 34–36.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 29.01.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 25.03.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

Научная статья
УДК 343.221.51
DOI: DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-86-90

С. 86–90

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ НА УРОВНЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Ляйля Елюхановна Панаева

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
layla-56@mail.ru*

Аннотация. Проблема криминализации деятельности юридических лиц вновь актуализировала свой статус, что вызвано последними событиями начала 2024 года (теракт и пожар в концертном зале «Крокус Сити Холл» Московской области, прорыв дамбы в Оренбургской области), ставших серьезным испытанием для российского общества. В рамках данного научного исследования аргументируется необходимость законодательного закрепления института уголовной ответственности юридических лиц на уровне федерального уголовного закона, с учетом влияния на данный процесс событий, повлекших причинение существенного вреда как отдельной личности, так и обществу в целом. Наступление общественно-опасных последствий рассматривается как следствие отсутствия должного механизма правового регулирования, способного адекватно обеспечивать защиту лица от негативных последствий противоправной деятельности юридических лиц. В ходе исследования использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования. Среди частнонаучных методов применены формально-юридический, сравнительно-правовой. Материальную базу составили действующие нормативно-правовые, ведомственные акты, научные работы в исследуемой области, в т. ч. зарубежных ученых. Установлено, что действующее правовое регулирование, применяемое в отношении юридических лиц, не отвечает современным реалиям с учетом расширения масштаба совершения корпоративных преступлений. Проводимая государственная политика, направленная на повышение уровня предпринимательской активности, наряду со «смягчением» контроля в отношении хозяйствующих субъектов требует введения строгих мер ответственности в качестве сдерживающего механизма. В выводах исследования отражены доводы в пользу принятия законодательных изменений, обосновывающих целесообразность и актуальность введения института уголовной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, целесообразность введения института уголовной ответственности юридических лиц, мораторий на проверки субъектов предпринимательской деятельности, корпоративные преступления

Для цитирования: Панаева Л. Е. Институт уголовной ответственности юридических лиц: целесообразность введения на уровне российского уголовного закона // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 86–90. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-86-90

Research article

THE INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES: THE EXPEDIENCY OF INTRODUCING AT THE LEVEL OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Lyaylya Yelyukhanovna Panaeva

*South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
layla-56@mail.ru*

Abstract. The problem of criminalization of the activities of legal entities has again updated its status, which is caused by the recent events of early 2024 (the terrorist attack and fire at the Crocus City Hall concert hall in the Moscow region, the break of the dam in the Orenburg region), which have become a serious test for Russian society. Within the framework of this scientific research, the need for legislative consolidation of the institution of criminal liability of legal entities at the level of federal criminal law is argued, taking into account the impact on this process of events that caused significant harm to both an individual and society as a whole. The onset of socially dangerous consequences is considered as a consequence of the lack of a proper legal regulation mechanism capable of adequately protecting a person from

the negative consequences of illegal activities of legal entities. The research uses general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, and abstraction. Among the private scientific methods, formal legal and comparative legal methods are used. The material base was made up of current regulatory and departmental acts, scientific works in the field under study, including foreign scientists. It has been established that the current legal regulation applied to legal entities does not meet modern realities, taking into account the expansion of the scale of corporate crimes. The ongoing state policy aimed at increasing the level of entrepreneurial activity, along with the “softening” of control over business entities, requires the introduction of strict liability measures as a deterrent mechanism. The conclusions of the study reflect the arguments in favor of adopting legislative changes that justify the expediency and relevance of introducing the institution of criminal liability of legal entities.

Keywords: criminal liability of legal entities, the expediency of introducing the institution of criminal liability of legal entities, a moratorium on inspections of business entities, corporate crimes

For citation: Panaeva LYe. The institute of criminal liability of legal entities: the expediency of introducing at the level of the Russian criminal law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):86-90. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-86-90 (In Russ.)

Введение

В современных правовых реалиях, с учетом перемен на геополитической арене, ориентир государства направлен на поддержание потенциала роста российской экономики. 10 марта 2023 года Председатель Правительства РФ Михаил Мишустин по поручению Президента России ввел в действие постановление о продлении действующего моратория на проверки субъектов предпринимательской деятельности до конца 2024 года¹.

Между тем, преследование цели динамичного развития компаний путем ослабления должного контроля со стороны надзорных ведомств, в отсутствие уголовно-правовых запретов, несет в себе одно из отрицательных последствий — снижение степени ответственности хозяйствующих субъектов, что выступает одним из факторов причинения существенного вреда как отдельной личности, так и обществу в целом.

Последние события весны 2024 года в регионах России очевидно продемонстрировали последствия смягчения правового контроля над деятельностью юридических лиц, что в т. ч. стало возможным вследствие отсутствия эффективного механизма сдерживания в виде института уголовной ответственности юридических лиц.

Материал и методы

Материал исследования образует совокупность правовых норм национального и зарубежного права, включая теоретические источники (научные статьи и исследования) и комментарии специалистов из различных областей права по вопросам правового регулирования деятельности юридического лица как субъекта правонарушения.

В основу исследования положены общенаучные и частнонаучные методы научного познания. Среди собственно юридических методов применены

формально-юридический (догматический) метод, сравнительно-правовой.

В частности, в научной статье использован метод синтеза информации путем сбора сведений, ориентированного на исследуемую проблему, включая оценку, анализ полученных данных и выражение в форме релевантной для целевой аудитории.

Дедуктивный метод применен в установлении причинной связи между событиями, ключевую роль в которых занимают юридические лица как потенциальные субъекты уголовной ответственности, с учетом прогнозирования развития правовых ситуаций и обозначенных перспектив национальной государственной политики в сфере права и экономики.

Индуктивный метод отражен в направленности рассуждений от частных случаев к формулированию правил более общего характера (в целях обоснования публичного регулирования отношений с участием юридических лиц).

Метод абстрагирования в научном исследовании выражен в извлечении правовых фактов, выявленных в конкретных жизненных ситуациях, обусловивший возможность выделения правового смысла. Посредством метода абстрагирования решается вопрос о соответствии правовой ситуации уголовно-правовым нормам (привлечения к уголовной ответственности юридических лиц) и обоснованности введения данных норм в правовую систему (закрепление института уголовной ответственности юридических лиц в системе уголовного законодательства).

Результаты и обсуждение

Действующее уголовное законодательство должно позволять адекватно препятствовать современной преступности, в том числе общественно опасной деятельности юридических лиц, что может быть обеспечено только на базе законодательства, отвечающего требованиям времени, способного эффективно противодействовать криминализации общества [4, с. 360]. Уголовное право, рассматривая вопросы об установлении преступности того или иного опасного деяния, должно соотносить свои предписания с положениями

¹ О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 : постановление Правительства РФ от 14.12.2023 № 2140 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464560/ (дата обращения: 24.04.2024).

иных отраслей права, но при этом руководствоваться тем, что все, что обладает уголовной противоправностью, не может быть разрешено в ином отраслевом законодательстве [10, с. 76].

В настоящее время в России к юридическим лицам применимы меры воздействия в виде административной, гражданско-правовой ответственности, что не позволяет в полной мере соотносить их с характером правонарушений, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, и не гарантирует адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения.

Следует отметить, что признание необходимости наиболее строгих мер регулирования в отношении деятельности юридических лиц, не ограничиваясь лишь оценкой поведения отдельной личности, предопределило введение корпоративной уголовной ответственности в зарубежных странах [5, с. 83]. На данный момент каких-либо сомнений в целесообразности существования данного института не выражено, напротив, предпринимаются меры для совершенствования и усиления существующего режима [1]. Представители зарубежной науки в сфере уголовного права занимают неизменную позицию о том, что правовые режимы в вопросах корпоративной уголовной ответственности должны вознаграждать компании за их усилия в плане превенции локальных нарушений с учетом максимально возможных санкций, предусмотренных на уровне закона. Оптимальное сочетание «кну́та» и «пря́ника» позволит использовать внутренние ресурсы предприятия в целях сокращения числа правонарушений со стороны его сотрудников [2].

В условиях российской правовой действительности, не исключая позитивность мер, принятых Правительством РФ для экономической сферы, тем не менее существенное ограничение в проведении контрольно-надзорных мероприятий создает повышенные риски наступления общественно-опасных последствий ввиду отсутствия строгих мер ответственности. Указанное не позволяет утверждать о соразмерности цели и результата государственной политики в условиях односторонности предпринимаемых мер в отношении экономического развития и неэффективного правового регулирования в деятельности юридических лиц.

Так, трагедия 22.03.2024 г., произошедшая в Московской области в концертном зале здания «Крокус Сити Холла» и унесшая жизни более ста человек, выступила, в т. ч., негативным поводом для проведения проверочных мероприятий систем противопожарной безопасности, осуществление которых в условиях мотель-отеля было ограничено профилактическим визитом¹.

¹ Следователи изъяли в МЧС документы, связанные с «Крокус Сити холлом» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20404729>; Следователи изъяли в МЧС документы по противопожарным проверкам в Crocus City Hall // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/society/509339-sledovатели-iz-ali-v-mcs-dokumenty-po-protivopozarnym-proverkam-v-crocus-city-hall> (дата обращения: 23.04.2024).

Не менее масштабными по тяжести наступивших последствий стали события, начавшиеся вечером 5 апреля 2024 года на территории Оренбургской области. В связи с несвоевременно принятыми мерами, направленными на содержание гидротехнического сооружения в надлежащем техническом состоянии, произошел прорыв дамбы. На всей территории Оренбуржья введен режим чрезвычайной ситуации. При этом уточняется, что ранее должностными лицами Западно-Уральского управления Ростехнадзора проводились плановые проверочные мероприятия, по результатам которых были выявлены нарушения и выдано предписание с замечаниями для устранения (постановление о назначении административного наказания в отношении юридического лица по статье 9.2 КоАП РФ в виде штрафа в размере 20 тысяч рублей). Однако в условиях действия постановления № 336 от 10 марта 2022 года проверка выполнения предписания не проводилась². На данный момент Управлением Следственного Комитета РФ по Оренбургской области возбуждено уголовное дело о халатности (ч. 1 ст. 293 УК РФ) и нарушении правил безопасности при ведении строительных работ (ч. 1 ст. 216 УК РФ)³.

Очевидно, что существующий подход к привлечению юридических лиц к ответственности с акцентом на традиционные учения о субъекте преступления не отвечает современным реалиям и является неадекватным в условиях расширения масштабов корпоративных преступлений. Ориентация на соблюдение принципа личной уголовной ответственности [3, с. 103] в отношении корпоративной преступности не должна преобладать над иными, не менее значимыми, принципами, учитывая, что юридическое лицо по своей природе является объединением людей, соответственно и последствия его деятельности — это результат не одного человека. В любом случае, осуждение отдельного физического лица формально связано с индивидуальным исправлением, восстановлением прав потерпевших и превенцией, однако юридическое лицо не претерпевает должные ограничения/лишения, выступающих как следствие наступивших в результате его деятельности общественно-опасных последствий. И как справедливо отмечает И. Д. Козочкин, «Особенностью уголовной ответственности юридических лиц является применение ее не вместо ответственности для физических лиц, а наряду с ней. Это объясняется тем, что при совершении преступлений, руководители корпораций могут сменять друг друга

² Ростехнадзор выдавал предписание с 38 замечаниями к дамбе в Орске // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240406/damba-1938264511.html> (дата обращения: 19.04.2024).

³ Прокуратура Оренбургской области направила в следственные органы материалы проверки по факту прорыва дамбы в г. Орск // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=94268985>; Что известно о прорыве дамбы в Орске и ситуации с паводками в Оренбургской области // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/20461171> (дата обращения: 24.04.2024).

бесчисленное количество раз, но это не будет иметь должного эффекта, так как юридическое лицо остается, также как и его противоправная деятельность» [11, с. 308].

Выводы

При решении вопроса о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц применительно к настоящим реалиям, следует исходить из следующего:

- соотношение характера правонарушения, его опасности для находящихся под охраной закона ценностей с качеством вида юридической ответственности;
- согласованность различных видов юридической ответственности с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в рамках взаимоотношений с физическими и юридическими лицами как равноправными субъектами ответственности;
- придание эффективности действующему механизму правового регулирования в отношении юридических лиц;
- соблюдение соразмерности мер правового воздействия последствиям нарушения (и вытекающие из него требования справедливости, адекватности и пропорциональности используемых правовых средств за противоправное деяние);
- достижимость превенции (потенциал предупредительного воздействия);
- правовое урегулирование вопросов субъектной ответственности, связанное с применением технологий искусственного интеллекта, роботизацией;
- усиление мер по предупреждению совершения правонарушений на локальном уровне компании;
- переход на новый уровень сотрудничества с экономическими развитыми странами;
- обеспечение защиты интересов отечественных компаний за рубежом.

Следует отметить, что в настоящее время зарубежный законодатель (например, в таких государствах, как США, Великобритания, где институт корпоративной уголовной ответственности действует уже столетие) активно предпринимает меры, направленные на ужесточение ответственности, что обусловлено борьбой в распространении масштабов противоправной деятельности корпораций и с достижением общей превенцией [6, с. 105].

Так, действие британского Закона о взяточничестве (Bribery Act 2010)¹ распространяется и на иностранные, в том числе российские, компании. Ранее действующий руководитель Управления по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах (Serious Fraud Office) Ричард Олдерман даже отметил, что главное внимание у SFO обращено именно на иностранные

компании [9, с. 16]. Учитывая экстерриториальное действие закона Великобритании «О взяточничестве», распространение его юрисдикции на зарубежные (в том числе российские) компании позволяет существенно пополнять бюджеты Великобритании за счет многомиллионных штрафов, налагаемых на иностранные компании судами [7, с. 4].

Наряду с указанным, последние события, обусловленные недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций, связанные с введением ограничительных мер в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц², направлены на подрыв финансовой устойчивости российской экономики, что напрямую затрагивает интересы отечественных компаний³.

В этой связи представляется вполне обоснованной позиция российских специалистов [12, с. 61], подчеркивающих, что «видится нелогичной ситуация, когда иностранные органы получают доступ к привлечению российских корпораций к уголовной ответственности, а российская сторона может только ставить вопрос о возможном привлечении иностранных корпораций лишь к административной ответственности» [8, с. 43]. Указанное нарушает устойчивость регулируемых правоотношений, не позволяя должным образом обеспечить защитой национальные интересы.

Заключение

В условиях происходящих в России масштабных преобразований, в рамках которых роль юридических лиц выходит на первый план, свобода экономической деятельности хозяйствующих субъектов должна быть уравновешена обращенными к ним требованиями ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность, в чем выражается принцип справедливости⁴.

Учитывая перспективы, выраженные главой государства В. В. Путиным в послании Федеральному

² См.: В результате санкций часть активов российских банков оказалась заблокированной. В основном это коснулось требований к контрагентам из недружественных стран и платежей по ценным бумагам. У ряда банков также были заблокированы средства и ценные бумаги в российских инфраструктурных организациях (НРД, СПБ Биржа). Перспективы возврата этих активов представляются неопределенными // Перспективные направления развития банковского регулирования и надзора: текущий статус и новые задачи. Москва, 2024. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/160494/dbra_20240417.pdf (дата обращения: 25.04.2024).

³ См.: Володин оценил объем заблокированных активов РФ в США // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/630676> (дата обращения: 24.04.2024).

⁴ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): информация Конституционного Суда РФ (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399426/ (дата обращения: 21.04.2024).

¹ Bribery Act 2010 [Закон о взяточничестве 2010 г.] // Legislation.gov.uk URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/section/9> (дата обращения: 24.10.2023).

собранию в феврале 2024 г.¹, временный мораторий на проверки бизнеса в будущем с 1 января 2025 г. планируется заменить переходом на риск-ориентированный подход. Полагаем, что данные реформы должны иметь системный подход в его реализации, что предполагает введение адекватных санкций в целях сдерживания и противодействия корпоративной преступности путем установления уголовно-правовых в отношении организаций.

Ранее исследуемая проблема была освещена на Петербургском международном юридическом форуме в рамках специально сформированной сессии. Один из ведущих сторонников введения уголовной ответственности юридических лиц — глава Следственного комитета России Александр Бастрыкин в очередной раз указывал на необходимость преобразований путем нормативного закрепления данного института на уровне

уголовного законодательства². Выражая однозначную солидарность с позицией Председателя Следственного комитета России, в заключение отметим, что уголовная ответственность, очевидно, является не первым и не самым гуманным механизмом, с помощью которого правовые системы могут стремиться контролировать корпоративную деятельность, однако ее роль в регулировании деятельности юридических лиц существенна и постоянно растет. Наиболее убедительным аргументом в пользу введения уголовно-правовых запретов в отношении организаций являются сдерживающие возможности в качестве дополнения или усиления других форм ответственности. В связи с этим федеральный законодатель обязан обеспечить приведение законодательного регулирования в соответствие с новыми социальными реалиями, к более суровой правовой репрессии, к институту уголовной ответственности юридических лиц.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию : 29.02.2024 // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 24.04.2024).

² Александр Бастрыкин выступил за введение уголовной ответственности для юридических лиц // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/05/13/aleksandr-bastrykin-vystupil-za-vvedenie-ugolovnoj-otvetstvennosti-dlia-iuridicheskikh-lic.html> (дата обращения: 16.03.2024).

Список источников

1. Baer M. H. Forecasting the How and Why of Corporate Crime's Demise (October 3, 2022). 47 J. Corp. L. 887 (2022), Brooklyn Law School, Legal Studies Paper No. 730, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4236833> (дата обращения: 16.03.2024).
2. Buell S. W. Corporate Criminal Liability (March 16, 2022). Edward Elgar Research Handbook on Corporate Liability (M. Petrin and C. Witting eds. 2023), Duke Law School Public Law & Legal Theory Series No. 2022-17, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4059481> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4059481> (дата обращения: 16.03.2024).
3. Арбузов С. С., Кубанцев С. П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2012. № 10 (190). С. 99–106.
4. Бытко Ю. И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 352–373.
5. Голованова Н. А. Корпоративная ответственность: трансформация уголовно-правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 2. С. 82–96.
6. Иванов О. Б. Закон Великобритании о борьбе со взяточничеством, распространение его действия на зарубежные (в том числе российские) компании // ЭТАП. 2012. № 1. С. 103–112.
7. Иванов Э. А. Антикоррупционный комплаенс — контроль в странах БРИКС : монография. Москва : Юриспруденция, 2015. 60 с.
8. Панаева Л. Е. Особенности института уголовной ответственности юридических лиц в Великобритании // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2021. № 4. С. 41–44.
9. Потапов Н. А. К вопросу об ответственности юридического лица // Юрист. 2015. № 22. С. 15–18.
10. Пудовочкин Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 1. С. 70–81.
11. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И. Д. Козочкина. Москва, 2001. 576 с.
12. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. 2015. № 1 (217). С. 55–63.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 04.05.2024.


Дата рецензирования статьи / Revised: 20.05.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 25.05.2024.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА)

Елизавета Игоревна Попова

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
popovaei@susu.ru

 <https://orcid.org/0009-0003-5830-3282>

Аннотация. В статье рассматриваются судебные правовые позиции Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) по вопросу использования технических средств в уголовном судопроизводстве. Анализируются постановления ЕСПЧ по вопросам применения видео-конференц-связи, технологий прослушивания телефонных переговоров, биометрических систем и полиграфа. Необходимо обеспечить эффективное участие обвиняемого в ходе судебного разбирательства, возможность представления доказательств и конфиденциального общения с адвокатом при использовании видео-конференц-связи. Также ЕСПЧ настаивает на наличии достаточного правового регулирования и гарантий от злоупотреблений при использовании специальных технических средств для сбора информации о частной жизни и технологий слежения. Полиграф не имеет особого доказательственного значения для ЕСПЧ, но его результаты могут быть использованы наряду с другими доказательствами. Обобщается позиция ЕСПЧ о том, что использование технических средств и инноваций в уголовном процессе в целом позитивно и способствует повышению эффективности правосудия. Однако при этом обязательно должны соблюдаться гарантии справедливого судебного разбирательства и недопустимо нарушение частной жизни участников судопроизводства. Предлагаются меры совершенствования российского законодательства с учетом судебных правовых позиций ЕСПЧ по рассматриваемым вопросам применения технических средств в уголовном судопроизводстве, и подчеркивается важность достижения баланса между соблюдением прав и свобод личности и необходимостью использования технических средств для эффективного расследования преступлений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, Европейский суд по правам человека, технические средства, видео-конференц-связь, полиграф

Для цитирования: Попова Е. И. Использование технических средств в уголовном судопроизводстве (практика Европейского суда по правам человека) // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 91–95. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-91-95

Research article

TECHNICAL MEANS IN CRIMINAL PROCEEDINGS (PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS)

Yelizaveta I. Popova

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
popovaei@susu.ru

 <https://orcid.org/0009-0003-5830-3282>

Abstract. The article examines the judicial legal positions of the European Court of Human Rights (hereinafter — ECHR) on the issue of the use of technical means in criminal proceedings. The rulings of the ECHR on the issues of application of video-conferencing, wiretapping technologies, biometric systems and polygraph are analyzed. It is necessary to ensure the effective participation of the accused in the course of the trial, the possibility of presenting evidence and confidential communication with the defense lawyer when using videoconferencing. The ECHR also insists that there is sufficient legal regulation and safeguards against abuse in the use of special technical means for collecting information on private life and surveillance technologies. The polygraph has no special evidentiary value for the ECHR, but its results can be used along with other evidence. The position of the ECHR that the use of technical means and innovations in criminal proceedings is on the whole positive and contributes to the efficiency of justice is summarized. However, in this case

the guarantees of a fair trial must be observed and the violation of the privacy of participants in legal proceedings is inadmissible. Measures to improve the Russian legislation are proposed, taking into account the judicial legal positions of the ECHR on the issues under consideration regarding the use of technical means in criminal proceedings, and the importance of achieving a balance between respect for the rights and freedoms of the individual and the need to use technical means for the effective investigation of crimes is emphasized.

Keywords: criminal proceedings, European Court of Human Rights, technical means, video-conferencing, polygraph

For citation: Popova YeI. Technical means in criminal proceedings (practice of the european court of human rights). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):91-95. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-91-95 (In Russ.)

Введение

Цифровизация требует наличия подходящих технических средств для своей реализации, а технические средства обеспечивают основу и инструментарий для цифровых решений и инноваций. Это взаимодействие способствует развитию современных технологий, улучшению процессов и повышению эффективности в различных сферах деятельности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства.

Активное использование технических средств в уголовном судопроизводстве предоставляет множество преимуществ, таких как ускорение процесса, экономия ресурсов и обеспечение безопасности участников. Однако внедрение новых технологий следует осуществлять с соблюдением принципов уголовного процесса и при неукоснительном уважении прав человека.

Этой связи большой интерес представляет практика Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), который в своих решениях неоднократно рассматривал вопросы, связанные с использованием технических средств при производстве по уголовным делам. Анализ позиций ЕСПЧ позволяет выявить основные принципы применения новых технологий и технических средств в уголовном процессе с точки зрения обеспечения прав обвиняемого.

С 16 сентября 2022 года Россия перестала быть стороной Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее — ЕКПЧ). Однако в течение продолжительного времени система национального правового регулирования в России корректировалась с учетом практики ЕСПЧ, в особенности в сфере уголовного судопроизводства. В связи с этим, обзор практики ЕСПЧ как авторитетного международного судебного органа может быть полезен с точки зрения отражения общемировых тенденций по рассматриваемому вопросу.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования были использованы решения Европейского суда по правам человека по делам, связанным с применением технических средств в уголовном судопроизводстве (видео-конференц-связь, прослушивание телефонных переговоров, биометрические технологии, полиграф и др.), научные публикации российских авторов, а также нормативно-правовые акты РФ.

В основу исследования были положены общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников, логический и формально-юридический методы для уточнения содержания правовых норм.

Описание исследования

В рамках своей деятельности ЕСПЧ рассматривает аспекты применения различных технических средств в уголовном судопроизводстве и формулирует правовые принципы, направленные на обеспечение соблюдения основополагающих принципов справедливого судебного процесса и защиты личности.

Видео-конференц-связь de lege ferenda

ЕСПЧ в своей практике в отношении использования видео-конференц-связи при отправлении правосудия, отмечает, что применение технических средств допустимо лишь при обеспечении ряда условий. Должна быть гарантирована полноценная реализация всех процессуальных прав участников судопроизводства, включая право быть выслушанным, право представлять доказательства, право конфиденциально общаться с адвокатом, а также должны соблюдаться разумные сроки судопроизводства.

ЕСПЧ в деле «Евдокимов и другие против России» исходит из того, что использование видео-конференц-связи само по себе не противоречит принципу справедливого судебного разбирательства и само по себе не является нарушением прав обвиняемого¹. Однако при этом должны быть соблюдены определенные условия, в частности, обеспечена возможность эффективного участия обвиняемого в процессе, следить за ходом судебного процесса, видеть присутствующих и слышать сказанное, быть заслушанным другими сторонами и судьей, конфиденциального общения с защитником, право на допрос показывающих против него лиц и право на представление доказательств «допрашивать или иметь право на то, чтобы свидетели были допрошены», «пользоваться бесплатной помощью переводчика, если обвиняемый не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке»,

¹ Постановление ЕСПЧ от 16 февраля 2016 года по делу Евдокимов и другие против Российской Федерации (жалобы № 27236/05, 44223/05, 53304/07, 40232/11, 60052/11, 76438/11, 14919/12, 19929/12, 42389/12, 57043/12 и 67481/12) // HUDOC — European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-160620> (дата обращения: 11.04.2024).

иных прав, предусмотренных, в том числе, уголовно процессуальным законодательством Российской Федерации» [5, с. 395]. Только в таких условиях полной коммуникации использование системы видео-конференц-связи не нарушает право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 ЕКПЧ.

В деле «Григорьевских против России» заявитель, страдавший от частичной глухоты, жаловался на неудовлетворительное качество видеосвязи, а его просьбы увеличить громкость отклонялись, из-за чего он не мог участвовать в заседании надлежащим образом. В своем постановлении ЕСПЧ напомнил, что участие посредством применения видеосвязи в судебном процессе не является несовместимым с понятием справедливого и публичного разбирательства, но должно гарантировать возможность для заявителя участвовать в процессе и быть выслушанным без технических препятствий, а также обеспечивать эффективное общение с адвокатом без свидетелей¹. Согласно Руководству по видео-конференц-связи в судебных процессах, принятом Европейской комиссией по эффективности правосудия, «гарантии справедливого судебного разбирательства, предусмотренные ЕСПЧ, распространяются на дистанционные заседания во всех судебных разбирательствах. Ключевыми элементами являются право на эффективный доступ к суду, справедливость судопроизводства, состязательный характер процесса, равенство сторон, надлежащее использование доказательств, время для подготовки и доступ к материалам, решение суда в разумный срок, безопасность данных и управление рисками. Суд должен гарантировать сторонам право на эффективную помощь адвоката во всех судебных разбирательствах, включая конфиденциальность общения с ним» [2, с. 106]. В соответствии со ст. 6 ЕКПЧ право на справедливое судебное разбирательство также включает право «слышать и следить за разбирательством»².

В деле «Сахновский против России» ЕСПЧ пришел к выводу о том, что заявителю не были доступны предусмотренные законом варианты конфиденциального общения с защитником³. ЕСПЧ отметил, что обвиняемый был вынужден использовать систему для видеоконференций, установленную и управляемую государством, и мог испытывать дискомфорт при обсуждении через такую линию дела со своим защитником. ЕСПЧ указал, что для полноценной реализации права на защиту обвиняемому необходимо обеспечить возможность свободного общения со своим

защитником в условиях, исключающих присутствие или возможность восприятия содержания разговора третьими лицами, в связи с чем любые ограничения данного права должны быть обоснованы. А. Г. Волеводз отмечает: «...в ходе судебного разбирательства посредством видеоконференцсвязи важным средством непосредственного восприятия показаний является только качественная связь, обеспечивающая четкую передачу изображения и звука, а также возможность для всех участников процесса (судей, стороны обвинения, стороны защиты, секретаря судебного заседания, переводчика и др.) видеть и оценивать психофизическое состояние допрашиваемого» [1, с. 300].

Также ЕСПЧ обращает внимание на то, что такая форма участия направлена, в частности, на снижение задержек, связанных с этапированием заключенных, и тем самым на упрощение и ускорение судебного разбирательства⁴.

В целях соблюдения вышеназванных условий можно предложить следующие варианты решений возникающих проблем:

- 1) разработать четкие технические стандарты и регламенты использования систем видеосвязи в судопроизводстве с учетом всех необходимых технических и процессуальных требований;
- 2) проводить плановый инструктаж и обучение сотрудников правоохранительных органов, работников судов и судей по использованию таких систем и соблюдению прав участников;
- 3) обеспечить наличие отдельного защищенного канала связи между подсудимым и его адвокатом при проведении любых процессуальных действий с использованием технологий видео-конференц-связи;
- 4) в случае технических сбоев в работе оборудования, используемого при проведении следственных действий или судебных заседаний, необходимо иметь возможность отложить данные мероприятия, чтобы не нарушать процессуальные нормы и права участников. Также целесообразно заранее определить и пригласить IT-специалистов, к компетенции которых относится устранение подобных неисправностей, для оперативного решения возникающих проблем.

Технические средства получения информации о частной жизни de lege ferenda

Из анализа практики ЕСПЧ по делам, связанным с использованием специальных технических средств в целях получения информации о частной жизни лиц, например, технологий прослушивания телефонных переговоров, или биометрических технологий, следует, что такое вмешательство в частную жизнь должно основываться на достаточном правовом регулировании, устанавливающем гарантии от злоупотреблений. Отсутствие четких процессуальных норм или механизмов

¹ Постановление ЕСПЧ от 9 апреля 2009 года по делу Григорьевских против Российской Федерации (жалоба № 22/03) // HUDOC — European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-92105> (дата обращения: 11.04.2024).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в Риме 04 ноября 1950 года (с изменениями на 24 июня 2013 года), (редакция, действующая с 1 февраля 2022 года).

³ Постановление ЕСПЧ от 2 ноября 2010 года по делу Сахновский против Российской Федерации (жалоба № 21272/03) // HUDOC — European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-152843> (дата обращения: 11.04.2024).

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209326/ (дата обращения: 11.04.2024).

контроля и обжалования подобных действий, по мнению ЕСПЧ, нарушает права человека в сфере уважения частной жизни, тайны переписки и свободу выражения мнения.

ЕСПЧ в своем решении по делу «Глухин против России» подчеркнул, что использование системы распознавания лиц в реальном времени, установленной на камерах наблюдения, для поиска заявителя нарушило его право на уважение частной жизни и свободу выражения мнения¹, гарантированные ст. 8 и 10 ЕКПЧ.

В деле «Быков против России» аудиозапись разговора была использована в качестве одного из доказательств, на основе которых суд вынес обвинительный приговор в отношении заявителя за организацию заказного убийства. В своем решении ЕСПЧ обратил внимание на тот факт, что процедура прослушивания частных лиц при проведении оперативно-розыскных мероприятий не была урегулирована национальным законодательством, вследствие чего такое вмешательство было признано противоправным². Однако в данном деле право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 ЕКПЧ не было нарушено, поскольку «признавая нарушение ст. 8 Конвенции, ЕСПЧ тем не менее не усмотрел нарушения ст. 6 Конвенции, так как вина осужденного Быкова подтверждалась и иными доказательствами» [4, с. 215].

Следует также рассмотреть дело «Романа Захарова против России», в котором предметом жалобы заявителя стали положения российского законодательства, возлагающие на операторов мобильной связи обязанность устанавливать технические средства для содействия оперативно-розыскным мероприятиям при отсутствии надлежащих процессуальных гарантий³. Указанные меры могут быть использованы против любого гражданина, который не может получить доказательства своего прослушивания и не имеет доступа к эффективным средствам защиты: «В частности, Суд установил недостатки в правовом регулировании пределов применения мер скрытого наблюдения, длительности мер скрытого наблюдения, процедур хранения и уничтожения данных прослушивания, надзора за применением таких мер, уведомления о прослушивании сообщений. Кроме того, эффективность средств обжалования применения мер была дискредитирована тем, что они были доступны лишь для лиц, представивших доказательства прослушивания; между тем получить подобные доказательства было невозможно в связи с отсутствием

какой бы то ни было системы уведомления о применяемых мерах и доступа к информации об их применении» [3, с. 186]. Хотя положения российского законодательства, как правило, устанавливали требование о получении предварительного судебного разрешения для осуществления надзора над передаваемой информацией, ЕСПЧ признал нарушенным право на уважение частной жизни, признанное ст. 8 ЕКПЧ. Можно предложить следующие пути решения указанных проблем:

1) детализировать на законодательном уровне подробную регламентацию оснований, порядка и процессуальной формы проведения оперативно-розыскных мероприятий по получению конфиденциальной информации;

2) обеспечить обязательный судебный контроль за принятием решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий и за их проведением;

3) ввести систему обязательных уведомлений лиц о фактах вмешательства в их частную жизнь со стороны госорганов.

Полиграф de lege ferenda

Анализируя практику ЕСПЧ по вопросам применения полиграфа, можно сделать вывод о том, что полиграфическим тестам не придается особого доказательственного значения с точки зрения ст. 6 ЕКПЧ, закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство, и ЕСПЧ не устанавливает жестких правил относительно их применения на национальном уровне, а только оценивает соблюдение стандартов справедливого судебного разбирательства в контексте конкретных дел и учитывает обстоятельства каждого конкретного случая. Согласно позиции ЕСПЧ, результаты проверки показаний на полиграфе могут рассматриваться в качестве одного из доказательств наряду с другими доказательствами.

Так, в деле «Белобородов против России», заявитель утверждал, что подвергся дискриминации, ссылаясь на статью 14 ЕКПЧ. Он жаловался на то, что национальные власти отклонили его ходатайство о проведении проверки на полиграфе, в то время как применение полиграфа являлось обычной практикой в г. Москве⁴. Целью такой проверки, как утверждал заявитель, было подтверждение фактов его задержания и допроса сотрудниками полиции. В ходе рассмотрения материалов дела ЕСПЧ пришел к заключению, что они не содержат фактов, указывающих на несоблюдение прав заявителя в соответствии с ЕКПЧ.

В деле «С. Н. против России» следователь распорядился о прохождении заявительницы и одного из обвиняемых тестирования на полиграфе. Несмотря на противоречие между данными полиграфа, которые подтверждали слова заявительницы и опровергали показания одного из обвиняемых, следствием не были

¹ Постановление ЕСПЧ от 4 июля 2023 года по делу Глухин против Российской Федерации (жалоба № 11519/20) // HUDOC — European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-225655> (дата обращения: 11.04.2024).

² Постановление ЕСПЧ от 10 марта 2009 года по делу Быков против Российской Федерации (жалоба № 4378/02) // HUDOC — European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-117231> (дата обращения: 11.04.2024).

³ Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2015 года по делу Роман Захаров против Российской Федерации (жалоба № 47143/06) // HUDOC — European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-159324> (дата обращения: 11.04.2024).

⁴ Постановление ЕСПЧ от 21 октября 2010 года по делу Белобородов против Российской Федерации (жалоба № 11342/05) // HUDOC — European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-101198> (дата обращения: 11.04.2024).

изучены другие доказательства по делу¹. ЕСПЧ пришел к выводу, что не было проведено эффективное расследование и не была обеспечена должная защита личной жизни заявительницы, что привело к нарушению статей 3 и 8 ЕКПЧ, а именно были нарушены права на запрещение пыток и уважение частной и семейной жизни.

Использование полиграфических тестов в качестве доказательств допустимо, однако результаты их применения должны рассматриваться лишь как одно из доказательств в совокупности со всеми доказательствами по делу. Для исключения злоупотреблений и нарушений при использовании полиграфа можно предложить следующие меры:

1) закрепить на законодательном уровне статус полиграфа только как источника доказательственной информации, а именно внести соответствующие изменения в Федеральный закон РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»;

2) установить четкий порядок и условия применения полиграфических тестов в рамках уголовного процесса;

3) предусмотреть обязательную проверку результатов полиграфа посредством других способов собирания и представления доказательств.

¹ Постановление ЕСПЧ от 20 ноября 2018 года по делу С. Н. против Российской Федерации (жалоба № 11467/15) // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://egr.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=4999700> (дата обращения: 11.04.2024).

Заключение и выводы

Опыт, накопленный в практике ЕСПЧ, может быть полезен независимо от того, какое государство выступало ответчиком. Правовые позиции ЕСПЧ по своей природе нацелены на введение общих мер, которые позволяют другим странам усовершенствовать национальное законодательство в соответствии с прогрессивными идеями ЕСПЧ.

Технические средства играют важную роль в уголовном судопроизводстве — способствуют сбору и представлению доказательств, обеспечивают прозрачность и надежность процесса, и помогают обеспечить справедливость и защиту прав человека. В целом, практика ЕСПЧ по вопросам использования технических средств в уголовном судопроизводстве подчеркивает важность соблюдения принципов справедливого процесса, недопустимости нарушения личной жизни и права на конфиденциальность при рассмотрении дел. При этом важно достигнуть баланс между соблюдением прав и свобод личности и необходимостью использования технических средств для эффективного расследования преступлений.

Приведенный обзор практики ЕСПЧ по вопросам применения технических средств в уголовном судопроизводстве позволяет сделать вывод, что ЕСПЧ в целом позитивно оценивает использование технических инноваций в уголовном судопроизводстве, усматривая в этом потенциал для повышения эффективности и справедливости уголовного правосудия.

Список источников

1. Волеводз А. Г. Обеспечение права на защиту при проведении процессуальных действий с использованием средств видеоконференцсвязи: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 294–303.
2. Качалова О. В. Европейские стандарты применения информационных технологий в судопроизводстве в условиях современных вызовов и угроз // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1 (67). С. 101–115.
3. Кравчук Н. В. Практика Европейского суда по правам человека по делам, затрагивающим использование новых технологий // Государство и право в новой информационной реальности. 2018. № 1. С. 184–195.
4. Скабелин С. И. К вопросу об основаниях признания действий правоохранительных органов провокацией в свете решений Европейского Суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 3. С. 213–223.
5. Филь М. А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов подсудимого, в отношении которого избрана мера пресечения во время пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики : сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 27–28 апреля 2023 г.). В 3 томах. Том. 3. 2023. С. 392–397.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 11.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 24.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2024.

Научная статья
УДК 343.103
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-96-102

С. 96–102

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Сергей Александрович Рябчиков

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
r_s.91@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние досудебного производства, представлены теоретические основы и практические рекомендации по использованию электронных документов в ходе досудебного производства. Проведено исследование вопроса интеграции электронного документооборота и досудебного производства. Рассмотрен порядок использования электронных документов в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, обозначена возможность производства следственных и иных процессуальных действий, а также вручение обвинительного заключения в форме электронного документа. Обосновывается необходимость придания видеозаписи самостоятельного доказательственного значения, введения видеопотоколирования и использования его в качестве электронного документа.

Исследована деятельность органов предварительного следствия в работе с электронным документооборотом, выделены проблемы его применения в организационной работе следователя в досудебном производстве и предложены пути решения. Рассмотрена возможность внедрения единой цифровой платформы уголовного судопроизводства с концепцией создания «электронного» уголовного дела на основе формирования электронных процессуальных документов.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация уголовного судопроизводства, электронное уголовное дело, электронный документ, электронный документооборот, электронные доказательства

Благодарность. Автор выражает благодарность профессору, доктору юридических наук Сергею Васильевичу Зуеву за научное руководство при подготовке статьи.

Для цитирования: Рябчиков С. А. Актуальные вопросы внедрения электронных документов в досудебное производство и формирования электронного уголовного дела // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 96–102. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-96-102

Research article

TOPICAL ISSUES OF THE INTRODUCTION OF ELECTRONIC DOCUMENTS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS AND THE FORMATION OF AN ELECTRONIC CRIMINAL CASE

Sergey A. Ryabchikov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
r_s.91@mail.ru

Abstract. Considering the current state of pre-trial proceedings, the author presents the theoretical foundations and practical recommendations on the use of electronic documents during pre-trial proceedings. A study was conducted on the integration of electronic document management and pre-trial proceedings. The procedure for using electronic documents at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation is considered, the possibility of conducting investigative and other procedural actions is indicated, as well as the delivery of an indictment in the form of an electronic document. In the article, the author displays the position of the law enforcement officer on the use of video recording and its use as an appendix to the protocols of investigative and other procedural actions. The necessity of giving the video an independent evidentiary value, the introduction of video recording and its use as an electronic document is substantiated.

The activity of the preliminary investigation bodies in working with electronic document management is studied, the problems of its application in the organizational work of the investigator in pre-trial proceedings are highlighted and solutions are proposed. The possibility of introducing a unified digital platform for criminal proceedings with the concept of forming an “electronic” criminal case based on the formation of electronic procedural documents is considered.

Keywords: criminal procedure, digitalization of criminal proceedings, electronic criminal case, electronic document, electronic document flow, electronic evidence

Appreciation. The author expresses gratitude to the Doctor of Law, Professor Sergey Vasilievich Zuev for scientific guidance in the preparation of the article.

For citation: Ryabchikov SA. Topical issues of the introduction of electronic documents in pre-trial proceedings and the formation of an electronic criminal case. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):96-102. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-96-102 (In Russ.)

Введение

Уголовное судопроизводство — это сфера деятельности государственных органов и должностных лиц, с вовлечением в нее других участников, правовое регулирование которого базируется на уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, предъявляемом особые требования к форме процессуальных документов. Строго регламентированный порядок документооборота в уголовном процессе составляет физическую и материальную основу непосредственно уголовного дела. Поэтому все содержащиеся в уголовном деле процессуальные документы должны быть представлены в бумажном виде и соответствовать заявленным требованиям. Однако развивающийся семимильными шагами технологический прогресс и его повсеместное использование в повседневной жизнедеятельности всего общества свидетельствует о необходимости кардинального пересмотра представлений о традиционной форме уголовного дела как основном носителе письменных процессуальных документов.

Описание исследования

В проводимом исследовании нами рассматриваются вопросы использования электронных документов в досудебном производстве при производстве следственных и иных процессуальных действий, что нашло нормативное закрепление в ст. 474.2 и ч. 3.1 ст. 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ). Исследуется вопрос о признании видеозаписей следственных действий в качестве самостоятельного доказательства, в том числе введения видеопотоколирования и придания ему статуса электронного документа.

Изучаются возможности функционирования органов предварительного расследования в формате «электронного уголовного дела» с созданием и использованием единой цифровой платформы ведения расследования в электронном формате обеспечивающее электронное взаимодействие всех участников уголовного судопроизводства.

Результат и обсуждение

Деятельность органов предварительного расследования при производстве по уголовному делу

предусматривает собой сбор доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий следователем, что определено в ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Фиксация сбора доказательств оформляется, как правило, протоколом, который составляется рукописным способом или с помощью технических средств (компьютера), что регламентировано ст. 166 УПК РФ.

В случае оформления хода следственного действия с применением технических средств использовать его как электронный протокол, выполненный и зафиксированный на компьютере, в виде доказательства невозможно, так как в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 166 УПК РФ протокол следственного действия подписывается следователем и всеми его участниками. На основании этого он должен быть преобразован в бумажную форму и ручным способом заверен указанными выше лицами, и только после этого протокол становится процессуальным документом и, соответственно, доказательством. Таким же образом ведется и иная процессуальная деятельность следователя, связанная с вынесением постановлений, а также непроцессуальная, связанная с составлением планов, сопроводительных документов, статистических карт и т. д. Весь объем ведения и составления документов при производстве по уголовным делам в досудебном производстве ведется в письменной форме [5, с. 29].

В процессе расследования следователь обязан информировать участников уголовного судопроизводства о принятых процессуальных решениях², в том числе незамедлительно³ направляя им копии в бумажном виде. Возможно их несвоевременное получение, что ограничивает возможность обжалования решений, и вероятность утраты при пересылке. В деятельности следователя имеет место практика направления копий в электронном виде посредством их сканирования или фотографирования, при условии согласия адресата, что процессуально не запрещено и в то же время не урегулировано. Используя такой способ уведомления, следователь нарушает право участника уголовного судопроизводства на обжалование процессуального решения, так как фотография не является копией документа.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.02.2024).

² Процессуальный порядок уведомления регламентируется п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, п. 19 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, ч. 2 ст. 145 УПК РФ, ч. 4 ст. 148 УПК РФ, ч. 1 ст. 209 УПК РФ ч. 4 ст. 213 УПК РФ.

³ Постановление руководителя следственного органа и прокурора по жалобе (ч. 3 ст. 124 УПК РФ); копия постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ).

Классическому производству по уголовному делу в бумажном виде присущи недостатки, прежде всего связанные с затратами на создание и длительную пересылку процессуальных документов между участниками уголовного судопроизводства, возможностью утраты и уничтожения как в связи со случайными обстоятельствами (пожар в ГСУ МВД России по г. Москве в декабре 2015 года¹), так и преднамеренными действиями участников процесса, например, уничтожением обвиняемым при ознакомлении с уголовным делом; возможностью фальсификации; нечитабельностью рукописных протоколов.

Производство по уголовному делу с использованием электронных документов и систем электронного документооборота способно устранить вышеуказанные недостатки, а также существенно ускорить процесс расследования, обеспечить оперативность взаимодействия между государственными органами, должностными лицами, организациями и участниками уголовного судопроизводства, что также подчеркивается в работах таких ученых, как М. И. Воронин, А. А. Дмитриева, С. В. Зуев, О. А. Зайцев, П. П. Ищенко, О. В. Качалова, О. В. Мичурина, Л. Н. Масленникова, П. С. Пастухов, О. И. Цоколова и др.

Правовой основой применения электронного документа и его оборота в России является Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². Документ в электронном виде должен быть заверен электронной цифровой подписью³. Бумажный документ, преобразованный в электронную форму посредством сканирования, не является электронным документом в соответствии с законодательством. Однако движение такого документа с помощью информационно-коммуникационных технологий является электронным документооборотом.

Системы электронного документооборота широко распространены в коммерческой деятельности, в арбитражном и гражданском судопроизводстве и предусматривают электронную подачу документов в суд.

Современный электронный документооборот — система ведения документации, при которой массив создаваемых электронных документов поддерживается с помощью информационно-коммуникационных технологий на компьютерах, объединенных в сеть, дающую возможность формирования и ведения распределенной базы данных [5, с. 29]. В органах внутренних

дел применяется Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (далее — ИСОД) МВД России, в состав которой входят сервис электронного-документооборота (далее — СЭД) и сервис электронной почты (далее — СЭП), которые применяются следователями в расследовании.

Использование системы электронного документооборота ИСОД МВД России возможно при направлении поручения в порядке ст. 189.1 УПК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ следователем направляется письменное поручение следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии необходимо. Между тем, как отмечалось выше, письменные документы могут быть выполнены не только в бумажном, но и в электронном виде посредством сканирования оригинала бумажного документа.

Требование ст. 189.1 УПК РФ строго регламентировано для направления именно письменного поручения. В связи с этим бумажное поручение направляется почтовой связью, а для оперативности направляется посредством СЭД ИСОД МВД России. Руководитель следственного органа, получив поручение через систему электронного документооборота, приступит к организации участия указанного в поручении лица в следственном действии, не дожидаясь поручения на бумажном носителе. Поручения — в бумажном виде и направленные по СЭД ИСОД МВД России — приобщаются к материалам уголовного дела с исходящими номерами. После проведения процессуального действия следователь, исполнивший поручение, направляет посредством системы электронного документооборота в адрес инициатора заполненную подписку, предусмотренную ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ, а также иные материалы, которые могут быть направлены посредством системы электронного документооборота. В соответствии с ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ применение видеозаписи в ходе проведения следственного действия обязательно, в связи с чем следователем-исполнителем она может быть направлена посредством СЭП ИСОД МВД России, а следователем по месту проведения расследования — приложена на материальном носителе к протоколу.

Рассматривая природу видеозаписи в процессе расследования, нами выделяются две его процессуальные формы:

— средство фиксации хода и результатов следственных и иных процессуальных действий⁴;

— источник сведений, имеющих значение для предварительного расследования, получаемый при собирании доказательств⁵.

¹ Свешникова Е. Уголовные дела сгорели в ГСУ МВД из-за плохих сейфов // МК.ру. URL: <https://www.mk.ru/incident/2015/12/17/ugolovnye-dela-sgoreli-v-gsu-mvd-izza-plokhikh-seyfov.html> (дата обращения: 15.01.2024).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 15.01.2024).

³ Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 15.01.2024).

⁴ Процессуальный порядок использования видеозаписи как средство фиксации регламентируется ч. 6 ст. 164 УПК РФ, ч. 2 и ч. 8 ст. 166 УПК РФ, ст. 179 УПК РФ, ст. 189 УПК РФ, ст. 190 УПК РФ, ст. 192 УПК РФ.

⁵ Получаемый в форме иного документа при собирании доказательств (ст. 86 УПК РФ) путем производства следственных действий, в которых в обязательном порядке ведется протокол, что регламентировано ч. 8 ст. 164 и ст. 166 УПК РФ.

В настоящее время при производстве следственных действий следователями часто применяется форма фиксации его хода и результатов с применением видеозаписи. В соответствии с ч. 8 ст. 166 УПК РФ видеозапись прилагается к протоколу следственного действия. Однако в ходе исследования выявлено, что практическими работниками данная видеозапись используется в качестве «приложения» к протоколу имея факультативное — не доказательственное значение, благодаря неверной трактовки процессуального закона иработанной следственной практикой. В уголовно-процессуальном законе, в частности в ч. 8 ст. 166 УПК РФ, применяется понятие «прилагается» т. е. дополняется, и «дополнительные» материалы не могут терять доказательственного значения, т. к. прилагаются к протоколу, который имеет это значение. Оценочная сторона «приложения» не должна находиться в принижении этих материалов и отношения их к разряду не доказательств. Видеозапись следственного действия является дополнением к протоколу, и дополнение не может иметь второстепенного значения. В практической деятельности органов предварительного расследования это стало доктринальным положением. На основании этого, нами предлагается признать видеозапись самостоятельным доказательством, а также ввести видеопотоколирование для фиксации хода и результатов следственных и иных процессуальных действий. Видеопотокол может быть использован в качестве электронного документа, так как содержание видеозаписи (сведения о дате, времени, месте, Ф. И. О. участников, их процессуальные права и обязанности, сведения о техническом средстве фиксации, озвучивание все вслух и фиксация их ответов) соответствует критериям документа, а при использовании формы электронного документооборота к файлу видеопотокола может прилагаться сертификат усиленной квалифицированной электронной подписи. В рамках проводимого анкетирования на вопрос придания такой видеозаписи статуса видеопотокола и использовании его в качестве электронного документа, 65 процентов считают необходимым такое введение.

Анализируя изменения процессуального законодательства в досудебном производстве по уголовным делам, стало возможно использование электронного документооборота во взаимоотношениях с участниками уголовного судопроизводства при направлении копий процессуальных решений, а также копии обвинительного заключения в электронном виде. Правовым гарантом указанных вопросов выступает Федеральный закон от 25 декабря 2023 года № 672-ФЗ¹ о работе с электронными документами в досудебном производстве. Согласно документу, в ст. 222 УПК РФ «Направление уголовного дела в суд» внесена часть 3.1, а также

введена новая ст. 474.2 УПК РФ «Порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства». Так, согласно ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ «по ходатайству или с согласия обвиняемого, защитника или потерпевшего и при наличии технической возможности им может быть вручена копия обвинительного заключения с приложениями, не содержащими государственную и иную тайну, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. При этом если обвиняемый содержится под стражей, указанные документы вручаются ему по поручению прокурора администрацией места содержания под стражей на предоставленном органом предварительного расследования техническом устройстве для чтения электронных средств, без аудио- и видеозаписи, выхода в сеть Интернет». При решении вопроса о вручении обвинительного заключения в электронном виде также необходимо учитывать позицию судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации о том, что «вручение копии обвинительного заключения посредством электронного формата возможно лишь в случаях письменного отказа обвиняемого и одновременно его согласия на такой способ получения»².

Рассматривая введенную ст. 474.2 УПК РФ, отметим, что ходатайства, заявления (за исключением заявления о преступлении (ст. 141 УПК РФ)), жалоба, представление, требование и их приложения, не содержащие государственной и иной тайны, могут быть поданы в органы предварительного расследования, орган дознания и прокурору в форме электронного документа с заверением усиленной квалифицированной электронной подписью. Статья предусматривает изготовление следователем копий постановлений, обвинительного заключения и иных процессуальных документов, не содержащих государственной и иной охраняемой законом тайн, в форме электронного документа с усиленной квалифицированной электронной подписью. Регламентируется порядок направления копий процессуальных документов в электронном виде с использованием Единого портала либо электронного документооборота системы межведомственного электронного взаимодействия участников уголовного судопроизводства. Порядок вызова участников также определен. При наличии технической возможности повестка или уведомление направляются в форме электронного документа посредством Единого портала лицу, давшему согласие на уведомление таким образом, при условии, что такая возможность не ограничена примененной к нему мерой пресечения или назначенным наказанием.

Указанное нормативное регулирование позволяет следователям направлять копии процессуальных

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202312250076> (дата обращения: 15.01.2024).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 16-011-9 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 года. URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/15098/> (дата обращения: 15.01.2024).

решений без нарушения требований уголовно-процессуального законодательства, что способствует своевременному уведомлению и вызову участников при проведении расследования. Существует возможность вручать электронные копии обвинительного заключения, что наиболее экономически обоснованно, когда обвинительное заключение составляет 10 и более томов, например, на 5–7 обвиняемых.

Однако внесенные изменения требуют некоторого уточнения. Так, в ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ указывается, что копия обвинительного заключения в форме электронного документа вручается прокурором на техническом устройстве, предоставленном органом предварительного расследования лицу, который находится под стражей. Учитывая, что ст. 222 УПК РФ входит в досудебное производство и подведомственна прокурору, предварительное расследование на этом этапе считается оконченным, полномочия указанной статьи не распространяются на орган предварительного расследования. Считаем, что процессуально верно предоставлять техническое устройство именно прокурором и уже по его поручению вручать обвиняемому администрации места содержания под стражей.

Проведенным исследованием и анкетированием следователей было установлено, что в практической деятельности устоялся принцип вручения обвинительного заключения следователем. После утверждения обвинительного заключения его копия, предоставленная следователем вместе с уголовным делом, им же и вручается обвиняемому с получением от него расписки. Представляется, что сложившаяся в практике работа нашла отражение во введенной ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ.

Автором отдельно отмечается, что работа следователя по получению судебного решения для производства отдельных следственных действий, избранию или продлению меры пресечения подозреваемому (обвиняемому) наиболее эффективна в случае применения электронного документооборота.

В настоящее время, например, когда следователю необходимо продлить срок содержания обвиняемого под стражей, следует сделать копии материалов уголовного дела (минимум в двух экземплярах) для прокуратуры и суда. Данный факт представляет собой необходимость использования немалого количества бумаги, экономических затрат, а также времени для копирования. При хорошей технической оснащенности следователю при копировании материалов с целью продления сроков расследования, заключения под стражу, выделения в отдельное производство необходимо потратить около 1 часа рабочего времени для формирования копий материалов дела. Также это является финансово необоснованным. А. В. Соколова справедливо отмечает, что копии документов было бы целесообразнее передать в электронном виде, например, посредством сканирования (в PDF-формат) и записи их на CD/DVD-R диск без возможности изменения [6, с. 692]. Предполагаем, что это будет менее затратным и позволит оптимизировать время следователя.

При согласовании между прокуратурой и судом возможно направление таких материалов посредством системы электронного документооборота, при условии, что они не содержат сведений, составляющих государственную тайну. В дальнейшем при переходе на ведение расследования в электронном виде с применением единой цифровой платформы и использованием «электронного» уголовного дела вышеуказанный подход возможен посредством передачи электронной копии материалов уголовного дела по системе электронного документооборота без необходимости преобразования в материальную форму.

Единая цифровая платформа — это интернет-технологии, включающие специализированное оборудование, инфраструктуру и программное обеспечение, позволяющее взаимодействовать между всеми участниками уголовного судопроизводства при ведении расследования в электронном виде [1, с. 35]. Рассматривая вопрос введения цифровой платформы в уголовном судопроизводстве, С. В. Зуев отмечает переход на ведение расследования в электронном виде, внедрение электронной подписи и предоставление потерпевшему права на ознакомление с движением по уголовному делу в режиме «онлайн» [2, с. 122]. Л. Н. Масленникова отмечает необходимость разработки единой платформы электронного взаимодействия государства и населения, обеспечивающую доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве [4, с. 145]. В настоящее время единая цифровая платформа ведения уголовного судопроизводства может быть реализована в действующих системах, например, внедрения в ИСОД МВД России, в Единый портал государственных и муниципальных услуг и т. д. Ключевым модулем этой платформы должно стать «электронное» уголовное дело, объединяя всю систему ведения уголовного судопроизводства от момента подачи заявления о преступлении до разрешения его по существу.

Исследуя вопрос внедрения электронного документооборота и ведения расследования в электронном формате с использованием единой цифровой платформы, необходимо обратиться к зарубежным странам. Расследование в электронном виде активно применяется в ряде стран, в частности, в США, Канаде, Германии, Австрии, Грузии, Италии, Казахстане, Индии, Китае. Рассмотрим некоторые из них.

Так, в США нет единого уголовного дела, содержащим в себе прошитые и пронумерованные материалы. Дело представляет собой лишь несколько документов в печатном виде, в которых содержится информация о лице, учетные данные и информация о движении дела, непосредственно сама доказательственная база хранится в электронном формате. Электронный документооборот закреплен в нормативных правовых актах. Стороны могут предоставлять доказательства, используя интернет путем добавления документа в специализированной системе электронного документооборота CM/ECF (Case Management and Electronic Case Files). Поступившие доказательства регистрируются

и приобщаются к материалам электронного уголовного дела [3, с. 71].

В уголовно-процессуальном кодексе Федеративной Республики Германии § 32 гласит о том, что файлы могут храниться в электронном виде, делопроизводство отдельными судами или органами уголовного преследования может быть в том числе и в электронном формате. В таком виде может осуществляться как производство целиком, так и отдельные его процедуры. Также § 41a закрепляет право подачи заявления (обращения) в полицию, прокуратуру или суд в форме электронного документа¹.

Государственное министерство юстиции Баварии² установило необходимость адвокатов передавать свои заявления в правоохранительные органы и суды в электронном виде. Кроме того, апелляция и ее обоснование, пересмотр, встречные заявления, иски также должны подаваться в электронном формате.

Внедрение электронных технологий не обошло сферу уголовного судопроизводства в странах СНГ. В частности, внимания заслуживает опыт Республики Казахстан. Концепция правовой политики до 2030 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года, ставит задачу по продолжению процесса внедрения в уголовный процесс информационных и цифровых технологий. Так, в декабре 2017 года в уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее УПК РК) в главу 5 введена статья 42-1³, позволяющая вести уголовное судопроизводство в электронном формате с применением «электронного» уголовного дела. При этом учитывается мнение участников уголовного

судопроизводства и технические возможности. В данном случае требуется вынесение мотивированного постановления. Законом также предусмотрено применение «смешанного формата», а в случае невозможности продолжения электронного формата, следовательно переходит на классический — бумажный.

Результат исследования и выводы

Вопрос внедрения в досудебное производство электронного документооборота, перехода на фиксацию следственных действий в электронном формате и формирования «электронного» уголовного дела является актуальным.

Для переходного периода необходимо в досудебном производстве применять смешанный электронно-бумажный формат расследования. Частично перейти на фиксацию следственных и иных процессуальных действий в электронном формате путем введения видеопотоколирования в виде электронного документа и признания его доказательством, а в отдельных следственных действиях признать такое проведение обязательным. Учитывая положительный опыт зарубежных стран, внедрить производство по уголовному делу в электронном формате с применением «электронного» уголовного дела в отдельных категориях дел с дальнейшей апробацией.

Предлагается создать единую цифровую платформу обеспечения уголовного судопроизводства, которая будет объединять в себя всех его участников (суд, прокуратура, адвокаты и граждане) что обеспечит доступ к правосудию и предоставит возможность подачи заявления о преступлениях в рамках ст. 141 УПК РФ в электронном виде посредством такой платформы.

Поэтапно внедряя современные цифровые технологии, можно полностью перейти на его ведение в указанном виде, заменив традиционное (бумажное) уголовное дело, что позволит сократить временные затраты на передачу и обработку процессуальных документов. Использование их в электронном виде повысит доступность, прозрачность и улучшит обмен информацией между всеми участниками уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Высокотехнологичный уголовный процесс : монография / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева, д-ра юрид. наук Л. Н. Масленниковой. Москва : Юрлитинформ, 2023. 216 с.
2. Зуев С. В. Цифровая среда управления судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.
3. Ищенко П. П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 12 (157). С. 68–79.
4. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 137–146.
5. Рябчиков С. А. Электронный документооборот в досудебном производстве по уголовным делам: современное состояние и развитие // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 4. С. 27–32.

6. Соколова А. В. Поэтапность как один из аспектов цифровизации досудебного производства в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 года). Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2023. С. 688–693.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.02.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.03.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.04.2024.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-103-108


С. 103–108

ВНЕДРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКУЮ НАУКУ

Алексей Владимирович Кутузов

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

kutuzovlist@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0002-3274-1148>

Аннотация. Использование возможностей искусственного интеллекта в криминалистике представляет собой научный интерес ввиду стремительной цифровизации общества и необходимости оперативного установления злоумышленника. Интенсивное развитие данных технологий способствует появлению новых видов общественных отношений, прямо влияет на скорость принятия управленческих решений, а также появлению ранее неизученных видов преступности.

Рассматриваемая проблематика позволяет не только обогатить теоретический базис, но и значительно повысить скорость установления злоумышленников, а также оптимизировать работу сотрудников правоохранительных органов. В работе рассмотрены теоретические основы, значение и возможности имплементации систем искусственного интеллекта в криминалистическую науку. Очерчены потенциальные направления использования данной технологии в раскрытии и расследовании преступлений различного характера. В ходе исследования использовались диалектические, системные и логические методы (общенаучные). Среди частнонаучных методов исследования преобладали формально-юридический, методы обобщения и абстрагирования. Проанализированы вопросы внедрения возможностей систем искусственного интеллекта в раздел криминалистики — криминалистическую технику. В статье предложены перспективные направления использования в расследовании преступлений в условиях противодействия преступности, в т. ч. в цифровой среде. Выявлены потенциальные негативные факторы использования данных технологий в работе правоохранительных органов.

Ключевые слова: расследование преступлений, раскрытие преступлений, цифровые технологии, искусственный интеллект, криминалистика, нейросети, цифровизация

Для цитирования: Кутузов А. В. Внедрение возможностей искусственного интеллекта и нейросетевых технологий в криминалистическую науку // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 103–108. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-103-108

Research article

INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES INTO FORENSIC SCIENCE

Alexei V. Kutuzov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

kutuzovlist@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0002-3274-1148>

Abstract. The use of artificial intelligence capabilities in forensic science is of scientific interest, due to the rapid digitalization of society and the need to quickly identify the attacker. The intensive development of these technologies contributes to the emergence of new types of social relations, directly affects the speed of making management decisions, as well as the emergence of previously unstudied types of crime.

The problem under consideration allows not only to enrich the theoretical basis, but also to significantly increase the speed of identifying intruders, as well as to optimize the work of law enforcement officers. The paper examines the theoretical foundations, significance and possibilities of implementing artificial intelligence systems in forensic science. Potential areas for using this technology in solving and investigating crimes of various types are outlined. During the study, dialectical, systemic and logical methods (general scientific) were used. Among private scientific research methods, formal

legal methods, methods of generalization and abstraction prevailed. The issues of introducing the capabilities of artificial intelligence systems into the branch of forensic science — forensic technology — are analyzed. Promising directions for use in the investigation of crimes in the context of combating crime are proposed, incl. in the digital environment. Potential negative factors of using these technologies in the work of law enforcement agencies have been identified.

Keywords: crime investigation, detection of blunt force, digital technologies, artificial intelligence, forensics, neural networks, digitalization

For citation: Kutuzov AV. Introduction of artificial intelligence and neural network technologies into forensic science. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):103-108. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-103-108 (In Russ.)

Введение

В последние 20 лет наблюдается стремительное изменение качества жизни человека благодаря активному внедрению цифровых технологий. Персональные компьютеры, смартфоны, высокоскоростной мобильный 4G-5G интернет определяют способы получения и обработки информации в большинстве сфер общественной жизни. Говоря о последних достижениях научно-технического прогресса, представляется невозможным обойти такое явление как искусственный интеллект.

Искусственный интеллект (далее — ИИ) — одна из наиболее обсуждаемых технологий XXI века, имеющая огромный потенциал для общества. На пути к созданию полноценного ИИ, широкое распространение получили нейросети, которые успешно выполняют функции прогнозирования в IT, медицине, управлении городской инфраструктуры и других сферах общественной жизни и безусловно науки. Искусственный интеллект расширяет горизонты человеческого познания, позволяет значительно сократить время выполнения повседневных задач, повысить скорость обработки информации и принятия решений. Технологические гиганты, специализирующиеся на разработке аппаратных платформ, программном обеспечении в сфере ИИ фактически формируют новую технологическую отрасль, способную совершить новый скачок в развитии науки.

Описание исследования

Криминалистика как юридическая наука прикладного характера всегда использовала последние достижения научного прогресса [1, с. 100–106]. Криминалистическая фотосъемка, ДНК анализ, биометрическая идентификация по изображению лица (голосу и др. физиологическим особенностям) прочно интегрированы в криминалистику, а их результаты используются на различных этапах расследования уголовных дел.

Сказанное свидетельствует о необходимости имплементации последних достижений технического процесса в правоохранительную деятельность по нескольким причинам:

— противодействие новым преступным вызовам (например, т. н. киберпреступления или преступления в сфере компьютерной информации). Новейшие технологии в значительной степени используются преступниками в качестве места совершения преступления,

способа совершения, что обуславливает необходимость соответствующего противодействия со стороны правоохранительных органов;

— повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений, своевременного личностного лица, его совершившего;

— вывод криминальной превенции на качественно новый уровень (детектирование лиц с потенциальным криминальным поведением, прогнозирование совершения преступлений и др. на основе анализа имеющегося обширного массива данных, формируемого различными государственными органами, организациями и физическими лицами).

Категория «искусственный интеллект» ранее обсуждалась в своих работах Л. В. Бертовским [6], Д. В. Бактеевым [3; 4], С. В. Зуевым [8], В. С. Овчинским и Е. С. Лариной [12] и др. исследователями. Исследователи сходятся во мнении о необходимости использования таких технологий в криминалистике, однако в то же время активное развитие ИИ предопределяет появление новых возможностей использования, в т. ч. в криминалистике и иных смежных науках.

Принимая во внимание аргументированную позицию представителей научного сообщества, в рамках проводимого исследования считаем целесообразным рассматривать новейшие цифровые технологии в качестве интегративного компонента криминалистической техники [10, с. 99].

Сформированная профессором Р. С. Белкиным в 1970 г. дефиниция криминалистической техники наиболее точно отражает её суть как «система научных положений и разрабатываемых на их основе технических (в широком смысле) средств, приемов и методик, предназначенных для собирания, исследования и использования доказательств и иных мер раскрытия и предупреждения преступлений» [5, с. 208]. Соответственно возможно сделать вывод о том, что современные цифровые технологии являются именно теми техническими средствами, позволяющие собирать, использовать и исследовать доказательства в противодействии преступности.

В настоящее время в юридической науке имеются различные подходы к пониманию ИИ. Одним из наиболее ранних упоминаний рассматриваемого термина относится к 1956 г. [13, с. 56]. В буквальном переводе с англ. *Artificial Intelligence* — искусственный интеллект или искусственное умение рассуждать разумно [7, с. 96].

По мнению П. М. Морхат, «ИИ является полностью или частично автономной самоорганизующейся и самоорганизующейся компьютерно-аппаратно-программной виртуальной или киберфизической, в том числе био-кибернетической системой (юнито́м), не живой в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенной программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями» [11, с. 69].

Представляется лаконичным и объемлющим мнение, высказанное В. С. Овчинским и Е. С. Лариной, понимающих под искусственным интеллектом «не машинное обучение, не нейронные сети и не иные виды программных продуктов. Это всегда программно-аппаратные комплексы, в которых роль физических компонентов, как минимум, не меньше, чем информационных» [12, с. 17]. Высказанная точка зрения также примечательна тем, что ИИ включает в себя машинное обучение, нейросети и иные технологии, что позволяет рассматривать их в рамках проводимого исследования.

Безусловно, затрагивая категорию искусственного интеллекта и нейросетей, необходимо обратить внимание и на законодательное определение. В 2019 г. в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» было сформулировано определение искусственного интеллекта и технологий ИИ¹. Впоследствии данная дефиниция практически без изменений была отражена в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ. В соответствии со ст. 2 данного закона, под искусственным интеллектом следует понимать «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»². Сформулированное законодателем определение указывает на необходимые атрибуты технологий ИИ, а именно включает в себя «информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения),

процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Технологией же искусственного интеллекта являются «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта)»³.

Бесспорно, ИИ используется во многих странах мира. Так, китайская система распознавания лиц позволяет не только определять местоположение конкретного человека, но кратко сокращать временные затраты правоохранительным органам, осуществляя подтверждение личности не по документу, а по фото. Центры обработки данных городов в Южной Корее, используя ИИ анализируют поведения граждан не только с помощью камер, но и иных датчиков [9, с. 179–180]. Технологии умного дома масштабируемы и имеют основания полагать их последующее распространение на городскую инфраструктуру.

На пути внедрения полноценного ИИ применяется функциональность нейросетей. Типовая нейронная сеть являет собой математическую модель, базирующуюся на нескольких слоях элементов, выполняющих параллельные вычисления [14, с. 159]. В основу принципа работы технологии лежит тренировка (машинное обучение — англ. *machine learning*) программного алгоритма (программы, модели) на соответствующих данных.

Для обучения ИИ и нейросетевых моделей используется массив данных, содержащий соответствующую информацию. Достаточное количество таких сведений (используется термин «датасет» от англ. *dataset* — набор данных), а также их качество в значительной степени предопределяют результативность работы программного обеспечения. Отличие «датасета» состоит в том, что информация структурирована, а каждый объект имеет заданные отличительные признаки, позволяющие программе его идентифицировать. ChatGPT и подобные ему генеративные нейросети создают изображения, тексты, видео, основываясь исключительно на анализе огромного, непрерывно пополняемого массива данных, объем которого не раскрывается в коммерческих целях.

Применение нейросетей в криминалистике обширно, например, в криминалистической идентификации. Нейросети последнего поколения позволяют детектировать лицо человека, опираясь не только на контрольные точки, но и на иные параметры, т. к. обладают возможностью комплексного оперирования миллионами ранее проанализированных критериев. Также нейросети позволяют реконструировать поврежденные фотоизображения, воссоздавать утраченные особенности, что особенно важно при розыске без вести пропавших лиц или идентификации неопознанных трупов по фрагментам тела [15, с. 332].

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 01.02.2024).

² О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24 апреля 2020 № 123-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Там же.

Необходимо обратить внимание на то, что ранее ряд авторов в своих трудах обращали внимание на важность применения технологии ИИ в следственной деятельности [6; 8]. Среди них особое внимание привлекают предложенные 5 направлений применения ИИ в криминалистике, в числе которых есть направления как теоретического характера (разработка частной методики расследования преступлений, совершенных с использованием «высоких технологий»), так и прикладного (повышение эффективности проведения судебных экспертиз и др.).

Основываясь на теоретических разработках, а также современном состоянии развития ИИ, выделим дополнительные возможности применения технологий искусственного интеллекта в процессе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений:

1. Исследование материалов дела и выявление скрытых закономерностей, недоступных к познанию традиционными средствами и методами, или детектирование таковых может потребовать значительного времени. Программное обеспечение, оперируя значительным объемом накопленной информации теоретического и практического характера, потенциально имеет возможность оперативно и, что наиболее важно, всесторонне и непредвзято построить взаимосвязи между исследуемыми объектами. Например, ИИ возможно обучить анализировать данные об объекте интереса, сопоставлять информацию с той, что находится у следователя, в ведомственных базах данных, базах данных органов государственной власти, с камер видеонаблюдения, расположенных в общественных местах, в сети Интернет и других доступных источниках.

2. Улучшение качества фотографий для поиска ориентирующей информации с целью дальнейшей перепроверки выдвинутых версий в рамках расследуемого уголовного дела. Безусловно, такая «реконструкция» фотоизображения не может напрямую иметь доказательственное значение, но позволяет получить дополнительные данные, потенциально имеющие значение. С другой стороны, полученные данные можно считать «фантазией» нейросети в случае, если она имеет генеративный характер. Имеется убежденность в том, что верификация полученных данных является прерогативой человека.

Например, фотоизображения, полученные в ночное время или с камер видеонаблюдения, установленных в общественных местах. Как правило, камера установлена выше роста человека, а в случаях наличия очков, головных уборов, фотоизображение не содержит маркеров, позволяющих провести биометрическую идентификацию. В настоящее время, аппаратно-программные возможности АПК «Безопасный город», используя технологии искусственного интеллекта, позволяют частично решить данную проблему¹. Например, по состоянию на май 2023 года на территории Волгоградской

области установлено 2711 видеокамер, однако только 200 из них имеют возможность детектирования правонарушителей на основе искусственного интеллекта.

3. Создание полноценных 3D моделей места совершения преступления с целью его дальнейшего анализа, поиска дополнительных сведений, имеющих значение в расследовании противоправных деяний. Не вызывает сомнения тот факт, что цифровая фотосъемка позволяет фиксировать объекты окружающего мира с высокой четкостью и качеством (на данный момент наиболее распространенными форматами изображений, даже обрабатываемых фотосенсорами мобильных телефонов массового сегмента, являются 4K и 8K, не говоря уже о профессиональном оборудовании). При условии фотофиксации с нескольких ракурсов, такие приложения как Luma AI или нейросеть американской компании NVIDIA создают 3D модели объекта по фотографии. Соответственно, последующий анализ с помощью высокопроизводительной техники, устройств дополненной и смешанной реальности.

4. Использование VR технологий. VR (от англ. *virtual reality* — виртуальная реальность) и AR (от англ. — *augmented reality* — дополненная реальность). Принцип работы состоит в погружении человека в цифровой мир с помощью соответствующих устройств (как правило, шлема), при этом пользователь имеет возможность взаимодействовать с виртуальной или дополненной реальностью, которая также реагирует на его действия. Например, Б. Т. Ауешова и Т. К. Бекжанова предлагают с помощью VR воссоздавать преступную сцену с целью последующего исследования и анализа, анализировать доказательственную информацию. Например, следы пальцев рук на различных поверхностях, обуви и др., которые трудно доступны традиционными методами (плохое освещение, недоступность анализа по фото и др.), а также использовать при обучении будущих криминалистов [2].

5. В 2020 г. МВД России был подготовлен проект документа, предусматривающий внедрение возможностей искусственного интеллекта в целях выявления признаков серийности преступлений и определения анатомических особенностей преступника по образцам биоматериала, изъятых в первую очередь с места совершения преступления. Первично заявлялось о разработке такой системы в 2020–2022 гг. и последующем внедрении в 2024 году. Безусловно, предложенное направление является перспективным и своевременным, а также имеет значительный потенциал масштабирования при расследовании тяжких преступлений иных категорий, особенно принимая во внимание стремительно меняющуюся обстановку в стране и мире. Так, представители МВД акцентируют внимание на потенциальной возможности создания психофизиологического портрета злоумышленника, т. н. криминалистического профайлинга, а также оперативного установления личности неопознанных трупов.

Отметим, что ряд экспертов сомневаются в возможности составления фоторобота или установление

¹ Внедрение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в Севастополе. URL: <https://dcr.sev.gov.ru/files/iblock/b51/BezopGor.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).

отличительных черт по образцам генетического материала и акцентируют внимание только на потенциальной возможности установление отличительных черт человека, таких как цвет волос или глаз. Вместе с тем соответствующее программное обеспечение, используя разрозненную информацию, потенциально может оказать значительную помощь правоохранительным органам.

В то же время, если затронуть тему составления фоторобота, одной из отличительных особенностей нейросетей является возможность обучения. По мере поступления дополнительно сгенерированных фотороботов, показаний очевидцев, их замечаний и комментариев, постоянно совершенствующаяся в режиме реального времени нейросеть позволяет точнее составлять фоторобот преступника. Учитывая возможности систем распознавания лиц с камер видеонаблюдения, установленных в общественных местах, перед правоохранительными органами открываются новые возможности поиска злоумышленников, в т. ч. по горячим следам.

Вместе с этим внедрение систем искусственного интеллекта, в т. ч. с использованием нейросетевых технологий, сопряжено со следующими трудностями:

1. Наличие достаточного количества дата-ассетов (англ. *data asset* — ресурс данных) для обучения нейросетей, а впоследствии полноценной ИИ модели. В данном случае именно многолетние теоретические и практические разработки криминалистической науки должны стать тем базисом, на который будет опираться соответствующая система. Разработанные методики расследования преступлений (от преступлений против личности до совершенных в киберпространстве), материалы уголовных дел, публикации в научных журналах должны лечь в основу данных, на которых будет обучаться ИИ.

2. Защищенность передаваемой информации. Для этих целей необходимо решить вопросы защиты обрабатываемой информации, разграничения доступа,

а также создать и ввести в эксплуатацию соответствующую инфраструктуру обработки данных — от серверов, способных проводить анализ информации, до конечного пользователя.

3. Необходимость законодательного регулирования развития и использования ИИ. В контексте проводимого исследования в первую очередь встает вопрос о законности использования персональных данных лиц, информация о которых будет положена в массив данных для обучения. Указанная проблематика особо актуальна за рубежом. Например, газета *The New York Times* подала иск на компании разработчиков нейросетей, использовавшие публикации издания для тренировки нейросетей без разрешения правообладателя¹. Также встает вопрос об установленном порядке использования таким средств и конечно допустимость.

Заключение

Очерченные в работе направления являются лишь первичными, требующими дальнейшей разработки, и являются взглядом на потенциальный вектор развития рассмотренных технологий в правоохранительной деятельности.

Использование технологий искусственного интеллекта в процессе раскрытия и расследования преступлений должно базироваться исключительно на фундаментальных разработках криминалистической науки. Применение ИИ, а также нейросетей должно соответствовать нормам общественной морали, а фактические данные, которые будут положены в основу таковых моделей, должны обладать критериями достоверности.

Не вызывает сомнения, что ИИ станет важнейшей технологией для правоохранительных органов, однако её имплементация займет достаточное количество времени.

¹ The Times Sues OpenAI and Microsoft Over A.I. Use of Copyrighted Work // *The New York Times* : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2023/12/27/business/media/new-york-times-open-ai-microsoft-lawsuit.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Список источников

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : Учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. Москва : Издат. группа НОРМА-ИНФРА-М, 2000. 990 с.
2. Ауешова Б. Т., Бекжанова Т. К. Анализ преимуществ и ограничений использования VR в криминалистике // *Вестник науки*. 2023. № 11 (68). С. 228–231.
3. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // *Российское право: образование, практика, наука*. 2018. № 2 (104). С. 43–49.
4. Бахтеев Д. В. О связи криминалистики и технологии искусственного интеллекта // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2022. № 1 (35). С. 88–93.
5. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. Москва : Юнити, 2001. 837 с.
6. Бертовский Л. В. Цифровое судопроизводство: проблемы становления // *Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь, 19–20 апреля 2018 г.)*. Симферополь, Издательство Типография «Ариал», 2018. С. 173–178.
7. Богачёва Р. А. Проблема недоопределенности значения термина «искусственный интеллект» // *Гуманитарная информатика*. 2012. № 6. С. 95–100.
8. Зув С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // *Сибирский юридический вестник*. 2018. № 4. С. 118–123.

9. Канокова Л. Ю. Зарубежный опыт развития технологии распознавания лиц в обеспечении общественной безопасности // Право и управление. 2023. № 1. С. 178–182.
10. Кучин О. С., Кучина Я. О. Ретроспективно-перспективный анализ дефиниции «цифровая криминалистика» // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2. С. 84–101.
11. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. Москва : Буки-Веди, 2017. 257 с.
12. Овчинский В. С., Ларина Е. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. Москва, 2018. 391 с.
13. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход. Москва : Вильямс, 2006. 1408 с.
14. Шатов Д. В., Барсуков С. С., Шипанов И. Н. Лицевая биометрия и нейронные сети в криминалистике: современные возможности и проблемы применения // Юрист-Правоведъ. 2023. № 1 (104). С. 155–163.
15. Щеголева Н. Л. Применение методов лицевой биометрии в криминалистике // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы ежегодной международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 1–2 июня 2017 г.). Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-т МВД РФ, 2017. С. 331–335.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 09.02.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.02.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.04.2024.

РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СОВЕРШАЕМЫМИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР, И ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ


Эльвира Юрьевна Латыпова¹, Руслан Эдуардович Гильманов², Радик Русланович Бадрутдинов³

^{1,2,3} Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

¹ elatypova@ieml.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-7390-4962>

² REGilmanov@ieml.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-2062-5959>

³ radik-badrutdinov@mail.ru

Аннотация. Киберпреступления появились в статистике преступности лишь в последние два-три десятилетия, однако это самая активно развивающаяся сфера преступной деятельности. Как активно развивающееся направление преступного поведения, в нем активно появляются всё новые направления, одним из которых являются преступления в сфере компьютерных игр. Данное направление преступной активности появилось сравнительно недавно, что вызывает существенные трудности на практике, так как не всегда ясен повод для возбуждения уголовного дела, возникают сложности с предварительным расследованием и самим доказыванием факта совершения преступления. В статье анализируется содержание деятельности правоохранительных органов и специальных служб в их специфическом приложении к профилактике и расследованию преступлений, связанных с компьютерными играми. Рассматривается понятие «хакерства», его деление на виды и исследуется содержание видов такой информационной деятельности. Приводятся способы защиты информации применительно к игровой деятельности. Также предлагаются и обосновываются технические средства для предотвращения преступлений в сфере компьютерных игр, так как именно технические решения для предотвращения преступлений в сфере компьютерных игр играют важнейшую роль реализации деятельности по обеспечению безопасности виртуального игрового пространства, и последующей защиты игроков от различных видов преступной активности, выражающейся в совершении пользователями различных общественно опасных преступлений.

Ключевые слова: преступления, совершаемые в сфере компьютерных игр, компьютерные преступления, информация, защита информации, борьба с цифровыми преступлениями, киберпреступления, хакеры, хакерство

Для цитирования: Латыпова Э. Ю., Гильманов Р. Э., Бадрутдинов Р. Р. Роль правоохранительных органов и специальных служб в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерных игр, и технические решения для их предотвращения // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 109–114. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-109-114

Research article

THE ROLE OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND SPECIAL SERVICES IN COMBATING CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF COMPUTER GAMES, AND TECHNICAL SOLUTIONS FOR THEIR PREVENTION


Elvira Yu. Latypova¹, Ruslan E. Gilmanov², Radik R. Badrutdinov³

^{1,2,3} Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

¹ elatypova@ieml.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-7390-4962>

² REGilmanov@ieml.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-2062-5959>

³ radik-badrutdinov@mail.ru

Abstract. Cybercrimes have appeared in crime statistics only in the last two to three decades, but this is the most actively developing area of criminal activity. As an actively developing area of criminal behavior, new directions are actively appearing in it, one of which is crimes in the field of computer games. This area of criminal activity has appeared relatively

recently, which causes significant difficulties in practice, since the reason for initiating a criminal case is not always clear, difficulties arise with the preliminary investigation and the very proof of the fact of the commission of a crime. The article analyzes the content of the activities of law enforcement agencies and special services in their specific application to the prevention and investigation of crimes related to computer games. The concept of «hacking» is considered, its division into types and the content of such information activities is investigated. Technical means for the prevention of crimes in the field of computer games are also proposed and justified, since it is technical solutions for the prevention of crimes in the field of computer games that play the most important role in the implementation of activities to ensure the safety of the virtual gaming space, and the subsequent protection of players from various types of criminal activity, expressed in the commission of various socially dangerous crimes by users.

Keywords: crimes committed in the field of computer games; computer crimes; information; information protection; combating digital crimes; cybercrimes; hackers: hacking.

For citation: Latypova EYu, Gilmanov RE, Badrutdinov RR. The role of law enforcement agencies and special services in combating crimes committed in the field of computer games, and technical solutions for their prevention. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):109-114. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-109-114 (In Russ.)

Введение

Компьютерные игры уже давно стали одним из самых распространенных видов общедоступных развлечений. Более того, постепенно компьютерные игры меняют свой статус, становясь частью спортивной культуры, подтверждением чего является проведение первых в мире фиджитал-игр, сочетающих в себе элементы фитнеса или физкультуры и цифровых технологий, иначе говоря — функционально-цифровой спорт. Соответственно, как широко распространенное явление, компьютерные игры также могут подпадать под различного рода злоупотребления, что требует вмешательства правоохранительных органов.

Правоохранительные органы и специальные службы, специализирующиеся на борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерных игр, играют важную роль, что обусловлено их непосредственной работой, а также разработкой способов для того, чтобы раскрытие и привлечение киберпреступников к уголовной ответственности было более эффективным и действительно помогало с решением возникающих проблем [10].

Как уже было отмечено ранее, изучаемая проблема стала новым явлением, которое ещё до конца не рассмотрено с законодательной стороны нашей страны. Действующий Уголовный Кодекс РФ не даёт точной трактовки такому явлению, как «компьютерные преступления», которое, в свою очередь, является более широким по сравнению с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерных игр, понятием. В данном случае можно говорить о том, что такие преступления включены в категорию компьютерных. Преступления в видеоиграх практически аналогичны преступлениям, совершаемым в киберпространстве, таким как кибербуллинг, читерство, фишинг, кража данных, взлом аккаунтов [1, с. 293] и многие другие. Проявлять себя они стали вместе с развитием технологий компьютерных игр, условий игры и также возможностью финансового вложения в них.

Роль правоохранительных органов и специальных служб в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерных игр, важна, и имеет ключевое значение

для их расследования, привлечения виновных лиц к ответственности, а также в выявлении таких преступлений. Главной целью правоохранительных органов является обеспечение порядка и безопасности в обществе, охрана прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому лица, стоящие на страже закона, ведут активную работу по улучшению раскрываемости киберпреступлений, даже с условием того, что как таковой ответственности за совершения именно этой категории преступлений законодательством не предусмотрено.

Материалы и методы

В подготовке статьи использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-правового регулирования деятельности, связанной с обеспечением информационной безопасности, специальная литература по теме исследования. Основой проведенного научного исследования стали общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ и толкование теоретических и нормативных правовых источников и судебной практики.

Описание исследования

Обеспечение порядка и безопасности в обществе, охрана прав и свобод человека и гражданина являются конституционными правами и свободами, и основополагающими для деятельности правоохранительных органов. Киберпреступления, посягающие на цифровую безопасность [2, с. 83], активно развиваются, в связи с чем требуется постоянное повышение и квалификации сотрудников правоохранительных органов, ведущих активную работу по улучшению раскрываемости киберпреступлений. Госслужащий, который обеспечивает правопорядок в киберпространстве, должен обладать следующими качествами:

- аналитический склад ума;
- способность к распознаванию несанкционированного доступа к охраняемой законом тайне;
- осведомлённость в постоянно изменяющемся характере и способах совершения преступлений в компьютерных играх,

— обязательным наличием специальных навыков и знаний в сфере компьютерной информации.

Соответствие данным требованиям способно в значительной степени помочь сотруднику правоохранительных органов в осуществлении деятельности по борьбе с киберпреступностью.

В 2020 году МВД впервые заговорило о возможности введения в свои подразделения отряда «киберполиции», который бы специализировался на борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием IT технологий. Такое желание было вызвано резким увеличением количества преступлений, совершаемых на почве виртуальных игр, или непосредственно в них, а также тем, что в настоящее время преступления в сфере компьютерной информации приобретают новый характер и являются довольно острой проблемой [3, с. 293]. Именно поэтому рациональным, по мнению законодателя, является создание отдельной структуры госслужащих правозащитников, сферой деятельности которых будет IT пространство. И хотя на данный момент не создано такого органа, как «киберполиция», в МВД до недавнего времени существовало Управление-К, которое и занималось борьбой с преступлениями в сфере компьютерной информации. В настоящее время функции, возложенные на Управление-К, выполняет Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК)¹. Так, например, за январь-октябрь 2023 года сотрудники полиции выявили более 560 тыс. преступлений в интернет-пространстве², в том числе в видеоиграх. Практически половина вредоносного контента была удалена ими из сети Интернет, и они продолжают работать на благо пользователей киберпространства путём проведения различных расследований, поиска и раскрытия виновных лиц, а также привлечения их к уголовной или иным мерам ответственности.

Известно, что как в сфере компьютерной информации, так и в отношении интересующих нас видеоигр, существует такое понятие, как «хакер». Хакер является человеком, который владеет специальными знаниями в сфере IT-технологий и использует их, как правило, для того чтобы производить взлом систем, кражу конфиденциальной информации [4, с. 39], а также осуществление неправомерного доступа к закрытым источникам. Но, однако же, хакеры делятся:

— на так называемых «чёрных» хакеров, которых характеризуют негативные действия с их стороны. Правоохранители уже давно ведут борьбу с таким явлением, как осуществление хакерских взломов.

И обычно под понятием хакера понимается именно правонарушитель;

— «белых хакеров», которые, в отличие от чёрных, производят те или иные действия во благо. Например, для защиты от «чёрных» хакеров и по приведению взломанных систем в порядок. Интересным является также тот факт, что достаточно давно ведётся речь об узаконивании деятельности «белых» хакеров в РФ. Однако же к единому мнению по поводу этого законодатель прийти не может.

Так, например 12 декабря 2023 года первый из пакета законопроектов, направленных на легализацию деятельности «белых» хакеров в России, был внесен в Госдуму, о чём сообщил один из авторов инициативы, член комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Антон Немкин³ [8]. Соответствующие изменения должны быть предложены как для Уголовного кодекса РФ, так и для проекта ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»⁴.

Все эти действия, несомненно, являются иллюстрацией того, как правоохранительные органы стараются разработать тактику ведения борьбы с правонарушителями в онлайн пространстве. Применительно к компьютерным играм, например, деятельность так называемых «белых» хакеров может быть обусловлена их помощью в обнаружении пользователей, ведущих нечестную игру [5, с. 295], или же в тех случаях, когда такие игроки предпринимают удачные попытки, связанные с кражей игровых аккаунтов и последующего имущества.

Так, например, на данный момент имеется возможность купить «виртуальное имущество» за реальные деньги и свободно распоряжаться им в ходе игры. Речь в данном случае идёт о больших суммах, например, в сообществе виртуальных трейдеров главным событием 2020-го стала покупка винтовки «Вой» с редким скином и наклейками за 100 000 долларов. Покупателем стал некий коллекционер из Китая, который предпочел остаться анонимным, при том изначально в сделку входило несколько редких предметов, а общая цена была вдвое выше⁵. Произведена данная покупка была в игре StatTrak M4A4 (CS: GO). Схожие сделки относительно отдельных предметов или персонажей в компьютерных играх происходят достаточно часто, но обычно сделка не превышает 10 000 долларов.

Ещё одним громким случаем, который долго обсуждали в сети, стала кража танка в довольно популярной

¹ Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. URL: <https://мвд.рф/мвд/structure1/Управление/убк> (дата обращения: 10.03.2024).

² В МВД назвали причину роста IT-преступности в России // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1615901/2023-12-05/v-mvd-nazvali-prichinu-rosta-it-prestupnosti-v-rossii> (дата обращения: 10.03.2024).

³ В Госдуму внесли проект о легализации «белых» хакеров // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19519931> (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Об информации, информационных технологиях и защите информации: проект федерального закона № 217354-4 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/5274869/> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Малахов М. Миллионы за пиксели: 7 самых дорогих покупок в играх // BroDude.ru. URL: <https://brodude.ru/milliony-za-pikseli-7-samyh-dorogih-pokupok-v-igrakh/> (дата обращения: 10.03.2024).

в настоящее время игре, насчитывающей более 100 тыс. пользователей по всему миру «World of tanks». В феврале 2016 года сотрудники полиции Нижнего Новгорода раскрыли дело о похищении в данной игре танка стоимостью 70 тыс. руб. Делом заинтересовались тогда, когда в полицию обратился 24-х летний мужчина, с заявлением о краже виртуального имущества, а именно танка, который он приобрёл на реальные средства. Правонарушителя, похитившего имущество мужчины, удалось выявить при попытке перепродажи взломанного аккаунта с целью получения прибыли¹. В итоге мужчину осудили по ч. 2 ст. 272 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, причинивший крупный ущерб или совершённый из корыстных побуждений.

При квалификации данного рода преступлений стоит обращаться к главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Интерес вызывают именно ст. 272, а также 273, приведём краткую характеристику каждой из них.

Положения статьи 272 УК РФ, направлены на охрану общественной безопасности в сфере компьютерной информации. В примечании номер 1 рассматриваемой статьи говорится о том, что к компьютерной информации относятся сведения и данные, представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Преступление может совершаться путём проникновения в компьютерную систему, а также использования специальных технических или программных средств, которые позволяют обойти средства защиты (различные пароли и коды).

Статья 273 УК РФ, в свою очередь, предусматривает ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Выражается это в использовании таких программ, которые способны уничтожить, заблокировать, в случае с читерством модифицировать или же копировать компьютерную информацию различного характера.

Сходство данных статей заключается в том, что объектом составов преступления является компьютерная информация. Главное отличие в том, что в ст. 272 речь идёт именно об информации, охраняемой законом, а в ст. 273 УК РФ говорится о непосредственном факте создания, распространения и использования технических средств для повреждения или кражи той или иной информации.

Но не в одной из них не сказано об ответственности, за совершение преступлений в сфере компьютерных игр. Главная проблема при уголовно-правовой квалификации данных преступлений, таким образом, заключается в неточности формулировок, а также в отсутствии понятий, и небольшому количеству

практики. В силу чего мы считаем, что рациональным будет продолжить модернизировать уголовную ответственность за компьютерные преступления в рамках самостоятельной главы в Уголовном кодексе, отдельно посвящённую киберпреступлениям, а затем уже и самостоятельный нормативно-правовой акт, посвящённый данной отрасли правоотношений. В связи с постоянным развитием, модернизацией и изменением сферы компьютерных игр в современном обществе, для законодателя, по нашему мнению, это является актуальным.

По мере того, как стала развиваться проблема преступлений, совершаемых в сфере компьютерных игр, правоохранительные органы столкнулись с необходимостью разработки различных технических средств по борьбе с ними. В данном случае технические средства защиты играют важную роль для обеспечения безопасности игрового пространства, а также для превентивных мер, предупреждающих совершение преступных деяний.

Средствами защиты информации является совокупность средств и методов, которые используются для того, чтобы решить различные проблемы, с которыми человек сталкивается при работе с компьютерными устройствами. Например, такие проблемы как: обеспечение безопасности защищаемой информации, предупреждение её утечки и неправомерного завладения информацией, в том числе личного характера, а также обережение моральной и нравственной составляющей действующего законодательства [6, с. 96].

Пожалуй, одним из самых знаменитых и эффективных способов защиты информации является её шифрование, а именно использование различных кодов, шифров и паролей. Так, по мнению В. Ю. Зелепукина, для обеспечения надёжности защиты при помощи паролей, работа системы защиты организуется так, чтобы вероятность выявления секретного пароля и установления соотношения какому-нибудь идентификатору терминала либо файла была как можно меньше. Для этого нужно периодически менять пароль, а количество символов в нём установить довольно большим [7, с. 305]. И это говорит о том, что даже такой надёжный способ защиты информации, как пароль, можно обойти [8, с. 210], поэтому стоит учитывать специфические особенности данного вида защиты.

Если говорить о конкретных средствах защиты информации, то их принято делить на следующие виды:

— технические, которые работают за счёт использования различных механических способов защиты, таких как сигнализации, замки, а также генераторы шума или же различные сканирующие устройства;

— интересующие нас программные, которые работают посредством использования различных программ, по типу идентификации пользователей, шифрованию информации, удалению остаточных файлов. Среди других, указанные средства обеспечения защиты информации имеют преимущество за счёт простоты использования, надёжности, а также своей универсальности и постоянному развитию;

¹ Нижегородская полиция раскрыла кражу «танка» в World of Tanks // ПБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/02/03/2016/56d7293d9a79473f782ed597 (дата обращения: 10.03.2024).

— смешанные, включающие в себя и аппаратные, и программные средства;

— организационные, или же такие, которые заключаются в подготовке оборудования или помещения для работы.

Перечисленные виды защиты информации направлены на то, чтобы обеспечить безопасность для пользователей компьютерных устройств.

Заключение и вывод

Как уже было отмечено ранее, технические решения для предотвращения преступлений в сфере компьютерных игр играют важнейшую роль в реализации деятельности по обеспечению безопасности виртуального игрового пространства и последующей защите игроков от различных видов преступной активности, выражающейся в совершении пользователями различных общественно опасных деяний, возможно, с применением искусственного интеллекта [9, с. 83]. Таким образом, технические средства для борьбы с преступлениями в сфере компьютерных игр могут быть следующими:

— разработка мониторинга игровых чатов и обменом сообщений между лицами, которая может быть осуществлена посредством разработки систем обеспечения, которым под силу будет производить сканирование сообщений игроков на выявление наличия скрытых угроз, оскорблений или других негативных

проявлений. Данный вид технических средств сможет помочь с совершением кибербуллинга;

— создание разнообразных систем отслеживания мошенничества в киберпространстве, которые смогут обнаруживать подозрительную активность (использование читов, ботов), и за счёт этого контролировать совершение мошенничества в сфере компьютерных игр;

— введение системы поощрения и наказания, а именно, разработка системы, награждающей игроков за честную игру, а в противном случае наказывающая за нарушение установленных правил;

— необходимое сотрудничество с правоохранительными органами, которое сможет развить партнёрские отношения между игровыми компаниями и госслужащими, которые при совместной работе смогут разработать способы защиты в борьбе с киберпреступниками.

Перечисленные технические решения могут стать эффективными способами в предотвращении преступлений, совершаемых в сфере компьютерных игр и обеспечении безопасности пользователей виртуального пространства. Таким образом, технические средства для предотвращения преступлений в сфере компьютерных игр могут быть различными, и заключаются в основном в создании таких программ и систем, которые смогут следить за подозрительной активностью, негативным проявлением, и иными преступными явлениями в сфере киберпространства.

Список источников

1. Гильманов Т. Э., Гордеев М. А. Мошенничество в компьютерных играх путем создания фейкового аккаунта // Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В. Г. Тимирязова — 2022 : материалы XII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов (Казань, 16 декабря 2022 г.). В 3 т. Т. 3. Казань : Познание, 2023. С. 292–293.
2. Нечаева Е. В., Латыпова Э. Ю., Гильманов Э. М. Посягательства на цифровую информацию: современное состояние проблемы // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 1. С. 80–86.
3. Гильманов Т. Э., Гордеев М. А. Мошенничество в сфере компьютерных игр: постановка проблемы // Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В. Г. Тимирязова — 2022 : материалы XII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов (Казань, 16 декабря 2022 г.). В 3 т. Т. 3. Казань : Познание, 2023. С. 293–295.
4. Латыпова Э. Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // *Oeconomia et Jus*. 2019. № 2. С. 35–45.
5. Гильманов Т. Э., Гордеев М. А. Способы использования мошенниками бесплатных скриптов для компьютерных игр // Казанские научные чтения студентов и аспирантов имени В. Г. Тимирязова — 2022 : материалы XII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов (Казань, 16 декабря 2022 г.). В 3 т. Т. 3. Казань : Познание, 2023. С. 295–296.
6. Латыпова Э. Ю., Гильманов Э. М., Абдуллина А. Е., Гильманов Р. Э. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе России // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 93–99.
7. Зелепукин В. Ю. Программные средства защиты информации // Теория и практика современной науки. 2017. № 5 (23). С. 304–307.
8. Бегишев И. Р. Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект // Психология и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 207–220.
9. Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 79–91.
10. Latypova E. Yu., Nechaeva E. V., Gilmanov E. M., Aleksandrova N. V. Infringements on Digital Information: Modern State of the Problem // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 62, Art. 10004. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196210004>

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

ВКЛАД АВТОРОВ

Латыпова Э. Ю. — идея, определение и формулировка проблемы, научное руководство, формулировка выводов;

Гильманов Р. Э. — подбор научной литературы и судебной практики, исследование преступлений в сфере компьютерных игр;

Бадрутдинов Р. Р. — исследование проблемы преступлений в сфере компьютерных игр и роли правоохранительных органов в их предупреждении.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Latypova E. Yu. — idea, definition and formulation of the problem, scientific guidance, formulation of conclusions;

Gilmanov R. E. — selection of scientific literature and judicial practice, research of crimes in the sphere of computer games;

Badrutdinov R. R. — research of the problem of crimes in the sphere of computer games and the role of law enforcement agencies in their prevention.

Дата поступления статьи / Received: 11.03.2024.


Дата рецензирования статьи / Revised: 19.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accept: 25.05.2024.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В ВУЗЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ АНТИКРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ


Александр Михайлович Моисеев¹, Сергей Викторович Кондратюк², Ирина Адольфовна Побережная³,
Максим Сергеевич Соколов⁴, Елена Васильевна Ермолова⁵

¹ Донецкая лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации,
Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия
moiseev.prof@gmail.com

 <https://orcid.org/0000-0002-2840-6083>

^{2,3,5} Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
Луганск, Луганская Народная Республика, Россия

² kondratyuk.serzh@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

³ 26031971@list.ru

⁴ Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия
checkagr@mail.ru

⁵ ermolova_elena@mail.ru

Аннотация. В структуре разрабатываемой антикриминальной политики рассмотрено направление преодоления коррупции в системе высшего образования. Исследована эмпирическая база антикоррупционной профилактики, сформулированы её принципы.

Применен метод анонимного анкетирования для получения эмпирических данных о коррупции в образовательных учреждениях. Проведено анкетирование 416 студентов российских вузов. Вопросы анкеты отображают мнение респондентов о причинах, условиях и формах коррупционных проявлений, а также об эффективности применяемых антикоррупционных мер.

Полученные результаты свидетельствуют, что студенты связывают коррупцию с дачей взятки (в денежной или вещной форме) преподавателю. Мотивы участия студентов в коррупционных отношениях проявляются в желании получить диплом об образовании, не прилагая усилий в освоении учебного материала. Значительная часть опрошенных признает инициативу студентов в налаживании коррупционных отношений с преподавателем. Многие респонденты оправдывают допустимость незаконного приобретения выпускной квалификационной работы. Студенты недостаточно информированы о содержании антикоррупционных программ, действующих в вузе. Значительная часть студентов равнодушно относится к проявлениям коррупции.

В ходе анкетирования студенты высказали идеалистические воззрения на антикоррупционную проблематику. Многие респонденты не ассоциируют антикоррупционную профилактику в вузе с системой антикриминальной политики государства, не связывают неприятие коррупции с системой традиционных моральных ценностей. Полученные в настоящей работе результаты составляют базу для антикоррупционной профилактики в системе высшего образования.

Ключевые слова: антикриминальная политика, система высшего образования, коррупция, метод анкетирования, детерминанты коррупции


Для цитирования: Моисеев А. М., Кондратюк С. В., Побережная И. А., Соколов М. С., Ермолова Е. В. Борьба с коррупцией в вузе как направление антикриминальной политики: опыт социологического исследования // Правовый порядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 115–124. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-115-124

Research article

THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN HIGHER EDUCATION AS A DIRECTION OF ANTI-CRIMINAL POLICY: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH


**Alexander M. Moiseev¹, Sergey V. Kondratyuk², Irina A. Poberezhnaya³,
Maxim S. Sokolov⁴, Yelena V. Yermolova⁵**

¹ *Donetsk Laboratory of Forensic Expertise of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia*
moiseev.prof@gmail.com

 <https://orcid.org/0000-0002-2840-6083>

^{2,3,5} *Lugansk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia*

² kondratyuk.serzh@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

³ 26031971@list.ru

⁴ *University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia*
checkagp@mail.ru

⁵ ermolova_elena@mail.ru

Abstract. In the structure of the anti-criminal policy being developed, the direction of overcoming corruption in the higher education system is considered. The empirical basis of anti-corruption prevention is investigated, its principles are formulated.

The anonymous questionnaire method was used to obtain empirical data on corruption in educational institutions. A survey of 416 students of Russian universities was conducted. The questionnaire questions reflect the respondents' opinion on the causes, conditions and forms of corruption, as well as on the effectiveness of anti-corruption measures applied.

The results show that students associate corruption with giving bribes (in monetary or material form) to a teacher. The motives of students' participation in corrupt relations are manifested in the desire to obtain a diploma of education without making efforts to master the educational material. A significant part of the respondents recognizes the initiative of students in establishing corrupt relations with the teacher. Many respondents justify the permissibility of illegally acquiring a final qualifying work. Students are not sufficiently informed about the content of anti-corruption programs operating at the university. A significant part of the students are indifferent to the manifestations of corruption.

During the survey, students expressed idealistic views on anti-corruption issues. Many respondents do not associate anti-corruption prevention at the university with the system of anti-criminal policy of the state, do not associate the rejection of corruption with the system of traditional moral values. The results obtained in this work form the basis for anti-corruption prevention in the higher education system.

Keywords: anti-criminal policy, the system of higher name-calling, corruption, the method of questioning, the determinants of corruption

For citation: Moiseev AM, Kondratyuk SV, Poberezhnaya IA, Sokolov MS, Yermolova YeV. The fight against corruption in higher education as a direction of anti-criminal policy: the experience of sociological research. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):115-124. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-115-124 (In Russ.)

Введение

Нами разрабатываются основы антикриминальной политики государства [1; 2; 3]. Ее направления многообразны, но все они идут в русле Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.06.2021 № 400 [4; 5]. Одно из таких направлений составляет преодоление коррупционных проявлений в системе высшего образования [6; 7]. Коррупция остается проблемным направлением реализации антикриминальной политики государства [8; 9; 10]. Такое явление в образовательных учреждениях оказывает

негативное воздействие на общественное сознание, разрушает моральные устои общества, прежде всего студенческой молодежи. Отмечается существенная латентность коррупционного поведения [11; 12]. Поэтому представляется, что основой антикриминальной политики должно стать эмпирическое исследование, позволяющее установить показатель состояния коррупции в вузах страны.

Целью настоящего этапа исследования является разработка принципов антикоррупционной профилактики как элемента системы антикриминальной политики государства в образовательной сфере.

Материал и методы

Стратегическая цель проводимого исследования — сформировать предложения по направлениям антикриминальной политики в образовательных учреждениях Российской Федерации. На настоящем этапе вырабатывается локальное решение по преодолению коррупционных проявлений в вузах страны. Основанием для этого служит эмпирический материал, отображающий состояние коррумпированности вузовского обучения. В дальнейшем предполагается, на основе эмпирических данных и методологии антикриминальной политики, оптимизировать меры криминологической профилактики по заявленному направлению антикриминальной политики.

Для достижения цели настоящего этапа исследований необходимо решить основные задачи: 1) выявить коррупциогенные проявления в учреждениях высшего образования; причины и условия коррупционных правонарушений, действующие в вузах; 2) конкретизировать состав антикоррупционного блока в системе антикриминальной политики, применительно к вузовскому образованию; 3) соответственно выявленным детерминантам предложить пути криминологической профилактики проявлений коррупции в вузах.

В ходе исследования нашли применение общенаучный и статистический методы, а также методы анонимного анкетирования, анализа и обобщения. При обработке данных, с учетом статистического доверительного интервала, результаты округлены до целых процентов.

В дальнейшем, предполагается конкретизировать меры профилактики и пресечения коррупционных проявлений в учреждениях высшего образования, опираясь на данные о действительном состоянии коррупционной проблемы.

Научная новизна исследования и его практическая значимость состоит в том, что полученный эмпирический материал позволит сформировать содержание блока антикоррупционной профилактики в структуре государственной антикриминальной политики России.

Для достижения цели исследования, наряду с методом анонимного анкетирования применен метод программированного опроса. Респондентам было предложено ответить на 19 вопросов, распределенных по пяти блокам.

Первый блок — социально-демографическая характеристика респондентов. Вопросник этого блока направлен на установление вида учебной специальности, возрастных характеристик, пола, специализации и курса обучения, а также наличия академических задолженностей у студентов в зависимости от направленности получаемого образования.

Второй блок — установление представления студентов о коррупции и определение их мнения о возможности преодолеть данное негативное явление в образовательном учреждении, — содержит следующие вопросы: «Что такое коррупция в вузе?», «Кто чаще оказывается инициатором факта коррупции?»,

«По Вашему мнению, можно ли избежать коррупционных отношений в вузе?», «Сталкивались ли Вы с проявлением коррупции в вузе?», «Оцените степень коррумпированности вуза по пятибалльной шкале», «Оцените представленные суждения об организации обучения на Вашем направлении подготовки».

Третий блок — выяснение мотивации участия обучающихся в коррупционных взаимоотношениях, а также установление причин и условий, побуждающих студентов к такому участию — содержал вопрос «Готовы ли Вы в случае необходимости: купить курсовую или дипломную работу; купить подарок вместе с другими студентами, чтобы добиться лояльного отношения преподавателя; договориться с преподавателем на коммерческой основе, чтобы получить желаемую оценку; использовать личные знакомства и связи родителей, чтобы получить желаемую оценку; преподнести подарок сотруднику отдела тестирования, чтобы списать ответы на тест; сделать подарок сотруднику деканата, чтобы решить проблемы с учебой?».

Четвертый блок — установление осведомленности обучающихся о предпосылках коррупционных отношений, действующих в учебном процессе и о коррупционных событиях в образовательном учреждении — содержит следующие вопросы: «Какое суждение о коррупции соответствует Вашему мнению?», с вариантами ответов. Варианты ответов сформулированы следующим образом: «Это преступление, за которое предусмотрено достаточно жесткое наказание»; «Это необходимое явление, которое стало частью нашего менталитета»; «Позитивное явление, позволяющее получить высшее образование „в упрощенном порядке“»; «Затрудняюсь ответить». Второй вопрос: «Укажите наиболее коррупционные события в деятельности вуза» с вариантами ответов: «Сдача экзамена/экзаменационной сессии»; «Поступление на бюджетное отделение»; «Получение места в общежитии»; «Сдача государственных экзаменов, защита выпускной работы»; «Выполнение контрольных, курсовых и выпускных работ за деньги»; «Получение отметки об успешном прохождении тестирования»; «Покупка и/или продажа готовых работ (контрольных, курсовых, дипломных работ, магистерских диссертаций)».

Пятый блок вопросов направлен на выявление мнения респондентов относительно эффективности методов борьбы с коррупцией в образовательных учреждениях, а именно, готовность обратиться за помощью в случае получения информации о коррупции; наличие представления об эффективных методах и перспективах борьбы с коррупцией в образовательных учреждениях — содержит ряд вопросов: «Какие методы борьбы с коррупцией Вы считаете наиболее эффективными?», «Насколько Вы информированы об антикоррупционной программе в вузе?», «Как Вы оцениваете перспективы борьбы с коррупцией в вузах?», «Если Вам станет известно о фактах коррупции в вузе, куда Вы обратитесь?», «Готовы ли Вы сообщить о фактах коррупции в вузе?».

Описание результатов исследования

Материалы настоящего исследования дают представление о том, как студенты вузов Российской Федерации относятся к коррупции в образовательных учреждениях, и насколько действенны реализуемые антикоррупционные программы.

В ходе исследования изучены социально-демографические характеристики респондентов, проанализированы представления студентов о коррупции, исследованы мотивы участия студентов в коррупции, изучены мнения студентов о предпосылках коррупционных отношений в вузах, проанализированы отношения респондентов к методам борьбы с коррупцией в образовательных учреждениях.

При интерпретации результатов анкетирования проверялась гипотеза, что отношение студентов к коррупции зависит от направленности их подготовки (техническая или гуманитарная), а также наличия академических задолженностей. Выделение групп респондентов по направленности подготовки обусловлено тем, что освоение технических специальностей требует более качественной базы на довузовском (школьном) уровне, и если она отсутствует, то ее труднее восполнить, чтобы успешно осваивать программу обучения в вузе.

Анализ мнений респондентов о коррупции на основании наличия у них академических задолженностей связан с тем, что данный фактор влияет на возникновение нежелательных для студента последствий, вплоть до отчисления за неуспеваемость. Соответственно, стремление студентов решить проблемы с задолженностями могут создавать предпосылки для коррупционного поведения.

1. Социально-демографические характеристики респондентов

В анонимном интернет-анкетировании по проблемам антикоррупционной политики в вузах приняли участие 416 студентов, обучающихся в образовательных учреждениях Российской Федерации. Согласно полученным данным, 70 % респондентов обучаются по техническим направлениям подготовки (290 человек), а 30 % опрошенных — по гуманитарным (126 человек). Такое распределение студентов использовано в дальнейшем при описании полученных результатов. В зависимости от курсов обучения студенты представлены примерно в равных пропорциях: 27 % опрошенных обучаются на первом курсе (114 человек), пятая часть — это второкурсники (84 человека), на третьем курсе учится четвертая часть респондентов (106 человек) и 27 % участников опроса — это студенты старших курсов бакалавриата, специалитета и магистратуры (112 человек). Среди студентов технических специальностей на 10 % больше, чем по массиву, студентов первых и вторых курсов. Соответственно, число гуманитариев, обучающихся на первом и втором курсе меньше на 42 человека, чем количество обучающихся по техническим специальностям. Гендерное распределение по массиву, в целом, имеет примерное равное

соотношение (53 % — мужчины; 47 % — женщины). В зависимости от групп специальностей (направлений обучения) наблюдалось определенное различие. Среди респондентов технических специальностей мужчин на 12 % больше, чем в среднем по массиву, т. е. женщин меньше на 50 человек. Среди респондентов гуманитарных специальностей преобладают женщины.

Для изучения проблем коррупции в высших учебных заведениях актуальным является вопрос о наличии у студентов академических задолженностей. Согласно данным по массиву, 28 % студентов имеют академические задолженности, а 72 % опрошенных — это успевающие студенты. Среди обучающихся по гуманитарным направлениям таких студентов на 20 % больше, а неуспевающие составляют всего 8 % (33 человека). Студенты технических специальностей на 8 % чаще, чем по массиву, имеют академические задолженности; соответственно, успевающих студентов-технарей меньше — 64 %.

2. Представления студентов о коррупции

Участникам опроса было предложено ответить на вопрос: «Что такое коррупция в вузе?». Две трети опрошенных (63 %) связывают коррупцию с дачей взятки. Больше половины респондентов (53 %) считают, что коррупция — это получение взятки. Примерно половина опрошенных рассматривают коррупцию как злоупотребление властью, статусом, полномочиями для принятия выгодных решений. Примерно такое же количество опрошенных отмечают, что коррупция выражается в даче дорогого подарка в связи с ожидаемым решением дела. Остальные варианты ответов отмечены примерно в два раза реже. Четвертая часть участников опроса (26 % или 108 человек) считают, что коррупция связана с получением дорогого подарка в связи с ожидаемым решением проблемы.

Пятая часть респондентов полагает, что коррупция находит выражение в оказании каких-либо услуг за вознаграждение. Только 8 % участников опроса относят коррупцию с укрывательством в неблагоприятных делах, в круговой поруке. Студенты гуманитарных специальностей, чаще, чем другие, считают, что коррупция — это дача подарка (денег) в обмен на определенную выгоду, а также оказание каких-либо услуг за вознаграждение.

Прослеживалась зависимость представлений студентов о сущности коррупции от наличия академических задолженностей. Студенты, которые имеют задолженности, значительно реже, чем другие, связывают коррупцию с получением взятки, с оказанием услуг за вознаграждение.

Участникам анкетирования было предложено высказать мнение о том, кто чаще оказывается инициатором факта коррупции. Распределение ответов выглядит следующим образом: две трети опрошенных (63 %) считают инициаторами студентов. Примерно две пятых (39 %) в качестве инициаторов называют преподавателей, заведующих кафедрами. Родители студентов

в качестве инициаторов коррупции отмечены в 13 % анкет. Остальные варианты ответов (сотрудники деканата, представители администрации, сотрудники отдела тестирования, обслуживающий персонал кафедры) названы в менее чем 10 % анкет. Затрудняются ответить на вопрос треть участники анкетирования. Студенты гуманитарных специальностей чаще, чем другие, в качестве инициаторов коррупции называют студентов и преподавателей, и такие респонденты реже затрудняются ответить на данный вопрос.

Участникам опроса было продолжено высказать мнение о коррупции, выбрав одно из четырех предложенных суждений. Распределение ответов, выглядит следующим образом: 70 % участников опроса согласны с тем, что коррупция — это преступление, за которое предусмотрено достаточно жесткое наказание; 13 % респондентов оправдывают коррупцию тем, что она соответствует отечественному менталитету; 1 % опрошенных считают, что коррупция — это позитивное явление, которое помогает устранять жизненные проблемы; 16 % участников анкетирования затрудняются ответить на поставленный вопрос.

Полученные результаты зависимости мнения студентов о коррупции зависят от наличия у них академических задолженностей. Неудачающие студенты чаще затрудняются ответить на вопрос при выборе суждений о коррупции; они реже, чем другие, считают коррупцию преступлением.

Участникам опроса было предложено высказать мнение о возможности преодолеть коррупцию в вузе. Полученные ответы распределены следующим образом: больше половины опрошенных (59 %) считают, что это возможно; 26 % респондентов затрудняются ответить на данный вопрос, а 15 % участников опроса считают, что это невозможно. Распределение ответов студентов технических и гуманитарных специальностей практически не различаются.

Изучено мнение студентов о возможности преодолеть коррупцию, в зависимости от наличия у респондентов академических задолженностей. Неудачающие студенты на 10 % чаще, чем другие, считают, что преодоление коррупции возможно. По-видимому, они исходят из того, что если прилежно учиться, то отпадет необходимость в коррупционных отношениях.

3. Мотивация участия студентов в коррупции

Анкетирование позволило выявить мнение студентов о причинах дачи взятки. Больше половины опрошенных (52 %) считают, что такие причины связаны с желанием студентов получить оценку без особых усилий. Чуть меньшее количество респондентов (48 %) указывает на сложность некоторых учебных дисциплин. Примерно две пятых участников опроса высказались, что такими причинами становится чрезмерная строгость преподавателя, его предвзятость или наличие большого числа академических задолженностей. Четвертая часть респондентов в качестве причины дачи взятки указывают на сложность

проверочных тестов, отсутствие времени на подготовку к экзамену. Пятая часть участников анкетирования отмечает откровенное вымогательство взятки преподавателем. Остальные варианты отмечены менее чем 10 % опрошенных. 8 % респондентов считают, что причиной дачи взятки может быть желание получить бюджетное место. Вымогательство взятки сотрудником деканата или сотрудником отдела тестирования отмечено в 1–2 % анкет. Затрудняются ответить на вопрос 8 % опрошенных. Студенты гуманитарных направлений подготовки чаще, чем студенты-технари, в качестве причин взяток отмечали желание получить оценку без особых усилий, наличие большого числа академических задолженностей, вымогательство взятки преподавателем. Различия по этим позициям составляют 10 %. Однако указанные респонденты реже, чем другие, указывали на сложность той или иной учебной дисциплины, на чрезмерную строгость преподавателя. Студенты, у которых имеются академические задолженности, чаще в качестве причин дачи взятки называют сложность той или иной учебной дисциплины, наличие большого числа академических задолженностей, отсутствие времени на подготовку к экзамену. При этом они реже, чем другие, отмечают в качестве причины дачи взятки желание получить оценку без особых усилий.

С целью изучения готовности студентов к участию в коррупции были предложены проективные ситуации, которые отображают коррупционные проявления в вузе. Респондентам был поставлен вопрос о готовности купить курсовую или дипломную работу. 8 % опрошенных ответили на вопрос положительно, 68 % респондентов дали отрицательный ответ, а 23 % участников анкетирования затрудняются ответить на вопрос. В зависимости от специализации обучения, различий в ответах не наблюдается. Студенты, у которых есть задолженности, в два раза чаще, чем другие, готовы приобрести курсовую, дипломную работу. Полученные данные свидетельствуют о готовности студентов купить общий подарок совместно с другими студентами, чтобы добиться лояльного отношения преподавателя. 24 % опрошенных отвечают на вопрос положительно. Вместе с тем, половина респондентов дают отрицательный ответ, а 27 % участников анкетирования затрудняются ответить на вопрос. В зависимости от специализации обучения различий в ответах не наблюдается.

Студенты, у которых имеются академические задолженности чаще, чем другие, готовы купить общий подарок совместно с другими студентами, чтобы добиться лояльного отношения преподавателя. Получены данные о готовности студентов договориться с преподавателем на коммерческой основе, чтобы получить желаемую оценку: 6 % опрошенных отвечают на вопрос положительно, 77 % дают отрицательный ответ, а 17 % участников анкетирования затрудняются ответить на такой вопрос. Студенты гуманитарных специальностей на 11 % чаще, чем другие, считают, что это для них неприемлемо. Среди гуманитариев в два

раза меньше респондентов, которые затрудняются ответить на данный вопрос.

Студенты, у которых имеются академические задолженности, в два раза чаще, чем успевающие студенты, готовы договориться с преподавателем на коммерческой основе, чтобы получить положительную оценку. Они чаще затрудняются ответить в анкете на данный вопрос. Среди студентов, у которых отсутствуют академические задолженности, напротив, большее число тех, кто не готов добиваться желаемого на коррупционной основе.

Исследованием получены результаты о готовности студентов воспользоваться личными связями, знакомствами родителей, чтобы получить желаемую оценку: 6 % опрошенных отвечают на вопрос положительно, 78 % респондентов дают отрицательный ответ, а 16 % участников анкетирования затрудняются ответить на поставленный вопрос. В зависимости от специализации обучения, различий в ответах не наблюдается. Студенты, у которых имеются академические задолженности, в два раза чаще, чем успевающие студенты, готовы использовать личные знакомства, связи родителей, чтобы получить желаемую оценку.

Получены данные о готовности студентов преподнести подарок сотруднику отдела тестирования, чтобы списать ответы на тестовое задание: 3 % опрошенных отвечают на вопрос положительно, 84 % респондентов дают отрицательный ответ, а 13 % участников анкетирования затрудняются ответить на данный вопрос. В зависимости от специализации обучения, различий в ответах не наблюдается.

Анкетированием установлена готовность студентов сделать подарок сотруднику деканата, чтобы решить проблемы с обучением: 5 % опрошенных ответили на вопрос положительно, 79 % респондентов дали отрицательный ответ, а 16 % участников анкетирования затрудняются ответить на данный вопрос. В зависимости от специализации обучения, различий в ответах не наблюдается.

Студенты, у которых имеются академические задолженности, в два раза чаще, чем другие, готовы сделать подарок сотруднику деканата, чтобы решить проблемы с обучением.

4. Студенты о предпосылках коррупционных отношений

Респондентам было предложено высказать свои суждения относительно организации учебного процесса, что влияет на возникновение коррупционных отношений. 83 % участников опроса прилежно занимаются в течение семестра, поэтому сдают сессии без задолженностей. Среди студентов гуманитарных специальностей соглашаются с этим суждением 96 % респондентов. Суждение «Система выставления баллов по некоторым предметам для меня непонятна» было отмечено в 44 % анкет. Гуманитарии выделяли этот вариант ответа на 8 % чаще, чем студенты-технари. Согласие с суждением «По некоторым предметам преподаватели не дают таких заданий, выполняя которые

можно получить достаточное количество баллов, чтобы сдать зачет или экзамен», отмечено 44 % опрошенных. Студенты гуманитарных специальностей на 16 % чаще выделяют этот вариант ответа. «Некоторые преподаватели плохо объясняют материал, но строго спрашивают, ставят низкие баллы» — это суждение поддержали две пятых опрошенных. Такое мнение на 15 % чаще присутствует у студентов гуманитарных специальностей. Согласие с тем, что проблемы сдачи сессии чаще всего бывают связаны с пропусками учебных занятий, высказали 39 % опрошенных. Среди студентов технических специальностей этот вариант ответа отмечен в 46 %, а у гуманитариев только в 12 % анкет. Так или иначе, 2 % респондентов покупали курсовую работу у преподавателей, у технических сотрудников вуза. Больше половины студентов-задолжников выражают согласие с суждением «Некоторые преподаватели плохо объясняют материал, но строго спрашивают, ставят низкие баллы». Такие студенты соглашаются с тем, что их проблемы сдачи сессии связаны с пропусками учебных занятий. При этом студенты, имеющие академические задолженности, реже соглашаются с тем, что система выставления баллов для них непонятна. Среди респондентов оказалось значительно меньше таких, которые прилежно занимаются в течение семестра: 77 % респондентов уверены, что каждый студент может сдать академические задолженности, если освоит учебный материал.

Суждение «Одна из основных причин коррупции в вузе — это академические задолженности студентов» поддерживают две трети респондентов (64 %). Студенты гуманитарных специальностей на 20 % реже соглашаются с этим суждением, чем студенты технических специальностей.

Согласие с суждением «для меня очень трудно сдать сессию без академических задолженностей» выражает четверть опрошенных. Причем, студенты-гуманитарии в два раза реже отмечают этот вариант ответа. Приходилось сталкиваться с нежеланием преподавателя принимать задолженности четвертой части респондентов. Представители гуманитарных специальностей на 9 % чаще выделяют этот вариант ответа.

Суждения «Трудно сдать все задолженности, не прибегая к взяткам», а также суждение «Количество академических задолженностей у меня увеличивается от сессии к сессии» отмечено в 7 % анкет. У студентов гуманитарных специальностей отсутствует этот вариант ответов. Студенты, имеющие академические задолженности, значительно чаще, чем другие, отмечают все варианты суждений, связанные с академическими задолженностями. Студенты, у которых имеются задолженности, в три раза чаще, чем успевающие студенты, отмечают, что количество академических задолженностей увеличивается от сессии к сессии. В два раза чаще «задолжники» отмечают, что для них трудно сдать сессию, и в полтора раза чаще они утверждают, что им приходится сталкиваться с нежеланием преподавателя принимать задолженности.

Респондентам было предложено высказать мнение о наиболее коррупционных ситуациях в вузе. Треть опрошенных в качестве коррупционных явлений называют сдачу экзамена/экзаменационной сессии. Примерно такое же количество опрошенных отмечают покупку и/или продажу готовых работ (контрольных, курсовых, дипломных работ, магистерских диссертаций). 13 % участников опроса выделяют выполнение контрольных, курсовых и выпускных работ за деньги. Как коррупционное явление в 8 % анкет отмечено получение места в общежитии. 7 % участников анкетирования указали на коррупционность поступления на бюджетное отделение. 5 % опрошенных отмечают сдачу государственных экзаменов, защиту выпускной работы. Такое же количество респондентов выделяют получение оценки при прохождении контрольного тестирования.

Выявлены данные о количестве студентов, которые сталкивались с коррупцией в образовательном учреждении: 3 % опрошенных лично сталкивались с фактами коррупции, 24 % респондентов отмечают, что с фактами коррупции сталкивались их знакомые, 73 % участников опроса не сталкивались с фактами коррупции в вузе. Студенты, у которых имеются академические задолженности, в два раза чаще отмечают, что они лично сталкивались с фактами коррупции в вузе.

В соответствии с вопросом четвертого блока, участники интернет-анкетирования, оценили уровень информированности об антикоррупционной программе в образовательном учреждении. Согласно полученным данным, половина студентов информированы хорошо, 18 % опрошенных информированы недостаточно, 36 % опрошенных затрудняются ответить на данный вопрос. Различий между группами студентов по специализациям не наблюдалось.

Блок исследования предпосылок коррупционных отношений в образовательном учреждении содержал вопрос о готовности респондентов сообщить о фактах коррупции в вузе. Утвердительно отвечают на данный вопрос 9 % опрошенных, 38 % респондентов готовы анонимно сообщить о фактах коррупции, 21 % участников анкетирования дают отрицательный ответ, треть опрошенных затрудняется с ответом. Различия мнений между группами студентов по специализациям не наблюдается.

Участникам анкетирования было предложено по пятибалльной шкале оценить уровень коррумпированности в образовательном учреждении (один балл соответствует полному отсутствию коррумпированности в вузе, а пять баллов соответствует значительной степени коррумпированности, ноль баллов — затрудняюсь ответить). Треть студентов затрудняется дать оценку уровню коррумпированности в вузе. Средняя оценка по массиву респондентов составила 1,4 балла. Студенты гуманитарных специальностей оценивают уровень коррумпированности немного ниже — в 1,3 балла. Студенты, у которых отсутствуют академическая задолженность, дают более низкую

оценку коррупционности вуза, чем другие участники анкетирования.

5. Методы борьбы с коррупцией в вузе

Участникам анкетирования был задан вопрос: «Если Вам станет известно о фактах коррупции в образовательном учреждении, то куда Вы обратитесь?». 23 % респондентов обратятся к заведующему кафедрой, директору института (декану факультета), 15 % участников опроса намереваются обратиться в правоохранительные органы. Чуть меньшее количество участников опроса обратятся, в случае столкновения с фактом коррупции, к куратору группы или в отдел собственной безопасности вуза.

Две пятых опрошенных выбрали варианты ответа «в профком студентов», «к ректору». 38 % участников опроса затрудняются ответить на данный вопрос, а 21 % респондентов никуда не будут обращаться.

Заслуживают внимания результаты ответа на вопрос о готовности обратиться за помощью в случае получения информации о коррупции, в зависимости от наличия академической задолженности. Так, студенты, имеющие академическую задолженность, чаще, чем другие, в случае столкновения с коррупцией, готовы обратиться к заведующему кафедрой, к директору института (декану факультета). Различий по другим вариантам ответа не наблюдается.

Респондентам был задан вопрос «Какие методы борьбы с коррупцией Вы считаете наиболее эффективными?». Половина опрошенных (52 %) считают необходимым повысить заработную плату преподавателей, 37 % респондентов полагают, что нужно организовывать сдачу зачетов и экзаменов в виде электронных тестов, 35 % участников анкетирования предлагают ужесточить уголовное наказания за коррупцию, 31 % опрошенных считают важным профилактическим средством увеличение заработной платы сотрудникам деканата, отдела тестирования и другим техническим сотрудникам вуза. Четверть опрошенных отмечают действенность анонимных сообщений о коррупции. Информирование общественности о фактах коррупции, о грозящих наказаниях отмечено в 22 % анкет. Пятая часть участников опроса предлагает усилить контроль над зачислением на бюджетные места. 17 % участников опроса считают необходимым усилить контроль за проведением экзаменов, защиты курсовых и выпускных квалификационных работ. 13 % респондентов предлагают ввести запрет на покупку (продажу) готовых курсовых или дипломных работ.

Ужесточение санкций за академическую неуспеваемость студентов поддерживают только 9 % опрошенных. Студенты технических специальностей чаще, чем студенты-гуманитарии, в качестве меры борьбы с коррупцией предлагают сдачу зачетов и экзаменов в форме электронного тестирования. Студенты гуманитарных специальностей чаще выступают за ужесточение уголовного наказания за коррупцию. Они также чаще, чем студенты-технари, поддерживают усиление контроля над зачислением на бюджетные места, а также

контроль за проведением экзаменов, защитой курсовых работ и дипломных проектов.

Респонденты, у которых имеются академические задолженности, чаще, чем другие считают эффективными способами борьбы с коррупцией сдачу зачетов и экзаменов в форме электронного тестирования. Участники опроса, которые не имеют академических задолженностей, чаще, чем другие, выступают за ужесточение уголовного наказания, а также за информирование общественности о фактах коррупции, о наказании коррупционеров.

Блок анализа мнений о методах борьбы с коррупцией в вузе, содержал вопрос респондентам об оценке перспективы борьбы с коррупцией. 22 % участников опроса считают, что ситуация радикально изменится в лучшую сторону, 49 % респондентов утверждают, что возможны незначительные изменения в лучшую сторону, 5 % опрошенных предвидят ухудшение ситуации, а четвертая часть респондентов считают, что ситуация не изменится. Респонденты гуманитарных специальностей чаще, чем студенты-технари, придерживаются мнения о грядущем незначительном улучшении ситуации.

Интересно отметить, что студенты, у которых имеются академические задолженности, ниже оценивают эффективность борьбы с коррупцией.

Основные результаты

Второй блок вопросов — представления студентов о коррупции. Две трети опрошенных связывают коррупцию с дачей взятки. Больше половины респондентов считают, что коррупция — это получение взятки, дорогостоящего подарка в связи с ожидаемым решением проблемы, злоупотребление властью, статусом, полномочиями для принятия выгодных решений. Примерно в два раза реже респонденты выделяют получение дорогостоящего подарка в связи с ожидаемым решением проблемы, оказание каких-либо услуг за вознаграждение, взаимное укрывательство в неблагоприятных делах. Две трети опрошенных инициаторами коррупционных действий считают студентов. Остальных участников процесса обучения (преподавателей, представителей деканата, отдела тестирования и пр.) респонденты называют значительно реже. Три четверти опрошенных рассматривают коррупцию как преступление, за которое назначается суровое наказание. Однако 14 % респондентов оправдывают это явление, называя его частью отечественного менталитета либо механизмом, который позволяет решать житейские проблемы. Следует обратить внимание на то, что 16 % респондентов затрудняются высказать определенную позицию по отношению к коррупции. Среди студентов, имеющих академические задолженности, количество неопределившихся составляет 21 %. Таким образом, коррупция в вузе не вызывает у опрошенных безоговорочного осуждения.

Третий блок вопросов — мотивация участия студентов в коррупции. Среди причин дачи взятки более половины респондентов указывают на желание студентов получить оценку без особых усилий. Чуть

меньшее количество опрошенных указывает на сложность некоторых учебных дисциплин. Остальные причины указаны в два-три раза реже. Таким образом, доминирующей причиной является отсутствие интереса студентов к учебе, что проявляется в желании с меньшими усилиями получить оценку.

Студенты, у которых имеются академические задолженности, в качестве причин дачи взятки чаще называют сложность в освоении той или иной учебной дисциплины, наличие большого числа академических задолженностей, отсутствие времени на подготовку к экзамену. При этом они реже, чем успевающие студенты, отмечают в качестве причины дачи взятки желание получить оценку без особых усилий.

Студентам были предложены проективные ситуации, связанные с возможностью выбора коррупционного поведения: а) приобрести за деньги готовую курсовую, дипломную работу по специализации; б) приобрести общий подарок преподавателю совместно с другими студентами; в) договориться с преподавателем на коррупционной основе; г) использовать личные знакомства, связи родителей; д) преподнести подарок сотруднику отдела тестирования; е) сделать подарок сотруднику деканата. В целом, примерно две трети опрошенных дают отрицательный ответ на поставленный вопрос. Однако оставшая треть участников опроса составляет «группу риска» — это те, кто затрудняется ответить на вопрос или отвечает утвердительно на вопрос о приемлемости коррупционного поведения. Результаты опроса показывают, что студенты, имеющие академические задолженности, демонстрируют большую готовность участия в коррупционных отношениях, чем в среднем по массиву.

Четвертый блок вопросов, отображающих предпосылки коррупционных отношений в вузе. Предпосылки для коррупционных отношений возникают в связи с недостатками организации учебного процесса, что существенно влияет на успеваемость. Согласно полученным данным, четвертая часть опрошенных имеют академические задолженности. При этом среди гуманитариев таковых в три раза меньше, чем среди студентов-технарей. Среди студентов технических специальностей академическую задолженность имеют 32 %. Большинство студентов согласны с тем, что систематическое освоение учебного материала в течение семестра способствуют успеху на сессии. Две пятых опрошенных согласны с тем, что проблемы на сессии чаще всего связаны с пропусками учебных занятий. Почти половина студентов технических специальностей, а также студентов, имеющих академические задолженности, отмечают этот вариант ответа, а студенты-гуманитарии — в четыре раза реже. 2 % респондентов покупали курсовую работу у преподавателей, сотрудников вуза. Суждение «Одна из основных причин коррупции в вузе — это академические задолженности студентов» поддерживают две трети респондентов. Четверть опрошенных выражают согласие с суждением «Для меня очень трудно сдать сессию без долгов».

Данные суждения чаще находят поддержку среди студентов технических специальностей, и значительно реже — у студентов-гуманитариев.

Респондентам было предложено высказать мнение о коррупционных явлениях в вузе. Треть опрошенных в качестве таковых называют экзаменационную сессию. Примерно такое же количество опрошенных отмечают покупку и/или продажу готовых работ (контрольных, курсовых, дипломных работ, магистерских диссертаций). 13 % участников опроса выделяют выполнение контрольных, курсовых и выпускных работ за деньги. Остальные варианты ответов отмечены примерно в два раза реже. 3 % опрошенных сталкивались с фактами коррупции лично, 24 % респондентов отмечают, что с фактами коррупции сталкивались их знакомые, а 73 % участников опроса не сталкивались с фактами вузовской коррупции. Студенты, у которых имеются задолженности по учебе, в два раза чаще, отмечают, что они лично сталкивались с фактами коррупции.

Информированность респондентов об антикоррупционной программе в вузе нельзя признать высокой. Только половина студентов информированы о ней хорошо, 18 % опрошенных информированы недостаточно, 36 % опрошенных затрудняются ответить на данный вопрос. Средняя оценка уровня коррумпированности вуза по пятибалльной шкале 1,4 балла. Студенты гуманитарных специальностей оценивают уровень коррумпированности немного ниже — в 1,3 балла. Студенты, у которых нет задолженностей, дают более низкую оценку коррумпированности образовательного учреждения, чем другие участники опроса.

Пятый блок вопросов — методы борьбы с коррупцией в вузе. Участникам анкетирования был задан вопрос: «Если Вам станет известно о фактах коррупции в вузе, куда Вы обратитесь?». 38 % участников опроса затрудняются ответить на данный вопрос, 21 % респондентов никуда не будут обращаться. Эти результаты свидетельствуют о том, что более половины студентов (59 %) занимают пассивную позицию в борьбе с коррупцией, предпочитая не затрагивать это явление. 23 % респондентов обратятся к заведующему кафедрой, директору института (декану факультета), 15 % участников опроса обратятся в правоохранительные органы. Чуть меньшее количество участников опроса в случае столкновения с фактом коррупции обратятся к куратору группы или в отдел собственной безопасности вуза.

Среди методов борьбы с коррупцией студенты отдают предпочтение мерам профилактики, которые предотвращают возможность коррупции. Ужесточение уголовного наказания за коррупцию поддерживают 35 % студентов, чаще этот вариант ответа отмечают студенты гуманитарных специальностей.

Заключение и вывод

Таким образом, коррупция у студентов высших учебных заведений ассоциируется прежде всего с взяточничеством, и в нём задействованы лица, обладающие властными полномочиями. Представления студентов о сущности коррупции зависят от наличия у них академических задолженностей. Неуспевающие студенты реже, чем другие, связывают коррупцию с получением взятки, в том числе, и с оказанием образовательных услуг за вознаграждение.

Представления студентов о действенности борьбы с коррупцией проявляют, по нашему мнению, их идеалистический взгляд на проблему. Действительно, предлагаемое респондентами увеличение зарплаты и ужесточение ответственности еще несколько не повлияли на уровень коррупции. Причины коррупции лежат не в экономической плоскости, а в морально-нравственной. Идеализм подобных суждений заключен в укоренившемся в студенческой среде мнении, что уровень и качество знаний не влияют на успех в профессии и продвижение по службе. Также выявленные представления студенчества по данному вопросу следует признать ограниченными, поскольку в них не проявляется логическая связь коррупции с уровнем морали в обществе. Кажется очевидным, но не понятным молодежи, что коррупция бьет по каждому из нас и по обществу, в целом. Коррупционер посягает на жизненные интересы каждого. Поэтому коррупционные проявления в вузе приобретают морально-нравственное измерение. Неприятие коррупции означает честность и достоинство, что закреплено традиционными ценностями нашего общества. Опираясь на результаты проведенных исследований, можно выдвинуть следующие принципы криминологической профилактики коррупции в вузах: 1) для карьерного роста необходимым условием является высокий уровень и качество знаний, приобретенных в вузе; 2) коррупция носит аморальный характер, она не соответствует традиционным ценностям российского общества.

Список источников

1. Кондратюк С. В. Антикриминальная политика государства: уровни, ориентиры, перспективы // Вестник Академии права и управления. 2023. № 4 (74). С. 13–19.
2. Антикриминальная стратегия и ее криминологическая составляющая / Т. Н. Иванова, С. В. Кондратюк, М. А. Михайлов [и др.]. Москва : Юрлитинформ, 2023. 288 с.
3. Кондратюк С. В., Моисеев А. М., Иванова Т. Н., Цветкова И. В. Антикриминальная политика государства: блок криминологической профилактики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 2. С. 87–95.
4. Копытов Ю. Г., Плехова О. А., Денисенко Е. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. № 3 (100). С. 80–84.

5. Байбулатова Г. А., Биккинин И. А. Проблемы регламентации противодействия коррупции в базовых документах о национальной безопасности в Российской Федерации // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. № 1-2 (62). С. 13–16.
6. Основы противодействия коррупции в сфере образования / Е. А. Акунченко, С. П. Басалаева, М. А. Волкова [и др.]. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2023. 366 с.
7. Машиньян А. А., Кочергина Н. В. Противодействие коррупции в образовании: необходимость антикризисного и антикоррупционного анализа в Российской системе образования // Перспективы науки и образования. 2015. № 4 (16). С. 37–40.
8. Антикоррупционные меры безопасности / Е. А. Акунченко, С. П. Басалаева, М. А. Волкова [и др.] ; Сибирский федеральный университет. Москва : Проспект, 2021. 496 с.
9. Номоконов В. А. Антикриминальная политика: методологические и нравственные основы // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 106–116.
10. Косарева Л. В., Макогон И. В. Приоритетные направления предупреждения преступности как основы антикриминальной политики государства // Мир науки и образования. 2017. № 1 (9). Ст. 6.
11. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Соколов Д. А. Противодействие криминальным угрозам национальной безопасности России: научное обеспечение практики // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 2 (34). С. 61–64.
12. Кондратюк С. В., Моисеев А. М., Иванова Т. Н., Цветкова И. В. Антикриминальная политика: теория формирования и показатели реализации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12, № 3 (44). С. 152–160.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 09.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.05.2024.


Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МОНИТОРИНГА

Лейсан Равилевна Сосновская

Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал, Казань, Россия

LRS9053168536@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6543-2566>

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении региональных особенностей законодательного закрепления антикоррупционного мониторинга и типологизации законодательства субъектов Российской Федерации. В качестве базового методологического подхода был использован формально-логический метод исследования норм права, при помощи которого были установлены общие тенденции правового регулирования антикоррупционного мониторинга в региональных законах и подзаконных актах. Диалектический подход способствовал анализу отдельных специальных норм, устанавливающих особенности мониторинговых мер в тех субъектах федерации, где предпринята попытка фрагментарного регулирования порядка проведения измерений реального состояния коррупции. Также автором использовались дискурсивный, формально-юридический и текстуальный методы исследования. В качестве основного результата следует выделить градацию законодательства субъектов федерации на три группы в зависимости от закрепления института антикоррупционного мониторинга. Автор констатирует, что сложившееся в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации понятие антикоррупционного мониторинга требуется скорректировать с учётом теоретических разработок в области противодействия коррупции и с одновременным его закреплением в нормах федерального законодательства с целью унификации региональных правовых норм в этом направлении. При этом отсутствие системных норм об антикоррупционном мониторинге на федеральном уровне продиктовано особенностями разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами федерации в сфере антикоррупционной политики.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционный мониторинг, антикоррупционная политика, коррупция, антикоррупционный аудит

Для цитирования: Сосновская Л. Р. Типологизация законодательства субъектов Российской Федерации в области антикоррупционного мониторинга // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 125–129. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-125-129


Research article

TYPOLOGIZATION OF ANTI-CORRUPTION MONITORING LEGISLATION OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Leysan R. Sosnovskaya

Russian State University of Justice, Kazan Branch, Kazan, Russia

LRS9053168536@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6543-2566>

Abstract. The purpose of the work is to identify regional features of the legislative consolidation of anti-corruption monitoring and typology of legislation in Russian regions. The formal-logical method of studying legal norms was used as a basic methodological approach. He helped establish general trends in the legal regulation of anti-corruption monitoring in regional laws. The dialectical approach helped to analyze individual special norms and identify the features of monitoring measures in those subjects of the federation where an attempt at fragmented regulation was made. The author also used discursive, formal legal and textual research methods. The main result should be the alignment of regional legislation into three groups, depending on the consolidation of the institution of anti-corruption monitoring. The author states that the concept of anti-corruption monitoring established in the legislation of individual Russian regions needs to be adjusted taking into account theoretical developments. At the same time, it must be enshrined in federal legislation in order to unify regional legal norms. The absence of systemic norms on anti-corruption monitoring at the federal level

is dictated by the peculiarities of the delimitation of jurisdiction between the Russian Federation and Russian regions in the field of anti-corruption policy.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption monitoring, anti-corruption policy, corruption, anti-corruption audit

For citation: Sosnovskaya LR. Typologization of anti-corruption monitoring legislation of constituent entities of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):125-129. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-125-129 (In Russ.)

Введение

Содержание антикоррупционного мониторинга образует единый комплекс механизмов, позволяющих учитывать различные коррупционные проявления для оценки реального состояния коррупции в пределах определённой территории или сферы общественных отношений с одновременным анализом факторов, способствующих повышению или снижению эффективности проводимой антикоррупционной политики.

Указанное теоретическое осмысление построено на специфике форм коррупции в отдельно взятых сегментах национальной экономики и публичного управления, что вынуждает акторов антикоррупционной политики вырабатывать специальные средства противодействия [1; 2]. Вместе с тем такой подход приводит к избирательности мер по борьбе с коррупцией, что, в свою очередь, предопределяет объём коррупционной поражённости общества [3, с. 166; 4, с. 70; 5, с. 6]. Поэтому антикоррупционный мониторинг в разных сферах общественной жизни учитывает особенности факторов, способствующих росту или снижению коррупции, а также коррупционных форм, различающихся своей территориальной спецификой [6; 7; 8].

Материал и методы исследования

Действующее в Российской Федерации законодательство, содержащее нормы об антикоррупционном мониторинге, демонстрирует доминирование указанного правового подхода. Так, в положениях Федерального закона «О противодействии коррупции»¹ не получила закрепление обязанность акторов антикоррупционной политики проводить оценку результативности мер, предпринимаемых в процессе противодействия коррупции. Это объясняется отсутствием нормативно-правового определения антикоррупционного мониторинга, традиционно выступающего деятельностью по измерению не только реального состояния коррупции, но и оценки эффективности публичных стратегий по борьбе с нею.

Впрочем, фрагментарно федеральные нормативно-правовые акты упоминают мониторинговые действия в плоскости противодействия коррупции. Например,

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228; О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статью 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» : Федеральный закон от 19.12.2023 № 605-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 52. Ст. 9518.

в нормах подзаконных актов прослеживается понятие «коррупционный риск», которое подлежит установлению мониторинговым способом:

- 1) при оценке деятельности государственных служащих²;
- 2) при прогнозировании управленческих рисков для отдельных видов государственных должностей³;
- 3) при анализе основной деятельности, осуществляемой государственными корпорациями⁴;
- 4) при проведении контрольно-надзорных мероприятий в отношении иных организаций с государственным участием⁵.

При этом отсутствие системных норм об антикоррупционном мониторинге на федеральном уровне продиктовано особенностями разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами федерации в сфере антикоррупционной политики. Собственно, именно посредством регионального законодательства происходит правовая конкретизация большинства мониторинговых мер с одновременной необходимостью придерживаться принципов регулирования, выработанных федеральным законодательством.

Так, согласно п. 1 ст. 11 Закона № 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан»⁶

² Об утверждении карты коррупционных рисков и мер по их минимизации Федеральной налоговой службы и ее территориальных органов : приказ ФНС России от 02.08.2023 № СД-7-4/516@ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453853/ (дата обращения: 18.02.2024).

³ Об утверждении карты коррупционных рисков при осуществлении гражданскими служащими ФАС России контрольно-надзорных функций : приказ ФАС России от 26.12.2018 № 1873/18 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317233/ (дата обращения: 18.02.2024).

⁴ Об утверждении Единой отраслевой антикоррупционной политики Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и ее организаций и единых отраслевых методических указаний по оценке коррупционных рисков в Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и ее организациях : приказ Госкорпорации «Росатом» от 14.04.2015 № 1/364-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297350/9adae300529dbf1990cdf18b4e37f54008f8321/ (дата обращения: 18.02.2024).

⁵ Например, Об утверждении Методических рекомендаций по управлению коррупционными рисками в ОАО РЖД : распоряжение ОАО «РЖД» от 01.02.2021 № 192/р // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378019/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 18.02.2024).

⁶ О противодействии коррупции в Республике Татарстан : Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 № 34-ЗРТ (ред. от 06.04.2023) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2006. № 5. Ст. 1464 ; Собрание законодательства Республики Татарстан. 2023. № 27 (Часть I). Ст. 0772.

антикоррупционный мониторинг является деятельностью, в которой уполномоченные лица призваны:

- анализировать состояние коррупции;
- осуществлять наблюдение за её реальным состоянием;
- проводить прогноз развития коррупции.

Указанные действия образуют институциональные рамки антикоррупционного мониторинга в плоскости проектирования эффективности политики по противодействию коррупции в Республике Татарстан. Такой же институциональный вариант закреплён в нормах Закона № 20-З «О противодействии коррупции в Нижегородской области»¹. Антикоррупционный мониторинг включает и прогноз коррупции, и анализ её реального состояния в данном субъекте федерации, и наблюдение за коррупционными проявлениями, и оценку мер, при помощи которых реализуется региональная антикоррупционная политика с одновременным анализом существующих коррупциогенных факторов.

Вместе с тем такое нормативно-правовое раскрытие антикоррупционного мониторинга наблюдается в законодательстве далеко не всех субъектов Российской Федерации. В частности, Закон № 192 «О противодействии коррупции в Камчатском крае»² установил только общие принципы, согласно которым выстраивается организационная структура по противодействию коррупции с одновременным порядком распределения полномочий.

При этом отсутствие понятия антикоррупционного мониторинга в законодательстве Камчатского края вовсе не означает, что анализ, наблюдение и оценка реального состояния коррупции, а равно меры по противодействию с ней не проводятся в данном субъекте федерации. Как отмечают специалисты, данный институт является не регионально-правовым, а федерально-правовым комплексом измерительных средств, что лишает субъекты Российской Федерации свободного усмотрения в законодательном регулировании рассматриваемых правоотношений [9, с. 158; 10, с. 108].

Применение метода типологизации к сложившемуся в субъектах федерации законодательству об антикоррупционном мониторинге позволяет ранжировать его на три группы:

1) региональное законодательство, не отграничивающее антикоррупционный мониторинг от общих мер по противодействию коррупции (например, Республика Марий Эл, Новосибирская область, Красноярский край и др.);

2) региональное законодательство с фрагментарной регламентацией антикоррупционного мониторинга

(Республика Дагестан, Астраханская область, Тюменская область и др.);

3) региональное законодательство со специфической регуляцией антикоррупционного мониторинга (Республика Татарстан, Псковская область, Нижегородская область и др.).

Результаты и обсуждение

Если обратиться к третьей группе законодательства субъектов Российской Федерации из представленной типологизации, то можно выявить попытки выработки самостоятельного подхода к правовой конкретизации мониторинговых мер в области противодействия коррупции.

Так, законодательство Республики Татарстан придаёт антикоррупционному мониторингу широкое значение. Помимо наблюдения, анализа и прогноза состояния коррупции, он должен способствовать выявлению условий, влияющих на масштаб коррупционных правонарушений (т. н. «коррупционная поражённость»). Схожим образом осуществление мониторинга призвано установить эффективность проводимой в Татарстане политики по противодействию коррупции (п. 2 ст. 11)³.

При этом законодательство Республики Татарстан содержит такие организационные особенности антикоррупционного мониторинга, которые прямо влияют на обеспечение его независимости. В частности, координацией мониторинговых мероприятий занимается специальный орган исполнительной власти. Он устанавливается главной данного субъекта федерации — Раисом Республики Татарстан (п. 2 ст. 11)⁴. Ему же принадлежит полномочие по выработке порядка осуществления антикоррупционного мониторинга, однако какого-либо специального подзаконного нормативно-правового акта об этом в Татарстане до сих пор нет. Пробелом также следует признать отсутствие обязательного привлечения экспертного сообщества не только при реализации отдельных измерительных механизмов, но и при формировании стратегий и тактики оценки реального состояния коррупции в Республике Татарстан.

Систему подзаконного уровня регулирования антикоррупционного мониторинга в Татарстане составляют два дублирующих друг друга нормативно-правовых акта:

— Указ Президента Республики Татарстан от 23 марта 2011 года № УП-148 «О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов

¹ О противодействии коррупции в Нижегородской области: Закон Нижегородской области от 07.03.2008 № 20-З // Правовая среда. 2008. 20 марта (№ 21 (904)); Нижегородские новости. 2024. 26 янв. (№ 6 (6518)).

² О противодействии коррупции в Камчатском крае: Закон Камчатского края от 18.12.2008 № 192 // Официальные Ведомости. 2008. 30 дек. (№ 221-225); 2022. 8 дек. (№ 228-229).

³ Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 № 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/8129149/> (дата обращения: 18.02.2024).

⁴ Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 № 34-ЗРТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/8129149/> (дата обращения: 18.02.2024).

исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами»;

— постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10.06.2011 № 463 «О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан, а также по обеспечению информационного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции органа, уполномоченного на проведение мониторинга, с иными государственными органами».

В своей совокупности они устанавливают общий мониторинг эффективности деятельности органов исполнительной власти регионального и федерального уровней на территории Республики Татарстан, а также органов, занимающихся местным самоуправлением. В рамках этого мониторинга предусмотрено проведение антикоррупционной оценки, но не конкретизировано, какие именно измерения должны производиться. Поэтому основную функцию по правовой детализации мониторинговых мер в Республике Татарстан выполняют муниципально-правовые акты¹, в которых упоминаются и коррупциогенные факторы, и необходимость приобщения экспертов к их выявлению и анализу, а также обязательность проведения экспертных оценок над реализацией законодательства о противодействии коррупции.

Стоит признать, что смещение нормотворческой функции в области антикоррупционного мониторинга на муниципальный уровень позитивно воспринимается исследователями, специализирующимися на анализе коррупционных рисков [11, с. 217; 12, с. 85]. При этом в формально-юридической плоскости действующее федеральное и региональное законодательство не запрещают такой порядок перераспределения полномочий.

¹ См., например: О проведении антикоррупционного мониторинга мероприятий по противодействию коррупции в органах местного самоуправления Новошешминского муниципального района : постановление Главы муниципального образования «Новошешминский муниципальный район» от 30.12.2013 № 53 // Шешминская новь. 2014. 29 янв. (№ 6) ; Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Бавлинского муниципального района Республики Татарстан : постановление Главы муниципального образования «Бавлинский муниципальный район» от 25.06.2013 № 110 // Слава труду. 2013. 21 авг. (№ 63) ; О Порядке проведения антикоррупционного мониторинга на территории муниципального образования город Бугульма Бугульминского муниципального района : решение Бугульминского горсовета от 21.02.2013 № 5 // URL: <https://tatarstan-gov.ru/doc/61603> (дата обращения: 18.02.2024).

Если обратиться к законодательству другого субъекта Российской Федерации, предпринявшего попытку выработать специальные нормы об антикоррупционном мониторинге, то можно обнаружить, что в Псковской области мониторинговые меры сведены преимущественно к анализу уполномоченными органами информации, поступающей из определённых источников (п. 5 ч. 1 ст. 1)². Ограничение состава субъектов, наделённых правомочиями в области антикоррупционного мониторинга, соответствует теоретическим представлениям о содержании данного правового института, а также о возможностях административных инстанций по работе с большим массивом сведений, поступающих из средств массовой информации, из профильных правоохранительных и иных органов, а также от граждан и организаций.

В целом, указанный подход свойственен законодательству большинства субъектов Российской Федерации, что частично нарушает принципы, обозначенные федеральным законодательством об антикоррупционном мониторинге. Согласно последним участие в противодействии коррупции вправе принимать любые граждане и организации. Вместе с тем мониторинговые измерения предполагают наличие специальных знаний и навыков, что в терминологическом смысле предполагает определённое ограничение состава участников и выделение специальных полномочий на осуществление предусмотренных законодательством мер.

Собственная институциональная структура антикоррупционного мониторинга заложена в законодательстве Нижегородской области. В данном субъекте федерации, в отличие от многих других российских регионов, выработан специальный Порядок проведения мониторинговых измерений реального состояния коррупции³.

Несмотря на то обстоятельство, что большинство учёных рассматривают антикоррупционный мониторинг как постоянный непрерывный процесс [13, с. 68; 14, с. 33], в законодательстве Нижегородской области сформулирован лишь временный механизм осуществления мониторинговых мероприятий: не реже 1 раза за 1 календарный год.

Выводы

Сложившееся в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации понятие антикоррупционного мониторинга требует корректировки с учётом теоретических наработок в области противодействия

² О противодействии коррупции в органах государственной власти Псковской области и органах местного самоуправления : Закон Псковской области от 17.07.2008 № 784-оз (ред. от 05.12.2023) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/33908682/> (дата обращения: 18.02.2024).

³ Об утверждении Порядка проведения антикоррупционного мониторинга на территории Нижегородской области : постановление Правительства Нижегородской области от 23.09.2009 № 685 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/8514865/> (дата обращения: 18.02.2024).

коррупции. Данное определение нуждается в закреплении в нормах федерального законодательства с целью унификации региональных правовых норм в этом направлении. В частности, антикоррупционный мониторинг должен пониматься как система общих и специальных мер, призванных не только сформировать сведения о реальном состоянии коррупции, но и по итогам их профессионального анализа выработать комплекс инструментов, адаптирующих проводимую субъектами федерации антикоррупционную политику, в том числе при принятии, изменении и отмене законодательных норм, подзаконных норм, а также правоприменительных управленческих решений.

Заключение

Таким образом, выделенные в статье содержательные особенности антикоррупционного мониторинга

позволили типологизировать законодательство субъектов Российской Федерации по трём группам:

1) законодательство субъектов федерации, в которых антикоррупционный мониторинг не выделен в качестве самостоятельного механизма противодействия коррупции, поскольку его меры адаптированы под отдельные сферы (например, Республика Марий Эл, Новосибирская область, Красноярский край и др.);

2) законодательство субъектов Российской Федерации, в котором антикоррупционный мониторинг регламентирован фрагментарно (Республика Дагестан, Астраханская область, Тюменская область и др.);

3) законодательство субъектов Российской Федерации, в котором предприняты попытки по выработке собственной правовой трактовки антикоррупционного мониторинга (Республика Татарстан, Псковская область, Нижегородская область и др.).

Список источников

1. Черкасов К. В. Некоторые вопросы мониторинга правоприменения в современной России в контексте противодействия коррупции в сфере государственного управления // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 1. С. 203–207.
2. Дмитриева М. С. Коррупция и её предупреждение в сфере размещения и исполнения государственных заказов // Проблемы права. 2021. № 1 (80). С. 116–120.
3. Лахтина Т. А., Рамаева К. В. Правовые средства противодействия коррупции в финансовой сфере // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2019. № 19-1. С. 166–167.
4. Кочетова Е. М. Коррупция в сфере образования как социальная проблема // Ростовский научный журнал. 2019. № 1. С. 63–75.
5. Волженская Н. А. Коррупция в сфере здравоохранения // Вестник современных исследований. 2019. № 2.14 (29). С. 4–7.
6. Федоровская М. А. Уголовно-правовые, криминологические и организационные проблемы противодействия коррупции и должностным преступлениям : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 243 с.
7. Дамм И. А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 249 с.
8. Хамазина О. И. Правовые средства противодействия коррупции: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 200 с.
9. Сидоренко Э. Л. Мониторинг коррупции в России: первые итоги и перспективы // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 155–162.
10. Андрухина О. В. Антикоррупционный мониторинг как один из элементов противодействия коррупции в России // Евразийский юридический журнал. 2013. № 11 (66). С. 108–110.
11. Гафарова В. А. Опыт применения программно-целевого метода борьбы с коррупцией в Республике Татарстан // Экономика и социум. 2016. № 1 (20). С. 215–218.
12. Ахунов Д. Р. Пробелы противодействия коррупции, обусловленные современными условиями урбанизации (на примере Республики Татарстан) // Совершенствование деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции : сборник материалов Всероссийского круглого стола. 2019. С. 85–88.
13. Фещенко П. Н. Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 66–71.
14. Малышева Т. В. Антикоррупционный мониторинг в Республике Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. 2012. № 2. С. 30–36.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 21.02.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 26.03.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

Научная статья
УДК 343.98
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-130-133


С. 130–133

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Наиля Рашидовна Шевко¹, Марина Алексеевна Лукина²

^{1,2} *Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал, Казань, Россия*

¹ *mos_shev@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0003-1092-3389>

² *lukina_ma@mail.ru*

Аннотация. Современный этап развития общества характеризуется повсеместным внедрением современных телекоммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности людей. К сожалению, информационные технологии все чаще используются злоумышленниками в преступных целях. Причиной этому служат отличительные особенности виртуального пространства и технологий, применяемых для передачи и использования информации. В статье дается краткая характеристика состояния киберпреступности на современном этапе развития, а также выделены специфические особенности преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, обеспечивающих рост общего числа, а также высокого уровня латентности. Авторы уделяют особое внимание таким характеристикам киберпреступности, как трансграничность, анонимность преступника и высокая скорость распространения информации среди большого числа пользователей интернет-аудитории, способствующих использованию высоких технологий злоумышленниками, надеющимися скрыть следы преступлений и остаться незамеченными. Кроме того, дана краткая характеристика жертв киберпреступлений. Авторами выделены основные тенденции развития новых способов и методов их совершения, предложены меры по предупреждению роста числа преступлений в киберпространстве посредством информирования граждан, повышения уровня информационной и финансовой грамотности, международного сотрудничества по эффективному взаимодействию в целях обеспечения кибербезопасности.

Ключевые слова: киберпреступность, виртуальное пространство, киберпреступник, информационная безопасность, защита данных, трансграничность, интернет-пространство

Для цитирования: Шевко Н. Р., Лукина М. А. Киберпреступность: современное состояние и меры противодействия // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 130–133. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-130-133


Research article

CYBERCRIME: CURRENT STATUS AND COUNTERMEASURES

Nailya R. Shevko¹, Marina A. Lukina²

^{1,2} *Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russia*

¹ *mos_shev@mail.ru*

 <http://orcid.org/0000-0003-1092-3389>

² *lukina_ma@mail.ru*

Abstract. The current stage of development of society is characterized by the widespread introduction of modern telecommunication technologies into all spheres of people's lives. Unfortunately, information technologies are increasingly being used by attackers for criminal purposes. The reason for this is the distinctive features of virtual space and technologies used to transmit and use information. The article provides a brief description of the state of cybercrime at the current stage of development, and also highlights the specific features of crimes committed using information technology, which ensure an increase in the total number, as well as a high level of latency. The authors pay special attention to such characteristics of cybercrime as transborder nature, the anonymity of the criminal and the high speed of dissemination of information among a large number of Internet users, facilitating the use of high technologies by attackers hoping to hide traces of crimes and remain undetected. In addition, a brief description of victims of cybercrime is given. The authors have identified the main trends in the development of new ways and methods of committing them, and proposed measures to prevent the increase in the number of crimes in cyberspace by informing citizens, increasing the level of information and financial literacy, and international cooperation for effective interaction in order to ensure cybersecurity.

Keywords: cybercrime, virtual space, cybercriminal, information security, data protection, cross-border, Internet space

For citation: Shevko NR, Lukina MA. Cybercrime: current status and countermeasures. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):130-133. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-130-133 (In Russ.)

Введение

Развитие современных технологий привнесло в нашу жизнь и такие негативные явления, как киберпреступления. Киберпреступность — это преступность в виртуальном пространстве [1, с. 144]. Для совершения преступного деяния в киберпространстве современному преступнику в большинстве случаев не нужны специальные знания и навыки. Достаточно быть просто грамотным пользователем компьютерной техники, при необходимости уметь найти нужные инструкции в сети Интернет. Современные программные средства максимально удобны для пользователей. Даже дети, которые хоть раз пользовались каким-нибудь гаджетом, с легкостью осваивают новые приложения.

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-правового регулирования ответственности за преступления, совершенные с использованием информационных технологий, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических источников, статистический метод.

Описание исследования

Киберпреступления, в отличие от традиционных преступлений, обладают рядом отличительных особенностей [2, с. 84]. К таковым можно отнести такие особенности, как трансграничность, анонимность, охват большого числа пользователей, моментальное распространение информации и другие [3, с. 276].

Трансграничность. Киберпреступления — это один из немногих видов преступлений, которые можно совершить в одном месте, а вред нанести на противоположной стороне земного шара. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, не имеют границ, так как совершаются в виртуальном пространстве — едином для всех стран и народов, не имеющем осязаемых в привычном смысле границ территорий.

Анонимность. Эта особенность характеризуется сразу двумя составляющими. С одной стороны, злоумышленник может совершать свои противоправные действия анонимно, например, представившись вымышленным персонажем. Эта особенность в большинстве случаев чисто психологически, что называется, «развязывает руки» преступнику, создавая уверенность безнаказанности. С другой стороны, такие преступления, как правило, не требуют активных физических действий со стороны злоумышленника, создавая для него более комфортные условия без ощущения страха быть изобличенным или пойманным

«за руку». Даже в случае неудачной попытки он просто будет искать следующую жертву, не испытывая раскаяние или угрызения совести.

Моментальное распространение информации и охват многочисленной аудитории. Известно, что на начало 2024 года на Земле проживает около 8 млрд человек, почти 70 % из которых являются уникальными пользователями мобильных телефонов¹. При этом 66 % всех жителей планеты пользуются всемирной сетью Интернет (около 5,35 млрд человек). Кроме того, известно, что единицей скорости передачи информации является Мбит/с, то есть практически моментально можно распространить нужную информацию во всем мире среди 5 млрд пользователей. Даже если с ней ознакомятся не все пользователи сразу, число оповещенных за считанные секунды впечатляет. При этом затраты на передачу информации с мировой зоной покрытия минимальны и доступны практически любому пользователю.

В 2023 году МВД РФ выявило более 100 тыс. ИТ-преступников². Число ИТ-преступлений в России за 2023 год выросло на 29,7 % по сравнению с 2022-м. Доля преступлений, совершенных с использованием высоких технологий, в России последние годы держится на уровне 25 % от общего числа преступлений. Популярность телекоммуникационных технологий, социальных сетей при отсутствии адекватных средств защиты породила рост количества киберпреступлений.

Опираясь на исследования, проведенные нами ранее [4, с. 140], типичный современный киберпреступник — холостой мужчина чуть старше 30 лет со средним или средним профессиональным образованием, ранее не судим, проживающий в городе и в основном промышленный кибермошенничеством. Жертвы киберпреступников — это пользователи гаджетов, которые не заботятся о кибербезопасности. За последний год более 1/3 пользователей подверглись атакам злоумышленников (59 % из них зафиксировано в России)³. Опираясь на данные исследований аналитиков Центробанка России⁴, проведенного в 2023 году, среди респондентов 55,5 % пострадавших — это женщины

¹ Более 60 % человечества используют социальные сети // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/912624> (дата обращения: 10.04.2024).

² Число киберпреступлений в России // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России (дата обращения: 10.03.2024).

³ Жертвы телефонных мошенников // TAdviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Жертвы_телефонных_мошенников (дата обращения: 10.03.2024).

⁴ Центробанк составил обобщенный портрет жертвы кибермошенников // Digital Russia. URL: <https://d-russia.ru/centrobank-sostavil-obobshhjonnyj-portret-zhertvy-kiber-moshennikov.html> (дата обращения: 10.04.2024).

(в 2022 году мужчины чаще страдали от жертв мошенников). Самым популярным среди киберпреступников способом наладить контакт с жертвой остаются телефонные звонки (54 %). Аналитики также отметили существенный рост мошенничества с помощью мессенджеров, на долю которого приходится 22,5 % случаев (+10,5 %). В мессенджерах нет системы фильтрации подозрительных звонков, как в случае с сотовыми операторами или онлайн-банкингом. Злоумышленники могут подделать аккаунт интернет-магазина, банка, портала «Госуслуги». Киберпреступники обычно выдают себя за следователей, сотрудников организаций и ведомств. Иногда они обращаются к сотрудникам организаций от имени начальства. Чаще всего провернуть мошеннические схемы удается с гражданами, имеющими среднее образование (41,3 %) и средний уровень дохода (44,8 %). В подавляющем большинстве случаев (64,1 %) вымогателям удается выманить у жертвы до 20 тыс. рублей. В других ситуациях размер ущерба значительно выше. Так, 4,3 % граждан перевели злоумышленникам более 1 млн рублей. Примечательно, что о правилах безопасности вспоминают 86,2 % респондентов, пострадавших или столкнувшихся с мошенниками. 9,8 % забыли о них, а еще 4 % опрошенных вообще не знают о таких правилах. Признаком общения с киберпреступником является разговор о деньгах и ограничение времени на принятие решения.

В последнее время все чаще стали фиксироваться DDoS-атаки [5, с. 190], в том числе целевые. В целях противодействия им в Оренбурге на базе госуниверситета открылся центр Национального киберполигона, где моделируются потенциальные кибератаки, позволяя специалистам учиться и реально отрабатывать отражение атак.

Международный уровень противодействия киберпреступности закреплен Советом Европы в 2001 году подписанием Будапештской конвенции по киберпреступности. Российский законодатель старается оперативно реагировать на появление новых видов преступных деяний. Так, помимо главы 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», за последние годы не раз вносились изменения и дополнения в Уголовный кодекс (ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере

компьютерной информации», ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» и др.) [2, с. 282].

Важными в целях предотвращения роста числа киберпреступлений являются анализ методов и техник, используемых злоумышленниками в киберпространстве, и изучение их мотиваций, целей и стратегий. Немаловажным является и изучение уязвимостей информационных систем и сетей, анализ средств и методов защиты от кибератак, и разработку стратегий и политик для предотвращения и противодействия киберпреступности. Эффективными способами противодействия кибермошенничеству являются своевременное информирование потенциальных жертв (обычных граждан) посредством социальной рекламы, проведение разъяснительных бесед, а также повышение грамотности граждан, в первую очередь, информационной и финансовой.

Заключение и выводы

В настоящее время рост количества преступлений, совершенных в киберпространстве с использованием современных информационных технологий, угрозы информационной безопасности становятся все более серьезными и вызывают значительное беспокойство во всем мире. Все мировое сообщество находится под постоянным давлением. Чтобы обеспечить кибербезопасность, необходимо постоянное соблюдение правил защиты информации на всех уровнях, разработка стратегий для снижения рисков, повышение компьютерной и информационной грамотности сотрудников и граждан. Это поможет повысить уровень безопасности, сократить степень уязвимости и сохранить стабильность.

В целом, решение проблем кибербезопасности требует комплексного подхода и совместных усилий всех стран и компаний. Необходимо разрабатывать эффективные стратегии и программы, которые позволят обеспечить стабильное развитие экономики и защиту национальных интересов. Необходимо усиливать международное сотрудничество и координацию действий, чтобы обеспечить эффективную защиту интересов всех стран.

Список источников

1. Хоменко А. Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. 2021. Т. 8, № 2. С. 143–148.
2. Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1 (11). С. 83–88.
3. Шевко Н. Р. Мошенничество в киберпространстве: реальный ущерб в виртуальном мире // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 276–284.
4. Шевко Н. Р. Особенности киберпреступности: состояние и тенденции // Уголовная политика в условиях цифровой трансформации : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 27 апреля 2023 г.). Казань : Отечество, 2023. С. 135–141.
5. Ляпин А. Е. Новые угрозы кибербезопасности как следствие цифровизации в топливно-энергетическом комплексе // Цифровая трансформация промышленности: современные формы устойчивого развития : сборник научных трудов по материалам 4-й Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 09 ноября 2023 г.). Москва : Русайнс, 2023. С. 188–195.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 16.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.05.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.05.2024.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-134-140


С. 134–140

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОБОЕВ В СВЕТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОМУ НАСИЛИЮ

Шамиль Мурадович Шурпаев¹, Елена Вячеславовна Латышева²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ s.shurpaev@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3080-1418>

² egjohns@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0008-4402-5126>

Аннотация. Проводится анализ изменений российского уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за совершение побоев, с точки зрения их влияния на профилактику и противодействие семейно-бытовому насилию. Выявлена непоследовательность законодателя при принятии указанных изменений, которая является следствием отсутствия системности в законодательном регулировании противодействия семейно-бытовому насилию, недостаточным использованием потенциала криминологической науки в законодательном процессе.

Анализ статистических данных за 2016–2022 гг. позволил сделать вывод о росте латентности семейно-бытовой преступности вследствие декриминализации однократных побоев в отношении близких лиц, а также искусственной латентности истязаний (ч. 1 ст. 117 УК РФ).

По результатам анализа эмпирической базы авторы пришли к выводу о том, что совершению тяжкого насилия в семье предшествует причинение потерпевшим и осужденным побоев и нетяжкого вреда здоровью. Пресечение и профилактика побоев как преступления с двойной превенцией является необходимым условием эффективной борьбы с тяжкими последствиями насилия в семье. Предлагается вернуть криминализацию однократных побоев в отношении близких лиц, расширив данное понятие путем включения помимо родственников и свойственников иных близких лиц.

Ключевые слова: побои, семейно-бытовое насилие, близкие лица, судебная статистика, латентность преступлений, административная преюдиция, двойная превенция

Для цитирования: Шурпаев Ш. М., Латышева Е. В. Направления совершенствования законодательного регулирования побоев в свете противодействия семейно-бытовому насилию // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 134–140. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-134-140


Research article

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE LEGISLATIVE REGULATION OF BEATINGS IN THE LIGHT OF COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE


Shamil M. Shurpaev¹, Yelena V. Latysheva²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ s.shurpaev@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3080-1418>

² egjohns@mail.ru

 <https://orcid.org/0009-0008-4402-5126>

Abstract. The analysis of changes in the Russian criminal legislation establishing responsibility for the commission of beatings is carried out in terms of their impact on the prevention and counteraction of domestic violence. The inconsistency of the legislator in adopting these changes has been revealed, which is a consequence of the lack of consistency in the legislative regulation of countering domestic violence, insufficient use of the potential of criminological science in the legislative process.

The analysis of statistical data for 2016–2022 allowed us to conclude that the latency of family and domestic crime has increased due to the decriminalization of single beatings against loved ones, as well as the artificial latency of torture (Part 1 of Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Based on the results of the analysis of the empirical base, the authors concluded that the commission of serious domestic violence is preceded by the infliction of beatings and minor harm to the victims and convicts. The suppression and prevention of beatings as a crime with double prevention is a prerequisite for an effective fight against the grave consequences of domestic violence. It is proposed to return the criminalization of single beatings against close people, expanding this concept by including other close people in addition to relatives and relatives.

Keywords: beatings, domestic violence, loved ones, judicial statistics, crime latency, administrative prejudice, double prevention

For citation: Shurpaev ShM, Latysheva YeV. Directions for improving the legislative regulation of beatings in the light of countering domestic violence. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):134-140. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-134-140 (In Russ.)

Введение

Статьи 21 и 22 Конституции Российской Федерации гарантируют каждому право на свободу и личную неприкосновенность; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Часть 1 статьи 38 Основного закона провозглашает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

В целях реализации указанных положений Конституции Российской Федерации законодателем приняты и в настоящее время действуют Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы, Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Данные нормативные акты в числе задач по профилактике социального неблагополучия семьи, женщин и граждан старшего поколения предусматривают меры, направленные на профилактику преступлений против жизни и здоровья женщин, в том числе старшего возраста; развитие программ по работе с лицами, подвергающимися психологическому или физическому насилию членов своей семьи¹; совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере профилактики насилия в семье; развитие системы мониторинга проблемы насилия в отношении женщин, включая улучшение качества сбора статистических данных и их анализа².

Вместе с тем до настоящего времени не приняты нормативно-правовые акты, определяющие государственную политику по профилактике и противодействию семейно-бытовому насилию; отсутствует законодательство, дающее определение семейно-бытовому насилию, семейно-бытовой преступности и выделяющее конкретные преступления в данной сфере;

существующая система официального статистического учета состояния преступности не учитывает отдельно преступления, совершенные в семейно-бытовой сфере, что не позволяет объективно оценить масштабы совершаемого насилия в семье.

Описание исследования

Проявление насилия по отношению ко своим близким зачастую выражается в нанесении ударов по телу, синяков, ссадин, иных действий, причиняющих физическую боль, что законодателем отнесено к действиям объективной стороны ст. 116 и 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Именно эти противоправные действия, направленные на нарушение телесной неприкосновенности человека, в наибольшей степени характеризуют домашнее насилие.

Нормы российского уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за совершение побоев, являются динамичными. На протяжении всего существования уголовный состав побоев законодателем неоднократно подвергался существенным изменениям — по разным причинам субъектами законодательной инициативы вносились проекты об их полной и частичной декриминализации.

Анализ изменений, вносимых в рассматриваемый состав преступления, позволяет сделать вывод о непоследовательности законодателя в его урегулировании. Такое положение дел обусловлено отсутствием системности в законодательном регулировании противодействия семейно-бытовому насилию; недостаточным использованием потенциала криминологической науки в законотворческом процессе и иными причинами.

До принятия федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших причинение легкого вреда здоровью, было криминализовано вне зависимости от категории потерпевших и мотивов совершения преступления.

Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ в ст. 116 УК РФ введена часть 2, содержащая квалифицированный состав побоев — из хулиганских побуждений. Федеральным законом от 24.07.2007 № 211-ФЗ ч. 2 ст. 116 УК РФ дополнена криминализацией побоев по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или

¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

² Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 — 2030 годы: распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 477.

вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Радикальные изменения в ст. 116 УК РФ внесены федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ, который объединил первую и вторую части статьи, уголовное преследование побоев стало ограничено близким кругом лиц, который законодателем определен в примечании к статье, а также совершением побоев из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Для привлечения к уголовной ответственности за совершение побоев в отношении иных лиц и по иным мотивам уголовным законом введена ст. 116.1 УК РФ, устанавливающая административную преюдицию.

Также внесены изменения в ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: ст. 116 УК РФ из разряда дел частного обвинения перешла категорию дел частно-публичного обвинения. Уголовное преследование по ст. 116.1 УК РФ установлено в частном порядке.

Полагаем, что указанные изменения имели позитивный характер, поскольку способствовали защите прав потерпевших от насилия в семье.

Принятие поправок 2016 года в ст. 116 УК РФ сопровождалось широкой общественной и политической дискуссией, которая вскрыла противоречивое отношение общества к проблеме насилия в семье.

Законопроект¹ внесен в целях либерализации уголовного законодательства Верховным Судом Российской Федерации и в первоначальной редакции предполагал полную декриминализацию побоев, совершенных впервые. По мнению субъекта законодательной инициативы, побои не обладают достаточной степенью общественной опасности, их декриминализация позволит разгрузить суды и следственные органы для расследования и рассмотрения более опасных преступлений.

Данная позиция субъекта законодательной инициативы вызвала бурное обсуждение в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, большая часть депутатов, Правительство Российской Федерации не согласились с позицией Верховного Суда Российской Федерации.

Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству высказался против полной декриминализации побоев, поскольку они совершаются с умышленной формой вины, с прямым умыслом, что свидетельствует о повышенной степени общественной опасности личности, совершившей такие преступления. По мнению

¹ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за побои) : законопроект № 26265-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/26265-7> (дата обращения: 21.02.2024).

комитета, декриминализация преступлений против жизни и здоровья заслуживает дальнейшего обсуждения, учитывая уровень бытового и домашнего насилия, а также то, что ст. 116 УК РФ выполняет превентивную функцию.

В этой связи указанный комитет предложил свои поправки к ст. 116 УК РФ о криминализации совершения побоев в отношении близких лиц. Этими же поправками предлагалось ввести примечание к ст. 116 УК РФ, обозначающий круг близких лиц². Данная редакция законопроекта и была принята в окончательном чтении.

Однако новая редакция ст. 116 УК РФ действовала всего чуть больше полугода, когда федеральным законом от 07.02.2017 № 8-ФЗ в ст. 116 УК РФ был декриминализован признак «в отношении близких лиц», а совершение побоев впервые в отношении членов семьи переведено в разряд административных правонарушений.

Характерно, что законопроект с вышеуказанными изменениями, внесенный группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, не содержал криминологического и иного обоснования необходимости декриминализации побоев в отношении близких лиц.

Во втором чтении некоторыми депутатами предлагались поправки к законопроекту, устанавливающие уголовную ответственность за совершение побоев в отношении несовершеннолетних, беременных женщин, лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии (депутаты Ю. П. Синельников, Т. В. Плетнева), в отношении несовершеннолетних и женщин (депутат О. В. Пушкина), однако они были отклонены при рассмотрении законопроекта во втором чтении³.

Среди ученых уголовно-криминологического блока не утихают споры относительно криминализации и последующей декриминализации побоев в отношении близких лиц, а также последствий, которые повлекли данные изменения уголовного законодательства.

Нельзя не согласиться с позицией В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова, согласно которой декриминализация конкретных преступлений должна сопровождаться привлечением соответствующих специалистов криминологического, криминалистического, уголовно-процессуального, уголовно-правового профиля, адвокатов, указанный процесс не может носить эпизодический

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : законопроект № 953369-6 // СОЗД ГАС «Законотворчество» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (дата обращения: 21.02.2024).

³ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за побои) : законопроект № 26265-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/26265-7> (дата обращения: 21.02.2024).

характер. Предложения по декриминализации конкретных статей УК РФ должны формироваться на основе постоянного научно-практического, социально-правового мониторинга действующего законодательства [1, с. 106].

Соглашаясь с данной позицией, стоит отметить, что изменения в ст. 116 УК РФ вносились без достаточно-го криминологического и иного обоснования. Обоснование декриминализации побоев снижением нагрузки на следственно-судебные органы вряд ли можно считать достаточным, оно также не соответствует задачам российского уголовного законодательства, в том числе принципу справедливости уголовного наказания.

Вместе с тем общественная опасность побоев в отношении близких лиц на момент их декриминализации была подтверждена криминологическими исследованиями.

Так, проведенный П. А. Матушкиным криминологический анализ побоев и истязаний за период 2006–2016 гг. показал, что им принадлежит достаточно устойчивая доля в структуре как насильственной преступности (свыше 30 %), так и всей преступности в стране (около 4 %), они имеют тенденцию к снижению (–29 %) и отличаются высоким уровнем латентности. Большинство таких преступлений (87,1 %) совершается в местах проживания граждан, связанных с их семейно-бытовой деятельностью (в доме, квартире, даче); 45,1 % потерпевших от таких преступлений — супруги или сожители виновных; 20,6 % — их дети, с которыми они состояли в длительном конфликте [2, с. 18].

А. П. Дмитренко и С. Н. Сарницкий, проведя анализ статистических данных с 2002 по 2016 гг. о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 116 УК РФ в редакции до 2016 года, а также данных социологических опросов, делают вывод о том, что проведенная частичная декриминализация побоев не являлась социально обусловленной [3, с. 46–47].

Среди ученых, поддержавших декриминализацию побоев, выдвигались аргументы, согласно которым рассмотрение материалов об административных правонарушениях носит более оперативный характер, чем расследование уголовных дел, следовательно, к ответственности будет привлекаться больше правонарушителей; декриминализация побоев может обеспечить реальную защиту жертв домашнего насилия из-за того, что в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении потерпевший не имеет процессуальной возможности примириться с правонарушителем [4, с. 161]. Отдельные ученые считали, что установление административной ответственности за однократное причинение физической боли позволит понизить степень латентности побоев и своевременно выявить лиц, склонных к бытовому насилию [5, с. 134].

Некоторые исследователи, опираясь на данные официальной статистики, считают, что декриминализация побоев и введение административной преюдиции за однократное нанесение побоев возымели превентивный эффект, поскольку административные

нарушения легче фиксировать, и это помогло получить реальную картину насилия в стране [6, с. 34].

Другие авторы полагают, что данный вывод является поспешным, поскольку деяния, предусмотренные ст. 116.1 УК РФ обладают высокой латентностью, в том числе из-за того, что предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ основное наказание в виде штрафа наносит финансовую брешь в семейном бюджете [7, с. 270].

Анализ данных официальной статистики позволяет прийти к тому, что со времени декриминализации однократных побоев, в том числе в отношении близких лиц, число привлеченных к административной ответственности за данные деяния многократно превышает число лиц, привлеченных к уголовной ответственности до соответствующих редакций ст. 116 УК РФ. Вместе с тем число лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 116.1 УК РФ за повторное нанесение побоев при условии административной преюдиции, относительно числа привлеченных за однократные побои к административной ответственности также является ничтожно малым.

Согласно судебной статистике за 2016 год (до декриминализации однократных побоев и побоев в отношении близких лиц) по ч. 1 ст. 116 УК РФ осуждено 17 838 лиц, оправдано 1152 лица, в отношении 8126 лиц уголовные дела прекращены за отсутствием состава, события преступления, непричастностью к преступлению по основной статье, в отношении 8819 лиц уголовные дела прекращены по иным основаниям, в отношении 246 лиц применены принудительные меры медицинского характера¹.

Ниже проанализированы статистические данные рассмотрения судами дел об административных правонарушениях по ст. 6.1.1 КоАП РФ, а также уголовных дел по ст. 116.1 УК РФ за 2017–2022 годы (таблицы 1 и 2).

Стоит отметить, что после установления административной преюдиции как условия для привлечения к уголовной ответственности за совершение побоев число осужденных за истязание по ч. 1 ст. 117 УК РФ за период с 2016 по 2022 год снизилось на 70,2 % (данные рассмотрения судами уголовных дел приведены в таблице 3).

Таким образом, изменения 2016–2017 гг. в ст. 116 УК РФ повлекли за собой и искусственную латентность истязаний, «ломающая» признак системности в составе истязаний [7, с. 271]. Систематическое нанесение побоев осталось вне поля зрения правоохранителей, лишая потерпевших возможности защищаться от причинения физических и психических страданий.

Данные общественных организаций дополняют криминологическую картину побоев и подтверждают высокую латентность семейно-бытовой преступности.

¹ Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2016 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://cdep.ru/i№dex.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 11.03.2024).

Таблица 1 — Результаты рассмотрения судами дел об административных правонарушениях по ст. 6.1.1 КоАП РФ за 2017–2022 годы¹

Год	Всего рассмотрено дел	Подвергнуты наказанию, лиц
2017	160 926	113 437
2018	176 632	120 815
2019	179 394	118 071
2020	172 403	107 948
2021	176 170	109 803
2022	170 611	108 420

Таблица 2 — Результаты рассмотрения судами уголовных дел по ст. 116.1 УК РФ за 2017–2022 годы²

Год	Осуждено лиц	Оправдано лиц	Уголовные дела прекращены в отношении лиц	Признаны невменяемыми, лиц
2017	296	2	371	7
2018	922	11	1013	12
2019	1386	10	1395	12
2020	1629	22	1725	17
2021	1809	22	1805	10
2022	1919	9	1839	12

Таблица 3 — Динамика привлечения лиц к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 117 УК РФ за 2016–2022 годы³

Год	Осуждено лиц	Темпы прироста (убыли), в % к предыдущему году
2016	2131	-
2017	1226	-42,5
2018	1188	-3,7
2019	1082	-8,4
2020	931	-14
2021	740	-20,5
2022	634	-14,3

Примечание: таблицы составлены авторами на основе данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации

Согласно отчету о деятельности Консорциума женских неправительственных объединений за 2017 год, общественной организации, которая защищает права женщин по всей России, основной проблемой при реализации права на судебную защиту от домашнего

насилия стала декриминализация побоев в отношении близких лиц, поскольку дела об административных правонарушениях имеют целый ряд юридических

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017–2022 гг. // Судебный департамент при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.03.2024).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2022 гг. // Судебный департамент при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.03.2024).

³ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2022 гг. // Судебный департамент при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.03.2024).

недостатков — ограничены права потерпевших, а также возможности административного расследования. Все это привело к тому, что защитить права пострадавших от побоев стало еще сложнее¹. Отчеты указанной организации за последующие годы подтверждают наличие данной проблемы.

Полагаем, что одной из причин незначительного возбуждения уголовных дел по ст. 116.1 УК РФ за повторные акты нанесения побоев является то, что оно отнесено к категории дел частного обвинения. Необходимость самостоятельного обращения в суд потерпевшими, которые, в основном, являются женщинами и лицами, находящимися в зависимом положении от нарушителя, не обладающими юридическими знаниями, материальной возможностью обратиться за квалифицированной помощью, зачастую проживающими в одном жилом помещении с агрессором, затрудняет защиту жертв насилия.

В большинстве случаев (например, в 2022 году 94 469 из 108 420 подвергнутых наказанию, или 87 %²) нарушители подвергнуты наказанию в виде административного штрафа, что естественным образом негативно сказывается на семейном благополучии потерпевших и их семей, демотивирует жертв насилия повторно обращаться для защиты в органы власти.

Законодательством об административных правонарушениях не предусмотрено каких-либо обеспечительных мер, направленных на защиту жертв насилия в ходе административного разбирательства. Даже в случае привлечения нарушителя к административной ответственности жертва не имеет права требовать компенсации в рамках того же разбирательства, для этого необходимо возбудить отдельное гражданское разбирательство, что требует дополнительного времени и ресурсов. Такое положение вещей позволяет нарушителю чувствовать себя безнаказанным, создает ощущение незначительности совершенного деяния и приводит к его повторному совершению.

Кроме того, уместно упомянуть об одном из фундаментальных положений криминологической науки о том, что своевременное и последовательное пресечение нетяжких преступлений эффективно предупреждает совершение тяжких, и наоборот [8, с. 23].

Статья 116 УК РФ традиционно являлась нормой с двойной превенцией, значимой для предупреждения тяжких преступлений против жизни и здоровья человека. При наличии судимости за совершение преступления даже небольшой тяжести лицо попадает в поле

зрения органов профилактики правонарушений, тогда как при привлечении лица к административной ответственности этого не происходит. Наличие судимости является тем негативным последствием, под угрозой наступления которого государство воздействует на личность, защищая при этом права потерпевших.

В этой связи показательными являются исследования, проведенные Консорциумом женских неправительственных объединений с помощью специальной программы «Алгоритм Света». Стоит отметить значительный эмпирический охват исследования: в его рамках обработаны опубликованные на портале государственной автоматизированной системы «Правосудие» и сайте Мосгорсуда 81 136 приговоров по ст. 105, 107 и ч. 4 ст. 111 УК РФ с 2011 по 2019 годы и установлено, что за это время 12 209 из 18 547 пострадавших женщин погибли от рук партнера или родственника, более 65,8 % убитых женщин были жертвами домашнего насилия³.

В другом исследовании некоммерческой организацией изучено 156 509 приговоров за период с 2011 по 2022 год по делам о причинении тяжкого вреда здоровью по чч. 1–3 ст. 111 УК РФ, из них 91 852 приговора вынесены в особом порядке, 64 657 приговоров приняты в общем порядке, которые и стали предметом анализа ввиду наличия информации для целей исследования.

Из всех изученных приговоров, постановленных в общем порядке, 14 943 вынесены за насилие в отношении женщин (23 %), 43 % случаев обладали признаками партнерского или семейного насилия, 82 % из этих преступлений совершены именно партнером. 79 % женщин, применивших насилие к мужчинам, заявляли о том, что они защищались (проанализировано 9635 таких приговоров). При этом в 43 % таких случаев суд признал поведение потерпевшего противоправным, а в 16 % — аморальным⁴.

Заключение

Исходя из данных, приведенных в указанных выше исследованиях, полагаем, что совершению тяжкого насилия в семье предшествует причинение побоев и нетяжкого вреда здоровью, как потерпевшим, так и осужденным женщинам, однако данные факты остаются либо вне поля зрения правоохранителей, либо государственное воздействие является недостаточным, чтобы предотвратить совершение более тяжких преступлений. Пресечение и профилактика побоев как преступления с двойной превенцией является необходимым условием эффективной борьбы с тяжкими последствиями насилия в семье.

Подводя итог вышесказанному, полагаем целесообразным вернуть криминализацию однократных побоев в отношении близких лиц, как это было до редакции

¹ Отчет о деятельности Консорциума женских неправительственных объединений за период с 01.01.2017 по 31.12.2017 гг. // Консорциум женских неправительственных объединений : [сайт]. URL: <https://wcons.net/wp-content/uploads/2019/01/Отчет-о-деятельности-Консорциума-за-2017-г.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2022 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/i№dex.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 11.03.2024).

³ Алгоритм Света : [сайт]. URL: <https://readymag.website/algorithmsveta/algorithmsveta/> (дата обращения: 11.03.2024).

⁴ Домашнее насилие. Невыгодная сделка. Особый порядок // Алгоритм Света : [сайт]. URL: <https://readymag.website/algorithmsveta/justice/> (дата обращения: 11.03.2024).

ст. 116 УК РФ федеральным законом от 07.02.2017 № 8-ФЗ, включив в это понятие помимо близких родственников, родственников и свойственников, также иных близких лиц — сожителей, сексуальных партнеров, в том числе бывших, а также лиц, прекративших семейные отношения и отношения свойства.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 103–107.
2. Матушкин П. А. Предупреждение побоев и истязаний : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Матушкин Павел Анатольевич. Саратов, 2017. 30 с.
3. Дмитренко А. П., Сарницкий С. Н. О социальной обусловленности частичной декриминализации побоев // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2017. № 2. С. 40–49. EDN: ZTPRCV.
4. Крюков К. Г., Сабанин С. Н. Декриминализация побоев: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2. С. 160–166.
5. Эргашева З. Э. К вопросу о декриминализации побоев // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 132–135.
6. Потетин В. А., Лебедева А. В. Ответственность за нанесение семейных побоев в российском и зарубежном законодательстве: историко-правовой и сравнительный анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2018. № 2. С. 30–35.
7. Питулько К. В., Сергеева А. А. Оценка эффективности установления административной преюдиции в составе побоев // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 269–271. EDN: IBTLDA.
8. Скобликов П. Ближе к гуманности, дальше от справедливости? Судебное ведомство выступило с инициативой декриминализации мелких хищений и побоев // Юрист спешит на помощь. 2015. № 10. С. 23–26.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.03.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Наталья Николаевна Гончарова

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия
goncharova-nnn@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7682-4442>

Аннотация. Автор анализирует понятие «международное воздушное преступление», актуализирует вопрос об острой необходимости формирования нормативного определения понятий «транспортные преступления», «преступления на воздушном транспорте», «воздушные преступления», «международные воздушные преступления» и некоторых других. В ходе работы были проанализированы научные представления о транспортных преступлениях, международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией и внутреннее право Российской Федерации, включая Воздушный кодекс и другие нормативно-правовые акты в целях формирования правового фундамента обеспечения воздушной безопасности с учетом Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года. В целях постановки проблематики автором обозначены перспективные для научного исследования классификации международных воздушных преступлений, включая преступления, где воздушный транспорт рассматривается в качестве объекта, средства и места совершения преступления. Фактически представлены в историческом ракурсе тенденции развития научного анализа базовых понятий и признаков транспортных и воздушных преступлений. В итоге автор, подведя итоги о современном состоянии правового регулирования международных воздушных преступлений и перспективы развития системы норм, дает толчок конкретизации института воздушной безопасности, отрасли международного воздушного права и воздушного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: международное воздушное преступление, воздушное преступление, преступление на воздушном транспорте, транспортное преступление, воздушное право, воздушная безопасность, безопасность полетов


Для цитирования: Гончарова Н. Н. Международное воздушное преступление: актуализация понятия // Правовый журнал: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 141–147. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-141-147

Research article

INTERNATIONAL AIR CRIME: ACTUALIZATION OF THE CONCEPT

Natalya N. Goncharova

Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova, Kazan, Russia
goncharova-nnn@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7682-4442>

Abstract. The author analyzes the concept of “international air crime”, updates the issue of the urgent need to formulate a normative definition of the concepts of “transport crimes”, “crimes in air transport”, “air crimes”, “international air crimes” and some others. In the course of the work, scientific ideas about transport crimes, international treaties ratified by the Russian Federation and the internal law of the Russian Federation, including the Air Code and other regulations were analyzed in order to form the legal foundation for ensuring air security, taking into account the Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 of the year. In order to pose the problem, the author has identified classifications of international air crimes that are promising for scientific research, including crimes where air transport is considered as an object, means and place of commission of a crime. In fact, trends in the development of scientific analysis of basic concepts and characteristics of transport and air crimes are presented from a historical perspective. As a result, the author, summing up the current state of legal regulation of international air crimes and the prospects for the development of a system of norms, gives impetus to the specification of the institution of air safety, the branch of international air law and air legislation of the Russian Federation.

Keywords: international air crime, air crime, air transport crime, transport crime, air law, air safety, flight safety

For citation: Goncharova NN. International air crime: actualization of the concept. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):141-147. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-141-147 (In Russ.)

Введение

Указом Президента Российской Федерации 7 мая 2024 г. обозначены цели развития до 2036 г.¹, одной из которой является создание безопасной среды для жизни. Институт преступлений, совершаемых на воздушном транспорте, является одним из основных в сфере воздушной безопасности. По данным Международной ассоциации воздушного транспорта от февраля 2023 г. «уровень авиаперевозок в 2022 г. достиг 68,5 % от уровня, который бы зафиксирован до пандемии Covid-19»², а общемировой спрос в течение всего 2024 г. по данным ИКАО на 27 февраля 2024 г. будет ниже на 2 % уровня 2019 г. в силу сложной экономической ситуации³. Политические и экономические условия, развитие беспилотной авиа индустрии приводит к появлению риска увеличения совокупного количества преступлений, совершаемых на воздушном транспорте.

Преступления, оказывающие влияние на безопасность транспорта, в частности воздушного транспорта, являются одной из составных частей формирования неблагоприятной экономической и социальной среды государства. Отметим, что Генеральный план обеспечения безопасности полетов Международной организации гражданской авиации закрепил стремление к цели по достижению нулевой смертности в авиационных происшествиях к 2030 г.⁴

Материалы и методы

В статье использованы международные договоры, регулирующие вопросы международной воздушной безопасности, а также международных воздушных преступлений, нормативно-правовые акты, по вопросам использования, эксплуатации воздушного транспорта и уголовным преступлениям, связанным с воздушным транспортом, информация из общедоступных источников, результатов проведенных ранее исследований. В качестве методов были использованы: формально-юридический, анализа, систематизации.

Результаты и их обсуждение

Исследуя правовую доктрину и действующее право, становится понятно, что единого определения

понятию «транспортные преступления» на данный момент нет. Одной из первых попыток раскрытия и внедрения данного понятия является определение Н. С. Алексеева: «транспортное преступление — это деяние, которое ведет за собой общественную опасность и покушается на функционирование транспортного средства» [1, с. 24].

Указанное понятие не получило должного признания и одобрительного отношения. По поводу данного предложения высказывались несколько оценочных мнений, которые заключались в следующем:

1) в определении не указано конкретных признаков, которые характерны для транспортного преступления;

2) в определении рассматривается только покушение на функционирование транспортного средства;

3) в определении не акцентируется внимание на возможных последствиях. Данное обстоятельство вызывает некоторые проблемы при отграничении транспортных преступлений от других преступных деяний, которые реализуются на транспорте;

4) не указана угроза причинения ущерба.

Еще одно определение ранее было дано Б. А. Куриновым: «транспортные преступления характеризуются общественно опасными, противоправными, виновными и наказуемыми действиями, которые подрывают и наносят вред функционированию работы и безопасности движения» [7, с. 12].

Транспортные преступления являются предметом диссертационного исследования А. И. Чучаева, в котором была сделана попытка выявления сущности данного вида преступлений, и дано определение: «под транспортными преступлениями следует понимать виновное противоправное деяние, которое имеет своей целью посягнуть на безопасное движение или на эксплуатацию транспортного средства, а также может причинить или причиняет общественно опасные последствия, предусмотренное уголовным законом» [10, с. 224].

А. И. Чучаев пришел к выводу, что рассматриваемые преступления являются результатом взаимодействия человека с транспортом. Также им было предложено произвести объединение транспортных преступлений в одну систему и главу уголовного закона.

Проведя анализ сущности транспортных преступлений, А. В. Борисов сослался в своей работе на А. И. Коробеева, который излагал свое видение о данных преступлениях [6]. По его мнению, основной составляющей рассматриваемых преступлений следует считать ориентированность на посягательство на общественные отношения в контексте безопасности действия транспорта [2, с. 49]. Исходя из этого, была раскрыта и сформулирована сущность транспортных преступлений, которая звучит как виновные общественно опасные деяния, предусмотренные уголовной

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2024 года № 309 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1717715/> (дата обращения: 08.05.2024).

² IATA's Annual Review [Ежегодный обзор ИАТА] // IATA : [сайт]. URL: <https://www.iata.org/en/publications/annual-review/> (дата обращения: 08.05.2024).

³ Объемы пассажирских авиаперевозок превысили допандемийный уровень // ИКАО : [сайт]. URL: <https://www.icao.int/Newsroom/Pages/RU/Passenger-air-traffic-surpasses-pre-pandemic-levels.aspx> (дата обращения: 08.05.2024).

⁴ Дос 10004. Глобальный план обеспечения безопасности полетов. 2023–2025. URL: https://www.icao.int/safety/GASP/Documents/10004_ru.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

нормой, посягающие на безопасное функционирование транспорта.

Если сравнивать предложенные понятия Н. С. Алексеева [1] и А. И. Коробеева [6], то последнее представление о сущности транспортных преступлениях нашло более положительную оценку:

1) содержит в себе важнейшие особенности (признаки);

2) включает термин «безопасное функционирование транспорта».

А. Ю. Пожарский также проанализировал признаки транспортных преступлений, по его мнению, «транспортные преступления характеризуются общественно опасным виновным деянием, которое совершается при взаимодействии человека с транспортом, например, если появляется риск угрозы безаварийной работе транспортного средства или иная ситуация, когда ответственное лицо не выполнило возложенные на него обязанности» [9, с. 14]. Принципиально выделение в качестве признака наличия последствий в виде появления вреда безопасности движения и использования транспортного средства в условиях несоблюдения безопасности.

В силу существующей проблемы функционирования определения понятию «транспортные преступления» хотим пойти дальше и актуализировать проблему необходимого закрепления определения понятия «преступления в сфере воздушного транспорта».

В своей работе «Преступления в области воздушного транспорта» [8] П. И. Люблинский в 1930 г. рассматривает эту группу преступлений, включая в их число повреждение летательных аппаратов, создание помех свободному передвижению, возведение строек на территории или близ места расположения аэродромов и другие, например, нарушение правил устройства аэродромов, эксплуатации, нарушение правил передвижения.

Как же мы квалифицируем «воздушный транспорт»? Анализ Чикагской конвенции 1944 г.¹ и Пекинской конвенции 2010 г.² позволяет говорить о том, что воздушный транспорт делится на гражданские воздушные суда и государственные, используемые на военной, таможенной и полицейской службах, а в ст. 8 Чикагской конвенции исключаются беспилотные полеты в районах, открытых для гражданских полетов, кроме как по специальному разрешению и вне угрозы гражданским судам.

Понятие «воздушное судно» раскрывается и в ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации (далее — ВК РФ): «летательный аппарат, поддерживаемый

в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли и воды»³, а воздушные суда классифицируются по весу — легкие и сверхлегкие, по методам управления — пилотируемые, управляемые пилотом на борту и беспилотные, управляемые вне борта судна. Воздушные суда имеют свою национальность. По общему правилу национальность определяется правом государства регистрации судна. Также в 1967 г. Совет ИКАО признал, что государства могут произвести совместную регистрацию воздушного судна, международную регистрацию.

28 июня 2022 г. в Монреале прошла 226-я сессия Совета ИКАО Совет отметил, что «двойная регистрация вызывает у них опасения, связанные с безопасностью полетов. Аргументируя свои опасения, ИКАО разъяснил, что появляются проблемы с международной действительностью сертификата летной годности и разрешения на радиостанцию, которое выдается каждому воздушному судну»⁴.

В ст. 20 Конвенции о международной гражданской авиации закреплено, что «каждое воздушное судно, занятое в международной воздушной навигации, должно нести на себе свои соответствующие национальный и регистрационный знаки»⁵. Национальность воздушного судна выступает гарантом того, что никакое воздушное судно не сможет уклониться от ответственности государственного характера.

По мнению А. С. Конюховой, «в международном воздушном праве существуют два направления определения национальности воздушного судна: в силу его регистрации и эксплуатации» [5, с. 93].

В п. 1.1. ст. 33 ВК РФ закреплено, что воздушное судно подлежит государственной регистрации, которую производят в Государственном реестре гражданских воздушных судов РФ. Регистрация воздушного судна подтверждается свидетельством государственной регистрации. Также регистрация может быть осуществлена в Реестре гражданских воздушных судов иностранного государства, но в данном случае должно быть заключено соглашение о поддержании летной годности между РФ и государственной регистрацией.

Федеральный закон «О государственном регулировании развития авиации» термин «летательный аппарат» определяет как «самолеты, вертолеты, авиационные, авиационно-космические ракеты, аэростаты, дирижабли, планеры, автожиры, дельтапланы

³ Воздушный кодекс Российской Федерации : от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102046246&rdk=> (дата обращения: 08.05.2024).

⁴ Совет ИКАО рассмотрел вопрос о двойной регистрации коммерческих воздушных судов Российской Федерацией // ИКАО : [сайт]. URL: <https://www.icao.int/Newsroom/Pages/RU/ICAO-Council-reviews-dual-registration-of-commercial-aircraft-by-Russian-Federation.aspx> (дата обращения: 08.05.2024).

⁵ Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 года).

¹ Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 года) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540490/> (дата обращения: 08.05.2024).

² Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (Пекин, 10 сентября 2010 года) // ООН : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_convention.shtml (дата обращения: 08.05.2024).

и другие»¹. При этом делит летательные аппараты на военные, специальные, гражданские и экспериментальные.

Воздушный транспорт следует рассматривать в разных правовых плоскостях в качестве средства, места и объекта преступления.

Регулирование таких категорий преступлений требует соблюдения как национальных, так и международных правовых норм и обязательств. Разработка эффективных механизмов пресечения и наказания таких преступлений является важным аспектом обеспечения безопасности воздушного транспорта и защиты прав пассажиров и работников авиакомпаний.

На данный момент не проводится фундаментальных исследований по общей видовой характеристике преступлений в сфере воздушного транспорта. В связи с этим будем отталкиваться от положений конвенций ИКАО:

1. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, заключенная в Токио в 1963 г.², квалифицирует деяния, ставящие под угрозу безопасность воздушных судов и лиц, находящихся на его борту, а также имущество;

2. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, заключенная в Гааге в 1970 г.³, закрепляет такой состав преступления, как незаконный захват воздушного судна;

3. Протокол, дополняющий Гаагскую конвенцию о борьбе с захватом воздушных судов, вступивший в силу в 2018 г., дополнивший Конвенцию «захватом воздушного судна», находящегося в эксплуатации, или осуществляющим над ним контроль путем насилия, или угрозы применения насилия, или другой формы запугивания, или с помощью любых технических средств, а значит управляемых дистанционно;

4. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, заключенная в Монреале в 1971 г., включает: насилие в отношении лица, находящегося на воздушном судне в полете; разрушение и причинение вреда воздушному судну, приведшему выход из строя судна; совершение действий, которые характеризуются помещением на воздушное судно устройства или вещества, приводящего к разрушению и повреждению судна; информирование заведомо ложных сведений, которые создают угрозу безопасности воздушного судна в полете и другие.

5. Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации,

заключенная в Пекине в 2010 г., имеющая преимущественную силу перед Монреальскими договорами, включает следующие деяния сверх закреплённых в Конвенции 1971 г.: использование воздушного судна с целью причинить смерть, увечье, ущерб имуществу, окружающей среде; выброс с борта судна вещества, причиняющие или могущие причинить смерть, телесные повреждения, ущерб имуществу или окружающей среде; перевозка на судне оружия в перечисленных целях.

Перечисленные конвенции регулируют отношения, связанные с воздушными судами в полете с момента закрытия всех внешних дверей после погрузки и до момента открытия любой из дверей для выгрузки.

Международные договоры, такие как Чикагская конвенция 1944 г., Токийская конвенция 1963 г., Протокол Монреальской конвенции 1988 г. определяют основания ответственности государств за преступления, совершаемых на воздушном транспорте [6]. В ст. 4 Пекинской конвенции предусмотрена возможность привлечения государствами-участниками виновных в совершении преступлений, подпадающими под эту категорию согласно положениям договора к уголовной, гражданской или административной ответственности.

В Российской Федерации ответственность за преступления, совершаемые на воздушном транспорте, определяется Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ)⁴, а Воздушный кодекс РФ устанавливает правовые основы использования воздушного пространства России и деятельности в области авиации. В указанную группу входят ст. 205 и 211 УК РФ.

Например, одним из наиболее опасных преступлений данной категории является террористический акт (ст. 205 УК РФ). Под ним понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, которые устрашают население и создают опасность гибели человека, причиняет значительный имущественный ущерб либо иных тяжких последствий. Главная цель данного деяния — дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействие на принятие ими решений, либо угроза их совершения.

Политика терроризма на протяжении многих лет является актуальной проблемой современности. Терроризм распространен во многих государствах и во всем мире и продолжает наносить удар по безопасности гражданской авиации и общества в целом. У некоторых людей отсутствует четкое понимание того, что представляет собой терроризм. Одни считают, что это лица участвующие в борьбе за справедливость и свободу, другие думают, что это лица, участвующие в осуществлении террористической деятельности.

Наиболее опасным и устрашающим явлением является воздушный терроризм [3]. Терроризм характеризуется определенным актом, который подразумевает

¹ О государственном регулировании развития авиации : Федеральный закон от 8 января 1998 года № 10-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/175962/> (дата обращения: 08.05.24).

² Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 14 сентября 1963 года) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10500007/> (дата обращения: 08.05.24).

³ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 года) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2540347/> (дата обращения: 08.05.24).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 08.05.2024).

под собой определенное противоправное деяние, цель которого — повлиять на политическую систему государства, надавить на государственные органы, которые санкционируют определенные государственно-властные функции, выражающие в виде принятия какого-либо решения или нормативно-правового акта [11]. По нашему мнению, террористическая деятельность отличается неким имморализмом, безнравственностью, в частности, потому что жертвы таких преступлений даже не рассматриваются в контексте главной цели террористической деятельности.

Как показывает статистика, воздушное судно является наиболее безопасным транспортом в сфере передвижения, но в то же время он является наиболее уязвимым в плане нападения.

Безопасность воздушного транспорта и недопущение воздушного терроризма в данное время приобрело мировое значение. Государства ориентированы на принятие специальных мер, направленных на предотвращение террористических актов. Данные меры заключаются в том, чтобы создать жесткий контроль за проникновением на территорию аэропорта подозрительных и посторонних лиц, а также транспортных средств.

Ст. 211 УК РФ предусматривает ответственность за угон воздушного судна или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона. Угон воздушного судна может быть опасен не только для пассажиров и экипажа на борту, но и для безопасности воздушного трафика в целом.

Еще одним примером преступления, совершаемого на борту воздушного судна, является незаконное вмешательство в работу системы управления воздушным судном. Это может быть сделано путем использования электронных устройств, таких как смартфоны или ноутбуки, для взлома бортовой системы управления, что может привести к аварии или катастрофе воздушного судна. Такие преступления подпадают под действие правил международного договора о борьбе с незаконными актами против безопасности гражданской авиации 1971 г., а также ст. 83 ВК РФ «авиационная безопасность».

В связи с этим акцентируем внимание на том, что Воздушный кодекс РФ не определяет перечень противоправных деяний, свидетельствующих о незаконном вмешательстве в деятельность гражданской авиации, что может способствовать качественному и единому регулированию исследуемой сферы.

Ряд статей Уголовного кодекса направлены на привлечение к ответственности за нарушение правил полетов, а именно ст. 271 «Нарушение правил полетов» и 271.1 УК РФ «Нарушение правил использования воздушного пространства».

Ст. 271 УК РФ предусматривает ответственность за несоблюдение указанных в разрешении маршрутов, мест посадки, воздушных ворот, высоты полета, или иное нарушение правил международных полетов.

Воздушный кодекс в ст. 79 ВК РФ «Международные полеты воздушных судов» закрепляет правила, которыми должны руководствоваться лица, совершающие международные полеты на воздушных судах: «Международные полеты воздушных судов выполняются на основе международных договоров Российской Федерации или разрешений, выдаваемых в порядке, установленном Правительством Российской Федерации». Та же статья отсылает нас к п. 120 постановления Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства РФ»¹.

Ч. 1 ст. 271.1 УК РФ квалифицирует «нарушение правил использования воздушного пространства» как использование воздушного пространства РФ без разрешения в случаях, когда такое разрешение требуется в соответствии с законодательством, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека. Под законодательством РФ подразумеваются ст. 11–19 ВК РФ, в которых содержатся положения, связанные с государственным регулированием использования воздушного пространства.

Некоторые преступления, совершаемые на воздушном транспорте, могут рассматриваться как транснациональные преступления, требующие сотрудничества нескольких государств. Такие преступления могут включать в себя торговлю наркотиками, контрабанду оружия, незаконную миграцию и другие. В таких случаях международное право также может быть применено для пресечения и наказания таких преступлений.

Само же сотрудничество реализуется в рамках ИКАО, которая разработала многочисленные стандарты и рекомендации по обеспечению безопасности на борту воздушных судов и пресечению преступлений, проводит обучение и оказывает техническую помощь странам-членам, осуществляет иную деятельность на других площадках, и зависит это от задач, стоящих перед государствами в ответ на вызовы транснациональной преступности. В частности, в борьбе с незаконным оборотом наркотиков на воздушном транспорте осуществляется сотрудничество Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA) и Международного совета по контролю за наркотиками (INCB).

Международная ассоциация воздушного транспорта (IATA) определила некоторые действия, которые подпадают под категорию деструктивного поведения во время полета. Так, под ними понимаются курение, потребление запрещенных наркотиков, несоблюдение процедур безопасности, употребление алкоголя сверх установленного лимита, сексуальное домогательство к кому-либо на борту рейса, кража, угроза экипажу или

¹ Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102136936> (дата обращения: 08.05.2024).

другим пассажирам, противостояние членов экипажа или пассажиров — словесное, физическое и т. п.

Преступления, совершаемые с использованием воздушного транспорта, носят в большей степени международный характер и подпадают под регулирование международных договоров ИКАО.

Среди первой группы преступлений необходимо назвать акты ненадлежащего использования гражданской авиации [4]. Так, ИКАО выделила следующие составные элементы актов ненадлежащего использования гражданской авиации: неправомерный характер захвата воздушных судов в процессе полетов, на земле; захват заложников на борту воздушного судна или на аэродромах; насильственный характер проникновения на борт воздушного судна или на объекты транспортной инфраструктуры; распределение на борту воздушного судна или на территории аэропорта оружия, опасных устройств, которые предназначены для преступных замыслов; ложное уведомление (дезинформация), которое ставит под угрозу безопасность воздушного судна как в полете, так и на земле, а также пассажиров, экипаж и транспортную инфраструктуру в целом.

Преступления в сфере безопасности полетов могут включать в себя различные действия, которые нарушают нормы безопасности воздушного движения и создают риск для жизни и здоровья людей. Одним из таких преступлений является нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ), которое

может привести к аварии или катастрофе воздушного судна. Например, это может быть связано с неправомерным планированием маршрута полета, нарушением правил высоты полета, неправильной координацией с другими воздушными судами и т. п.

Также в указанную группу входят преступления, предусмотренные в статьях УК РФ 263 «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта и метрополитена», 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», 266 «Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с неисправностями», 267 «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщений», 267.1 «Действия угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств», 268 «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта» и некоторые другие.

Заключение

В заключении отметим, что в настоящее время в отечественном законодательстве отсутствует официальное толкование воздушных преступлений. Для полного понимания данного института преступлений мы обращаемся к международным договорам и национальному праву государств. В рамках рассматриваемого института воздушных преступлений в виду назревшей необходимости планируется провести классификацию воздушных преступлений.

Список источников

1. Алексеев Н. С. Транспортные преступления. Ответственность за преступления, посягающие на правильную работу советского транспорта. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 144 с.
2. Борисов А. В. Понятие и структура транспортной преступности // Вестник Московского университета МВД России, 2023. № 1. С. 46–55. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-46-55
3. Ворожейкин В. А. Правовой аспект воздушного терроризма в России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики, 2013. № 9. С. 281–282.
4. Князева Е. А., Князева Н. А. Воздушное судно как предмет и средство совершения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право, 2018. № 1-2. С. 107–115.
5. Конюхова А. С. К вопросу о понятии «национальность воздушного судна» // Московский журнал международного права, 2018. № 1. С. 89–101. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-89-101
6. Коробеев А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность. Москва : Юрлитинформ, 2015. 488 с.
7. Куринов Б. А. Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте. Москва : Госюриздат, 1957. 140 с.
8. Люблинский П. И. Преступления в области воздушного транспорта // Вопросы воздушного права : сборник трудов секции воздушного права Союза Осоавиахим СССР и Осоавиахим РСФСР. Вып. 2 / под ред. П. И. Баранова [и др.]. Москва ; Ленинград : Госиздат, 1930. С. 165–189.
9. Пожарский А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва : Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2016. 35 с.
10. Чучаев А. И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1990. 511 с.
11. Шахова Д. А. Проблема воздушного терроризма в современном мире // Вестник Пензенского государственного университета, 2019. № 4 (28). С. 25–27.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.05.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 31.05.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 03.06.2024.


Научная статья
УДК: 341.123
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-148-152

С. 148–152

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ООН ПО НАРКОТИКАМ И ПРЕСТУПНОСТИ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ

Илья Геннадьевич Саприн

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
ilya.saprrin@gmail.com

 <https://orcid.org/0009-0009-0033-4362>

Аннотация. В статье анализируется деятельность Управления ООН по наркотикам и преступности в сфере борьбы с нелегальным оборотом оружия, которая выделена в рамках отдельной программы. Автор анализирует инициативы ЮНОДК в этой сфере и конкретные действия, предпринимаемые для снижения уровня преступности, связанной с нелегальным оборотом оружия. Рассматриваются положительные стороны инициативы ЮНОДК в виде Глобальной программы по огнестрельному оружию, проводится исследование предоставленных результатов в рамках обозначенной программы. Характеризуются основные международные документы, регулирующие легальный оборот оружия. Особое внимание уделяется взаимодействию Управления с государствами по предотвращению попадания оружия преступникам, выделяется ряд проблем на этом направлении. Анализируется взаимодействие ЮНОДК с международными правоохранительными организациями и оценивается эффективность данного сотрудничества, рассматриваются примеры совместных операций и тенденции развития отношений. Отмечается активная работа Управления в части составления и предоставления учебных курсов для правоохранительных органов. Помимо этого, в исследовании обозначается ряд проблем и трудностей, с которыми сталкивается ЮНОДК при реализации поставленных задач и достижении целей, связанных со снижением неблагоприятного воздействия такого явления как нелегальный оборот оружия.

Ключевые слова: ООН; Управление ООН по наркотикам и преступности; незаконный оборот оружия; стрелковое оружие; легкие вооружения; транснациональная преступность; организованная преступность


Для цитирования: Саприн И. Г. Деятельность Управления ООН по наркотикам и преступности в борьбе с незаконным оборотом оружия // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 148–152. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-148-152

Research article

UNODC ACTIVITIES IN THE FIGHT AGAINST ILLICIT ARMS TRAFFICKING

Ilya G. Saprin

Voronezh State University, Voronezh, Russia
ilya.saprrin@gmail.com

 <https://orcid.org/0009-0009-0033-4362>

Abstract. The article analyzes the activities of the United Nations Office on Drugs and Crime in the field of combating illegal arms trafficking, which is allocated as part of a separate program. The author analyzes the initiatives of UNODC in this area and specific actions taken to reduce the crime rate associated with illegal arms trafficking. The positive aspects of the UNODC initiative in the form of a Global Firearms Program are being considered, and a study of the results provided within the framework of the designated program is being conducted. The main international documents regulating the legal circulation of weapons are characterized. Special attention is paid to the interaction of the Department with states to prevent criminals from getting weapons, and a number of problems in this area are highlighted. The interaction of UNODC with international law enforcement organizations is analyzed and the effectiveness of this cooperation is evaluated, examples of joint operations and trends in the development of relations are considered. The Department's active work is noted in terms of compiling and providing training courses for law enforcement agencies. In addition, the study identifies a number of problems and difficulties faced by UNODC in implementing its objectives and achieving goals related to reducing the adverse effects of such a phenomenon as illegal arms trafficking.

Keywords: UN; United Nations Office on Drugs and Crime; arms trafficking; weapon; light weapons; transnational crime; organized crime

For citation: Saprin IG. UNODC activities in the fight against illicit arms trafficking. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):148-152. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-148-152 (In Russ.)

Введение

Нелегальный оборот оружия (далее — НОО) в той или иной мере имеет место во всех государствах. Важную роль в борьбе с этим явлением играет Управление ООН по наркотикам и преступности (далее — Управление, ЮНОДК).

Управление было создано в 1997 году путем объединения Программы ООН по международному контролю наркотиков и Центра по международному предупреждению преступности. Оно было учреждено в соответствии с Докладом Генерального секретаря ООН «Обновление Организации Объединенных Наций: программа реформы» от 14 июля 1997 г.¹ В Программе реформы, описанной в разделе V части второй документа A/51/950 от 14 июля 1997 г., предусматривалось учреждение Управления по контролю над наркотиками и предупреждению преступности. Новое название Управление получило лишь 1 октября 2002 г.

В первые несколько лет после создания была проведена работа по формированию международной нормативной базы в сфере НОО. Так, в мае 2001 г. ГА ООН утвердила Программу действий по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах и борьбы с ней. НОО были посвящены ч. II п. 37 и ч. II п. 9².

Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН 2001 г.³ содержала целую стратегию борьбы с международным терроризмом, включая меры по прекращению поставок оружия террористам (ст. 2а и 3а).

Постепенно приходило осознание того, что Управлению необходимо принимать активное участие в борьбе с НОО.

Описание исследования

Основой для дальнейшей работы послужила Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (Россия ратифицировала) и является основным международно-правовым документом, непосредственно посвященным взаимодействию государств в борьбе с организованной преступностью [1, с. 11]. Как известно, у многих ОПГ гибкая структура и множество возможностей для оперативной смены дислокации, удаленному управлению из разных точек, а также наличие обширных сфер влияния,

а проблема незаконного оружия является транснациональной [2, с. 84]. В силу указанных причин они идеально подходят для НОО, что и послужило одним из оснований для ее создания.

Конвенция применяется к перечисленным в ней деяниям, если они носят транснациональный характер и совершены при участии организованной преступной группы. Правовая помощь по Конвенции характеризуется широтой и включает в себя множество действий, в частности: передача вещественных доказательств; предоставление банковских, финансовых, корпоративных и иных документов; выявление и отслеживание доходов от преступной деятельности, производство обысков, выемок и наложение ареста на имущество, полученное преступным путем, оборудование и другие средства, использовавшихся при совершении преступлений; конфискация имущества.

Конвенцию дополняет Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему от 31 мая 2001 г.⁴ Россия в Протоколе не участвует, но де-факто выполняет многие его положения, что отражается в постоянном совершенствовании законодательства об оружии. В частности, в Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ⁵ вносятся изменения, многие из которых прямо или косвенно были «навеяны» Конвенцией.

В основу Протокола была положена идея об унификации законодательства участников в части борьбы с НОО. Его цель — сформировать надежную правовую базу для государств, позволяющей единообразно с учетом специфики национальных правовых систем и традиций, формулировать положения о контроле и регулировании легальных действий с оружием.

По Протоколу государствам оказывается поддержка: а) по разработке и реализации механизмов предотвращения попадания оружия в незаконный оборот; б) уголовному преследованию «конвенционных» деяний; в) устранению препятствий легальным поставкам оружия и его обороту.

При присоединении к Протоколу государства должны были взять на себя ряд обязательств. В их числе: 1) криминализация незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия; 2) введение эффективных

¹ Обновление Организации Объединенных Наций: программа реформы : доклад Генерального секретаря ООН от 14 июля 1997 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml> (дата обращения: 10.04.2024).

² Programme of Action to Prevent, Combat and Eradicate the Illicit Trade in Small Arms and Light Weapons in All Its Aspects : A/CONF.192/15 20 July 2001. URL: <https://www.un-documents.net/paitsalw.htm> (дата обращения: 10.04.2024).

³ Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН 2001 г. URL: https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/res_1373_russian.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

⁴ Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности : принят резолюцией 55/255 Генеральной Ассамблеи от 31 мая 2001 года // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimepro.shtml (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ Об оружии : Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679 (дата обращения: 10.04.2024).

мер контроля и уровня безопасности, включая правила утилизации оружия для предотвращения попадания в незаконный оборот; 3) создание эффективной лицензионно-разрешительной системы и механизмов, направленных на упорядочение законного производства и оборота оружия; 4) обеспечение маркировки, регистрации и мониторинга оборота оружия; 5) выстраивание эффективного международного сотрудничества в борьбе с НОО.

ЮНОДК активно включилось в имплементацию Конвенции и Протокола и использует предоставленный Конвенцией инструментарий.

Следует упомянуть и Резолюцию ГА ООН от 8 декабря 2005 г. (документ A/RES/60/81). Несмотря на то, что Управление в п. 2 прямо не упоминается, в Резолюции предусмотрены меры по выявлению и отслеживанию НОО и повышению активности международных организаций в этой сфере¹.

Вместе с тем борьба с незаконным оборотом оружия долгое время не выделялась в какое-то специальное направление деятельности ЮНОДК. Положение изменилось в 2011 году. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию и Конференция участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности дали рекомендации государствам ратифицировать и полностью исполнять Конвенцию 2000 г. и Протоколы к ней.

Резолюция Конференции участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности поручала ЮНОДК оказывать государствам соответствующую помощь: консультации в области нормотворчества и меры по повышению компетентности национальных правоохранительных органов.

Для исполнения поставленных задач в 2011 году была принята Глобальная программа по огнестрельному оружию² (далее — Программа). В ее рамках с 2011 по 2017 г. более 20 африканских, азиатских и латиноамериканских государств получили индивидуальные законодательные консультации и юридическую помощь в составлении законопроектов. Свыше 700 правоохранителей из Африки и Латинской Америки прошли обучение по расследованию и судебному преследованию торговли огнестрельным оружием и организованной преступности. Африканские государства получили необходимое оборудование, а правоохранители из 11 стран прошли обучение маркировке и учету огнестрельного оружия³. Все новые и новые государства начали маркировать оружие в соответствии с международными стандартами. В 2017 году в Программу были внесены изменения, и ее имплементация продолжилась.

¹ Резолюция ГА ООН : A/RES/60/81 от 8 декабря 2005 г. URL: <https://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/60/81&Lang=R> (дата обращения: 10.04.2024).

² Global Firearms Programme. 2011 // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/firearms-protocol/index.html> (дата обращения: 10.04.2024).

³ Global Firearms Programme. 2017. URL: https://www.unodc.org/documents/firearms-protocol/Publications/16-10089_Firearms_broch_APPR_04.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (цель 16.4⁴) закрепила необходимость достижения к указанному сроку значительного уменьшения финансовых потоков от НОО. Предусматривались меры по обнаружению и возвращению похищенных активов и борьбе со всеми формами организованной преступности. Указанные цели неоднократно получали отражение в последующих документах ЮНОДК⁵.

Обсуждение

В 2015 году ЮНОДК опубликовало «Исследование транснационального характера и маршрутов и modus operandi, используемых при торговле огнестрельным оружием»⁶. Были описаны: а) проблемы с принятием и реализацией мер по борьбе с НОО; б) с отсутствием эффективных систем ведения учета потоков незаконного оружия; в) низкий уровень межведомственного сотрудничества. Обращалось внимание на отсутствие механизмов отслеживания источников незаконного происхождения оружия, путей транзита и переборки. Указанные факторы препятствовали обмену информацией с зарубежными правоохранительными органами, что снижает эффективность борьбы с НОО. В целях развития международного сотрудничества, Протокол предусматривает обмен такой информацией [3, с. 121]. В результате имплементации этого документа были приняты соответствующие меры.

В 2020 г. Управлением было опубликовано новое Исследование⁷. Оно выявило недостатки и определило векторы развития отношений Управления с государствами.

В настоящее время основные направления деятельности Управления зафиксированы в Стратегии на 2021–2025 годы⁸. В их числе:

1. Технической поддержка на региональном уровне, направленная на расширение возможностей государств противодействовать НОО, терроризму и преступности в целом;
2. Криминологические исследования в сфере НОО;

⁴ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года : Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года : A/RES/70/1, 21 October 2015. URL: <https://daccess-ods.un.org/access.nsf/Get?OpenAgent&DS=A/RES/70/1&Lang=R> (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ Marking the 10th anniversary of the Global Firearms Programme. URL: https://www.unodc.org/documents/firearms-protocol/2021/10th_anniversary_GFP_final.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

⁶ UNODC Study on firearms 2015 : A study on the transnational nature of and routes and modus operandi used in trafficking in firearms. URL: https://www.unodc.org/documents/firearms-protocol/UNODC_Study_on_Firearms_WEB.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

⁷ Global Study on Firearms Trafficking 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/firearms-protocol/2020/Global_Study_Summary_WEB.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

⁸ Стратегия УНП ООН на 2021–2025 годы. URL: https://www.unodc.org/res/strategy/full-strategy_html/full-strategy_RU.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

3. Содействие государствам в ратификации соответствующих международных договоров по борьбе с преступностью и НОО, совершенствованию законодательства в данной области.

Важнейшей задачей для выстраивания эффективного механизма контроля над огнестрельным оружием Управление видит в развитии национальной законодательной базы. Это подразумевает уголовное преследование за незаконное изготовление оружия и его оборот, а также административную ответственность за менее опасные деяния. По запросу Управление оказывает поддержку государствам, которые выразили желание и согласие по имплементации в национальное законодательство положения Конвенции и Протокола. К примеру, благодаря помощи Управления в 2020 году Центрально-Африканская Республика приняла новый Закон об общем режиме обычных вооружений¹.

ЮНОДК активизировала работу по расширению состава участников Конвенции и Протокола². Ярким примером может служить присоединение к Протоколу Боливии, которое осуществилось при активном содействии Управления.

ЮНОДК также периодически производит оценку национального законодательства при помощи разработанных им инструментов³. Результаты указанных мероприятий кладутся в основу Докладов, в которых содержатся рекомендации государствам. К примеру, миссия Управления в Туркменистане в 2023 году вместе с национальными экспертами и обсудила результаты оценки законодательства в части НОО и провела соответствующие семинары с местными правоохранителями.

В поле зрения Управления находится и эффективное противодействие НОО на практике. В Документе «Global Study on Firearms Trafficking 2020»⁴ было установлено, в частности, что уголовное правосудие сталкивается с рядом препятствий: 1) малая эффективность сбора, систематизации и анализа информации о незаконных поставках оружия; 2) отсутствие достаточной мотивации и ресурсов для создания специальных центров по контролю над НОО; 3) наличие пробелов в законодательстве, юридические лазейки

¹ Central Africa Republic adopts new Law on the general regime of conventional arms developed with support from UNODC // United Nations : Office on Drugs and Crime : [сайт]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/firearms-protocol/news/2020/Jan/central-africa-republic-adopts-new-law-on-the-general-regime-of-conventional-arms-developed-with-support-from-unodc.html> (дата обращения: 10.04.2024).

² Training workshop for Gulf Countries on the International Legal Framework and the Firearms Protocol // United Nations : Office on Drugs and Crime : [сайт]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/firearms-protocol/news/training-workshop-for-gulf-countries-on-the-international-legal-framework-and-the-firearms-protocol.html> (дата обращения: 10.04.2024).

³ The Global Firearms Programme conducted an assessment mission in the Northern Triangle of Central America // United Nations : Office on Drugs and Crime : [сайт]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/firearms-protocol/news/gfp-conducted-an-assessment-mission-in-the-northern-triangle-of-central-america.html> (дата обращения: 10.04.2024)

⁴ Global Study on Firearms Trafficking 2020.

и отсутствие уголовной ответственности за НОО в ряде стран; 4) недостаточное развитие методик расследования преступлений связанных с НОО; 5) низкая степень обмена информацией по вопросам НОО между транснациональными организованными группами, а также между странами-производителями, импортерами и транзитерами оружия.

ЮНОДК участвует в проведении специальных операций по пресечению потоков НОО. Из последних можно назвать Операцию КАФО III. В ходе двухнедельной операции 850 сотрудников правоохранительных органов Буркина-Фасо, Чада, Кот-д'Ивуара, Гвинеи, Мали, Нигера и Сенегала изъяли 594 единицы огнестрельного оружия и несколько тысяч патронов⁵.

ЮНОДК также сотрудничает с национальными правоохранительными учреждениями⁶. Готовятся учебные программы и курсы; к преподаванию привлекаются как эксперты Управления, так и национальные правоохранители. Особое внимание уделяется обучению сотрудников органов следствия и прокуратуры (например, тренинги для прокуроров Македонии 2022 г.). Учебные курсы ЮНОДК спланированы для правоохранителей и содействуют межгосударственному сотрудничеству.

Управление участвует в деятельности международных полицейских организаций. Так, в рамках инициативы Интерпола «iARMS»⁷ реализуются три направления: 1) сбор информации об обороте оружия; 2) его отслеживании; 3) сбор статистики и составление отчетов.

Следующим компонентом Программы можно назвать превентивные меры по повышению безопасности обращения с оружием. ЮНОДК поддерживает государства в реализации превентивных мер и мер безопасности, которые предусматриваются Протоколом. Управление помогает государствам организовать маркировку легального оружия и эффективный его учет. Параллельно развивается система национального учета изъятого оружия.

ЮНОДК помогает странам в повышении уровня безопасности и сохранности запасов огнестрельного оружия и легкого вооружения как технически, так и организационно. Техническая поддержка выражается в улучшении безопасности хранилищ (модернизация складов, комнат хранения оружия и т. п.) изъятого

⁵ Operation KAFO III — disrupting firearms trafficking flows in the Sahel with UNODC support // United Nations : Office on Drugs and Crime : [сайт]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/frontpage/2022/January/operation-kafo-iii---disrupting-firearms-trafficking-flows-in-the-sahel-with-unodc-support.html> (дата обращения: 10.04.2024).

⁶ Harmonization of judicial practices in adjudicating firearms cases in the Western Balkans // United Nations : Office on Drugs and Crime : [сайт]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/firearms-protocol/news/2024/Feb/harmonization-of-judicial-practices-in-adjudicating-firearms-cases-in-the-western-balkans.html> (дата обращения: 10.04.2024).

⁷ Illicit Arms Records and Tracing Management System (iARMS) // Interpol : [сайт]. URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Databases/Illicit-Arms-Records-and-tracing-Management-System-iARMS> (дата обращения: 10.04.2024).

оружия в правоохранительных органах. Так, 4 марта 2023 года Управление предоставило склад для хранения изъятого оружия и боеприпасов Национальной жандармерии Нигера¹. Проводится обучение и повышение квалификации ответственных за места хранения оружия лиц.

Отдельным ответвлением в области деятельности по предотвращению хищения оружия является поддержка сбора и уничтожения нелегального оружия. Поощряется добровольная сдача оружия населением; разрабатываются механизмы утилизации.

Таким образом, деятельность Управления в части борьбы с НОО является комплексной и включает множество направлений.

Заключение

На текущий момент в деятельность ЮНОДК вовлечены более 150 стран. В структуру Управления входят 137 отделений в 98 государствах (в т. ч. и в России), офис в Нью-Йорке и представительство в ЕС (Брюссель)².

¹ Delivery of a storage warehouse for seized weapons in NIGER // UN. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/firearms-protocol/news/2023/Mar/Delivery-of-a-storage-warehouse-for-seized-weapons-in-NIGER.html> (дата обращения: 10.04.2024).

² UNODC field office // UN. URL: <https://www.unodc.org/unodc/field-offices.html?ref=menutop> (дата обращения: 10.04.2024).

В настоящее время Управление ООН по наркотикам и преступности заслуженно считается одним из лидеров в борьбе с международной преступностью в целом и НОО в частности. Действуя через широкую сеть региональных отделений по всему миру, Управление в целом справляется с возложенными на него задачами. Следует признать, что контрабанда оружия остается актуальной проблемой в мировых масштабах [4, с. 111], а усилия ЮНОДК являются эффективными для борьбы с этим явлением.

В рамках деятельности Управления ООН по наркотикам и преступности приоритетно также создание и совершенствование единой компьютерной базы данных региональных уровней с возможностью осуществления настоящего контроля за незаконным оборотом оружия, о чем специалисты высказывались ранее [5, с. 574].

Таким образом, механизмы и инструменты ЮНОДК могут быть успешно интегрированы в региональных межгосударственных объединениях. Соединение структурных единиц международных организаций регионального уровня, целевой задачей которых является борьба с незаконным оборотом оружия, между собой и сведение их баз данных, при поддержке ЮНОДК будет иметь положительное воздействие на эффективность борьбы с нелегальным оборотом оружия.

Список источников

1. Ахмедов А. Г., Жидков А. А. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и дальнейшие шаги России в борьбе с организованной преступностью // 100 лет уголовному розыску России: история, современность, перспективы : Материалы всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 08 ноября 2018 года). Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 10–13.
2. Родионов К. В. Правовая основа противодействия незаконному обороту оружия на современном этапе // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 4 (61). С. 83–88.
3. Четвертакова Е. Ю. О зарубежном опыте регламентации уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4 (66). С. 120–127.
4. Шамаев А. М. Противодействие незаконному обороту оружия как превентивная мера в антитеррористической деятельности правоохранительных органов // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15, № 3. С. 111–113.
5. Муркштис М. И. Международное сотрудничество в сфере борьбы с незаконным оборотом оружия // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 4. С. 571–575.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 15.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 24.04.2024.


Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА РОССИИ

Бакасов Рифат Румович

Академик управления МВД России, Москва, Россия

bakasovrifat@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0008-9813-7596>

Аннотация. С внедрением цифровой экономики и новых финансовых продуктов в России произошли изменения на рынке финансовых услуг. На этом фоне резко возросла нелегальная финансовая деятельность. Этому способствовало расширение информационно-телекоммуникационных технологий, их использование во всех сферах деятельности, в том числе и развитие отечественных цифровых платформ, что увеличило осуществление финансовых операций на фондовых рынках, рынке ценных бумаг, страховой сфере и т. д. При этом возросли риски негативных проявлений в экономической сфере, что повлияло на рост преступности в сфере экономики, которая стала более организованной, профессиональной, а учитывая развитие цифровой трансформации — транснациональной. Нельзя не отметить и ее коррумпированность. Запущенный государством процесс по стабилизации и увеличению темпов развития экономики государства вызывает только положительные реакции со стороны общества, но при увеличении темпов развития возникают проблемы, которые деструктивные силы используют в своих интересах, для личного обогащения, где, преступая закон, они не считаются с общественным мнением, не обращают внимание на государственные структуры, отвечающие за безопасность данного сектора экономики.


Именно преступления на финансовом рынке отличают преступников нового формата от старых мастодонтов преступной деятельности, а такие качества, как высокая сплоченность, организованность, и компетентность позволяет им устанавливать контроль над различными системами жизнедеятельности общества и государства, входящими не только в сектор бизнеса и коммерции, но и в бюджетный сектор, где продолжая устанавливать монопольный контроль, лоббируют свои интересы в различных сферах экономической деятельности. Одной из таких сфер на современном этапе становления цифровой экономики является финансовый рынок России, который подлежит защите от криминальных угроз и криминогенных рисков. В сложившейся ситуации не обойтись без механизмов обеспечения криминалогической безопасности финансового рынка, что требует определения понятийного аппарата, системы обеспечения такой безопасности, создание и построение ее структуры и определения мер, направленных на повышение уровня такой безопасности. В заключении статьи автор приходит к выводу о том, что на финансовом рынке российского государства не в полном объеме используются меры предупредительного характера, существуют пробелы как на законодательном уровне, так и в организации деятельности финансового рынка, что способствует росту преступлений в названной сфере.

Ключевые слова: финансовый рынок, рынок финансовых услуг экономические преступления, нелегальная деятельность, специальные криминалогические меры, обеспечение криминалогической безопасности

Для цитирования: Бакасов Р. Р. Обеспечение криминалогической безопасности финансового рынка России // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 153–158. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-153-158

Research article

ENSURING CRIMINOLOGICAL SECURITY OF THE FINANCIAL MARKET IN RUSSIA

Rifat R. Bakasov*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia**bakasovrifat@yandex.ru* <https://orcid.org/0009-0008-9813-7596>

Abstract. With the introduction of the digital economy and new financial products in Russia, changes have taken place in the financial services market. Against this background, illegal financial activities have sharply increased. This was facilitated by the expansion of information and telecommunication technologies, their use in all spheres of activity, including the development of domestic digital platforms, which increased the implementation of financial transactions in the stock markets, securities market, insurance sector, etc. At the same time, the risks of negative manifestations in the economic sphere have increased, which has influenced the growth of economic crime, which has become more organized, professional and, given the development of digital transformation, transnational. We should not fail to note its corrupt nature. The process launched by the state to stabilize and increase the rate of development of the state economy causes only positive reactions from society, but when the rate of development increases, problems arise, which destructive forces use in their own interests, for personal enrichment, where, breaking the law, they do not consider public opinion, do not pay attention to the state structures responsible for the security of this sector of the economy.

It is crimes in the financial market that distinguish criminals of a new format from the old mastodons of criminal activity, and such qualities as high cohesion, organization, and competence allow them to establish control over various systems of life of society and the state, entering not only the sector of business and commerce, but also the budget sector, where continuing to establish monopoly control, lobbying their interests in various spheres of economic activity. One of such spheres at the current stage of formation of the digital economy is the financial market of Russia, which is subject to protection from criminal threats and criminogenic risks. In the current situation we cannot do without mechanisms to ensure the criminological security of the financial market, which requires the definition of the conceptual apparatus, the system of ensuring such security, the creation and construction of its structure and the definition of measures aimed at improving the level of such security. In conclusion of the article the author comes to the conclusion that the financial market of the Russian state does not fully use preventive measures, there are gaps both at the legislative level and in the organization of the financial market, which contributes to the growth of crimes in this area.

Keywords: financial market, financial services market, economic crimes, illegal activity, special criminological measures, criminological security

For citation: Bakasov RR. Ensuring criminological security of the financial market in Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):153-158. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-153-158. (In Russ.)

Введение

На современном этапе развития цифрового общества особое значение имеет безопасность всех сфер жизнедеятельности общества и государства. На современном этапе при масштабном внедрении цифровых технологий разрабатываются и претворяются в жизнь эффективные меры по обеспечению национальной безопасности, которая охватывает все сферы жизни (общественные, государственные, экономические). Одной из таких сфер выступает экономическая, являющаяся стержнем, фундаментом экономической стабильности страны. Обеспечение этой безопасности позволяет государству обретать тот самый суверенитет и стабильность, что в дальнейшем обеспечит состоятельность российской экономики с экономиками различных государств.

Материал и методы

В статье использованы нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность финансового рынка

России, специальная литература по предмету исследования. Основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы научного познания, анализ теоретических и нормативных правовых источников.

Описание исследования

Современные реалии несут в себе угрозы и риски, влияющие на подрыв фундаментальных экономических основ государства. Продолжающееся санкционное давление, оказываемое западными и европейскими государствами, болезненно сказывается на стабильности мировой экономики, что также отражается и на российской экономике.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации подтверждает факты устойчивого экономического развития и показывает способность к противостоянию оказываемому санкционному давлению, что, в свою очередь, плодотворно влияет на укрепление позиций в качестве сильного и независимого государства, и при переходе Российской Федерации на новую

ступень экономического развития основной целью будет повышение достойного уровня жизни населения¹, тем самым защита интересов личности, общества и государства будет обеспечена.

Одним из основных направлений обеспечения национальной безопасности страны является экономическая стабильность. В связи с этим необходимо укрепление финансового рынка путем правового обеспечения деятельности финансового рынка, определения понятийного аппарата, развития отраслевых направлений деятельности на финансовом рынке и пр.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации установлены такие определения, как экономическая безопасность, под которой понимается защита от внутренних и внешних угроз, при осуществлении которой будет обеспечен экономический суверенитет, единство экономического пространства. Тем самым будут созданы условия, способствующие реализации стратегических национальных приоритетов. Экономический суверенитет государства будет достигнут только при развитии его экономики путем внедрения новых финансовых услуг и способности отвечать современным требованиям экономики.

Российское государство, начиная с 1996 г., уделяло недостаточно внимания такому сектору экономики, как финансовый рынок, и только при увеличении инвестиций в экономическую сферу возникла необходимость его развития. Именно финансовый рынок способствует развитию экономики страны в таких сферах, как страховые услуги, ценные бумаги, частные и государственные инвестиционные платформы и т. д. Поэтому развитие финансового рынка для государства стало основной задачей, и обеспечение его защиты от нелегальных действий — одним из основных приоритетов.

Переходя к изучению такого понятия, как нелегальная деятельность на финансовом рынке, необходимо отметить, что данный вид преступной деятельности относится к преступлениям экономической направленности, которая, как известно, изучается многими криминологами, трактуется и рассматривается под разными углами научного зрения, но в результате все исследователи приходят к одному мнению, что данный вид преступности подрывает экономические основы государства.

В своих научных трудах А. И. Долгова представляет экономическую преступность как «совокупность противоправных, общественно опасных, корыстных, причиняющих существенный материальный ущерб посягательств на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами и экономические права, и интересы граждан, юридических лиц

и государства со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений» [1, с. 526]. В свою очередь, Т. В. Пинкевич определила экономическую преступность как «общественно опасное, сложное, системное, многогранное, социально-обусловленное, уголовно-правовое явление, характеризующееся наличием устойчивых преступных связей, возникающих в процессе экономической деятельности между субъектами экономических отношений, имеющих корыстную или иную заинтересованность в получении противоправной экономической выгоды путем использования экономических способов ее получения» [2, с. 231].

Интересен тот факт, что по своим масштабам экономические преступления во всей своей совокупности вызывают беспокойство, поскольку влияют и на международную безопасность. Особое место в системе экономических преступлений занимают преступления, совершаемые на финансовом рынке, который в современных условиях требует особой, специальной защиты, поэтому одним из таких инструментов является обеспечение криминологической безопасности рынка финансовых услуг специальными криминологическими мерами.

Рассматривая криминологическую безопасность, многие ученые расходятся во мнениях по определению данного понятия. Так, Г. А. Аванесов под криминологической безопасностью понимал «совокупность политических, идеологических, экономических, социально-психологических, правовых и иных мер разрабатываемых и осуществляемых компетентными государственными и общественными структурами, а также гражданами по недопущению (предупреждению) преступных посягательств на права личности, общества и государства» [3, с. 185].

Изучение определения криминологической безопасности и ее признаков наиболее полно рассмотрены в работах М. М. Бабаева, где особое внимание он уделяет признаку «защищенности». Так, по его мнению, «защищенность — это объективное состояние защищенности жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами (явлениями и процессами), а также осознание людьми такой своей защищенности» [4, с. 31]. Такого же мнения в своих работах придерживаются ученые В. А. Плешаков и Т. В. Пинкевич, предлагая считать, что обеспечение криминологической безопасности — это не только условия, при которых защищены складывающиеся общественные отношения в любых сферах (политических, экономических и т. д.), но и сам объект преступного посягательства [5, с. 234–235; 6].

Объектом обеспечения криминологической безопасности в данном случае выступает финансовый рынок, который несет в себе огромный потенциал для укрепления экономики, суверенитета государства, устойчивого курса национальных платежных систем

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.11.2023).

и национальной валюты, куда, как известно, вошел и цифровой рубль [7]. Впервые понятие «финансовый рынок» было озвучено американским экономистом Джеймсом Тобином в 1963 году¹, а его понятие было закреплено американским экономистом Рональдом Робинсоном в 1974 году в работе «Финансовые рынки: накопление и размещение богатства»².

В исследованиях российских экономистов и финансистов можно встретить различные понятия «финансовый рынок», обратимся к некоторым из них. Так, например, Ю. С. Евлахова предлагает говорить о финансовом рынке как о системе экономических отношений, созданной для мобилизации и перераспределения денежных средств между субъектами воспроизводственных связей под воздействием объективных рыночных законов и под влиянием определенного набора способов и средств регулирования со стороны органов государственной власти и саморегулируемых организаций, ориентированных на мобилизацию капитала, предоставление кредита, осуществление обменных денежных операций и рациональное размещение финансовых средств в товарном производстве [8, с. 86].

Более четкую позицию принимает Т. Ю. Зарипова, сравнивая такие термины, как «рынок финансовых услуг» и «финансовый рынок» [9]. Поддерживает данную позицию А. З. Хамукова, которая отмечает финансовый рынок — это совокупность экономических отношений, возникающих в связи с перемещением свободных денежных средств и иных финансовых инструментов от их владельцев к другим экономическим агентам при активном участии финансовых посредников для размещения этих средств в целях извлечения максимальной прибыли, сопровождающихся высокими рисками, иными словами, исследователи, подчеркивая роль финансового рынка, подразумевают предоставление, оказание финансовых услуг [10, с. 45].

Изучая понятие «финансовый рынок», мы приходим к выводу, что существуют различные подходы к его определению, но последнее из них представляет интерес своим содержанием и набором признаков, полностью охватывая характеристику рынка финансовых услуг.

Во многих учебных пособиях и другой юридической и экономической литературе также дается определение финансового рынка, но у всех разный подход, а единообразного его понятия, принятого на вооружение практических органов, нет. Нет и законодательно закрепленного понятия названного рынка, что затрудняет определение сферы финансового рынка, направлений деятельности по повышению эффективности его развития и снижает уровень защиты от преступных посягательств. В то же время в ч. 2 ст. 142.1 Налогового

кодекса Российской Федерации закреплено понятие «организация финансового рынка», под которым понимаются кредитные организации, страховщики, осуществляющие деятельность по добровольному страхованию жизни, профессиональные участники рынка ценных бумаг, осуществляющие брокерскую деятельность, и (или) деятельность по управлению ценными бумагами, и (или) депозитарную деятельность, управляющие по договору доверительного управления имуществом, негосударственные пенсионные фонды, акционерные инвестиционные фонды, управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов или негосударственных пенсионных фондов, центральные контрагенты, управляющие товарищи инвестиционных товариществ, иные организации или структуры без образования юридического лица, которые в рамках своей деятельности принимают от клиентов денежные средства или иные финансовые активы для хранения, управления, инвестирования и (или) осуществления иных сделок в интересах клиента либо прямо или косвенно за счет клиента³. Тем самым государством определена организация финансового рынка, позволяющая налоговым органам контролировать налоговые отчисления. При этом любая деятельность финансовой организации, состоящая из дилеров, брокеров, регистраторов, депозитариев, управляющих, управляющих компаний инвестиционных фондов и акционерных инвестиционных фондов и т. д., имеет право самостоятельно регулировать деятельность своей организации в сфере финансового рынка, что определено нормами Федерального закона от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка»⁴.

В 2013 г. после упразднения федеральной службы по финансовым рынкам России права мегарегулятора финансового рынка были переданы Центральному Банку России (далее — Центробанк РФ), в полномочия которого переданы контроль и надзор в сфере регулирования финансового рынка. Позже его полномочия были расширены Федеральным законом от 23.07.2013 № 251-ФЗ. Так, пунктом 8 ст. 14 на Центробанк РФ возложена обязанность «подготовки проектов законодательных актов и иных нормативных актов в области развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка Российской Федерации»⁵. Вместе с тем полученные Центробанком РФ полномочия

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.11.2023).

⁴ О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка : Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.11.2023).

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков : Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149702/ (дата обращения: 22.11.2023).

¹ Джеймс Тобин // Библиотекарь.Ру. URL: <https://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-teoriya-3/180.htm> (дата обращения: 21.11.2023).

² Финансовый рынок: основные понятия и термины // Финанс.Ру. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/finansovyy-rynok-20230629-1111/> (дата обращения: 21.11.2023).

по подготовке проектов законодательных актов, вопрос о нормативно-правовом закреплении понятия «финансовый рынок», до настоящего времени не разрешили.

Как известно, использование новых финансовых продуктов, а вместе с ними и использование современных цифровых технологий, несет в себе угрозы и риски, в данном случае речь идет о повышенной опасности нелегальной деятельности на финансовом рынке России. В связи с этим с 2020 года в ежегодной отчетности Центробанка появились данные по недобросовестным практикам на финансовом рынке, согласно которым представлен анализ состояния нелегальной деятельности на финансовом рынке. Более того, представлено пять видов нелегальной деятельности, в том числе финансовая пирамида, нелегальный кредитор, нелегальный профессиональный участник рынка ценных бумаг, нелегальный оператор инвестиционной платформы, нелегальная деятельность на страховом рынке¹.

В 2023 году Центробанк РФ объединил функционал по противодействию и ограничению применения недобросовестных практик поведения в профильных департаментах и создал департамент инфраструктуры финансового рынка, где передал все функции противодействия неправомерному использованию финансовых инструментов, надзора за биржевыми торгами, использование инсайдерской информации и манипулированию финансовым рынком, по мнению регулятора, это будет способствовать более эффективному развитию рынка. Созданный департамент осуществляет деятельность по пресечению, предупреждению и выявлению нелегальной деятельности².

Следует отметить, что в настоящее время разрабатываются и внедряются отечественные современные программы по созданию и внедрению цифровых технологий, способных обеспечивать стабильную и устойчивую работу национального финансового рынка, но необходимо отметить, что это требует высокого уровня защищенности не только финансового рынка, но и всей

экономической системы страны. Во-первых, необходимо создание системы выявления, предупреждения и пресечения нелегальных действий на финансовом рынке, во-вторых, необходимо повысить уровень безопасности национальной финансово-экономической сферы государства, куда входит финансовый рынок, в-третьих, необходимо введение законодательного закрепления понятия «финансовый рынок», «нелегальная деятельность», «нелегальный участник» и т. д., и в-четвертых, должны быть созданы условия по расширению внедрения и использования всех предлагаемых продуктов безопасности и систем защиты национального финансового рынка.

Заключение и вывод

Видные отечественные ученые В. Д. Малков, М. М. Бабаев, А. И. Долгова, Л. И. Беляева, В. С. Овчинский, Т. В. Пинкевич, В. А. Плешаков и др. в своих трудах, давая определение понятию криминологической безопасности, рассматривали обеспечение криминологической безопасности с различных позиций. Однако проведенный анализ научной литературы показал, что, несмотря на различную формулировку данного термина, ее значение практически одинаково и раскрывается следующим образом: это действие, направленное на защиту общественных отношений.

Поэтому обеспечение криминологической безопасности финансового рынка России — это специальное криминологическое действие, направленное на обеспечение защиты объекта преступного посягательства, которым является финансовый рынок России, а также складывающиеся внутри него финансово-экономические отношения, при обеспечении которых будет достигнута главная цель — защита интересов личности, общества и государства от любых преступных проявлений.

Подводя итог, мы пришли к мнению о том, что на современном этапе становления и развития российской экономики возникла необходимость, создания концепции обеспечения криминологической безопасности финансового рынка России, которая будет способствовать созданию единой системы безопасности национального финансового рынка и будет являться основной задачей, на решение которой должны быть ориентированы и задействованы консолидированные усилия граждан, общественных институтов и государства.

Список источников

1. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013. 692 с.
2. Пинкевич Т. В. Экономическая преступность: понятие, сущность, виды // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 228–232.
3. Криминология : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». 4-е издание, перераб. и доп. / под ред. Г. А. Аванесова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 473 с.
4. Бабаев М. М., Плешаков В. А. Теоретические и прикладные проблемы обеспечения криминологической безопасности // Уголовная политика и проблемы безопасности государства : труды Академии управления МВД России. Москва, 1998. С. 25–32.

5. Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Москва, 1998. 323 с.
6. Пинкевич Т. В. Особенности обеспечения криминологической безопасности в сфере цифровой экономики // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 1–2 ноября 2019 г.). Санкт-Петербург : Астерион, 2019. С. 52–57.
7. Ордынская М. Е., Силина Т. А., Тхаркахова И. Г. Цифровой рубль как новая форма денег // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2022. № 4 (62). С. 93–98.
8. Евлахова Ю. С. Понятие финансового рынка с позиции современной теории финансов // Финансовый журнал. 2011. № 3. С. 81–92.
9. Зарипова Т. Ю. Понятие рынка финансовых услуг: проблемы правового регулирования // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 163–169.
10. Хамукова А. З. Понятие и структура финансового рынка // Экономика и социология. 2012. № 16. С. 43–48.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

No conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 19.04.2024.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.05.2023.
Дата принятия к публикации / Accepted: 25.05.2024.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА (СТ. 127.2 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Анагид Семеновна Балугян

*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия
lows07@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты применения нормы об уголовной ответственности за использование рабского труда. Акцентируется, что согласно действующему законодательству, под использованием рабского труда в качестве преступления понимается исключительно использование труда человека на положении раба, использование рабского труда предполагает установление и обеспечение неизменности рабского состояния потерпевшего. Обозначена необходимость предупреждения данных преступлений с использованием норм и механизмов уголовно-правового порядка, выступающих центральным звеном в комплексном обеспечении прав потерпевшего. Отмечается, что при совершении рассматриваемого преступления виновные используют труд лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации и не имеющих постоянного источника дохода, вопреки их воле и желанию, с осуществлением в отношении указанных лиц полномочий, присущих праву собственности. Сделаны выводы о взаимосвязи таких деяний как похищение человека, торговля людьми и использование рабского труда, выступающих звеньями одной цепи гомотрафика, как одного из опаснейших разновидностей криминального рынка товаров и услуг. Указывается, что для данных преступных посягательств характерно применение насилия (физического и психического), а также использование заведомо беспомощного или зависимого от виновного состояния, что в целом актуализирует проблему их виктимологической профилактики.

Ключевые слова: использование рабского труда, торговля людьми, проституция, право на свободу и на личную неприкосновенность

Для цитирования: Балугян А. С. Ответственность за использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ): проблемы теории и практики применения // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 159–163. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-159-163

Research article

LIABILITY FOR THE USE OF SLAVE LABOR (ART. 127.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Anagid S. Balugyan

*All-Russian State University of Justice (RPA of the Russian Ministry of Justice), Moscow, Russia
lows07@rambler.ru*

Abstract. The article examines problematic aspects of the application of the rule on criminal liability for the use of slave labor. It is emphasized that, according to current legislation, the use of slave labor as a crime means exclusively the use of human labor in the position of a slave; the use of slave labor presupposes the establishment and ensuring the permanence of the victim's slave status. The need to prevent these crimes using the norms and mechanisms of the criminal legal order, which act as a central link in the comprehensive provision of the rights of the victim, is outlined. It is noted that when committing the crime in question, the perpetrators use the labor of persons who are in a difficult life situation and do not have a permanent source of income, contrary to their will and desire, with the exercise in relation to these persons of the powers inherent in the right of ownership. Conclusions are drawn about the relationship between such acts as kidnapping, human trafficking and the use of slave labor, which act as links in one chain of homotrafic, as one of the most dangerous types of the criminal market for goods and services. It is indicated that these criminal attacks are characterized by the use of violence (physical and mental), as well as the use of a deliberately helpless or dependent state, which generally raises the issue of their victimological prevention.

Keywords: use of slave labor, human trafficking, prostitution, the right to freedom and security of person

For citation: Balugyan AS. Responsibility for the use of slave labor (Article 127.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of theory and practice of application. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):159-163. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-159-163 (In Russ.)

Введение

Пленум Верховного Суда РФ 24.12.2019 принял постановление «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»¹, в котором в целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об уголовной ответственности за похищение человека, незаконное лишение свободы и торговлю людьми дал судам правоориентирующие разъяснения. Вместе с тем, как показал анализ судебной практики, не меньшие сложности возникают при квалификации использования рабского труда (ст. 127.2 УК РФ).

Так, согласно действующему законодательству, под использованием рабского труда в качестве преступления понимается исключительно использование труда человека на положении раба. Использование рабского труда предполагает установление и обеспечение неизменности рабского состояния потерпевшего.

Материал и методы исследования

В статье использованы нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы уголовно-правового регулирования ответственности за использование рабского труда, специальная литература по предмету исследования, материалы, размещенные в СМИ. В качестве специальных правовых частнонаучных исследовательских методов использованы: формально-юридический метод, метод правового прогнозирования, метод правовой герменевтики.

Описание исследования

Международное право определяет рабство как состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них².

Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., в ст. 3 закрепляет, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Часть 1 ст. 13 этого документа гласит: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства»³.

Идентичные права предусмотрены в ст. 8, 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.). В статье 8 данного документа говорится

о том, что никто не должен содержаться в рабстве; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах.

Согласно международно-правовому документу, никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду. При этом термином «принудительный или обязательный труд» не охватываются:

— какая бы то ни была не упоминаемая⁴ работа или служба, которую, как правило, должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, или лицо, условно освобожденное от такого заключения;

— какая бы то ни была служба военного характера, а в тех странах, в которых признается отказ от военной службы по политическим или религиозно-этическим мотивам, какая бы то ни была служба, предусматриваемая законом для лиц, отказывающихся от военной службы по таким мотивам;

— какая бы то ни была служба, обязательная в случаях чрезвычайного положения или бедствия, угрожающих жизни или благополучию населения;

— какая бы то ни была работа или служба, которая входит в обыкновенные гражданские обязанности⁵.

Запрет рабства и принудительного труда провозглашен и в ст. 4, 5 Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (1950 г.)⁶. Аналогичная позиция отражена в ст. 5 Конвенции Содружества Независимых Государств «О правах и основных свободах человека» (1994 г.)⁷.

Отчасти криминализация использования рабского труда Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁸ обусловлена принятием 15.11.2000 Конвенции против транснациональной организованной преступности, которая включает в себя Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее. Имплементация международных норм в российское законодательство была осуществлена для принятия эффективных мер по предупреждению торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и борьбе с ней. Такой всеобъемлющий международный подход включает меры, направленные на предупреждение такой торговли, наказание занимающихся ею

⁴ В тех странах, где в виде наказания за преступление может назначаться лишение свободы, сопряженное с каторжными работами, не считается препятствием для выполнения каторжных работ по приговору компетентного суда, назначившего такое наказание.

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

⁶ Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁷ Собрание законодательства РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

⁸ Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

² Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25 сентября 1926 г., с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года (заключена в г. Женеве 25.09.1926) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVIII. Москва, 1960. С. 274–279.

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр. (№ 67).

лиц и защиту жертв такой торговли, в том числе путем защиты их международно признанных прав человека.

Согласно данному международно-правовому акту, эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

Как видно, рабство грубейшим образом нарушает общепризнанные стандарты правового статуса человека и потому так важна уголовно-правовая защита от этого преступного явления.

Конституция Российской Федерации в ст. 22 закрепляет следующее положение: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Вышеуказанные положения Конституции означают, что человек может действовать в соответствии со своей волей, без каких-либо ограничений. Личность имеет право выбора, который не должен нарушать и ущемлять права и свободы иных лиц. В указанной статье Конституции речь идет о личной свободе индивида, что подчеркивается связью свободы с личной неприкосновенностью.

Таким образом, объектом состава использования рабского труда является охраняемое уголовным законом благо — физическая свобода и достоинство человека, возможность человека по своему усмотрению выбирать место работы и определить условия трудовой деятельности.

В специальной литературе высказано и иное мнение относительно основного непосредственного объекта данного преступления. Так, И. А. Карташова отмечает, что «таковым выступает не свобода личности, а общественные отношения и интересы, обеспечивающие запрете осуществления в отношении человека полномочий, присущих праву собственности» [4, с. 8].

Еще дальше идет Э. С. Ахъядов. По его мнению, «использование труда человека носит экономическую направленность и связано в большей степени не с ограничением свободы человека, а с посягательством на свободу труда, которая предполагает не только возможность выбора человеком вида трудовой деятельности, организационно-правовой формы использования своих способностей к труду и места приложения этого труда, но также возможность отказа от выполнения какого-либо труда вообще. Использование труда человека, находящегося в подневольном состоянии (по сути, в собственности работодателя), предлагает владение, пользование и распоряжение результатами его труда виновным лицом» [2, с. 460].

Мы полагаем, что основным непосредственным объектом преступлений против личной свободы, к которым относится ст. 127.2 УК РФ, выступают конституционные положения, закрепляющие за каждым человеком право на свободу, личную неприкосновенность и охрану достоинства личности (ст. 21, 22, 23, 46 Конституции РФ), личная (физическая) свобода, т. е. свобода распоряжаться самим собой по своему усмотрению.

Как правило, по делам об использовании рабского труда виновный использует труд лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации и не имеющих постоянного источника дохода, вопреки их воле и желанию, с осуществлением в отношении указанных лиц полномочий, присущих праву собственности, в нарушение ст. 37 Конституции РФ, согласно которой труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, принудительный труд запрещен, каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, каждый имеет право на отдых, работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск.

Данное преступление выражается в использовании виновным труда другого человека, при котором он в отношении этого лица осуществляет полномочия, присущие праву собственности. Виновный владеет, пользуется и распоряжается результатами труда подневольного работника, его услугами, а подневольное лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от их выполнения.

Формы криминальной эксплуатации могут быть самыми разнообразными от физического, интеллектуального использования потерпевшего в подневольном труде до сексуальной эксплуатации. Способы принуждения для осуществления подневольной трудовой деятельности могут быть различными, как экономическими, так и внеэкономическими.

Так, <ФИО> признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «г», «д» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ и п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ. Как установил суд, он, желая активизировать работу потерпевших, подавить их волю к сопротивлению, а также насильно удержать их, в период <...> неоднократно применял в отношении потерпевших насилие и высказывал угрозы его применения, осознавая, что причиняет потерпевшим физические и психические страдания путем систематического нанесения побоев. Потерпевшие содержались в неудовлетворительных условиях: антисанитарные условия проживания, плохая одежда, отсутствие медицинской помощи, тяжелый режим работы (без выходных дней, без заработной платы), их труд использовался полностью с нарушением трудового законодательства, выразившимся в нарушении общепризнанных принципов и норм международного права, Конституции Российской Федерации и иных норм трудового законодательства Российской Федерации по правовому регулированию трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. <ФИО> владел, пользовался и распоряжался потерпевшими и их трудом исключительно в своих интересах, осуществляя тем самым в отношении них

полномочия, присущие праву собственности, с целью получения материальных благ, полученных им за оказание потерпевшими услуг по строительству и ремонту, а также по выполнению иных работ (услуг). За свой труд потерпевшие заработную плату не получали, находились в полной материальной зависимости от подсудимого. С целью исключить побег потерпевших, принудить их бесплатно трудиться <ФИО> оказывал на них психологическое давление, угрожая физической расправой¹.

Как правило, лица, использующие рабский труд, предварительно осуществляют похищение потерпевшего, а именно противоправные умышленные действия, сопряженные с открытым завладением живого человека и перемещением его с места постоянного или временного проживания (нахождения) с последующим удержанием против его воли в другом месте, в целях получения материальной выгоды для виновного². В таких случаях указанное преступление считается оконченным с момента захвата человека и начала его перемещения, а содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений — пункту «з» части 2 статьи 126 УК РФ и соответствующей части ст. 127.2 УК РФ.

Применение насилия (или угроза его применения), как представляющего, так и не представляющего опасность для жизни или здоровья потерпевшего, при использовании рабского труда охватывается п. «г» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против жизни и здоровья.

Как справедливо отмечается в научной литературе, действующая редакция уголовно-правовой нормы не охватывает всех форм эксплуатации человека. Принудительным признается такой труд человека, который протекает в условиях физической несвободы, психического принуждения или грубо организуется без какого-либо учета требований, установленных законодательством о труде [1, с. 9].

Действительно, под подневольным состоянием, согласно Конвенции относительно рабства 1926 г. и дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли, институтов и обычаев, сходных с рабством, принятой в 1956 г., понимается состояние или положение человека, в отношении которого осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них. Практически неволя означает, что потерпевший лишен свободы передвижения и не имеет возможности совершать другие желательные для него поступки. Эксплуатацией не связанного с трудом подневольного состояния следует признавать любые формы извлечения пользы из факта обладания человеком как «живой вещью», например принудительное

сожительство, использование ребенка при занятии попрошайничеством и т. д.

Как показывает практика, при совершении рассматриваемого преступления виновные используют труд лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации и не имеющих постоянного источника дохода, вопреки их воле и желанию, с осуществлением в отношении указанных лиц полномочий, присущих праву собственности. В связи с этим чрезвычайно важно учитывать виктимологический аспект, напрямую связанный с профилактикой использования рабского труда. Так, по одному из уголовных дел суд установил, что потерпевший обнаруживает индивидуально-психологические особенности в виде негрубых изменений познавательной сферы (а также смешанного типа реагирования, завышенной малодифференцированной и нестабильной самооценки, потребности в обладании жизненными благами, выраженной зависимости от средовых воздействий, подверженности внешним влияниям, несамостоятельности, пассивности, подчиняемости, сниженной стрессоустойчивости, повышенной склонности воспринимать окружающий мир как угрожающий, доминирования в структуре психики незрелых неконструктивных психологических защит³.

Результаты исследования и обсуждение

На наш взгляд, виктимологическая профилактика — одно из наиболее важных направлений борьбы с преступностью, когда профилактические усилия направлены не на поведение преступника, а на поведение жертвы [6, с. 58]. Профилактическая работа с потенциальными жертвами охватывает широкую предупредительную деятельность правоохранительных органов с населением, целью которой является снижение виктимности, т. е. уменьшение опасности стать жертвой преступления [5, с. 157].

Профилактическая работа включает в себя не только меры уголовной репрессии, но и другие юридические механизмы. Так, в ходе прокурорской проверки выявлено, что по электронному адресу <...> создано и осуществляет свою деятельность сообщество <...> — игра, суть которой заключается в том, чтобы зарабатывать монеты и покупать в рабство других игроков, в рамках игры ведется переписка между участниками, которые употребляют нецензурные выражения, ведется призыв совершить хищения монет у администратора, «рабами» становятся реальные люди (участники игры), которыми являются в том числе несовершеннолетние, представлена попытка суицида в виде иллюстрации (рисунки), представлены противоправные действия в отношении человека-раба (мужчина закопан в землю, на поверхности только голова с заматанной тряпкой во рту). Доступ на вышеуказанный сайт свободный, регистрация требуется только в <...>. Как установил суд, информация, распространяемая среди участников сообщества, в том числе несовершеннолетних,

¹ Дело № 1-78/2020 за 2020 г. // Архив Кинельского районного суда Самарской области.

² См.: п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми».

³ Дело № 1-78/2020 за 2020 г.

фактически способствует совершению правонарушений и преступлений, причиняя вред здоровью и развитию несовершеннолетних.

Согласно ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ в Российской Федерации запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

На основании изложенного, информация, размещенная в сети Интернет по вышеуказанному адресу,

была признана информацией, запрещенной к распространению в Российской Федерации².

Заключение и вывод

Подводя итог, следует сделать вывод о взаимосвязи таких деяний, как похищение человека, торговля людьми и использование рабского труда, выступающих звеньями одной цепи гомотрафика — одной из опаснейших разновидностей криминального рынка товаров и услуг [7, с. 206]. Для данных преступлений характерно применение насилия (физического и психического) и использование заведомо беспомощного или зависимого от виновного состояния. Все это актуализирует проблему их виктимологической профилактики.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.04.2024).

² Дело № 2а-1373/2021 за 2021 г. // Архив Октябрьского районного суда города Пензы.

Список источников

1. Абубакиров Ф. М. Проблемы оптимизации уголовной ответственности за использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ) // Российский следователь. 2011. № 10. С. 8–10.
2. Ахъядов Э. С. Рабский труд: основной объект преступления // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 459–461.
3. Борьба с криминальными рынками в России: монография / под общ. ред. В. В. Меркурьева. Москва: Проспект, 2015. 312 с.
4. Карташова И. А. К вопросу об определении основного непосредственного объекта торговли людьми и использования рабского труда и о месте данных составов преступлений в структуре Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 3. С. 7–10.
5. Майоров А. В. Виктимология как современное направление обеспечения безопасности граждан и предупреждения преступности // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2006: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Челябинск, 30–31 марта 2006 г.). Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 156–158.
6. Майоров А. В. Виктимологическая безопасность жертв преступлений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 28. С. 58–60.
7. Меркурьев В. В., Агапов П. В. Борьба с криминальными рынками: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы противодействия преступлениям в сфере экономики: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 5–6 ноября 2014 года) / под редакцией Е. Е. Черных. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2015. С. 204–208.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 09.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 19.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

Научная статья
УДК 34.03
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-164-169

С. 164–169

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ АТТРАКТОР ЭСКАЛАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Алексей Андреевич Жучаев

Международный инновационный университет, Сочи, Россия
PO21kk@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию цифровизации, способствующей усилению публичной власти за счет достижения прозрачности властных решений, законодательных процессов, персоналий, участвующих в данных процессах. Развитие цифровых технологий открывает доступ ко многим процессам, ранее не доступным для общества. Сегодня фактически каждый житель страны может получить исчерпывающую информацию по любому интересующему его вопросу. В этих условиях публичная власть становится наиболее актуальной формой власти.

Цель исследования — эксплицировать процессы цифровизации социума как наиболее перспективные в отношении развития и укрепления публичной власти.

Методология. В процессе исследования получены результаты, основанные на анализе новых цифровых технологий, цифровизации всех сфер социальной практики.

Результаты. Исследование показывает расширение публичной власти и ее закрепление за счет использования новейших цифровых технологий.

Заключение. Подводит итоги исследования в дискуссии отечественных ученых.

Ключевые слова: цифровизация, власть, публичная власть, государство, виртуальная коммуникация, политический процесс, политическая система, электронное правительство, цифровое правительство, цифровая платформа

Для цитирования: Жучаев А. А. Цифровизация как основной аттрактор эскалации публичной власти // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 164–169. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-164-169

Research article

DIGITALIZATION AS THE MAIN ATTRACTOR OF THE ESCALATION OF PUBLIC POWER

Aleksey A. Zuchaev

International Innovation University, Sochi, Russia
PO21kk@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the development of digitalization, which contributes to the strengthening of public power by achieving transparency of government decisions, legislative processes, and personalities involved in these processes. The development of digital technologies opens up access to many processes. Previously hidden from the public. Today, virtually every resident of the country can get comprehensive information on any issue of interest to him. In these conditions, public power becomes the most relevant form of government.

The purpose of the study is to explicate the processes of digitalization of society as the most promising in terms of the development and strengthening of public power.

Methodology. In the course of the research, the results were obtained based on the analysis of new digital technologies, digitalization of all spheres of social practice.

Results. The study shows the expansion of public power and its consolidation through the use of the latest digital technologies.

Conclusion. Summarizes the results of the research in the discussion of domestic scientists.

Keywords: digitalization, power, public authority, state, virtual communication, political process, political system, e-government, digital government, digital platform

For citation: Zuchaev AA. Digitalization as the main attractor of the escalation of public power. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):164-169. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-164-169 (In Russ.)

Введение

Глобализация современного мирового пространства, сопровождающаяся социально-экономической турбулентностью, способствовала возникновению такого когнитивного аттрактора как цифровизация. Цифра стала символом современного мира, выступая, с одной стороны, как провокатор современных глобальных процессов, но с другой — как некий защитный анти-турбулентный механизм. С цифрой сегодня связаны, пожалуй, все составляющие социальной практики — цифровизация, цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровое общество. Подтверждением сего служат мнения многих зарубежных и отечественных деятелей науки разных отраслей, поскольку, как мы указывали выше, цифра присутствует везде. И хотя, по мнению М. М. Прохорова, «мы все еще находимся в условиях разрастания экономической и технологической детерминации в человеческой истории» [12, с. 187], средой нашего обитания уже стала техногенная цивилизация, совершенствующаяся с каждым днем. Одновременно возникают все новые научные концепции, пытающиеся объяснить происходящее. Они возникают и тут же устаревают. Тем не менее в качестве дискурсивных можно эксплицировать наиболее влиятельные, оправданные и достоверные, представленные такими учеными, как Р. Айрис, У. Бек, Д. Белл, Г. Бехманн и др.

Необходимость проведения исследования

Конечно, мы не станем в одной статье анализировать весь этот колоссальный совместный опыт, нас интересует лишь правовое измерение проблемы. Поэтому выделим основную тенденцию предшествующего опыта как зарубежных, так и отечественных исследователей. И эта тенденция заключается в том, что все жители планеты имеют право на доступ к информации. Такое право существует априори, независимо от того, обеспечен ли доступ к этой информации. Соответственно, такие права должны быть гарантированы и расширяться по мере развития новых технологий. В этой связи свобода в информационной сфере становится неизбежной. Такая свобода фундируется двумя постулатами, правом на доступ к информации и правом на ее распределение. Конкретизация данных постулатов имеет рефлексию в производстве, получении, обработке, сохранении, передаче и распространении информации, которая обязана обладать тремя основными качествами: достоверность, доступность, легитимность.

Эффективная система гарантий, необходимых при осуществлении прав доступа к информации, обеспечение ее свободного распространения должны быть законодательно регламентированы, а субъекты, скажем так, цифровых прав, должны быть законодательно

защищены при использовании информации. Таким образом, возрастает актуальность доктрины информационной безопасности и равенства прав. В этой связи напрашивается вывод о том, что информационное общество должно быть гражданским, то есть, представлять собой правовое государство. Этот последний вывод на сегодняшний день остается дискуссионным.

Материалы и методы исследования

Цифровое общество в цифровом государстве должно представлять собой определенную форму социального порядка, фундированного цифровыми сервисами и интернет-коммуникациями. В то же время это не только прозрачные социальные связи в соответствующих сетях, но и общество, объективное в медиасфере, где социальность продуцируется на основе повседневного знания, распределенного в социальных сетях [15, с. 287]. Мы можем констатировать возникновение определенного цифрового поля, обеспечивающего активизацию игроков на самых различных уровнях, которые постепенно выравниваются за счет технологической идентификации, индивидуализации производства и потребления, возникновения новых экосистем и иммерсивных рабочих пространств. [14, с. 288]. Таким образом конституируется цифровая повседневность, включающая в себя самые различные социальные страты, между которыми также сокращается социальное пространство. Постепенно возникает цифровая демократия, фундированная трансформацией социально-политической активности в онлайн-сферу. В свою очередь, цифровая демократия подразумевает цифровую гражданственность, под которой следует подразумевать «часть политической субкультуры, целенаправленно формируемой в цифровой среде политическими акторами, осуществляющими продвижение партийных брендов и имиджей политических лидеров, преимущественно онлайн» [3, с. 67]. В этой связи мы можем рассматривать «цифровые права» граждан в следующей дихотомии: возникновение новых цифровых прав, опровержение старых, традиционных, прав. Но подобная дихотомия ни в коем случае не должна опровергать «цифровой суверенитет» личности и приравнивать последнюю к «цифровому аттрактору» или «цифровому коэффициенту» [3, с. 68]. Существующая дихотомия выступает необходимым условием конструирования новой государственной архитектуры, ключевым параметром которой, даже своеобразным каркасом, выступают информационно-коммуникативные технологии, обеспечивающие возможность возникновения так называемого «электронного правительства», которое, по мнению А. М. Тарасова, представляет собой «целенаправленное соучастие и воздействие субъектов всех ветвей и органов государственной власти на различные сферы общественной

жизни с использованием информационно-коммуникационных технологий [14, с. 205].

Результаты исследования и дискуссия

Электронное правительство в прямом значении данного термина — это совокупность органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, осуществляющих на основе информационно-коммуникационных технологий реализацию своих полномочий, в том числе во взаимоотношениях с другими государственными и негосударственными органами власти, а также с неправительственными организациями, бизнес-структурами, гражданами» [14, с. 22]. Интровертно «электронное правительство» можно трактовать как использование информационно-коммуникативных технологий во внутренней деятельности государственного аппарата, а также с основными субъектами социальной практики. Экстравертно «электронное правительство» воспринимается как более высокая ступень в деятельности органов государственной власти, информационно-коммуницированная и модернизированная. Экстравертная трактовка «электронного правительства» увеличивает публичную власть, приближая соответствующие государственные и муниципальные органы к населению путем: прозрачности деятельности всех органов власти, внедрения «электронных приемных», прямое и быстрое получение государственных услуг, «электронное голосование» на выборах, сокращение транзакций между государством и населением и многое другое.

Основное преимущество экстравертной составляющей «электронного правительства» — полная прозрачность, возможность открыто излагать свое субъективное мнение по тому или иному вопросу, мобильность в принятии решений. Обеспечить экстравертную составляющую «электронного правительства» может соответствующая платформа [12, с. 87–103]. Такая платформа призвана обеспечить прямые и обратные связи между органами государственной власти и стейкхолдерами в следующих форматах: *government to government* (G2G) — правительство правительству; *government to business* (G2B) — правительство бизнесу; *government to citizens* (G2C) — правительство гражданам. Таким образом, говоря простыми словами, основными составляющими электронного управления выступают: внутрисистемное, внутриведомственное, межведомственное с одной стороны, а с другой — внешнее, вневедомственное. Таким образом, возникает единая информационная система, инкорпорирующая как общедоступный информативный ресурс на внешнем уровне, так и ограниченный информативный ресурс — на внутреннем. На внешнем уровне достигается синергетический управленческий эффект за счет объединенного потенциала органов, входящих в различные ветви власти. Именно это и обеспечивает расширение публичной власти, реализуемое по трем основным аттракторам: 1) *e-democracy and participation* — электронная демократия и участие граждан в принятии управленческих

решений, формирующие общественное мнение посредством электронного участия и электронного голосования; 2) *electronic production network* — электронные производственные сети, обеспечивающие прямое сотрудничество между публичными, а также публичными и частными институтами (*публичные — публичные; публичные — частные*); 3) *electronic public services* — электронные общественные услуги, осуществляемые через порталы различного уровня, в том числе региональные и муниципальные. Третий аттрактор направлен на непосредственное участие в электронном управлении местных органов власти, региональных и муниципальных. Все три аттрактора обеспечивают прочную вертикаль власти, так как формируют мощную электронную администрацию. Успешное функционирование перечисленных аттракторов может быть достигнуто за счет следующих форматов: правового, организационного, технического, кадрового, финансового, информационного, телекоммуникационного и «цифрового государства» [7, с. 312]. Последнее подразумевает политико-правовое взаимодействие населения с органами публичной власти. Как справедливо считает Э. А. Золаев, «целью такого взаимодействия является обеспечение наиболее полных возможностей участия граждан в осуществлении власти и предоставления им услуг государства, реализуемых с использованием цифровых технологий» [6, с. 1583]. В качестве цели такого государства автор видит «повышение эффективности работы управленческого аппарата; экономическое развитие, повышение конкурентоспособности отечественных производителей на международном рынке; повышение качества жизни граждан (система социальных услуг, система здравоохранения обеспечение безопасности, образование, защита окружающей среды), что соответствует общим тенденциям развития социальной системы. В фокусе развертывания нового типа государства находится гражданин в условиях новой цифровой реальности. Государство должно создать условия, которые помогут человеку раскрыть свои способности, и сформировать комфортную и безопасную среду для его жизни и реализации потенциала, а также для создания и внедрения инновационных технологий» [6, с. 1594].

Сегодня в Российской Федерации происходит активное строительство цифрового государства. Доказательством этого факта является программный документ «Государство как платформа» [4, с. 36]. Авторы проекта считают, что «платформа поможет исполнять большинство функций управления не при помощи органов власти, а на основе платформенных решений» [4, с. 37]. Также они твердо убеждены в том, что «система государственного управления должна будет действовать как передовая IT-корпорация» [4, с. 39]. В связи с этим документом мы вправе говорить о создании новой модели публичной власти, включающей в себя сервисное государство, проактивное государство, мобильное государство. Во всех случаях такое государство обладает сильной публичной властью.

Государство, бизнес и граждане должны взаимодействовать в единой цифровой среде. По мнению Л. А. Морозовой, «государственный суверенитет — не архаизм прошлых эпох, а актуальная юридическая и политическая категория нынешнего времени. Нельзя не считаться с желанием народов жить по своим обычаям, законам, религиозным и иным нормам, выбирать близкое по духу государственное устройство, устанавливать соответствующий политический режим. В противном случае неизбежно навязывание другим народам своего образа жизни, своих ценностей и восприятия мира» [11, с. 103]. В данной парадигме взаимодействие государственного и муниципального управления рассматривается в техногенном формате нового социума, подразумевающего прозрачность всех процессов, их цифровизацию и последующее ускорение. Это так называемый технический аспект отношений власть-население, который полностью обнажает их, делая абсолютно доступными для всех. Такой формат чрезвычайно важен для укрепления публичной власти, даже если он не затрагивает непосредственно социально-политической и законодательной ее составляющих. Прозрачность взаимоотношений государственных и муниципальных органов власти в настоящее время является основным трендом развития федерализма и его, скажем так инновационно-технического обновления. Цифровизация, обеспечивающая такую прозрачность, является модным и популярным нарративом массового социально-политического сознания. По мнению немецкого экономиста, главного идеолога цифровой трансформации, основателя и бессменного президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба, «мы вошли безвозвратно в принципиально новую эпоху общественно-политического и социально-экономического развития, которая радикально изменит всё» [20, с. 3]. А весьма популярный американский социолог Джон Урри убеждает нас в том, что сегодня «меняются как форма организации и модели взаимодействия, так и сам человек, или более корректно — трансформируется классический человеческий стандарт узнаваемости» [17, с. 5]. Цифровизация, или, как считают А. П. Кочетков, А. Ю. Мамычев и А. Ю. Мордовцев, «цифровой транзит» [9, с. 109], провоцирует институциональный эффект «параллельного действия» [9, с. 134], когда новые условия, позиционируемые техногенной цивилизацией, нарушают адекватность традиционных институтов, искажают результаты их действия, трансформируют их структурно-функциональные дефиниции.

В когнитивном пространстве новой теории транзитивности появляется соответствующий теоретико-аналитический инструментарий, описывающий переходный характер современного федерализма, временность и специфичность данного процесса, качественно новый совокупный социокультурный, экономический и политико-правовой аттрактор.

Таким образом, инновационные процессы виртуальной публично-властной коммуникации не только

значительно увеличивают и дополняют социально-политическое пространство, но и делают его более комплементарным за счет следующих аспектов: продуцирования инновационных моделей властного взаимодействия в системе личность — общество — государство: цифровое правительство, виртуальные чиновники, государственные сервисные платформы и т. д. [16, с. 200]; появления принципиально новых акторов — онлайн сообществ, гибридных политических субъективностей — виртуальных аватаров, цифровых копий, виртуальных агентов и т. п. [13, с. 12]; возникновения актантов — автоматизированных цифровых алгоритмов, систем искусственного интеллекта, самообучающихся нейронных сетей, алгоритмических экспертных системы и т. п. [19]; кардинальной трансформации структуры самого политического процесса [19, с. 13]; изменения социально-политической мобилизации и идентификации [1, с. 118]; актуализации новых форм политического управления — техники «мягкого» цифрового давления и таргетированного манипулирования [2]; трансформации ценностно-нормативной иерархии социума, нуждающегося в цифровых системах и требующего их развития [5, с. 116].

Заключение

Публичная власть выходит на новый уровень и, возможно, будет осуществляться в цифровых режимах, среди которых мы эксплицировали следующие: «проекционный режим», распространяющий господство власти, выраженное в принуждении, на расстояние, значительно превышающее суверенную юрисдикцию государства [20]; режим «политической виртуализации», «аватаризации», «гибридизации», «интерфейсизации» как социально-технологических ресурсов современной власти [18, с. 180].

Конечно же, изменится и публичный дискурс. Властные решения будут легитимированы в новых лингвистических и смысловых формах. Особенно это коснется избирательных технологий, где легитимация будет осуществляться уже не через апелляцию к идейно-концептуальной парадигме демократии в ее адекватно-институциональном воплощении, а через интерактивность пользователей и социально-техническую риторику [18, с. 182]. Электронное голосование приобретает формат либо «удобного и адекватного времени цифрового сервиса», либо «удобной модели коммуникации современного человека, как и использование других дистанционных услуг и сервисов» [18, с. 183].

Цифровизация властных отношений провоцирует трансформацию политических доктрин, выраженную в четырех основных форматах.

Первый — сервисная парадигма, интенсивно развивающаяся сервисную модель, в рамках которой осуществляется горизонтальная мобильность частных и публичных интеракций, происходящих в параметрах аутсорсинга.

Второй формат — цифровая государственно-правовая структура, фундированная эффективными

платформенными решениями, которые, в свою очередь, обеспечены интерактивными системами и виртуальными технологиями типа e-democracy, e-government, e-public services и т. п. [10, с. 117].

Третий формат — индивидуальные цифровые сервисы, позволяющие формировать соответствующие цифровые профили, а также субъективно ориентированные электронные услуги и онлайн консультирование. Это позволяет интерактивно и транспарентно реализовывать публично-властные институции типа e-public network, e-public administration и т. п. [10, с. 118].

Четвертый формат — цифровой этатизм, предполагающий развитие цифровых процессов в определенном национально-культурном пространстве, которому служат проектируемые в данном социуме алгоритмические системы, призванные обеспечивать его целостность и безопасность. Таким образом, развиваются национальные цифровые платформы, контролируемые и регулируемые юрисдикцией конкретного государства. В этой связи цифровой этатизм, с одной стороны, призван защищать граждан определенного суверенного государства, а с другой — обеспечивать адекватное

«развитие сквозных цифровых технологий уникальным траекториям развития тех или иных цивилизационных систем» [8, с. 319].

Взаимоотношения государственных и муниципальных органов должны будут строиться в рамках четырех вышеперечисленных форматов, обеспечивая: целостность и устойчивость социальной системы в новых условиях цифровой трансформации общественных систем [2]; адаптацию процессов интенсивного развития сквозных цифровых технологий к традиционным социально-культурным процессам [8]; гармонизацию социокультурных и технологических оснований общественной системы, а также обеспечения их безопасности [8, с. 332].

Угрозой такому взаимодействию может стать лишь цифровая элита как «социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирующая информационные потоки и банки данных, которая может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях» [19, с. 53].

Список источников

1. Ахмедов Р. М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов) : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 167 с.
2. Баранов П. П., Мамычев А. Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1. С. 357–361. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0088 EDN: EZZYAP.
3. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. С. 65–69.
4. Буров В. В., Петров М. В., Шклярчук М. С., Шаров А. В. «Государство-как-платформа»: эффекты реализации и управление развертыванием // Государственная служба. 2018. Т. 20, № 4. С. 17–26. DOI: 10.22394/2070-8378-2018-20-4-17-26 EDN: YQVFBZ.
5. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления : монография. Москва : Изд-во Московского ун-та, 2015. 272 с.
6. Золаев Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 5. С. 1583–1594. DOI: 10.18334/ce.15.5.112164 EDN: AVKZLN.
7. Информационные ресурсы развития Российской Федерации : Правовые проблемы / А. А. Антопольский, И. Л. Бачило, Г. В. Белов [и др.]. Москва : Наука, 2003. 402 с.
8. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества / А. П. Кочетков, И. А. Василенко, С. В. Володенков [и др.]. // Власть. 2018. № 1. С. 317–331.
9. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.
10. Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.
11. Морозова Л. А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. 2006. № 6. С. 101–107. EDN: НТРНАВ.
12. Прохоров М. М. Современная эпоха и концепция информационного общества : монография. Нижний Новгород : ННГАСУ, 2021. 416 с.
13. Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все. Москва : ЭКСМО, 2020. 480 с.
14. Тарасов А. М. Электронное правительство: понятие и система. Санкт-Петербург : Галарт, 2011. 646 с.
15. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 3. С. 287–290. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-3-287-290 EDN: ЕНУУЕН.

16. Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация / В. В. Аверьянов, И. А. Шнуренко, М. Г. Делягин [и др.]. Москва : Книжный мир, 2021. 320 с.
17. Урри Дж. Как выглядит будущее. Москва : Издательский дом Дело, 2018. 320 с.
18. Федоров В. И. Электронное голосование: российский и зарубежный опыт. Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2024, 237 с.
19. Федорченко С. Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 34–57. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-34-57 EDN: EBNGSH.
20. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : ЭКСМО, 2016. 288 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.02.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 18.02.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.


Научная статья
УДК 343.115
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-170-173

С. 170–173

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ СВОЙСТВАМИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ

Дмитрий Сергеевич Иванов

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
dmitriyivanov01@gmail.com

 <https://orcid.org/0009-0007-9848-8057>

Аннотация. Предмет доказывания в суде с участием присяжных заседателей имеет свои характерные особенности. Анализ доктринальных позиций о сущности суда с участием присяжных заседателей позволил сделать вывод, что процессуальные и психологические элементы являются внутренними признаками индивидуальных свойств суда присяжных. Выявленные внутренние признаки индивидуальных свойств суда присяжных дали возможность обозначить факторы, определяющие особенности предмета доказывания в суде с участием присяжных заседателей.

К процессуальным признакам автор относит фактор разграничения предмета доказывания. Исследование доказательств с участием присяжных заседателей для вынесения вердикта (вопрос факта) и исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу после вынесения приговора (вопрос права). Фактор сужения предмета доказывания за счет исключения определенных обстоятельств из предмета доказывания в виде исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. Запрещения исследовать «иные данные», способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Фактор расширения предмета доказывания за счет постановки дополнительных вопросов, включение определенных обстоятельств, в зависимости от позиции сторон.

К психологическим признакам автор относит фактор разграничения предмета доказывания в виде разницы в восприятии присяжного заседателя и профессионального судьи обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Фактор сужения предмета доказывания за счет исключения определенных обстоятельств из предмета доказывания, что влечет за собой искажение житейского правосознания присяжного заседателя.

Ключевые слова: предмет доказывания, суд, присяжные заседатели, индивидуальные свойства, процессуальные признаки, психологические признаки


Для цитирования: Иванов Д. С. Обусловленность предмета доказывания в суде с участием присяжных заседателей индивидуальными свойствами суда присяжных // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 170–173. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-170-173

Research article

CONDITIONALITY OF THE SUBJECT OF EVIDENCE IN A COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURIES BY THE INDIVIDUAL PROPERTIES OF THE JURY TRIAL

Dmitry S. Ivanov

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
dmitriyivanov01@gmail.com

 <https://orcid.org/0009-0007-9848-8057>

Abstract. The subject of proof in a jury trial has its own characteristic features. The analysis of doctrinal positions on the essence of the trial by jury allowed us to conclude that procedural and psychological elements are internal features of individual properties of the jury trial. Identified internal signs of individual properties of the jury trial, made it possible to outline the factors that determine the features of the subject of proof in a jury trial.

To the procedural features the author attributes the factor of differentiation of the subject of proof. The study of evidence with the participation of jurors for the verdict (a question of fact) and the study of circumstances to be proved in the case after the verdict (a question of law). The factor of narrowing the subject of proof by excluding certain circumstances

from the subject of proof in the form of the study of circumstances characterizing the defendant's personality. Prohibitions to investigate "other data" that may cause prejudice to the jury against the defendant. The factor of expansion of the subject of proof by raising additional questions, inclusion of certain circumstances, depending on the position of the parties.

To psychological signs the author includes the factor of differentiation of the subject of proof in the form of a difference in the perception of the juror and professional judge of the circumstances to be proved in the case. The factor of narrowing the subject of proof by excluding certain circumstances from the subject of proof, which entails distortion of the juror's worldly legal consciousness.

Keywords: subject of proof, court, jurors, individual properties, procedural characteristics, psychological characteristics

For citation: Ivanov DS. Conditionality of the subject of evidence in a court with the participation of juries by the individual properties of the jury trial. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(5):170-173. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-170-173 (In Russ.)

Введение

Возрождение суда присяжных в России состоялось в 1996 г., однако несмотря на почти тридцатилетнюю практику, теоретические дискуссии по вопросу доказывания на этапе судебного следствия с участием присяжных заседателей остаются актуальными.

Уголовно-процессуальным законодательством (далее — УПК РФ) определен предмет доказывания, который представляет собой систему указанных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств, где событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы составляют главный факт предмета доказывания. В настоящее время в уголовном процессе существует несколько основных трактовок предмета доказывания. Под предметом доказывания понимается «совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу» [9, с. 213], или предмет доказывания является «частью предмета уголовно-процессуального познания» [8, с. 9].

Исследование особенностей предмета доказывания в суде с участием присяжных заседателей представляют важность в аспекте обусловленности индивидуальными свойствами суда присяжных.

В дореволюционной России первую достаточно полную характеристику индивидуальным свойствам суда присяжных дал И. Я. Фойницкий, обозначая их термином «имманентные свойства», которые позволяли отделить суд с участием присяжных заседателей от «смежных» форм народного участия в осуществлении правосудия [16, с. 127–128]. Вместе с тем процессуальные свойства детерминировались и с субъективными факторами. С. К. Гогель указывал на гносеологические и психологические свойства присяжных заседателей и профессионального судьи, отмечая, что «внутреннее убеждение суда присяжных — это почти бессознательное. Вердикт присяжных поставлен только на основании одного внутреннего убеждения. Приговор же коронного судьи — это логика фактов. Коронный судья выносит мотивировочный приговор и не может основываться исключительно на внутреннем убеждении. В данном случае действует «господство логической мотивировки» [7, с. 80].

Доктринальные позиции современных исследователей в текущем изложении именуются

«институциональными» [6; 15]. С. А. Насонов разграничивает особенности суда присяжных на субстанциональные (определяющие сущностную целостность суда присяжных) и субсидиарные (определяющие вспомогательный характер), объединяя их в институциональные признаки суда присяжных и отличая их от иных форм гражданского участия в отправлении правосудия [15, с. 71–72].

Описание исследования

Анализируя индивидуальные свойства суда с участием присяжных заседателей, позиции исследователей можно разделить на три группы. В первой группе перечисляется наибольшее количество процессуальных особенностей, отличающих суд с участием присяжных заседателей от других форм осуществления правосудия [11, с. 42–49; 1, с. 12–13]. Вторая группа авторов следует по принципу лаконичности и указывает только те признаки, которые составляют основное ядро правовой природы гражданского участия в правосудии. Так, В. В. Мельник сущность и особенности суда присяжных представляет в «делении суда на две работающие совместно коллегии, каждая из которых в процессе судебного разбирательства действует в пределах своей компетенции: коллегии непрофессиональных судей и одного профессионального судьи — председательствующего» [14, с. 17]. К третьей группе принадлежат взгляды ученых, которые к индивидуальным свойствам относят не только процессуальные особенности, но и другие стороны познавательной деятельности суда присяжных заседателей. Так, Л. М. Карнозова видит отличительную черту суда присяжных в том, что «решение относительно виновности или невиновности подсудимого принимается самостоятельно коллегией непрофессиональных судей. Это — ядро конструкции, вокруг которой разворачиваются все остальные особенности — процессуальные, организационные, психологические» [12, с. 27–28]. А также суд присяжных характеризуется как «совокупная» модель правосудия с участием как народного, так и профессионального элемента, роль каждого из которых конституирует суд присяжных как целое» [12, с. 27–28]. В данном случае Л. М. Карнозова совершенно справедливо усматривает индивидуальные свойства суда с участием присяжных заседателей

в совокупности процессуальных и психологических сторон судебного следствия.

З. И. Брижак выделяет индивидуальные различия суда присяжных на основании психологических познаний: «разница в восприятии судьи профессионала и восприятии присяжного заседателя как человека, не обладающего даже элементарными юридическими знаниями; разный объем предоставляемой информации. Суд присяжных опирается при формировании своей позиции по отношению к подсудимому на объективно меньший объем информации по сравнению с профессиональным судьей [4, с. 28]. П. А. Лупинская выделяет преимущества группового суда присяжных заседателей перед решением профессионального судьи, в котором можно также усмотреть психологические особенности: «максимальная приближенность суда присяжных к реальной жизни, позволяющая при решении вопроса о виновности лица в совершении преступления пользоваться здравым смыслом (практическим рассудком); отсутствие профессиональных стереотипов мышления; коллегиальное, а не единоличное противостояние общественному мнению» [13, с. 99].

Анализируя концептуальные походы по исследованию сущности и отличительных особенностей суда присяжных заседателей, представляется возможным выявить внутренние признаки индивидуальных свойств (качества которыми объект уже обладает), связанных с факторами, определяющими особенности предмета доказывания в суде с участием присяжных заседателей. Такими признаками, на наш взгляд, будут являться процессуальные, гносеологические, психологические и информационные элементы. В рамках данной статьи остановимся на процессуальных и психологических признаках.

Процессуальные признаки

Процессуальной особенностью института суда присяжных, по мнению исследователей [9; 15], является разграничение компетенций между присяжными заседателями и председательствующим судьей, что представляется характерным признаком, отличающим «народный» суд от других форм осуществления правосудия, когда решение относительно виновности или невиновности подсудимого принимается самостоятельно коллегией непрофессиональных судей. В связи с этим обстоятельством возникает необходимость в разграничении предмета доказывания на две группы. Первая — исследуется с участием присяжных заседателей для вынесения вердикта (вопрос факта), вторая группа возникает после вынесения приговора (вопрос права). Основные проблемные вопросы видятся в отношении сужения предмета доказывания для присяжных заседателей. По общему правилу в предмет доказывания присяжных заседателей входит лишь установление события преступления и вины лица, его совершившего. Вместе с тем расширение предмета доказывания обусловлено более широким действием принципа состязательности и возможно

за счет постановки дополнительных вопросов, включение определенных обстоятельств, в зависимости от позиции сторон [10].

Предмету доказывания в суде с участием присяжных заседателей присуща особенность в виде исключения определенных обстоятельств из предмета доказывания исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). Существующее правовое регулирование диктует сторонам и председательствующему судье необходимость быть предельно осторожными в использовании доказательств в суде с участием присяжных заседателей. Кроме этого, проблемной особенностью видится неопределенность нормативного положения ч. 8 ст. 335 УПК РФ, согласно которому запрещено исследовать «иные данные», способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Указанное нормативное положение влияет не только на предмет доказывания, но и на использование отдельных видов доказательств. В частности, сложившаяся практика не позволяет исследовать в суде с участием присяжных заседателей заключение психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа, судебно-психологической экспертизы, а также иные экспертизы, содержащие данные о личности подсудимого.

Психологические признаки

Наличие специфического психологического фактора в суде с участием присяжных заседателей представляется характерным индивидуальным свойством. Т. А. Владыкина отмечает, что «зачастую мнение коллегии присяжных заседателей о виновности (невиновности) подсудимого формируется не на основе количества и качества исследованных доказательств, а на основе субъективных данных о лице, сидящем на скамье подсудимых и о состоявшихся сторонах» [5]. В предмет доказывания часто входят обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, если это имеет значение для установления мотива деяния и иных обстоятельств. Присяжный заседатель всегда будет производить внутреннее исследование личности подсудимого, подобное исследование, безусловно, не принимает процессуальную форму, однако результаты данного анализа всегда отражаются на вердикте, например, при разрешении вопроса о снисхождении [5].

Юридические и научные источники изобилуют примерами, когда суд присяжных по, казалось бы, резонансным делам, в которых преступление доказано, вдруг выносят оправдательный вердикт [3, с. 313–314]. Данные ошибки обозначаются как «ошибки познания фактических обстоятельств преступления» [2, с. 216] и, по мнению исследователей, возникают в вопросах предмета доказывания. Это «ошибки в предмете доказанности совершения именно рассматриваемого варианта правонарушения, доказанность совершения правонарушения подсудимым, определение виновности подсудимого» [2, с. 216]. Причинами вынесения несправедливого оправдательного вердикта является

недостаточность совокупности объективной информации, что влечет за собой «ошибки познания фактических обстоятельств уголовного правонарушения». В указанном случае «выступает субъективный психологический механизм в виде „ценностно-смыслового механизма“ (житейское познание индивида, которое в значительной степени отличается от профессионального правосознания)» [2, с. 217].

Заключение и выводы

Таким образом, процессуальные и психологические элементы являются внутренними признаками индивидуальных свойств суда присяжных, связанными с факторами, определяющими особенности предмета доказывания в суде с участием присяжных заседателей.

К процессуальным факторам относятся:

— *разграничение предмета доказывания* на исследование доказательств с участием присяжных заседателей для вынесения вердикта (вопрос факта) и исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу после вынесения приговора (вопрос права);

— *сужение предмета доказывания* за счет исключения определенных обстоятельств из предмета доказывания в виде исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. Запрещения исследовать «иные данные», способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого;

— *расширение предмета доказывания* за счет постановки дополнительных вопросов, включение определенных обстоятельств в зависимости от позиции сторон.

К психологическим факторам относятся:

— *разграничение предмета доказывания* в виде разницы в восприятии присяжного заседателя и профессионального судьи обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу;

— *сужение предмета доказывания* за счет запрета на ознакомление с материалами уголовного дела, что влечет за собой разность восприятия объема предоставляемой информации по делу. Исключение определенных обстоятельств из предмета доказывания, что влечет за собой искажение житейского правосознания присяжного заседателя.

Список источников

1. Агафонов С. Ю. Суды с народным представительством в России в X — начале XX веков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 27 с.
2. Белодед Д. Р., Миненко И. Ф. Психологические особенности формирования предубеждения присяжных заседателей в отношении подсудимого // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 214–221. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-2-214-221
3. Беляев В. М. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 427 с.
4. Брижак З. И. Личностные детерминанты формирования внутреннего убеждения присяжных заседателей : дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 165 с.
5. Владыкина Т. А. Психологические особенности реализации принципа состязательности сторон в суде присяжных // Журнал российского права. 2012. № 8 (188). С. 81–91.
6. Владыкина Т. А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 442 с.
7. Гогель С. К. Суд присяжных и экспертиза в России. Ковна : Типография губернского правления, 1894. 119 с.
8. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 152 с.
9. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. Москва : Юристъ, 2000. 272 с.
10. Иванов Д. С. Особенности предмета доказывания при производстве в суде с участием присяжных заседателей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2022. Т. 22, № 2. С. 12–16.
11. Ильин А. В. Особенности структуры судебного разбирательства с участием присяжных заседателей : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 177 с.
12. Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. Москва : NotaBene, 2000. 368 с.
13. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. 240 с.
14. Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. Москва : Дело, 2000. 496 с.
15. Насонов С. А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. 517 с.
16. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. Санкт-Петербург : Альфа, 1996. 552 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.03.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 29.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

Научная статья
УДК 343.3/7
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-174-178


С. 174–178

НЕОБХОДИМОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИНФОРМАЦИИ

Иосиф Николаевич Кур

Академия управления МВД России, Москва, Россия

xviperrus@vk.com

 <https://orcid.org/0009-0002-7961-3194>

Аннотация. Результатом развития информационных технологий стало возникновение «информационного общества». Основой последнего является оборот различной по своему содержанию и правовому значению информации, которая является предметом общественных отношений, а также нетипичной социально-правовой ценностью.

Однако вместе с повышением социально-правовой ценности информации возникают новые угрозы, непосредственным образом связанные с использованием информации в преступных целях. Появление угроз и рисков для личности, общества и государства нуждаются в правовом регулировании, в частности с привлечением уголовно-правовых средств.

Уголовный закон, выступающий в качестве правовой реакции государства на тенденции в обществе, устанавливает противоправность и наказуемость деяний, связанных с использованием информации. Однако законодательские действия (которые связаны с криминализацией и декриминализацией деяний в уголовном законе) не всегда сопровождаются их качественным содержанием, что непосредственным образом сказывается на эффективности работы охранительного уголовно-правового механизма. В связи с этим необходимо тщательное изучение предпосылок возникновения и исчезновения уголовно-правовых запретов, в частности информационных.

Названные предпосылки, раскрывающие необходимость (или социальную обусловленность) уголовно-правовой охраны, призваны давать всестороннюю и объективную оценку происходящих в социуме явлений, обладающих признаком общественной опасности. Именно упомянутая оценка должна лежать в основе законодательных изменений, возникающих в уголовном законе.

Социальная обусловленность уголовно-правовой охраны информации заключается в возросших характере и степени общественной опасности деяний в информационной сфере, выражающихся в количественно-качественных критериях.

Ключевые слова: социальная обусловленность, уголовно-правовая охрана, информация, оборот информации, информационное общество, преступление, уголовный закон

Для цитирования: Кур И. Н. Необходимость уголовно-правовой охраны информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 174–178. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-174-178


Research article

NECESSITY OF CRIMINAL LAW PROTECTION OF INFORMATION

Iosif N. Kur

Academy of Management of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia

xviperrus@vk.com

 <https://orcid.org/0009-0002-7961-3194>

Abstract. The development of information technologies has resulted in the emergence of the “information society”. The basis of the latter is the turnover of information of different content and legal significance, which is the subject of social relations, as well as atypical social and legal value.

However, along with the increase in the socio-legal value of information, new threats arise, directly related to the use of information for criminal purposes. The emergence of threats and risks for the individual, society and the state need legal regulation, in particular with the involvement of criminal law means.

Criminal law, acting as a legal response of the state to trends in society, establishes the unlawfulness and punishability of acts related to the use of information. However, lawmaking actions (which are associated with the criminalisation and decriminalisation of acts in the criminal law) are not always accompanied by their qualitative content, which directly affects the effectiveness of the protective criminal legal mechanism. In this regard, it is necessary to carefully study the prerequisites for the emergence and disappearance of criminal-legal prohibitions, in particular, information prohibitions.

These prerequisites, revealing the necessity (or social conditionality) of criminal-legal protection, are designed to give a comprehensive and objective assessment of the phenomena occurring in society, possessing the sign of public danger. It is this assessment that should be the basis for legislative changes arising in the criminal law.

The social conditionality of criminal-legal protection of information consists in the increased nature and degree of public danger of acts in the information sphere, expressed in quantitative and qualitative criteria.

Keywords: social conditioning, criminal legal protection, information, information circulation, information society, crime, criminal law

For citation: Kur IN. Necessity of criminal law protection of information. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):174-178. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-174-178 (In Russ.)

Введение

Происходящий в последние три десятилетия процесс информационной трансформации существенно повысил правовое и социальное значение информации. Данное обстоятельство сделало возможным рассмотрение информации и ее влияния на интересы личности, общества и государства в несколько ином аспекте. В конечном счете, результаты информационной трансформации обусловили «проникновение» информации во все сферы жизнедеятельности. В процессе повседневной деятельности человек так или иначе сталкивается с информацией, облаченной в различные формы. Такое явление существенным образом изменило жизнь человека, в том числе в социальном и правовом аспектах.

Следствием таких изменений является возникновение «цифрового общества» [1, с. 31], главным ресурсом и условием существования которого является создание, получение, обработка, хранение и передача разной по своему содержанию и характеру информации. Кроме того, появляются новые виды деятельности, основой которых является оборот информации, которая, безусловно, приносит огромную пользу обществу.

Однако наряду с пользой, бесконтрольное развитие информации способно нанести определенный вред интересам личности, общества и государства. В связи с этим последнему необходимо своевременно реагировать на возникающие изменения, причем основываться при этом на реальных потребностях общества, а также потенциальных угрозах, исходящих от информации. Такой реакцией государства на обозначенные выше изменения является создание многозвенной системы правового регулирования информационных общественных отношений, среди которых особое место занимает действующий уголовный закон.

Материал и методы

В ходе исследования применены общенаучные и частнонаучные методы исследования: формально-догматический, диалектический, сравнительно-правовой, статистический. Материалами проведенного исследования являются нормативные правовые акты, акты судебного толкования, а также доктринальные положения, связанные с исследованием.

Описание исследования

Основным нормативным правовым актом, закрепляющим право лица на оборот информации, является

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ). Проведенное исследование показало, что в действующей Конституции РФ содержится как минимум 10 статей, закрепляющих с одной стороны информацию в качестве каких-либо сведений, носителем которых является человек, с другой — устанавливает правовые гарантии охраны и (в случае нарушения) защиты от ее фальсификации и незаконного оборота.

Кроме того, исследования специалистов в области конституционного права показали, что вопросы в сфере правовой регламентации основ информативности в отечественном Основном законе не являются новеллой, а являются следствием активной правотворческой деятельности законодателя в данной области [3; 4; 5; 6]. Следствием такой деятельности является развитие правоотношений, подкрепленных нормативно-правовым обеспечением, обладающим двуединым характером, вытекающим из конституционно-правовых основ, речь о которых велась ранее.

Одним из элементов нормативно-правового обеспечения оборота информации охранительного характера является действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), устанавливающий запреты под угрозой наказания. Он же выступает в качестве одной из гарантий, направленных на охрану самой информации, и охраны личности и общества от нее. Данный вывод вытекает из положений ч. 1 ст. 2 УК РФ. Однако любые изменения в уголовном законе должны исходить из необходимости уголовно-правовой охраны. Решение данного вопроса важно и при рассмотрении вопроса об уголовно-правовой охране информации.

В науке уголовного права эквивалентом необходимости уголовно-правовой охраны является ее социальная обусловленность. Учитывая существующие доктринальные концепции, связанные с социальной обусловленностью уголовно-правовой охраны информации, на наш взгляд, наиболее подходящими по своему значению и содержанию являются ее «основание» и «критерии».

Такой подход не случаен. Основание социальной обусловленности стоит определять как существующие предпосылки, социальные причины возникновения либо изменения уголовно-правовой нормы [2, с. 206]. Они выступают ядром обозначенной обусловленности, без учета которой невозможна оценка общественной действительности, имеющей значение при принятии решения о криминализации, либо декриминализации деяния.

В контексте вопросов оборота информации и права лица на оборот последней, основанием социальной обусловленности уголовно-правовой охраны информации является: развитие информации как социально-правового явления, а также правовое обеспечение оборота информации, расширение прав участников общественных отношений в указанной сфере, с другой стороны обусловило появление новых угроз, исходящих от характера оборота и категории информации.

Критерии социальной обусловленности выражаются в определенных признаках, по которым можно установить необходимость и, важно отметить, допустимость введения либо ликвидации уголовно-правового запрета, правильность установления которого влияет на эффективность охранительного потенциала конкретного уголовно-правового положения [7, с. 42]. Таковыми критериями являются:

1. Общественная опасность информации;
2. Распространенность типа преступного посяательства;
3. Соразмерность криминализации;
4. Правовая адекватность криминализации.

Перечисленные критерии наряду с основанием социальной обусловленности имеют собственное значение. Они позволяют оценить характер и степень общественной опасности, исходящего от социального явления, а также определить, какими уголовно-правовыми средствами возможно обеспечение законных интересов личности, общества, государства, в том числе и в сфере оборота информации.

*Общественная опасность информации*¹. Не вдаваясь в теоретические подробности характера и степени общественной опасности, следует отметить, что последние рассматриваются исследователями с позиции закрепленности деяния в Особенной части уголовного закона [8, с. 25–31], а также в зависимости от категории «информационного преступления».

Исходя из этого подхода, отмечается, что те либо иные аспекты оборота информации встречаются практически во всех главах, во всех разделах уголовного закона. При этом присутствует целая глава уголовного закона, целиком посвященная одному из видов информации в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, а именно — глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

Распространенность типа преступного посяательства, раскрывающая частоту ее проявления в социальной действительности. Статистические данные выявленных информационных преступлений отражают динамику роста: в 2019 г. — 294 409; в 2020 г. — 503 493; в 2021 г. — 511 300; 2022 г. — 515 021; 2023 г. — 677 000

преступлений². Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что существенный рост информационных преступлений в период 2019–2020 гг., и в последующие отчетные периоды имеют стабильно возрастающий характер. Кроме того, сравнение данных за 2019 г. и 2023 г. показывает, что в процентном соотношении рост выявленных преступных посятельств составляет 129,95 % или в 2,3 раза.

Другим критерием социальной обусловленности является *соразмерность криминализации*, предназначенная для выявления положительных и отрицательных сторон внедрения запрета, в том числе и информационного, под уголовно-правовую охрану. Данный критерий необходим для соблюдения баланса между нормами законодательства РФ в информационной сфере, закладывающего принцип «свободы оборота информации» и информационных уголовно-правовых запретов, направленных на недопущение нарушения сложившегося порядка оборота информации, прав и законных интересов носителей информации и других заинтересованных лиц.

В уголовно-правовой доктрине некоторыми исследователями предлагается выделить отдельный раздел уголовного закона, в который будут включены все информационные уголовно-правовые запреты [8, с. 12–13]. Однако при реализации данного подхода все же могут возникнуть трудности, вызванные фигурированием информации во многих разнородных по своему содержанию общественных отношениях. Такую разнородность можно определить при изучении информационных уголовно-правовых запретов, изложенных в разных разделах и главах Особенной части УК РФ.

Следующим критерием социальной обусловленности уголовно-правовой охраны информации является *правовая адекватность криминализации*, направленная на выявление степени соответствия уголовно-правовых изменений с государственной политикой в исследуемой сфере. В конечном счете, создана целая система государственных программ, отвечающих требованиям законодательства РФ в информационной сфере. Такие программы не только развивают исследуемую сферу, но и совершенствуют меры защиты информации, ее оборота, прав участников указанных общественных отношений. В частности, в п. «д» ч. 1 Указа Президента Российской Федерации в данной сфере отмечено, что цифровая (*она же информационная*) трансформация является одной из национальных целей развития Российской Федерации на сегодняшний день³. Впоследствии была разработана и введена в действие государственная

² Состояние преступности // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 20.01.2024).

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102792289&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 13.01.2024).

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. С. 332.

программа «Информационное общество»¹, в рамках которой особый интерес представляет подпрограмма «Безопасность в информационном обществе»², предназначенная для противодействия негативным факторам информационности. Дополняя описанное выше, стоит отметить, что существует другой документ, более детально раскрывающий вопросы информационной безопасности, а именно Доктрина информационной безопасности³. Учитывая большое количество правовых документов в исследуемой области, необходимо указать, что вопросы информационности представляют существенное значение как для отдельных граждан, так и для деятельности государства в целом, в связи с чем развиваются не только правовые основы оборота информации, но и меры ее охраны, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Заключение и вывод

Учитывая вышесказанное в аспекте необходимости уголовно-правовой охраны информации, полагаем высказать следующее выводы:

1. В настоящий момент следует отметить повышение роли информации в общественных отношениях. Трансформация в информационном аспекте общественных отношений направлена на обеспечение высокой эффективности реализации прав и свобод всех участников. Вместе с тем информационный оборот представляет угрозу как для самой информации (влияет на степень ее достоверности), так и для других

участников общественных отношений, поскольку она является предметом этих отношений. Кроме того, можно констатировать, что информация в возникшем информационном обществе стала определенным правовым благом, вокруг которого и строятся общественные отношения, в связи с чем предлагается вести научный дискурс по поводу постановки информации в качестве самостоятельного, имеющего свои особенности объекта уголовно-правовой охраны. Предполагается, что постановка информации в таком качестве позволит повысить охранительный потенциал уголовно-правовых запретов с учетом текущих веяний технологического и общественного развития.

2. Предполагается, что уголовно-правовая охрана информации, раскрываемая через ее социальную обусловленность, внимание которой уделялось в основной части исследования.

3. Учитывая действующие уголовно-правовые запреты в различных общественных отношениях связанных с информацией, следует в ст. 2 УК РФ внести изменения, в части введения охраны информации и защиты участников общественных отношений от нее в качестве одной из самостоятельных задач уголовного закона. Упомянутое изменение позволит устранить правовой пробел, заключающийся в фактическом присутствии в уголовном законе информации как объекта уголовно-правовой охраны, при его формально-юридическом отсутствии.

Представленные в основной части исследования основание и сопутствующие критерии социальной обусловленности уголовно-правовой охраны информации позволяют говорить о том, что такая охрана необходима ввиду возросшей общественной опасности, исходящей со стороны информационных преступлений. Также изложенные в основной части исследования основание и критерии социальной обусловленности уголовно-правовой охраны информации представляют определенный теоретический интерес, поскольку в данном случае формулируются конкретные положения, позволяющие в определенной степени прийти к выводу об необходимости, либо чрезмерности того или иного законодательного деяния в уголовном законе.

Список источников

1. Мирошниченко М. А. Цифровая трансформация: российские приоритеты формирования цифровой экономики : монография. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. 224 с.
2. Основания уголовно-правового запрета : криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Давель, Г. А. Злобин [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. Москва, 1982. 303 с.
3. Гришаева Ю. И. Конституционные основы информационно-правового статуса человека и гражданина // Вестник ОГУ. 2005. № 3-2. С. 273–276.
4. Гавришов Д. В. Понятие и значение субъективного права на информацию в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 348–351.
5. Щеголева Н. А., Силаев П. О. Конституционно-правовой аспект права на информацию // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 4. С. 119–125.
6. Пашнина Т. В. Дискуссионные аспекты определения термина «Право на информацию» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 2. С. 98–105.

7. Денисова А. В. Функции уголовного права в российской правовой системе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 2 (33). С. 40–45.

8. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2017. 427 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи /Received: 17.04.2024.

Дата рецензирования статьи /Revised: 15.05.2024.

Дата принятия статьи к публикации /Accepted: 25.05.2024.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Андрей Николаевич Макаров

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия
andr121@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0003-8772-393X>

Аннотация. В местах принудительного содержания органов внутренних дел могут находиться следующие категории лиц: лица, задержанные по подозрению в совершении преступлений; подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и лица, осужденные к лишению свободы. Основная цель функционирования мест принудительного содержания под стражей заключается в том, чтобы лицо, находящееся в подобном учреждении, не имело возможности дальнейшего совершения противоправных деяний, в том числе преступлений. Но эта цель не всегда бывает достигнута. Некоторые лица, находящиеся в местах принудительного содержания под стражей, совершают различные по характеру и тяжести последствий противоправные действия. При этом данные лица могут относиться к категории лиц, принудительно помещенных в данные учреждения, и к категории сотрудников, несущих службу и работающих в данных учреждениях. Для того чтобы предотвратить это, необходимо тщательно изучить личность человека, находящегося в местах принудительного содержания органов внутренних дел, составить его криминологический портрет и выбрать необходимую тактику действий, для борьбы с преступностью в подобных местах.

Ключевые слова: преступление, личность преступника, статистические данные о преступниках, места содержания под стражей, количество преступлений, тяжесть преступления, правоохранительные органы, возраст преступника, образование

Для цитирования: Макаров А. Н. Криминологический портрет лица, совершающего противоправные деяния в местах принудительного содержания органов внутренних дел // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 179–185. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-179-185

Research article

CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF A PERSON COMMITTING ILLEGAL ACTS IN PLACES OF FORCED DETENTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Andrey N. Makarov

Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia, Tyumen, Russia
andr121@yandex.ru

 <https://orcid.org/0009-0003-8772-393X>

Abstract. The following categories of persons may be held in places of forced detention of internal affairs bodies: persons detained on suspicion of committing crimes; suspects and accused of committing crimes against whom a preventive measure in the form of detention has been chosen and persons sentenced to imprisonment. The main purpose of the functioning of places of forced detention is to ensure that a person in such an institution does not have the opportunity to further commit illegal acts, including crimes. But, often, this goal is not always achieved. Some persons in places of forced detention commit illegal actions of various nature and severity of consequences. At the same time, these persons may belong to the category of persons forcibly placed in these institutions and to the category of employees serving and working in these institutions. In order to prevent this, it is necessary to carefully study the identity of a person who is in places of forced detention of internal affairs bodies, make up his criminological portrait and choose the necessary tactics to combat crime in such places.

Keywords: crime, identity of the offender, statistics on criminals, places of detention, number of crimes, severity of the crime, law enforcement agencies, age of the offender, education

For citation: Makarov AN. Criminological portrait of a person committing illegal acts in places of forced detention of internal affairs bodies. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):179-185. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-179-185 (In Russ.)

Введение

В данной статье дана криминологическая характеристика лиц, содержащихся под стражей в местах принудительного содержания органов внутренних дел. Эта характеристика основана на сравнительном анализе социологических данных преступности в Российской Федерации, предоставленных Генеральной прокуратурой РФ. Данная характеристика позволяет составить криминологический портрет личности лица, изучаемого в рамках данного исследования. Как отмечает в своей работе Ю. М. Антонян, «успешная профилактика преступлений будет в первую очередь зависеть от концентрации внимания на личности преступника, изучение которой позволяет выявить свойства, стимулирующие ее преступное поведение» [1, с. 76].

Результаты исследования и дискуссия

Первое, на что следует обратить внимание, это на количество преступлений, которые были зарегистрированы правоохранительными органами, и на количество человек, зарегистрированных правоохранительными органами как совершивших преступления в течение пятилетнего периода. Для наглядности и удобства эти данные отображены на рисунке 1¹.

латентная и ненаказанная преступность. На сегодняшний день не существует единого понимания данного термина, но наиболее точно его сформулировали в своей научной работе А. В. Ревагин и А. Ю. Гудков. По их мнению, «нераскрытая преступность — это социально опасное явление, выраженное в совокупности официально учтенных уголовно-наказуемых деяний, оставшихся нераскрытыми в связи с не установлением виновных лиц, их совершивших, в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, аккумулирующих статистический массив нераскрытых преступлений прошлых лет» [2, с. 84].

Данная информация наталкивает на вывод о том, что около половины преступлений остаются без виновного и наказанного лица по каким-либо объективным причинам.

Далее следует рассмотреть количество преступлений различной степени тяжести (особо тяжкие преступления, тяжкие преступления и преступления средней тяжести), зарегистрированные правоохранительными органами. Эти данные необходимо сравнить с количеством лиц, зарегистрированных как совершивших преступление по указанным степеням тяжести. Количество преступлений небольшой тяжести и выявленных

Преступность в РФ

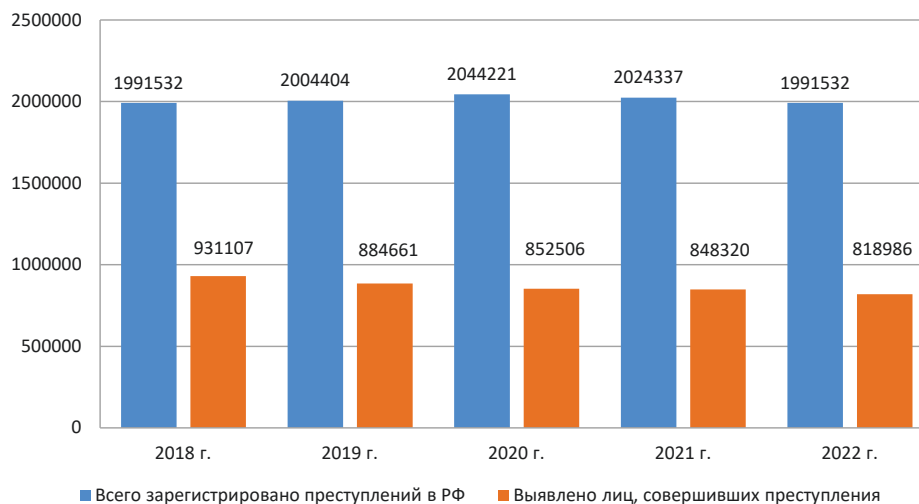


Рисунок 1 — Преступность в Российской Федерации

На существенную разницу между двумя этими показателями в большой степени влияет такой криминологический фактор, как «нераскрытая преступность». В это понятие входят такие критерии, как нераскрытая,

лиц, их совершивших, в данном исследовании учитываться не будут, так как наказание за совершения подобных преступлений, как правило, не является лишением свободы. Соответственно, данные лица с большой долей вероятности не будут содержаться в местах принудительного содержания органов внутренних дел. Эти данные отражены в таблице 1.

Изучив представленные в таблице 1 данные, можно прийти к некоторым выводам. Самый очевидный

¹ Здесь и далее статистика представлена по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Портал правовой статистики». URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 06.01.2024).

Таблица 1 — Количество преступлений различной степени тяжести и количество человек, совершивших данные преступления, выявленные и зарегистрированные правоохранительными органами

Период, год	Особо тяжкие преступления		Тяжкие преступления		Преступления средней тяжести	
	Зарегистрировано преступлений	Выявлено человек	Зарегистрировано преступлений	Выявлено человек	Зарегистрировано преступлений	Выявлено человек
2018	112 201	39 196	335 973	147 164	660 056	242 409
2019	104 719	37 872	389 373	144 010	654 912	223 665
2020	109 848	38 457	453 356	145 028	635 527	209 124
2021	114 066	40 416	446 013	156 696	604 403	195 351
2022	124 779	42 326	412 218	157 765	598 993	184 539

заключается в закономерности — чем легче степень тяжести, тем больше преступлений совершается. Причем разница в количестве совершенных преступлений по различным степеням тяжести исчисляется в сотнях тысяч единиц. Если в 2022 г. было зарегистрировано 124 779 особо тяжких преступлений, то в тот же период времени тяжких преступлений было зарегистрировано уже 412 218, ну а количество преступлений средней тяжести равнялись 598 993. Как правило, данная закономерность объясняется тем, что не каждое лицо может решиться на особо тяжкое преступление, осознавая его последствия, и наоборот, некоторые преступления средней тяжести в своем составе содержат неумышленную форму вины. Степень тяжести преступлений напрямую зависит от их состава.

На тот факт, что количество выявленных правоохранителями лиц, совершивших преступления, меньше количества зарегистрированных преступлений в два-три раза, мы уже обращали внимание при рассмотрении диаграммы (рисунок 1). Поэтому можно проследить определенную закономерность в том, что количество выявленных лиц зависит от количества преступлений. Исключением из этого правила являются статистические данные за 2022 г., касающиеся тяжких преступлений. Именно в этот год тяжких преступлений было зарегистрировано меньше, чем в предыдущие, а количество выявленных лиц значительно больше. Но это выглядит скорее как исключение из общего правила.

Факт, заключающийся в том, что преступлений особой тяжести в 2018 г. было зарегистрировано больше, чем в 2019-м и 2020-м гг., не исключает этот год из общего правила, так как количество выявленных лиц, совершивших эти преступления, также больше чем в 2019-м и 2020-м гг.

На основе полученных данных приходим к выводу о том, что в местах принудительного содержания органов внутренних дел большего всего находится лиц подозреваемых, обвиняемых и осужденных за совершение тяжких преступлений и преступлений средней тяжести. Разумеется, в указанных местах содержатся лица и за преступления другой степени тяжести, но их намного меньше.

Далее, следует обратить внимание на социальный портрет преступности в Российской Федерации. По статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации можно составить определенный портрет усредненного, абстрактного лица, совершившего преступление. Как правило, это мужчина, не имеющий постоянного источника дохода, имеющий гражданство Российской Федерации, и получивший начальное либо основное общее образование. К таким же выводам приходит Н. Козлова: «Преступлений в России больше совершают мужчины. Как заявляет ТАСС, это делают мужчины без постоянного заработка и уже судимые»¹.

В таблице 2 приведены данные о лицах, зарегистрированных правоохранительными органами как совершивших преступления в период с 2018 по 2021 гг. Это мужчины, граждане Российской Федерации. Число лиц указано в процентах от общего числа лиц в данной категории. Категории лиц, где числовое значение не превышает 15 %, в таблице не указаны, так как в рамках исследования они не представляют интерес. Также среди лиц, совершивших преступления, не приводится количество женщин — неграждан Российской Федерации, поскольку их количество недостаточно большое, чтобы заострять на нем внимание.

Заострим внимание на возрасте преступника. Как утверждает М. М.-Б. Хамчиева, «среди признаков личности преступника, относящихся к социально-демографическим, особый интерес представляет возраст преступника, т. к. данная категория относится к числу часто обсуждаемых и достаточно дискуссионных» [3, с. 120].

Имеется множество определений термину «возраст», но в рамках данной работы нас интересует только «абсолютный возраст». «Абсолютный возраст — это возраст человека с момента зачатия и до конца жизни, который выражается в годах, месяцах и т. д.,

¹ МВД описало среднестатистического преступника в России // Российская газета. 2021. 7 авг. URL <https://rg.ru/2021/08/07/mvd-opisalo-srednestatisticheskogo-prestupnika-v-rossii.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Таблица 2 — Категории лиц, зарегистрированных правоохранительными органами, как совершившие преступления

Период, год	Образование	Источники дохода	Возраст
2018	начальное и основное общее — 48 %	лица без пост. источника дохода — 66 % наемные работники — 18 %	18–24 лет — 19 %
	среднее профессиональное — 25 %		25–29 лет — 19 %
	высшее — 19 %		30–49 лет — 50 %
2019	начальное и основное общее — 47 %	лица без пост. источника дохода — 64 % наемные работники — 17 %	18–24 лет — 19 %
	среднее профессиональное — 26 %		25–29 лет — 19 %
	высшее — 20 %		30–49 лет — 51 %
2020	начальное и основное общее — 47 %	лица без пост. источника дохода — 64 % наемные работники — 17 %	18–24 лет — 19 %
	среднее профессиональное — 25 %		25–29 лет — 18 %
	высшее — 20 %		30–49 лет — 51 %
2021	начальное и основное общее — 47 %	лица без пост. источника дохода — 64 % наемные работники — 17 %	18–24 лет — 19 %
	среднее профессиональное — 25 %		25–29 лет — 18 %
	высшее — 20 %		30–49 лет — 52 %

т. е. абсолютный возраст — это количественное понятие» [4, с. 56].

По статистическим данным, взятым с электронного ресурса, принадлежащего Генеральной Прокуратуре, этим возрастом является 30–49 лет. Мы считаем эти выводы некорректными, так как в приведенных статистических данных отсутствует равный диапазон в возрастных градациях. На сегодняшний день приведенные диапазоны выглядят так: 18–24 лет; 25–29 лет и 30–49 лет. Как видим, во всех трех категориях нет равного количества лет. В категории от 18 до 24 лет имеется шесть возрастов. В категории от 25 до 29 лет — пять возрастов. А в категории от 30 до 49 лет девятнадцать возрастов. Разумеется, из-за такой неравной градации получаются некорректные выводы. С точки зрения математики никаких ошибок нет, но с точки зрения психологии рядового обывателя, среднестатистическим преступником будет являться мужчина возрастом от 30 и до 49 лет, а это, как видно из приведенных выше доводов, в корне неправильное умозаключение. Ведь если количество возрастов в диапазоне от 30 до 49 лет разделить на три равные части (возрастные группы), то в каждой получится шесть возрастов. Далее, если усреднить процент в категории от 30 до 49 до 50 % и разделить на три, получится 16,6 %. То есть, если бы возрастная группа от 30 до 49 состояла из трех равных возрастных групп, то, вполне вероятно, процент преступлений в каждой из них колебался бы от 10 % до 20 %. Разумеется, это только предположение, но оно подтверждает тот факт, что среднестатистический возраст преступника

в Российской Федерации, указанный в приведенном источнике, на данный момент не верен.

Преступность несовершеннолетних в рамках данного исследования рассматриваться не будет, так как ее процентное соотношение очень мало по сравнению с количеством преступников, достигших совершеннолетия. Тем не менее необходимо учитывать, что все «взрослые» преступники когда-то были детьми, и вполне возможно, что необходимое влияние на них в возрасте, не достигшем совершеннолетия, могло бы положительно сказаться на правосознательном поведении в возрасте после совершеннолетия. Согласимся с высказыванием А. В. Майорова: «...преступность среди несовершеннолетних лиц, ее динамика и структура в целом в большей степени являются индикаторами социального климата, уровня развития и нравственного облика современного общества и государства». [5, с. 68].

В разделе источников дохода в течение указанного периода времени наблюдается стабильность. Абсолютное большинство лиц, совершивших преступления, не имели постоянного источника дохода. Даже категория наемных работников в некоторой степени связана с категорией «лица без постоянного источника дохода», так как наемный работник в большинстве своем выполняет единоразовую работу. После выполнения этой разовой работы он, как правило, какое-то время находится в поиске новой работы и, соответственно, в это время не имеет источника дохода.

В области уровня образования тоже имеется некоторая стабильность с незначительными колебаниями.

Таблица 3 — Количество выявленных правоохранительными органами лиц, совершивших преступления

Категории лиц	2018	2019	2020	2021	2022
Несовершеннолетние лица	40 860	37 953	33 575	29 126	26 305
Учащиеся и студенты	44 430	40 910	34 773	31 153	28 125
Ранее совершавшие преступления	525 475	504 416	492 107	493 813	483 683
В составе организованной группы или преступного сообщества	9693	9578	9764	11 910	13 270
В состоянии алкогольного опьянения	326 269	298 432	288 361	262 452	227 897
В состоянии наркотического опьянения	11 998	8117	6787	6620	5371
Иностранцы граждане и лица без гражданства	32 728	29 922	29 222	31 321	33 193
Граждане государств-участников СНГ	29 203	26 740	26 350	25 322	27 218

Лидерами в этой области являются лица с начальным и основным общим уровнем образования. Далее следуют лица, получившие среднее профессиональное образование. Ну и самое малое количество преступлений совершается лицами с высшим образованием. Разумеется, еще остаются лица, не получившие никакого образования, но их доля незначительна в приведенном количестве, поэтому они не учитываются.

Далее следует изучить количество различных категорий лиц, выявленных правоохранительными органами как совершивших преступления, и сравнить это количество с общим количеством лиц, совершивших преступления. Эти данные приведены в таблице 3.

Самый большой показатель преступности наблюдается среди лиц, ранее уже совершавших преступления. Речь идет не о рецидивной преступности как термине, определенном в уголовном праве, а именно о лицах, ранее уже совершавших преступления. Эти преступления могут быть разными по видовой и родовой принадлежности, умыслу и тяжести, то есть, под категорию «рецидив» они могут не попадать. Тем не менее если лицо ранее уже совершало преступление и собирается вновь их совершать, то это говорит о несовершенности системы наказания, одной из задач которой является исправление осужденных лиц. Приведенные данные подтверждают, что преступность в целом идет на спад, но до приемлемого критерия еще далеко. Как заметил профессор В. И. Майоров, «хоть в стране и наблюдается позитивные результаты по снижению преступности, но остается ряд проблемных вопросов в этой области» [6, с. 40].

Следующий по количественному значению показатель в приведенных данных указывает на лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. К. А. Рязанова отмечает, что «лица,

совершающие преступления, часто ссылаются на то, что в виду своего состояния не могут контролировать свои действия, но научные исследования опровергают данные высказывания, так как употребление алкоголя в различных количествах лишь способствуют проявлению агрессивного поведения и желания выразить свои мысли в противоправных деяниях» [7, с. 64].

При изучении проблемы совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения можно прийти к выводу о том, что алкоголь побуждает к совершению противоправных действий. В регионах, где потребление алкоголя не одобряется общественностью и органами власти, преступность, связанная с этим показателем, значительно ниже, чем в других регионах.

Стоит обратить внимание на показатель «лица совершившие преступления в состоянии наркотического опьянения». Как видим, этот показатель крайне низок по сравнению с «алкогольным опьянением». Однако это не повод считать, будто человек, употребляющий наркотические средства, совершает преступления в несколько раз меньше, чем тот, кто употребляет алкоголь. Тут важно учитывать состояние человека до употребления алкоголя либо наркотических веществ и во время опьянения этими средствами.

Человек до употребления алкоголя, как правило, находится в своем привычном психофизическом состоянии. После употребления алкоголя нервная система переходит в возбужденное состояние, что подталкивает его на различные необдуманные действия. С лицом, употребляющим наркотические вещества, дело обстоит немного не так. Как правило, после употребления наркотических веществ человек находится в состоянии покоя. А вот во время поиска наркотических веществ, при условии зависимости от их употребления, человек крайне возбужден и способен на агрессивные поступки.

Поэтому мы считаем, что категория «лица, совершившие преступления в состоянии наркотического опьянения», показывает не совсем корректные данные. Указанную категорию следует изменить на «лица, имеющие зависимость от употребления наркотических веществ», потому как зависимые лица и лица, находящиеся в наркотическом опьянении, это не всегда тождественные понятия.

Некоторая стабильность наблюдается в следующих категориях: несовершеннолетние лица, учащиеся и студенты, иностранные граждане и лица без гражданства и граждане стран — участников СНГ. Количественные показатели этих групп приблизительно схожи и значительно не отличаются. Необходимо отметить, что лица из группы «несовершеннолетние», как правило, входят в группу учащиеся и студенты. А группа, учитывающая граждан стран — участников СНГ, может входить в группу «иностранцы граждане и лица без гражданства».

Не самая многочисленная группа, в которой учитываются лица, совершившие преступления в составе организованной группы или преступного сообщества. Как правило, преступления, совершаемые в таких группах, относятся к категориям тяжких и особо тяжких. Как видно из приведенных данных, начиная с 2019 года, увеличивается количество выявленных лиц в этой группе. Но надо учитывать то, что точно так же за этот период увеличивается количество преступлений, совершенных организованными группами, по которым вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а также преступлений, по уголовным делам которых окончено предварительное расследование, и уголовное дело направлено в суд либо прекращено.

Заключение и выводы

На основании приведенных статистических данных можно составить обобщенный криминологический портрет лица, находящегося в местах принудительного содержания органов внутренних дел и совершающего там противоправные деяния.

Итак, данное лицо — это мужчина, имеющий гражданство Российской Федерации. Возраст этого мужчины можно определить с большим разбросом от 18 до 50 лет, потому как статистические данные в этой

области не отображают точные характеристики. Образование этого человека, как правило, либо начальное, либо основное общее. Данный мужчина не имеет постоянного источника дохода, но может выполнять периодическую работу в качестве рабочего по найму. Он употребляет алкоголь, и в состоянии алкогольного опьянения агрессивен и способен на совершение противоправных действий и преступлений. После совершенного он, как правило, жалеет не о том, что нанес своими действиями вред обществу и другим лицам, а в том, что вынужден будет нести наказание за совершенные деяния. Преступления, совершаемые этим лицом, как правило, тяжкие либо средней тяжести. Имеется большая вероятность того, что этот мужчина уже ранее совершал преступления и вероятно отбывал наказание в местах лишения свободы. Образ жизни подобного человека, как правило, заиклен на получении сиюминутных удовольствий, без какого-либо желания и стремления исправить свою жизнь в лучшую сторону. Правосознание находится на уровне, необходимом для существования в местах принудительного содержания и лишения свободы. Как правило, оно ограничивается умением написать жалобы на условия содержания с целью получить в этом послабления. Как максимум составить ходатайство в суд, надеясь на изменение наказания в сторону облегчения.

Попадая в места принудительного содержания, данные лица не собираются изменять свое поведение в сторону положительного. Наоборот, они с удовольствием поддерживают культуру деструктивных сообществ, имеющих в местах лишения свободы. Всячески стараются дестабилизировать обстановку в местах содержания под стражей и при возможности совершают противоправные деяния и даже преступления.

Как правило, какие-либо морально-воспитательные мероприятия в отношении данных лиц обречены на провал. Тем не менее, в отношении этих лиц необходимо проводить профилактические мероприятия с целью пресечь их противоправное поведение. Вполне вероятно, что повлиять на такого человека можно лишь путем строгого воздействия в применении наказания и в объяснении неотвратимости данного наказания. Страх наказания в данном случае будет действенным воспитателем правового поведения.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Криминология : учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 388 с.
2. Ревягин А. В., Гудков А. Ю. Понятие нераскрытой преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 4. С. 81–85. DOI: 10.24147/1990-5173.2020.17(4).81-85
3. Хамчиева М. М. Б., Сараев Н. В. Возраст преступника как криминологическая категория // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 79-6. С. 119–122. DOI: 10.18411/trnio-11-2021-269 EDN: VQDZNA.
4. Касимов В. О. Возраст преступника как криминологическая проблема : дис. ... канд. Юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2018. 231 с.
5. Майоров А. В. Преступность несовершеннолетних: понятие, характеристика, виды // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 4 (53). С. 67–74. EDN: WNQQBW.

6. Майоров В. И., Пестов Р. А. Противодействие преступности на основе концепции «социального партнерства» полиции и населения // Юрист-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 38–43. EDN: NQHLUJ.

7. Рязанова К. А. Алкогольное опьянение как фактор, побуждающий к совершению преступления // Концептуальные пути развития гуманитарных и социальных наук : сборник материалов XV международной очно-заочной научно-практической конференции (Москва, 25 января 2023 года). Том 1. Москва : НИЦ «Империя», 2023. С. 63–65. EDN: PZSOPL.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 01.03.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 05.05.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 20.05.2024.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-186-193

С. 186–193

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ СРЕДУ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Дарья Дмитриевна Медведева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
ms.drenka@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория вовлечения несовершеннолетних в преступную среду в рамках уголовно — правового анализа ст. 150 УК РФ. Приведены статистические данные, отражающие динамику состояния преступности несовершеннолетних за период 2019–2023 гг., а также количество совершенных ими тяжких и особо тяжких преступлений, с целью проследить влияние вовлечения несовершеннолетних в преступную среду на возможность последующего совершения указанными лицами единоличного или группового преступления в будущем. Кроме того, обозначены основные законодательные и практические упущения, связанные с недостаточным регулированием механизма вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Дополнен перечень возможных способов подобного вовлечения подростков со стороны взрослых лиц. А также сформулированы основные пути профилактической и предупредительной работы по данному направлению, в целях снижения и предупреждения развития указанного негативного явления. Особое внимание уделяется вопросу целесообразности использования понятия «несовершеннолетний» в контексте ст. 150 УК РФ. Основной анализ исследования связывается с необходимостью выявления причинно-следственной связи между вовлечением несовершеннолетнего в преступную среду и последующим ростом общей доли преступлений, совершаемых несовершеннолетними самостоятельно или в группе. В заключении автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики в целях снижения общего уровня вовлеченности несовершеннолетних в преступную среду, а также разработки более эффективных мер профилактического воздействия.

Ключевые слова: вовлечение в преступную среду, жертва преступления, механизм преступного поведения, несовершеннолетний, преступная среда, психологические особенности, способы вовлечения, уголовно-правовая категория

Для цитирования: Медведева Д. Д. Вовлечение несовершеннолетних в преступную среду как уголовно-правовая категория: вопросы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 186–193. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-186-193

Research article

INVOLVEMENT OF MINORS IN THE CRIMINAL ENVIRONMENT AS A CRIMINAL LEGAL CATEGORY: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Darya D. Medvedeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
ms.drenka@mail.ru

Abstract. The article examines the category of involvement of minors in the criminal environment within the framework of the criminal law analysis of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. Statistical data reflecting the dynamics of juvenile delinquency over the period from 2019 to 2023, as well as the number of serious and especially serious crimes committed by them, are presented in order to trace the impact of involving minors in the criminal environment on the possibility of subsequent commission by these persons of a single or group crime in the future. In addition, the main legislative and practical omissions related to the insufficient regulation of the mechanism for involving minors in criminal activity are outlined. The list of possible ways of such involvement of adolescents by adults has been supplemented. The main ways of preventive and preventive work in this area are also formulated in order to reduce and prevent the development of this negative phenomenon. Special attention is paid to the issue of the expediency of using the concept of “minor” in the context of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main analysis of

the study is associated with the need to identify a causal relationship between the involvement of a minor in a criminal environment and the subsequent increase in the total proportion of crimes committed by minors independently or in a group. In conclusion, the author concludes that it is necessary to improve legislation and law enforcement practice in order to reduce the overall level of involvement of minors in the criminal environment, as well as to develop more effective preventive measures.

Keywords: involvement in a criminal environment, a victim of a crime, the mechanism of criminal behavior, a minor, a criminal environment, psychological characteristics, methods of involvement, a criminal legal category

For citation: Medvedeva DD. Involvement of minors in the criminal environment as a criminal legal category: questions of theory and practice. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):186-193. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-186-193 (In Russ.)

Введение

С каждым годом преступления, совершаемые лицами, не достигшими возраста 18 лет, продолжают занимать одно из ведущих мест в общем количестве совершенных общественно опасных деяний, и составляют около $\frac{1}{3}$ от общего количества выявленных преступлений. Так, согласно данным официальной статистики, в 2023 году за период с января по декабрь было выявлено 22 340 несовершеннолетних, причастных к совершению, как минимум, 27 325 преступлений. В свою очередь, в процентном соотношении данные показатели свидетельствуют об увеличении на 2,7 % количества указанных противоправных деяний в общей доле выявленных преступлений за аналогичный период. А также о приросте (+3,0 %) несовершеннолетних преступников в целом¹.

Особое внимание уделяется вопросу категории совершаемых преступлений такими лицами [12, с. 153]. В частности, в 2023 году (период январь-декабрь) существенно увеличилось количество совершенных несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений (+1,4 % по сравнению с прошлым отчетным периодом) — 9428 деяний. Наравне с этим удельный вес указанных категорий совершаемых преступлений среди несовершеннолетних составил 34,5 % в структуре общей преступности².

В настоящее время в качестве ещё одной обострившейся практико-ориентированной проблемы исследователи отмечают значительные темпы вовлечения несовершеннолетних в преступную среду как один из факторов, предположительно, объясняющий общий рост отдельных составляющих ранее представленных статистических данных в рамках рассматриваемого негативного явления [10, с. 141].

При этом ряд ученых утверждает, что доля вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления хоть и имеет свой удельный вес в общем числе общественно-опасных деяний, однако в полной мере не выявляется на практике, в результате чего основная

часть такого рода преступлений остается латентной [3; 8; 10]. Исходя из этого, уровень статистических данных нельзя считать объективно отражающим всю реальную преступную картину (таблицы 1, 2).

Безусловно, описанные выше факты вызывают объективные опасения о состоянии преступности несовершеннолетних на сегодняшний день и в перспективе её последующего развития. *Исходя из этого предлагается:*

— рассмотреть категорию вовлечения несовершеннолетних в преступную среду;

— обозначить основные способы вовлечения несовершеннолетних в преступную среду и дополнить перечень, указанный в ст. 150 УК РФ;

— проследить взаимосвязь между категорией вовлечения несовершеннолетних в преступную среду и общим ростом противоправных деяний, совершаемых лицами, не достигшими возраста 18 лет;

— выявить основные законодательные и практические упущения, связанные с недостаточным регулированием механизма вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность;

— сформулировать основные пути профилактической и предупредительной работы по данному направлению.

Материалы и методы исследования

Для решения названных задач и получения значимых научных результатов, применяются методы сравнительно-правового анализа к определению понятия вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления и характеристики способов подобного вовлечения; обобщения судебной практики и статистической обработки данных; системного подхода при попытках сформулировать основные пути профилактической и предупредительной работы по сокращению количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними и недопущению их проявления в целом, а также по минимизации вовлечения указанных лиц в преступную среду.

В качестве материалов используются научные труды и разработки в рассматриваемой сфере, а также российское законодательство и официальные порталы правовой и судебной статистики, регулирующие и отражающие ответственность субъектов за вовлечение несовершеннолетних в преступную среду.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 15.02.2024).

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.02.2024).

Таблица 1 — Динамика состояния преступности несовершеннолетних за период 2019–2023 гг.

	2019	2020	2021	2022	2023
Количество выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	37 953	33 675	29 126	26 305	22 340
Количество выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними	41 548	37 771	31 685	30 469	27 325
Количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними из общего числа выявленных преступлений	10 113	9797	9055	9295	9428

Таблица 2 — Сведения о количестве осужденных лиц по ст. 150 УК РФ за период 2019–2022 гг.

	2019	2020	2021	2022
Число осужденных по основной статье (ст. 150 УК РФ)	333	266	271	243
Осуждено по числу лиц* (ст. 150 УК РФ)	523	455	428	405
Осуждено по количеству составов преступлений (ст. 150 УК РФ)	683	574	577	549

* учитываются лица, у которых имелся один или несколько составов преступлений в рамках ст. 150 УК РФ, без учета лиц, у которых этот состав преступления только в основной квалификации.

Описание исследования

Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления на законодательном уровне закреплена в ст. 150 УК РФ. Часть 1 указанной статьи содержит следующие положения: «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет»¹.

Из указанного следует, что законодатель в рамках самой уголовно-правовой нормы не раскрывает понятия «вовлечение», а также не в полной мере отражает все возможные способы вовлечения несовершеннолетних в преступную среду. Более подробно характеристика категории вовлечения несовершеннолетних представлена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 18.02.2024).

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 18.02.2024).

В доктрине уголовного права под *вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления* понимаются действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление. Действия могут выражаться в различной форме: как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иных действий³.

В качестве квалифицированного состава предусматривается совершение того же деяния родителем, педагогом или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних. При этом срок лишения свободы увеличивается до 6 лет, а в виде дополнительного наказания предусматривается лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без применения такового.

Отметим, что в статье также не раскрывается понятие «иные лица, на которые законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних». В соответствии с судебной практикой, а также положениями, на которые содержится ссылка в ст. 156 УК РФ, предполагаем, что под иными лицами, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, могут пониматься воспитатели детских учреждений, тренеры различных секций, обеспечивающих дополнительное образование и всестороннее развитие личности несовершеннолетнего, а также опекуны,

³ Там же, п. 42.

попечители, бабушки, дедушки, совершеннолетние братья и сестры (при условии, что такая обязанность на них возложена в строго установленном законом порядке в связи с утратой несовершеннолетним родителем или лишением их родительских прав)¹.

Часть 3 ст. 150 УК РФ закрепляет особо квалифицированный состав: «деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 данной статьи, совершенные с применением насилия или угрозой его применения». Уголовная ответственность в данном случае представлена в виде лишения свободы на срок от 2 до 7 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового.

Часть 4 ст. 150 УК РФ, в свою очередь, предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу либо совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы — лишение свободы на срок от 5 до 8 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового².

Из указанного выше следует, что вовлечение представляет собой:

— только активную деятельность со стороны вовлекающего в преступление субъекта, и как следствие, исключает возможность совершения указанных в ст. 150 УК РФ деяний, в форме бездействия [2, с. 83];

— такая деятельность строго направлена на формирование у несовершеннолетнего желания совершить то или иное общественно опасное деяние, т. е. имеет четкую цель (*при этом, если у несовершеннолетнего, несмотря на все предпринимаемые виновным лицом попытки, не возникло решимости совершить преступление, содеянное квалифицируется как покушение со ссылкой на ч. 3. ст. 30 и соответствующую часть ст. 150 УК РФ*);

— основным объектом преступления выступают общественные отношения, связанные с обеспечением полного и всестороннего развития личности несовершеннолетнего (*с учетом полноценного физического, нравственного, умственного и духовного воспитания*);

— вовлекающим субъектом может являться только взрослый человек, т. е. лицо, достигшее возраста 18 лет (*при условии его вменяемости*);

— в ряде составов субъект является специальным, например, педагог, родитель и т. п.;

— вовлеченным, напротив, может быть только несовершеннолетний человек, т. е. лицо, не достигшее возраста 18 лет (*если несовершеннолетний, не достиг возраста уголовной ответственности, то виновный несет ответственность за вовлечение как посредственный исполнитель*);

— субъективная сторона характеризуется только прямым умыслом, когда виновный понимает и в полной

мере осознает, что вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления, и желает этого, т. е. он достоверно должен знать о несовершеннолетии вовлекаемого им лица;

— преступление считается оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления либо с момента приготовления к нему / покушения на его совершение, т. е. состав преступления — формальный;

— перечень способов вовлечения в преступную деятельность не является исчерпывающим, исходя из содержания статьи [3, с. 72];

Например, в ряде составов преступлений, предусмотренных, в частности, ч. 3 и ч. 4. ст. 150 УК РФ, способ/мотив совершения указанного деяния является обязательным признаком и представлен в виде применения насилия или связан с угрозой его применения, а также может быть представлен в виде возбуждения ненависти, разжигания чувства мести, зависти и т. п.

Результаты исследования

Анализ категории вовлечения, с точки зрения, уголовно-правового аспекта, позволил выявить следующие пробелы и недостатки.

На теоретическом уровне:

1. Вопрос объективности использования понятия «несовершеннолетний».

В данном случае речь идет о возможности дословного толкования указанного понятия, и как следствие, неправильного уяснения нормы, когда предметом преступления, будет считаться только несовершеннолетний мужского пола.

Второй момент связывается с расхождением понятий при сопоставлении со ст. 87 УК РФ, поскольку данная норма закрепляет положение о том, что несовершеннолетними являются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати лет. Соответственно, исходя из буквального толкования указанной нормы, под защиту не попадают лица, не достигшие возраста четырнадцати лет, которым, в свою очередь, может быть причинен вред, по объему значительно выше, чем вред, наносимый в результате вовлечения лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста.

Для устранения подобного рода недостатков Л. О. Закутина предлагает заменить используемый термин «несовершеннолетний» на «ребенок» в целях достижения однозначного понимания и уяснения положений уголовно-правовой нормы [1, с. 7].

В качестве альтернативы рассматривается и другой вариант — ввести примечание к статье, в котором будет четко прописано, что под несовершеннолетним в пределах действия данной статьи понимаются лица как мужского, так и женского пола, не достигшие возраста 18 лет.

В свою очередь, мы допускаем возможность внесения таких корректировок, но только в рамках диспозиции данной статьи, а не применительно ко всему уголовному закону. При этом отмечаем, что при условии

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2022).

² Там же.

такой замены термина необходимо основываться на положениях ч. 1 ст. 54 Семейного кодекса РФ, согласно которым ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)¹.

2. Соотношение момента окончания преступления с его целью.

Как справедливо отмечает законодатель, умысел виновного должен быть направлен на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление. При этом моментом окончания преступления, относительно его формального состава, признается совершение конкретного преступления несовершеннолетним либо приготовление к нему/покушение на его совершение.

Таким образом, в целях исключения противоречий, считаем целесообразным дополнить понятие «вовлечение» следующим положением: «Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления понимаются действия взрослого лица, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление и последующую реализацию им возникшего желания в виде совершения общественно-опасного деяния либо осуществления приготовления к его совершению, а также возможного покушения на совершение преступления».

3. Оценка инициативы несовершеннолетнего при формировании желания совершить преступление и его реализации.

Законодатель не предусмотрел ситуацию, когда несовершеннолетний самостоятельно изъявляет взрослому желание совершить преступление. Например, когда ребенок, находясь в компании взрослых, следует отрицательному примеру и говорит о том, что хочет делать так же, как они (применять насилие к другому человеку путем его избияния, совершить кражу и т. п.) [11, с. 68].

В таких случаях возникает вопрос о квалификации указанных действий со стороны взрослых лиц и их фактического подпадания под действие ст. 150 УК РФ, на что законодателю все-таки стоило бы обратить внимание. На наш взгляд, о безусловной квалификации таких деяний в соответствии с положениями ч. 1 ст. 150 УК РФ можно утверждать только при наличии следующих условий:

— отсутствие действий, направленных на подавление преступного желания и инициативы ребенка со стороны взрослого субъекта;

— формирование стойкого преступного желания и инициативы у несовершеннолетнего посредством собственного негативного примера поведения взрослым, т. е. в порядке систематического нахождения несовершеннолетнего в ситуациях умышленного предпреступного поведения со стороны взрослых;

— возможность последующего участия взрослого лица в преступлении совместно с несовершеннолетним (как факультативный признак).

4. Отсутствие конкретизации способов вовлечения несовершеннолетних.

Перечень способов вовлечения, как отмечалось ранее, не является исчерпывающим, но при этом в достаточной степени не раскрыт законодателем. Подобное, на наш взгляд, является упущением, поэтому считаем необходимым расширить перечень видов (способов) вовлечения несовершеннолетних в преступную среду.

Среди описанных способов в статье 150 УК РФ, а также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» присутствуют:

- обещание;
- обман;
- угроза;
- насилие или угроза его применения;
- разжигание чувства мести, зависти;
- предложение.

В качестве дополнительных, считаем возможным, указать следующие способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, которые, безусловно, имеют значение для правильной квалификации:

- шантаж;
- использование наркотической или иной пагубной зависимости несовершеннолетнего лица [9, с. 65];
- использование иного зависимого положения лица;
- убеждение;
- подкуп;
- унижение;
- просьба;
- уговор;
- использование любого из указанных способов с учетом их реализации посредством сети Интернет.

5. Отсутствие должных разъяснений и характеристики категории «иные лица, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних».

В частности, ранее мы отмечали, что ими могут являться опекуны и попечители, близкие родственники, а также воспитатели, преподаватели и тренеры. Однако перечень, к которому отсылает ст. 156 УК РФ, в том числе и ряд разъяснений прокуратуры, не являются исчерпывающими и не выступают в должной мере в качестве официальных источников толкования правовых норм. Целесообразным представляется ввести примечание к ст. 150 УК РФ и изложить, кто именно входит в категорию «иные лица, на которые законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних», а также исключить неоправданные отсылки, содержащиеся в иных статьях УК РФ, при условии рассмотрения диспозиций непосредственно содержащихся в ст. 150 УК РФ.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации : от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 18.02.2024).

На практическом уровне:

1. Высокая степень латентности указанной категории преступления.

Подобная ситуация может объясняться несколькими причинами. Во-первых, незаявлением самого потерпевшего (несовершеннолетнего) о вовлеченности в совершение противоправного деяния, например, в виду оказываемого на него давления со стороны родителя/педагога, являющегося непосредственным вовлекателем, а также возможного наличия психического или физического насилия, а также угроз в семье, школе и т. п. Во-вторых, незаявлением в правоохранительные органы свидетелями, случайными очевидцами в силу неправильной оценки увиденного, непонимания в целом того факта, что произошло преступление, а также иных обстоятельств. В-третьих, путем неотражения сведений об имеющихся преступлениях сотрудниками правоохранительных органов, в качестве неучтенной регистрации. В-четвертых, в связи с не выявленными или не раскрытыми, но фактически совершенными преступлениями на фоне недостаточного профессионализма сотрудников правоохранительных органов или ошибочной квалификации [6, с. 68].

2. Затруднения, связанные с определением способа вовлечения несовершеннолетнего.

Как правило, именно способ свидетельствует об объективной вовлеченности несовершеннолетнего, поскольку отражает то, как и с помощью чего виновный смог оказать непосредственное давление на потерпевшего, и тем самым реализовать свой преступный умысел. То есть именно способ является неотъемлемым признаком для характеристики объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. В случаях, когда способ не устанавливается должным образом или происходит подмена понятий, практические трудности связываются и с последующей неверной квалификацией деяния, что, несомненно, является недостатком и ведет к судебной ошибке [3; 4, с. 56].

3. Установление причинно-следственной связи в рамках вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

В указанных составах преступлений очень важно устанавливать все детали, имеющие значение, для формирования базы последующей предупредительной и профилактической работы с несовершеннолетними. Так, согласно п. 42 постановления Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», необходимо выяснять характер взаимоотношений между вовлекателем и несовершеннолетним лицом, поскольку именно они в последующем могут иметь существенное значение для установления роли взрослого лица в совершении указанного деяния¹.

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021).

Кроме этого, необходимо строго устанавливать все мотивы, причины и условия совершенного преступления для формирования объективной преступной картины и механизма индивидуального поведения, как жертвы, так и виновного [4, с. 58].

Обсуждение результатов исследования, выводы

На основе анализа практических и теоретических недостатков при исследовании категории вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, приходим к следующим выводам.

С одной стороны, общий уровень преступности среди несовершеннолетних не находится в прямой зависимости с их вовлечением в совершение преступления, поскольку несовершеннолетний в рамках рассматриваемой категории чаще выступает в роли жертвы.

С другой стороны, с вовлечением активно связывают ужесточение характера совершаемых несовершеннолетними различного рода преступлений, трансформацию мотивов их преступной деятельности и увеличение количества совершаемых ими общественно опасных деяний в будущем. Поскольку оказываемое влияние на детей в контексте вовлечения их в совершение преступления, так или иначе, воздействует на психику подростков, а также и мотивационно-личностную структуру ребенка, мы имеем основание полагать о первоначальном формировании у них неосознанного, а затем уже целенаправленного желания совершить общественно-опасное деяние [5, с. 175].

Особое внимание обращаем на характер подросткового мышления, в результате чего после первоначального вовлечения несовершеннолетнего со стороны взрослого лица и последующего совершения им единоличного преступления на фоне окрепших преступных мотивов, есть вероятность увеличения числа совершенных преступлений также и группой лиц. В данном случае речь идет о вторичном вовлечении, то есть, когда несовершеннолетний, будучи жертвой в рамках совершенного в отношении него преступления по ст. 150 УК РФ, самостоятельно в будущем может привлечь интерес к преступной среде со стороны своих сверстников, и перенять роль вовлекателя. В результате чего происходит увеличение количества несовершеннолетних преступников, а также и число совершаемых ими групповых преступлений [7, с. 69]. И именно этот статистический показатель может отражать непосредственное влияние категории вовлечения несовершеннолетних в преступную среду на общий рост преступности среди указанных лиц.

Следовательно, мы всё же констатируем факт наличия определенной зависимости между данными явлениями, поэтому считаем обязательными разработку и применение профилактических мероприятий с целью снижения риска вовлечения подростков в совершение преступления и их последующего приобщения к преступному миру. Так, требуется учитывать социальную среду пребывания подростков, с учетом

всесторонней защиты семьи и молодежи, обеспечения досуга несовершеннолетних. Кроме этого, важным является и осуществление постоянного контроля над СМИ и иными информационными ресурсами в целях предотвращения утечки негативной, в том числе криминально направленной информации, которая может нанести последующий вред здоровью, нормальному развитию несовершеннолетних, а также способствовать их становлению на преступный путь. Более того, необходимо реализовывать мероприятия, направленные на снижение уровня приобщения к алкогольной, наркотической и иной зависимости людей в обществе, в том числе и среди несовершеннолетних¹. Строго следить за недопустимостью пропаганды подобного аморального и асоциального образа жизни.

Немало важной является и работа, осуществляемая на уровне правоохранительных структур, имеющая своей целью надзор за семьями, нуждающимися в систематическом контроле. Как правило, это неблагополучные либо ранее уже попадавшие в поле зрения сотрудников полиции семьи, в которых проявляются отдельные формы девиаций, как со стороны родителей, так и со стороны детей.

В качестве еще одного направления отмечаем необходимость ведения работы на школьном уровне в рамках образовательного учреждения. Такая профилактика может быть как общей, в целях массового предупреждения, так и индивидуальной, направленной в частности на детей, которые попадают в группу,

так называемого, особого риска, и требуют в связи с этим повышенного психолого-педагогического внимания [11, с. 70].

Заключение

Таким образом, категория вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, равно как и антиобщественных действий имеет двойственную структуру, поскольку требует учета психологических и поведенческих особенностей, как личности виновного, так и жертвы, в данном случае несовершеннолетнего. Особое значение анализ данной уголовно-правовой категории имеет не только с точки зрения устранения выявленных и описанных ранее недостатков на законодательном уровне, но еще и на практическом. Поскольку именно изучение основных мотивов и способов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления, а также сложившихся между вовлекателем и вовлеченным лицом отношений, способны помочь установить все обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела по существу, а вследствие этого — увеличить процент правильной квалификации указанного деяния [5, с. 174]. Кроме того, дать объективную оценку сложившейся преступной ситуации и механизма преступного поведения каждого из них. А также проанализировать возможные риски последующего вовлечения несовершеннолетнего в преступление и разработать меры профилактического и предупредительного воздействия с целью снижения и недопущения совершения повторного общественно опасного деяния со стороны взрослого лица или трансформации несовершеннолетнего из роли жертвы в преступника с целью совершения им единичного или группового преступления в будущем.

Список источников

1. Закутина Л. О. Проблемы толкования и применения ст. 150 УК РФ // Вестник науки и творчества. 2021. № 10 (70). С. 5–10.
2. Емельянова А. А. Некоторые проблемные вопросы объективной стороны вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2023. Т. 4, № 15. С. 82–84.
3. Карташов С. В. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 1. С. 64–72. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-1-11
4. Комарницкий А. В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: психолого-правовой анализ и проблемы квалификации // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 1 (42). С. 55–58. EDN: UAFLMV.
5. Кумскова И. Д. Ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений как профилактика преступности несовершеннолетних // Право как искусство добра и справедливости : сборник научных трудов Всероссийской научной конференции (Курск, 1 октября 2020 года). Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 172–177. EDN: ОКРАСУ.
6. Майоров А. В. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ ее состояния в российском обществе // Вестник экономики, управления и права. 2020. № 4 (53). С. 67–74. EDN: WNQQBW.
7. Теохаров А. К. Выявление фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие попрошайничеством // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 2 (25). С. 69–74. EDN: UQHQR.
8. Майоров А. В. Криминализация вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 12. С. 566–573. EDN: TGJJME.

9. Майорова Е. Н., Майоров А. В. Некоторые аспекты ответственности за вовлечение и склонение несовершеннолетних к употреблению наркотиков // Проблемы права. 2006. № 4 С. 63–66. EDN: RGOZAR.

10. Тасаков С. В. От вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления к преступности несовершеннолетних // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Саранск, 16–17 декабря 2015 года). Саранск : Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 2016. С. 140–143. EDN: XFENOV.

11. Туманов Д. О. Особенности предупреждения совершения преступлений несовершеннолетними и расследования уголовных дел о вовлечении несовершеннолетних в противоправную деятельность // Правда и Закон. 2022. № 4 (22). С. 65–71. EDN: THDPBH.

12. Шустикова М. В. Преступность несовершеннолетних в современном обществе // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (7). С. 151–157. EDN: SQCEFO.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.03.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 21.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.05.2024.

Научная статья
УДК 343.3
DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-194-198

С. 194–198

К ВОПРОСУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ И ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Леонидовна Федорова

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия
lenleon25@yandex.ru

 <https://orcid.org/00009-0002-5197-9346>

Аннотация. В статье на основе научного материала, положений действующего законодательства и актов судебного толкования анализируются проблемы уголовно-правового регулирования сферы негосударственной правоохранительной деятельности. Анализ предпринят на примере частной охранной и детективной деятельности через призму состава преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ. Указывается на материальную конструкцию данного состава преступления. Уделено внимание криминообразующим и квалифицирующим признакам данного состава преступления. Прежде всего, автором исследуются такие используемые законодателем для описания последствий этого состава признаки, как существенный вред (ч. 1) и тяжкие последствия (ч. 2). Отмечается их оценочный характер и неопределенное содержание, требующее конкретизации. В целом автором обозначен ряд проблемных и спорных вопросов законодательной регламентации данного состава преступления и практики применения соответствующих уголовно-правовых норм, сформулированы предложения по их редактированию и корректировке.

Ключевые слова: негосударственная правоохранительная деятельность, уголовно-правовое регулирование, служебные преступления, служебная деятельность, служебные полномочия, превышение полномочий, частный охранник, частный детектив, оценочные признаки

Для цитирования: Федорова Е. Л. К вопросу уголовно-правового регулирования частной охранной и детективной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 194–198. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-194-198

Research article

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LEGAL REGULATION OF PRIVATE SECURITY AND DETECTIVE ACTIVITIES

Yelena L. Fedorova

I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia
lenleon25@yandex.ru

 <https://orcid.org/00009-0002-5197-9346>

Abstract. The article analyzes the problems of criminal law regulation of the sphere of non-governmental law enforcement activities on the basis of scientific material, the provisions of current legislation and acts of judicial interpretation. The analysis is undertaken on the example of private security and detective activities through the prism of the corpus delicti provided for in Article 203 of the Criminal Code of the Russian Federation. The material construction of this corpus delicti is indicated. Attention is paid to the criminalizing and qualifying features of this corpus delicti. First of all, the author examines such signs used by the legislator to describe the consequences of this composition as significant harm (part 1) and grave consequences (part 2). Their evaluative nature and uncertain content are noted, requiring specification. In general, the author identifies a number of problematic and controversial issues of legislative regulation of this corpus delicti and the practice of applying relevant criminal law norms, and formulated proposals for their editing and correction.

Keywords: non-governmental law enforcement activity, criminal law regulation, official crimes, official activity, official authority, abuse of authority, evaluation signs

For citation: Fedorova YeL. On the issue of criminal legal regulation of private security and detective activities. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(2):194-198. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-194-198 (In Russ.)

Введение

Закон РФ от 11.03.1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее — Закон о частной детективной и охранной деятельности) стал нормативной основой негосударственной правоохранительной деятельности в Российской Федерации, а деятельность частных детективов и частных охранников стала непосредственным ярким выражением этого специфического направления.

Служебная деятельность частных детективов и охранников регламентируется указанным специальным законом, в ст. 3 которого закреплено право частных охранников оказывать содействие правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, в том числе в местах оказания охранных услуг и на прилегающих к ним территориях, а частным детективам оказывать содействие правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений в установленном порядке.

До этих пор данное направление деятельности находилось исключительно в сфере ведения государства, но с принятием данного закона правоохранительная функция была делегирована негосударственным структурам. Это, с одной стороны, было революционным шагом, а с другой — обусловило необходимость государственного контроля за законностью такой деятельности в целях недопущения произвола и нарушения конституционных прав и свобод граждан [10; 11].

Так, в ст. 7 Закона установлен запрет прибегать к действиям, посягающим на права и свободы граждан; совершать действия, ставящие под угрозу жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество граждан. В этой связи в УК РФ появилась ст. 203, регламентирующая уголовную ответственность и наказание за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации как разновидность служебного преступления [4, с. 5–11].

Постановка проблемы

29.06.2021 г. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)»² обобщил соответствующую судебную практику и дал судам необходимые рекомендации, в том числе относительно применения ст. 203 УК РФ. Однако в правоприменительной деятельности в данной части по-прежнему остается ряд вопросов, связанных с правовой оценкой данного преступления и применением данной статьи.

Безусловно данные проблемы касаются регламентации, трактовки и применения как объективных

и субъективных признаков основного состава (ч. 1 ст. 203 УК РФ), так и его квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 203 УК РФ).

Описание исследования

Прежде всего, трудности толкования вызывает характеристика существенности нарушения прав потерпевшего, поскольку данный критерий законодателем никак не формализован в диспозиции нормы. Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 указанного постановления попытался разъяснить содержание данного признака, но, на наш взгляд, безуспешно, поскольку такой подход опасен произвольным толкованием существенности в судебной практике.

В теории, критерий существенности применительно к ч. 1 ст. 203 УК РФ удачно трактует К. А. Волков, отмечая, что «вред, причиненный данным деянием, определяется объемом нарушенных прав, либо охраняемых законом интересов личности, общества или государства» [1, с. 51], то есть подходит с позиции системности. Полагаем, такой подход обуславливает комплексный характер рассматриваемой категории [9].

Далее, ряд вопросов вызывает квалифицированный состав анализируемого деяния, состоящий в превышении полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей, совершенном с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием оружия или специальных средств и повлекшем тяжкие последствия.

Использование оружия или специальных средств имеет квалифицирующее значение только при фактическом их применении для физического воздействия на потерпевшего путем причинения ему смерти или вреда здоровью, причинения боли, истязаний, а также для психического воздействия путем угрозы причинения такого вреда, если у потерпевшего имелись основания считать, что его жизни и здоровью грозила реальная опасность.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии»³ (далее — Закон об оружии) юридические лица с особыми уставными задачами (к их числу относятся охранные организации) имеют право приобретать гражданское и служебное оружие у юридических лиц — поставщиков после получения соответствующей лицензии в ОВД.

Из ч. 1 ст. 4 Закона об оружии следует, что «работникам юридических лиц с особыми уставными задачами законом разрешено ношение, хранение и применение служебного оружия в целях самообороны или для исполнения возложенных на них федеральным законом обязанностей по защите жизни и здоровья граждан, собственности, по охране природы и природных ресурсов, ценных и опасных грузов, специальной корреспонденции» [8, с. 36].

¹ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 888.

² Российская газет. 2021. 16 июля.

³ Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

Закон о частной детективной и охранной деятельности наделяет частных охранников полномочиями по защите жизни и здоровья граждан, охране имущества собственников, в том числе при его транспортировке, проектированию, монтажу и эксплуатационному обслуживанию средств охранно-пожарной сигнализации, консультированию и подготовке рекомендаций клиентам по вопросам правомерной защиты от противоправных посягательств, обеспечению порядка в местах проведения массовых мероприятий.

В ст. 17 и 18 Закона о частной детективной и охранной деятельности исчерпывающим образом определены ситуации, при которых допустимо применение специальных средств и оружия, также обозначены запреты на их применение, то есть очерчены границы их правомерного использования. А в соответствии со ст. 16 закона, частные охранники обязаны проходить периодические проверки на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия и (или) специальных средств.

Закон об оружии в ст. 12 устанавливает аналогичную обязанность работников юридических лиц с особыми уставными задачами (ЧОП) проходить периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия.

В соответствии с решением Верховного Суда РФ от 11.02.2008 № ГКПИ07-1674¹, пригодность к действиям по применению специальных средств и огнестрельного оружия является обязательным условием допуска к такого рода профессиональной деятельности.

Содержание подобных проверок, порядок и сроки их проведения определяются подзаконными нормативно-правовыми документами, например, приказом Росгвардии от 25.11.2019 № 387 «Об утверждении Порядка проведения территориальными органами Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации периодических проверок частных охранников и работников юридических лиц с особыми уставными задачами на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия и специальных средств»².

Разрешенные к использованию в ходе осуществления частной охранной и детективной деятельности виды оружия и спецсредств определены в постановлении Правительства РФ от 14.08.1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскающей) и частной

охранной деятельности»³. Это сертифицированные типичные виды служебного и гражданского оружия и спецсредств, применение которых образует квалифицированный состав, предусмотренный ч. 2 ст. 203 УК РФ. Однако частный охранник и частный детектив могут применить и незаконно находящееся у них оружие. Тогда содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 203 и ст. 222 УК РФ.

Что касается спецсредств, возможность применения которых предусмотрена на законных основаниях, то перечень таковых также содержится в упомянутом постановлении Правительства РФ от 14.08.1992 № 587. Априори применение спецсредств состоит в использовании таковых в соответствии с их предназначением, но это не означает, что при нецелевом использовании — например, при нанесении наручниками ударов потерпевшему, содеянное нельзя будет квалифицировать по ч. 2 ст. 203 УК РФ. Данная форма использования спецсредства вполне «укладывается» в рамки указанного в ч. 2 ст. 203 УК РФ признака «применение насилия».

Аналогичным образом следует квалифицировать угрозу применения оружия или спецсредств в отношении потерпевшего. Исходя из устоявшихся в теории и практике представлений, подобные угрозы являются формой психического насилия.

Если частный детектив или охранник при превышении полномочий угрожал заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия (например, макетом пистолета), не намереваясь использовать его для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать по ч. 2 ст. 203 УК РФ как угроза применения насилия.

Квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 203 УК РФ, относится к материальным и предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны наступление тяжких последствий. Категория «тяжкие последствия» заслуживает отдельного внимания, с учетом того, что применительно к составу анализируемого преступного деяния не находит своей конкретизации, оставляя простор для различных мнений и научных дискуссий.

В ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ определены подходы к пониманию тяжких последствий, но применительно к отдельным категориям преступлений. Так, понятие тяжких последствий применительно к ч. 2 ст. 167 и ч. 2 ст. 168 УК РФ раскрывается в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем»⁴:

¹ Об удовлетворении заявления о признании недействующим абзаца пятого подпункта «б» пункта 1 Положения о проведении органами внутренних дел Российской Федерации периодических проверок частных охранников, частных детективов (сыщиков) и работников юридических лиц с особыми уставными задачами на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия и специальных средств, утвержденного приказом МВД РФ от 15.07.2005 № 568: решение Верховного Суда РФ от 11.02.2008 № ГКПИ07-1674 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1686998/> (дата обращения: 22.01.2024).

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.01.2024).

³ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 8. Ст. 506.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

к тяжким последствиям, причиненным по неосторожности в результате умышленного уничтожения или повреждения имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ), относятся, в частности, причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку либо причинение средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам; оставление потерпевших без жилья или средств к существованию; длительная приостановка или дезорганизация работы предприятия, учреждения или организации; длительное отключение потребителей от источников жизнеобеспечения — электроэнергии, газа, тепла, водоснабжения и т. п.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» сформулирован следующий подход: «под иными тяжкими последствиями следует понимать самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, развитие у него наркотической зависимости, тяжелое заболевание, связанное с потреблением наркотических средств или психотропных веществ, заражение ВИЧ-инфекцией и т. п.»¹.

В других актах судебного толкования под тяжкими последствиями понимаются последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т. п.

В науке также проводятся попытки определения того, что следует считать «тяжкими последствиями», а что таковыми признавать нецелесообразно. По мнению А. П. Кузнецова и С. В. Изосимова, «к тяжким последствиям следует относить, например, причинение вреда здоровью средней тяжести нескольким лицам, тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку либо причинение смерти потерпевшему. Данные последствия могут также выражаться в прямом имущественном ущербе, утрате деловой репутации, конкурентоспособности и ином вреде, причиненном как клиенту частной детективной или охранной организации, так и другим предприятиям, учреждениям или организациям, относительно которых выполнялись действия виновного» [7, с. 60].

Тем не менее тяжесть конкретных последствий необходимо оценивать и констатировать в каждой конкретной ситуации строго индивидуально, исходя из определенных критериев, величин и содержания, характеризующих как сами последствия, так и охраняемые блага и причиняемый им вред [5; 6].

Тяжкие последствия могут выражаться в причинении тяжкого вреда здоровью или причинении смерти потерпевшему. При этом неосторожное причинение смерти (ст. 109 УК РФ) или тяжкого вреда здоровью

(ст. 118 УК РФ) охватывается ч. 2 ст. 203 УК РФ. Убийство (ст. 105 УК РФ) или причинение тяжкого вреда здоровью при квалифицирующих обстоятельствах, указанных в ст. 111 УК РФ, требует квалификации по совокупности ч. 2 ст. 203 УК РФ и ст. 105 УК РФ или ст. 111 УК РФ, что вытекает из квалификации при идеальной совокупности преступлений.

Также к тяжким последствиям, применительно к ч. 2 ст. 203 УК РФ, следует отнести самоубийство или попытку его совершения, что следует из позиции Пленума Верховного Суда РФ, высказанной в п. 13 постановления от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»².

При этом для причинной связи между деянием и тяжкими последствиями характерно отсутствие протяженности во времени, то есть промежуток времени между совершением деяния и наступлением преступного результата отсутствует. Поэтому связь является непосредственной и прямой и характеризуется отсутствием вмешательства привходящих сил, на что в свое время неоднократно обращалось внимание в науке [2; 3].

Заключение и выводы

Таким образом, основной и квалифицированный составы превышения полномочий частными детективами и охранниками являются материальными. Последствия выступают в качестве и криминообразующего («существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» — ч. 1), и квалифицирующего («тяжкие последствия» — ч. 2) признаков. При этом оба признака являются оценочными и не имеют никакой конкретизации.

Полагаем, что оценка существенности вреда, применительно к ч. 1 ст. 203 УК РФ, имеет комплексный характер и предполагает установление наличия и степени противоправного воздействия со стороны субъекта на нормальную жизнедеятельность физического или юридического лица, а также размера причиненного физического и морального ущерба и стоимости поврежденного имущества и др.

В качестве тяжких последствий в виде причинения физического вреда следует квалифицировать причинение смерти или тяжкого вреда здоровью потерпевшему, а также самоубийство потерпевшего или его попытку при условии доведения. Могут иметь место тяжкие последствия в виде имущественного вреда, когда превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием оружия или специальных средств повлекло причинение материального ущерба в крупном размере.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

В этой связи в главе 23 УК РФ следует сформулировать примечание по аналогии с главами 21 и 22, где конкретизировать размер причиненного ущерба.

Очевидно, что определение тяжких последствий в контексте уголовно-правовой квалификации преступления по ч. 2 ст. 203 УК РФ является непростой задачей. Ввиду отсутствия конкретизации данной категории в нормах УК РФ она является сугубо оценочной, что не способствует единообразию ее трактовки в правоприменительной практике. Вместе с этим, сами способы совершения данного преступления — с применением насилия или угрозой его применения,

либо с использованием оружия или специальных средств резко повышают общественную опасность деяния независимо от наступления тяжких последствий. Это позволяет нам высказать предложение об исключении из диспозиции ч. 2 ст. 203 УК РФ указания на тяжкие последствия деяния, что обеспечит более четкую основу привлечения к уголовной ответственности за квалифицированное превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих служебных обязанностей.

Список источников

1. Волков К. А. Квалификация превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Законность. 2016. № 4 (978). С. 49–53.
2. Галахова А. В. Превышение власти или служебных полномочий. Вопросы уголовно-правовой квалификации. Москва : Юрид. лит., 1978. 96 с.
3. Динека В. И. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1992. 208 с.
4. Закомолдин Р. В. Служебные преступления : учебное пособие. Самара : Изд. Самар. гуманит. акад., 2013. 162 с.
5. Закомолдин Р. В. Тяжкие последствия как признак составов преступлений против военной службы // Вестник юридического факультета : сб. науч. тр. Вып. 3. Самара : Изд. Самар. гуманит. акад., 2004. С. 67–77.
6. Закомолдин Р. В., Кондратюк С. В. Критерии выбора обстоятельств, используемых в качестве квалифицирующих признаков // Хуманитарни Балкански изследвания. 2019. Т. 3, № 3 (5). С. 116–120.
7. Кузнецов А. П., Изосимов С. В. Ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб // Юрист. 2000. № 11. С. 58–64.
8. Погорелова Г. М. Теоретико-правовой анализ юридических лиц с особыми уставными задачами и их правоспособность // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 35–37.
9. Федорова Е. Л. Особенности квалификации превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей // Искусство правообразования. 2023. № 3 (7). С. 64–71.
10. Шестаков В. И. Вопросы теории, практики и правового регулирования негосударственной сферы безопасности, частной охраны и сыска. Москва : РадиоСофт, 2021. 336 с.
11. Шестаков В. И. Охранология — новая наука о профессиональной охранной деятельности: первое знакомство // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3. С. 57–67. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-57-67

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 16.04.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 26.04.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 25.05.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРСЕНТЬЕВА СВЕТЛАНА СТЕПАНОВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет, Института права.

454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.

arss-1212@mail.ru

БАДРУТДИНОВ РАДИК РУСЛАНОВИЧ

Лаборант кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова.

420102, Казань, ул. Московская, д. 42.

radik-badrutdinov@mail.ru

БАКАСОВ РИФАТ РУМОВИЧ

Адъюнкт, факультет подготовки научных и научно-педагогических кадров, кафедра уголовной политики, Академия управления МВД России.

125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

bakasovrifat@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0008-9813-7596>

БАЛУГЯН АНАГИД СЕМЕНОВНА

Соискатель, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

117638, Москва, ул. Азовская, дом 2, корп. 1.

lows07@rambler.ru

БОГДАНОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

Магистр правового образования, преподаватель-исследователь, старший преподаватель кафедры истории, экономики и правопедения, УГМУ Минздрава России.

620028, Екатеринбург, ул. Репина, д. 3.

lena_bogd@mail.ru

БУТОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Адъюнкт факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.

198264, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

scorpioserg@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

INFORMATION ABOUT AUTHORS

SVETLANA S. ARSENTIEVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

arss-1212@mail.ru

RADIK R. BADRUTDINOV

Laboratory assistant at the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

42 Moskovskaya str., Kazan 420102, Russia.

radik-badrutdinov@mail.ru

RIFAT R. BAKASOV

Adjunct, Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Department of Criminal Policy, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

8 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh str., Moscow 125171, Russia.

bakasovrifat@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0008-9813-7596>

ANAGID S. BALUGYAN

Applicant, All-Russian State University of Justice (RPA of the Russian Ministry of Justice).

2 Azovskaya str., bld. 1, Moscow 117638, Russia.

lows07@rambler.ru

YELENA N. BOGDANOVA

Master of Legal Education, teacher-researcher, Senior Lecturer, Department of History, Economics and Law, USMU of the Ministry of Health of Russia.

3 Repina str., Yekaterinburg 620028, Russia.

lena_bogd@mail.ru

SERGEY V. BUTOV

Adjunct of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

1 Pilyutov str., St. Petersburg 198264, Russia

scorpioserg@list.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

ГИЛЬМАНОВ РУСЛАН ЭДУАРДОВИЧ

Преподаватель кафедры теории и истории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова.

420102, Казань, ул. Московская, д. 42.

REGilmanov@ieml.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2062-5959>

SPIN-код 4817-1489

AuthorID: 1176152

RUSLAN E. GILMANOV

Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

42 Moskovskaya str., Kazan 420102, Russia.

REGilmanov@ieml.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2062-5959>

SPIN-код 4817-1489

AuthorID: 1176152

ГОНЧАРОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова.

Казань, 420111, ул. Московская, д. 42.

goncharova-nnn@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7682-4442>

NATALYA N. GONCHAROVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International and European Law, Kazan Innovation University V. G. Timiryasova.

42 Moskovskaya str., Kazan 420111, Russia.

goncharova-nnn@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7682-4442>

ГОРБУНОВА КСЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА

Менеджер Департамента международного и публичного права юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

125993, Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0007-7475-6096>

KSENIYA A. GORBUNOVA

Manager of the Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation.

49 Leningradskiy prospekt, Moscow 125993, Russia.

gorbynya.rambler.ru@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0007-7475-6096>

ДОЛГОПолов Кирилл Андреевич

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет.

355000, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1а.

nadal06@mail.ru

KIRILL A. DOLGPOLOV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasus Federal University.

1 Pushkina str., litera A, Stavropol 355000, Russia.

nadal06@mail.ru

ДРОБОТ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братъев Кашириных, д. 129.

Drobots@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0764-1376>

SERGEY A. DROBOT

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

Drobots@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0008-0764-1376>

ЕРМОЛОВА ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

291034, Россия, Луганская Народная Республика, Луганск, кв. Молодежный, 20а.

ermolova_elena@mail.ru

YELENA V. YERMOLOVA

Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines, Lugansk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

20 kvartal Molodezhnyy, litera A, Lugansk 291034, Lugansk People's Republic, Russia.

ermolova_elena@mail.ru

ЖУКОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного
и финансового права, Северо-Кавказский
федеральный университет.

355000, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1а.

zhykov_alex@mail.ru

ЖУКОВА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный университет.

355000, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1а.

tany_zhukova@mail.ru

ЖУЧАЕВ АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ

Аспирант, 2 курс, Международный инновационный
университет.

354000, Краснодарский Край, Сочи,
ул. Орджоникидзе, д. 10А.

PO21kk@bk.ru

ЗАЗУЛИН АНАТОЛИЙ ИГОРЕВИЧ

Кандидат юридических наук, старший юрист,
юридическая фирма ИНТЕЛЛЕКТ.

Екатеринбург.

a.zazulin@intellect.law

ЗУЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры судебной
и правоохранительной деятельности,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет).
Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Челябинский государственный университет.

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 79.

zuevsergej@inbox.ru

ИВАНОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Аспирант кафедры судебной деятельности
и уголовного процесса имени П. М. Давыдова,
Уральский государственный юридический
университет имени В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

dmitriyivanov01@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-9848-8057>

ALEXEY P. ZHUKOV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative
and Financial Law, North Caucasus Federal University.

1 Pushkina str., litera A, Stavropol 355000, Russia.

zhykov_alex@mail.ru

TATYANA G. ZHUKOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure, North Caucasus Federal University.

1 Pushkina str., litera A, Stavropol 355000, Russia.

tany_zhukova@mail.ru

ALEKSEY A. ZUCHAEV

2nd year postgraduate student, International Innovation
University.

10 Ordzhonikidze str., litera A, Sochi 354000,
Krasnodar Krai, Russia.

PO21kk@bk.ru

ANATOLY I. ZAZULIN

Candidate of Legal Sciences, Senior Lawyer,
INTELLECT Law Firm.

Yekaterinburg, Russia.

a.zazulin@intellect.law

SERGEY V. ZUEV

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Professor of the Department of Judicial and
Law Enforcement Activity,
South Ural State University (NRU).
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Chelyabinsk State University.

79 prospect Lenina, Chelyabinsk 454080, Russia.

zuevsergej@inbox.ru

DMITRY S. IVANOV

Postgraduate student of the Department of Judicial
Activity and Criminal Procedure named after P. M. Davydov,
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, 620137, Russia

dmitriyivanov01@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-9848-8057>

КИСЕЛЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета, Государственный университет просвещения, Институт экономики, управления и права.

141014, Московская обл., Мытищи,
ул. Веры Володиной, д. 24.

Старший научный сотрудник Центра исследований и экспертиз юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

alskiselev@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>

КОНДРАТЮК СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

291034, Россия, Луганская Народная Республика,
Луганск, кв. Молодежный, д. 20а.

kondratyuk.serzh@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

КУДРЯШОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

45400, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

andrej.kudryashov.1975@mail.ru

КУР ИОСИФ НИКОЛАЕВИЧ

Адъюнкт, факультет подготовки научных и научно-педагогических кадров, Академия управления МВД России.

125171, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

xviperrus@vk.com
<https://orcid.org/0009-0002-7961-3194>

КУТУЗОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент базовой кафедры «Цифровая и традиционная криминалистика», Юридический институт, Севастопольский государственный университет.

299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

kutuzovlist@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-3274-1148>

ALEXANDR S. KISELEV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the Faculty of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the State University of Education.

24 Very Voloshinoy str., Mytishchi 141014,
Moscow Region, Russia.

Senior Researcher at the Center for Research and Expertise of the Faculty of Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

alskiselev@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5044-4721>

SERGEY V. KONDRATYUK

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Lugansk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

20 kvartal Molodezhnyy, litera A, Lugansk 291034,
Lugansk People's Republic, Russia.

kondratyuk.serzh@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

ANDREY V. KUDRYASHOV

Candidate of Legal Science, Assistant Professor, Departments of the Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Law Institute, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

andrej.kudryashov.1975@mail.ru

IOSIF N. KUR

Adjunct, faculty of training of scientific and scientific-pedagogical personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

8 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh str.,
Moscow 125171, Russia.

xviperrus@vk.com
<https://orcid.org/0009-0002-7961-3194>

ALEXEI V. KUTUZOV

Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of "Traditional and digital forensics" of Law institute, Sevastopol State University.

33 Universitetskaya str., Sevastopol 299053, Russia.

kutuzovlist@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-3274-1148>

ЛАТЫПОВА ЭЛЬВИРА ЮРЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова.

420102, Казань, ул. Московская, д. 42.

elatypova@ieml.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7390-4962>
SPIN-код 2287-3883
AuthorID: 669104

ЛАТЫШЕВА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

Аспирант.
Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал).

191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44.

egjohns@mail.ru
<https://orcid.0009-0008-4402-5126>

ЛЕТАЕВА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА

Кандидат юридических наук, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Россия, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

letaeva_lena@mail.ru

ЛУКИНА МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА

Ст. преподаватель кафедры правовой информатики, информационного права и естественно-научных дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал.

420088, Казань, ул. 2-я Азинская, д. 2а.

lukina_ma@mail.ru

МАЙОРОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и муниципального права, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

major.a@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

МАКАРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Адъюнкт, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

Тюмень, 625025, ул. Амурская, д. 75.

andr121@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-8772-393X>

ELVIRA Yu. LATYPOVA

Candidate of Legal Science, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

42 Moskovskaya str., Kazan 420102, Russia.

elatypova@ieml.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7390-4962>
SPIN-код 2287-3883
AuthorID: 669104

YELENA V. LATYSHEVA

Postgraduate.
St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

44 Liteynyy ave., St. Petersburg 191014, Russia.

egjohns@mail.ru
<https://orcid.0009-0008-4402-5126>

YELENA A. LETAEVA

Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Legal Training of Internal Affairs Officers at the Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75 Amurskaya str., Tyumen 625049, Russia.

letaeva_lena@mail.ru

MARINA A. LUKINA

Senior Lecturer at the Department of Legal Informatics, Information Law and Natural Sciences, Kazan Branch of the Russian State University of Justice.

2 vtoraya Azinskaya str., litera A, Kazan 420088, Russia.

lukina_ma@mail.ru

YELENA N. MAYOROVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Department of Constitutional Law and Municipal Law, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.

major.a@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3705-0402>

ANDREY N. MAKAROV

Adjunct of the Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75 Amurskaya str., Tyumen 625025, Russia.

andr121@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-8772-393X>

МАЛЕЕВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

Аспирант, Челябинский государственный университет.
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.
ivan_maleev@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0001-7400-1503>

IVAN N. MALEEV

Postgraduate, Chelyabinsk State University.
129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.
ivan_maleev@bk.ru
<https://orcid.org/0009-0001-7400-1503>

МАШОВЕЦ АСИЯ ОКЕАНОВНА

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П. М. Давыдова, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.
okeanovna@me.com
<https://orcid.org/0000-0002-9265-943X>

ASIYA O. MASHOVETS

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Judicial Activities and Criminal Procedure named after P. M. Davydov V. F. Yakovlev Ural State Law University.
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620137, Russia.
okeanovna@me.com
<https://orcid.org/0000-0002-9265-943X>

МЕДВЕДЕВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА

Документовед, канцелярия оперативно-розыскной части собственной безопасности ГУ МВД России по Челябинской области.
Аспирант, кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.
ms.drenka@mail.ru

DARYA D. MEDVEDEVA

Documentologist of the Office of the Operational investigative part of the internal Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Chelyabinsk region.
Postgraduate student of the Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University.
129 Bratev Kashirinykh str., Chelyabinsk 454001, Russia.
ms.drenka@mail.ru

МОИСЕЕВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, главный судебный эксперт, Донецкая лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации.
283049, Россия, Донецкая Народная Республика, Донецк, ул. Дубравная, д. 1Б.
moiseev.prof@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2840-6083>

ALEXANDR M. MOISEEV

Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Forensic Expert, Donetsk Laboratory of Forensic Expertise, Ministry of Justice of the Russian Federation.
1 Dubravnaya str., litera B, Donetsk 283049, Donetsk People's Republic, Russia.
moiseev.prof@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2840-6083>

МОРГУНОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, специалист по учебно-методической работе научно-исследовательского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.
625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.
morgunov.66@mail.ru

SERGEY V. MORGUNOV

Candidate of Legal Sciences, Specialist in educational and methodical work of the research department of the research and editorial-publishing department, Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
75 Amurskaya str., Tyumen 625049, Russia.
morgunov.66@mail.ru

НИКИФОРОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П. М. Давыдова. Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

advokatunix@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0007-5769-900X>

ПАНАЕВА ЛЯЙЛЯ ЕЛЮХАНОВНА

Магистр права, адвокат, адвокатское бюро «Партнер по праву» (Республика Татарстан).

Аспирант кафедры «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология», Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

layla-56@mail.ru

ПОБЕРЕЖНАЯ ИРИНА АДЛЬФОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

291034, Россия, Луганская Народная Республика, Луганск, кв. Молодежный, д. 20а.

26031971@list.ru

ПОПОВА ЕЛИЗАВЕТА ИГОРЕВНА

Преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр-т. Ленина, д. 76.

popovaei@susu.ru

<https://orcid.org/0009-0003-5830-3282>

РЯБЧИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Старший преподаватель кафедры криминалистики, Уфимский юридический институт МВД России.

450103, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Муксимова, д. 2.

r_s.91@mail.ru

САГАНДЫКОВ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, трудового права, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

sagandykovms@susu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5510-817X>

YELENA Yu. NIKIFOROVA

Candidat of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Judicial Activities and Criminal Procedure named after P. M. Davydov V. F. Yakovlev Ural State Law University.

21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg 620137, Russia.

advokatunix@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0007-5769-900X>

LYAYLYA Ye. PANAЕVA

Master of Law, lawyer of the law firm «Partner in Law» of the Republic of Tatarstan.

Post-graduate student of the Department of Criminal and Penal Law, Criminology, South Ural State University (National Research University).

76 prospect Lenina, Chelyabinsk 454080, Russia.

layla-56@mail.ru

IRINA A. POBEREZHNAJA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Lugansk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

20 kvartal Molodezhnyy, litera A, Lugansk 291034, Lugansk People's Republic, Russia.

26031971@list.ru

YELIZAVETA I. POPOVA

Lecturer of the department of Criminal Procedures, Criminal Science and Forensic Enquiry, South Ural State University (National Research University).

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

popovaei@susu.ru

<https://orcid.org/0009-0003-5830-3282>

SERGEY A. RYABCHIKOV

Senior Lecturer of the Criminology Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

2 Muksinova str., Ufa 450103, Republik Baschkortostan, Russia.

r_s.91@mail.ru

MIKHAIL S. SAGANDYKOV

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Labor Law, South Ural State University (National Research University).

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

sagandykovms@susu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5510-817X>

САПРИН ИЛЬЯ ГЕННАДЬЕВИЧ

Преподаватель кафедры международного и евразийского права, юридический факультет, Воронежский государственный университет.

394018, Воронеж, Университетская площадь, д. 1.

ilya.saprrin@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-0033-4362>

ILYA G. SAPRIN

Lecturer of the Department of International and Eurasian Law, Faculty of Law, Voronezh State University.

1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russia.

ilya.saprrin@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-0033-4362>

СОКОЛОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ

Заведующий отделом служебных проверок, подготовки кадров, профилактики коррупционных и иных правонарушений, Университет прокуратуры Российской Федерации.

123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.

checkagp@mail.ru

MAXIM S. SOKOLOV

Head of the Department of Service Inspections, Personnel Training, Prevention of Corruption and Other Offenses, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

15 vtoraya Zvenigorodskaya str., Moscow 123022, Russia.

checkagp@mail.ru

СОСНОВСКАЯ ЛЕЙСАН РАВИЛЕВНА

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал.

420088, Казань, ул. 2-я Азинская д. 7А.

LRS9053168536@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6543-2566>

LEYSAN R. SOSNOVSKAYA

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian State University of Justice, Kazan Branch.

7 vtoraya Azinskaya str., litera A, Kazan 420088, Russia.

LRS9053168536@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6543-2566>

СТЕПАНОВА МАРИНА НИКОЛАЕВНА

Кандидат экономических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал.

454135, Челябинск, ул. Энергетиков, д. 63.

mns017@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

MARINA N. STEPANOVA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the Ural Branch of the Russian State University of Justice.

63 Energetikov str., Chelyabinsk 454135, Russia.

mns017@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-3562-8705>

УПОРОВ АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

654066, Кемеровская область — Кузбасс, Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49.

uporov65@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

ALEXANDR G. UPOROV

Candidate of Legal Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service.

49 Oktyabrskiy ave., Novokuznetsk 654066, Kemerovo Region — Kuzbass, Russia.

uporov65@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

УПОРОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

654066, Кемеровская область — Кузбасс, Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49.

kirillboss1999@gmail.com

KIRILL A. UPOROV

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service.

49 Oktyabrskiy ave., Novokuznetsk 654066, Kemerovo Region — Kuzbass, Russia.

kirillboss1999@gmail.com

ФЕДОРОВА ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА

Ассистент кафедры публичного права, юридический факультет, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова.

428015, Чебоксары, Московский пр-т, д. 15.

lenleon25@yandex.ru

<https://orcid.org/00009-0002-5197-9346>

ШАТИЛОВИЧ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75.

shatisergei@yandex.ru

ШЕВКО НАИЛЯ РАШИДОВНА

Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал.

420088, Казань, ул. 2-я Азинская, д. 2а.

mos_shev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1092-3389>

ШУРПАЕВ ШАМИЛЬ МУРАДОВИЧ

Кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал).

191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44.

s.shurpaev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3080-1418>

YELENA L. FEDOROVA

Assistant at the Department of Public Law, Faculty of Law, Chuvash State University named after. I. N. Ulyanov.

15 Moskovskiy prospekt, Cheboksary 428015, Russia.

lenleon25@yandex.ru

<https://orcid.org/00009-0002-5197-9346>

SERGEY N. SHATILOVICH

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Training of Internal Affairs Officers at the Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75 Amurskaya str., Tyumen 625049, Russia.

shatisergei@yandex.ru

NAILYA R. SHEVKO

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice.

2 vtoraya Azinskaya str., litera A, Kazan 420088, Russia.

mos_shev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1092-3389>

SHAMIL M. SHURPAEV

Candidate of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

44 Liteynyy ave., St. Petersburg 191014, Russia.

s.shurpaev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3080-1418>